

От составителя

Что думают ученые о "Велесовой книге". - С. 3-5.

По числу книг и статей, посвященных «Велесовой книге», это произведение вышло на одно из первых мест в отечественной словесности, о нем начинают говорить в методических кабинетах ведомств, занятых вопросами народного образования, появляются отклики в художественной словесности, но особенно прочно вошло произведение в обиход публицистики, увлеченной национальной историей и современными политическими невзгодами страны, а также язычеством как в его древней, так и в современной разновидности. Все это тем более удивительно, что широкой общественности стало известно о «Велесовой книге» лишь полвека тому назад, а первая публикация текста в России была осуществлена только в 1990 г.

Пропагандисты «Велесовой книги» утверждают, что она была написана новгородскими языческими жрецами в IX в. и является авторитетным источником по широкому кругу исторических и религиозных вопросов. Выясняется, однако, что эти утверждения не основаны на сколько-нибудь серьезном исследовании языка книги, ее литературной формы, а содержащиеся в ней исторические сведения не подвергнуты источниковедческому анализу. Трезвые голоса, исходящие из научной среды, как кажется, не доходят до широкого читателя, поскольку соответствующие публикации появлялись в малотиражных научных изданиях. Задачей настоящего издания является донести их до более широкой читательской аудитории, в особенности учащейся молодежи.

Научный анализ «Велесовой книги» неизменно приводит исследователя к одному и тому же результату: текст книги написан в середине XX в., его автор имел недостаточную осведомленность в вопросах истории русского и других славянских языков, в вопросах источниковедения и истории культуры. Русская литература сравнительно бедна мистификациями и подделками, ибо ее деятели более всего дорожили этическими основаниями своего труда, и «Велесова книга» представляет собою один из наиболее крикливых и претенциозных образцов этого неблагоприятного жанра. Научный анализ этого произведения может представить собою методологический интерес, а также пролить свет на культурное и нравственное состояние нашего общества.

Вследствие очевидной для специалиста недостоверности «Велесовой книги» ее критика в научной литературе была не слишком энергична, так что настоящий сборник включает в себя почти все, что было написано по этому поводу.

Статьи расположены в хронологической последовательности их появления в печати, но сборник открывается специально написанной работой О. В. Творогова, в которой осуществлен научно-библиографический обзор вопроса, что даст читателю возможность лучше ориентироваться в деталях следующей далее полемики. Статья Л. П. Жуковской представляет собою первый отклик в нашей печати на «дощечки Изенбека», сведения о которых были присланы в Комитет славистов Российской Академии наук С. Лесным. Статья «Мнимая древнейшая летопись» В. И. Буганова, Л. П. Жуковской и Б. А. Рыбакова включает в себе первый отзыв историков о содержании «Велесовой книги». Далее следуют две публикации О. В. Творогова, подготовленные в свое время по заданию Академии наук, в состав второй из них вошло первое полное издание текста «Велесовой книги», а также фрагменты перевода, осуществленного Б. А. Ребиндером. В настоящем переиздании из второй обширной статьи взят только раздел, посвященный языковым вопросам, тогда как прочее, включая и текст «Книги», опущено. Сегодня текст доступен читателю в многочисленных изданиях А. И. Асова. Две рецензии А. А. Алексева на различные издания «Велесовой книги», осуществленные А. И. Асовым, были написаны по просьбе редакции академического журнала «Русская литература», издаваемого Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Статья И. Н. Данилевского извлечена из его лекционного курса по источниковедению русской истории для студентов и аспирантов гуманитарных факультетов. Работа книговеда В. А.

Соболева представляет собою раздел его кандидатской диссертации и в этом виде публикуется впервые. Статья историка русской книжной культуры В. П. Козлова впервые опубликована как глава книги, посвященной истории литературных фальсификаций. В приложении публикуется его же исследование о А. И. Сулакадзе – археографе-любителе, который прославился в первой половине XIX в. своими грубыми подделками исторических и литературных произведений. Некоторые его опусы сегодня оказались включены в «Велесову книгу».

Готовя к изданию настоящий сборник, мы руководствовались словами Л. Н. Толстого о том, что разоблаченная ложь есть столь же важное приобретение, как и ясно выраженная истина.

Творогов О.В. К спорам о "Влесовой книге"

Что думают ученые о "Влесовой книге". - С. 6-30.

«Влесовой (или «Влесовой») книгой» называется не дошедший до наших дней текст, который будто бы был начертан на нескольких десятках деревянных дощечек, а впоследствии переписан писателем, фольклористом и исследователем славянской мифологии Ю. П. Миролубовым. В 1941 г. после смерти владельца дощечек А. Ф. Изенбека дощечки исчезают, и мы располагаем лишь копией, сделанной Миролубовым, к которой, вероятно, восходят и все иные списки и публикации «Влесовой книги». Никаких свидетельств о том, что кто-либо, кроме Миролубова, воспроизводил текст с дощечек, у нас нет, а смутные сведения о знакомстве с ними ученых в 20-х гг. прошлого века¹ документально не подтверждены.

По мнению почитателей «Влесовой книги» (далее – ВК), ее значение для истории славян огромно: она «уникальный источник сведений о языке, культуре, вере предков всех славянских народов, составленный предположительно жрецами славянского бога Велеса в IX веке».² Сведения о ВК интенсивно обсуждались в массовой печати в нашей стране в 70-х гг. прошлого века, хотя первое упоминание о ней относится еще к 1960 г., когда, в научном журнале «Вопросы языкознания» была опубликована статья лингвиста и палеографа Л. П. Жуковской «Поддельная докириллическая рукопись».³ Помимо статьи Л. П. Жуковской появились отклики и других ученых, считавших, как и она, ВК подделкой.⁴ Но для обоснованного суждения о ВК необходимо было ознакомиться с полным текстом памятника, обстоятельствами его обретения и первыми публикациями. Это удалось сделать лишь после того, как наш бывший соотечественник Б. А. Ребиндер в 1984 г. прислал из Франции Д. С. Лихачеву издание ВК, подготовленное П. Ф. Скрипником, где текст ее был воспроизведен по машинописной копии из архива Ю. П. Миролубова⁵ в более полном объеме, чем в осуществленном ранее издании С. Лесного.⁶ Д. С. Лихачев пришел к выводу о поддельности ВК, однако поручил мне осуществить более обстоятельный анализ материала. Знакомство с текстом ВК, а в не меньшей степени знакомство с сочинениями Ю. П. Миролубова⁷ привели меня к выводу, что перед нами фальсификат, созданный (или окончательно оформленный) не ранее середины XX века. Предполагалось опубликовать работу отдельной брошюрой, причем исследование должна была обязательно сопровождать публикация полного текста ВК по машинописному тексту Ю. П. Миролубова. Это была бы первая публикация ВК в нашей стране. Однако осуществить издание работы в задуманном виде не удалось: текст ВК рассматривался в некоторых академических инстанциях как идеологически опасный и не подлежащий широкому распространению. Мне удалось лишь опубликовать небольшую заметку в Литературной газете (в ответ на просьбу редакции), а затем пространную статью в журнале «Русская литература».⁸ Но спор по поводу неизвестного читателю текста мало продуктивен. Поэтому пришлось пойти по такому пути: статья была опубликована в научном ежегоднике, а полный (доступный мне тогда) текст ВК был «влит» в ее состав.⁹

Сразу же подчеркну, в чем принципиальное различие поклонников ВК и «скептиков», каковыми, как увидим далее, является подавляющее большинство ученых. Если ВК действительно бесценный источник сведений по истории и религии древних славян, то к ней нужно подходить как к любому иному историческому источнику, т. е. прежде всего убедиться в его подлинности, иначе говоря, в том, что сохранный нам Ю. П. Миролубовым текст является копией некоего *древнего текста*, а не сочинен в *новейшее* время.

Я питал надежду, что мои наблюдения над языком и содержанием ВК, а также многочисленные противоречия и странные оговорки в сочинениях Ю. П. Миролубова поставят под сомнение подлинность ВК. Но этого не произошло. Напротив, с 1992 г. начинается ее «триумфальное шествие».

Его открывает книга «Русские веды», вышедшая пятидесятитысячным тиражом в Москве,¹⁰ издание осуществлено по заказу Нижегородской областной языческой общины. Подготовивший его А. И. Асов писал о себе: «Передо мной – дверь в прошлое. Я стою словно между двух зеркал. Вижу длинную чреду моих предков. Они были православными священниками, а ранее – волхвами. Они дали мне тело и душу, мне Александру Асову, родившемуся в двадцатом веке, тело и душу Буса Кресеня, жившего задолго до нашей эры».¹¹ В книге был опубликован текст ВК, набранный особым алфавитом, реконструированным издателем на основе единственной сохранившейся фотографии дощечки и названным им «влесовицей», а также содержался рассказ об обретении ВК и комментарии к ее тексту. В обширном списке литературы (252 наименования)¹² не приведено, однако, ни одной работы, где выражается сомнение в ее подлинности.

Затем ВК была издана в составе сборника «Мифы древних славян», выпущенного стотысячным тиражом.¹³ Под псевдонимом Буса Кресеня в ней опубликованы фрагменты перевода ВК, комментариев к переведенному тексту «дощечек», а также статья Ю. К. Бегунова «Обретение „Велесовой книги“». Изложив историю находки ВК, выводы исследовавшего ее С. Лесного (С. Я. Парамонова) и основные положения содержащейся в ней «легендарной мифологии», Бегунов не упоминает о сомнениях ученых по поводу подлинности ВК и, напротив, отмечает: «Святые идеи восточнославянского братства вдохновляли создателей „Влесовой книги“. Ради них они создали особый язык, особое письмо, особую дощатую книгу».¹⁴

В 1994 и 1995 гг. выходят два идентичных по составу издания ВК, подготовленные А. И. Асовым.¹⁵ Рецензентами книги, как указано на ее колонтитуле, были слависты И. В. Левочкин, Ю. К. Бегунов и Р. Мароевич, что должно было придать ей статус научного издания. Помимо воспроизведения текста ВК, его перевода и комментариев книга содержит полемику с критиками ВК. А. И. Асову кажется, что он смог доказать реальность графики и языкового строя памятника. Он пишет: «Прямым лингвистическим и историческим доказательством (подложности текста. – О. Т.) можно было бы признать отсутствие в памятнике какой бы то ни было языковой системы и смысла. В предыдущих главах я, думаю, уже отвел подобные обвинения».¹⁶

О том, что ВК отличает именно отсутствие «языковой системы» и она, вопреки Асову,¹⁷ содержит многочисленные лингвистические несуразности, свидетельствующие о примитивной филологической подготовке ее создателя, подробно писал А. А. Алексеев.¹⁸ Неудачны, на мой взгляд, и попытки А. И. Асова объяснить отмеченные мною противоречия в сочинениях Ю. П. Миролубова. Приведу лишь один пример. Асов указывает, что, цитируя книгу Миролубова «Славяно-русский фольклор», я привожу его фразу: «У него (т. е. у А. Изенбека. – О. Т.) оказалась рукопись „Дощки Изенбека“. Этот документ мы изучали, переписывали...».¹⁹ Я никак не комментировал это странное определение «рукопись», лишь поставив после него в скобках вопросительный знак. Асов же, будто опровергая меня, начинает объяснять, что если не верить в дощечки, которые видел и переписывал в течение пятнадцати лет Ю. П. Миролубов (о чем он писал впоследствии С. Лесному), то «тогда придется считать вымышленным рассказ о

нахождении дощечек и работе над ними». И вместо того, чтобы гневно опровергнуть собственное (заметим!) допущение, Асов вдруг покорно признает: «Что же, писатель Миролюбов мог и сочинить эту историю. Впрочем, рукописью и документом Миролюбов в *неотредактированном, торопливо написанном письме* (курсив мой. – О. Т.) мог назвать и сами доски». ²⁰ Но как только что сказано, эта цитата приведена не из *письма*, а из *книги* Ю. П. Миролюбова. Ссылкой на «литературные приемы» пытается Асов объяснить и отмеченный мною факт, что Миролюбов с большим доверием относится к рассказам старушек – хранительниц фольклора, чем к сообщениям ВК. ²¹

Отмеченные языковые странности в тексте ВК Асов объясняет тем, что «Юрий Петрович (Миролюбов. – О. Т.) копировал Велесову книгу не для того, чтобы ее издать... Этим и объясняются многие неточности и вольности, а то и вставки, допущенные им при транслитерации. Но, конечно, это ни в коей мере не говорит о подложности самого памятника». ²² Асов прав: отдельные неточности (а как сказано выше, дело не в них, а в общей характеристике языка ВК) еще не говорят о поддельности всего памятника – ошибки есть в любом средневековом письменном тексте. Но оправдания Асова подтверждают ненадежность источника, коль скоро Миролюбов мог при копировании относиться к нему столь вольно.

В очередном издании ВК ²³ А. И. Асов кратко останавливается на ее обсуждении в России. Главным «обвиняемым» у него оказывается О. В. Творогов, который в «развернутом отзыве» (так Асов называет статью 1990 г. в ТОДРЛ) «наделал ошибок, не простительных даже студенту филфака (примеров ошибок Асов не приводит. – О. Т.). Именно после сей работы он стал признаваться определенными кругами специалистом по палеографии, ибо свое дилетантство он сумел скрыть псевдонаучной фразеологией». ²⁴ Не стану спорить с суждениями Асова, но отмечу, что он опять вводит в заблуждение читателей. С благодарностью отметив поддержку, оказанную ему Ю. К. Бегуновым и заведующим кафедрой славянской филологии Латвийского государственного университета Л. Сидяковым ²⁵ (попутно замечу, что Л. Сидяков специалист по новой русской литературе, автор исследований творчества А. С. Пушкина), А. И. Асов ничего не говорит о критике, которой было подвергнуто его издание 1994 г. высокопрофессиональным лингвистом, специализирующимся как раз в области древнеславянских языков, А. А. Алексеевым, не упоминает о резко отрицательных оценках его разысканий в работах В. П. Козлова, И. Н. Данилевского, Е. В. Ухановой, вышедших в 1995–1998 гг. и несомненно известных автору. И после этого умолчания странной выглядит ссылка на то, что ВК «не признают „генералы" отечественной науки», почему-то не названные. Асов объясняет это тем, что в современной России место бывшей «„партийной коммунистической идеологии" заняла ...антинациональная, антирусская идеология, возвращенная в зарубежных идеологических центрах». ²⁶ Стремление А. И. Асова перевести спор из научной, профессиональной сферы в идеологическую понятно – научные аргументы против него, – но наклеивание своим оппонентам оскорбительных и лживых идеологических ярлыков не делает чести автору.

В последней из известных мне книг А. И. Асова автор перечисляет результаты популяризации ВК за последнее десятилетие. По его словам, темы ВК «ложатся в основу новых произведений русской литературы, создаются картины, театральные постановки, музыкальные произведения». Развивая эту мысль, Асов пишет: «Благожелательно отзывались о русской ведической литературе поэты М. Ножкин, К. Кедров. Прославленный поэт Е. Евтушенко включил мои реставрации и переводы древних текстов в свой трехтомник „Русской поэзии". Писательница Г. Романова создала на основе преданий „Книги Велеса" и песен из „Книги Коляды" романы из серии „Сварожичи"».

Работают над „Прославлением Великого Триглава" музыканты разных направлений. Делались записи с оркестром Гостелерадио, приступил к работе над этой темой и оркестр „Боян". Начал работать над темами „Книги Велеса" и известный художник, член правления Союза художников России В. Прус». ²⁷ Но вернемся, однако, к

научным оценкам ВК. И тогда окажется, что представленная А. И. Асовым благостная картина нуждается в серьезных коррективах. Начнем с того, что главным и, как может показаться, единственным в последние десятилетия «лиходеем» (выражение А. И. Асова),²⁸ противящимся признанию ВК подлинной и будто бы фальсифицирующим историю ее открытия и изучения, является О. В. Творогов, со статьей которого в «Трудах Отдела древнерусской литературы» Асов яростно и полемизирует.²⁹ Но почему он не упоминает в своей, как всегда обширной библиографии ни одной работы других исследователей, также считающих ВК фальсификацией? А об этом писал историк Н. Н. Данилевский,³⁰ историк и архивист, член-корреспондент РАН, автор принципиально важной в данном споре книги «Тайны фальсификации» В. П. Козлов,³¹ лингвист и источниковед А. А. Алексеев,³² автор книги о славянской письменности, сотрудник отдела рукописей Государственного исторического музея И. В. Уханова,³³ а также другие авторы.³⁴ Стоит обратить внимание и на то, что в трудах, специально посвященных проблемам истории славян и славянской мифологии, в которых, казалось бы, невозможно обойтись без ссылок на такой ценнейший источник, каким, по мнению ее почитателей, является ВК, она вообще не упоминается. Я имею в виду монографию крупнейшего слависта академика В. Н. Топорова, в которой особое внимание уделено как раз праславянской и восточнославянской мифологии,³⁵ монографию академика О. Н. Трубачева, специально рассматривавшего проблему прародины славян,³⁶ книгу Г. А. Харбугаева о началах славянской письменности,³⁷ книгу В. Я. Петрухина о древнейшей истории Руси³⁸ и другие работы. Неужели А. И. Асов всерьез полагает, что академики с мировым именем отказались от использования «ценнейшего источника» по волнующим их проблемам лишь только потому, что прочитали статью О. В. Творогова?! Правда, Асов утверждает, что будто бы я – член-корреспондент РАН, «работал и занимал посты в отделении литературы и языка АН СССР»,³⁹ что должно, по-видимому, означать возможность административного давления. Все это вымысел: с 1961 г. и по сей день я работаю в Институте русской литературы и всего лишь доктор филологических наук. Поэтому мое влияние на «академическую науку» – фантазия А. И. Асова. Так почему же одни авторитетные ученые вообще игнорируют ВК, а другие выражают свое согласие с моей точкой зрения? Не потому ли, что для них поддельность ВК более чем очевидна?

Как уже было показано выше, для очернения противников ВК Асов и его единомышленники применяют такой прием: неприятие ее объясняют не научными, а идеологическими мотивами. Видимо, Асов считает патриотами не тех, кто собирает и изучает *действительно сохранившиеся крупицы* культурного прошлого – в нашем случае тысячи древнерусских рукописей или сотни берестяных грамот, а тех, кто сочиняет легенды об этом прошлом или верит ласкающим слух утверждениям, например, о том, что «славяно-русы ... являются древнейшими людьми на земле».⁴⁰ В этом случае величайшими патриотами следует признать В. Кандыбу и П. Золина, которые утверждают, что история русов (так!) насчитывает 18 миллионов лет, что «от Ория произошла Первая Раса тонкотелых людей – орусов», затем оруссы соединились с архантропами «и превратились в плотнотелых людей, образовав Народ Русов». И свершилось это «ровно 10 млн. лет тому назад».⁴¹

Право же, история нашего народа и богатства нашей отечественной культуры – достаточный повод для национальной гордости, и незачем создавать мифы, которые затем будут осмеяны и забыты.

Идеологические обвинения развертываются и в другом направлении. Так, последователь А. И. Асова В. Е. Шамбаров утверждает, что «критика сводилась главным образом к тому, что Изенбек, Миролубов и Куренков – „белогвардейцы“, Лесной и Скрипник – „бендеровцы“, а первые публикации осуществлялись в эмигрантском антисоветском журнале „Жар-птица“».⁴² Читатель, ознакомившись с публикуемыми далее статьями «критиков», легко убедится, что там нет ни «белогвардейцев», ни «бендеровцев», ни определения журнала «Жар-птица» как антисоветского. Все это вымысел В. Е. Шамбарова.

Что же касается идеологических мотивов, которые могли побудить Ю. П. Миролюбова к созданию ВК, то я уже выдвигал свое предположение по этому поводу, основываясь исключительно на его собственных высказываниях.⁴³ Поэтому негодование А. И. Асова не имеет достаточных оснований. Он обвиняет ученых в том, что если раньше они «порочили» ВК «как творение зарвавшихся белоэмигрантов, будто бы создавших ее для борьбы с коммунизмом и атеизмом» (но именно так формулирует свои цели Ю. П. Миролюбов! – О. Т.), то теперь «борются против нее, привлекая и псевдонаучные доводы, но уже под лозунгами новых хозяев (А. И. Асов, очевидно, имеет в виду неких „представителей антирусской идеологии, возвращенных в зарубежных идеологических центрах" (см.: «Книга Велеса». С. 297. – О. Т.), будто бы опасаясь того, что то ли коммунисты, то ли русские фашисты возьмут ее идеи на вооружение».⁴⁴

Переведем дух после этих страшных обвинений и уничижительной критики «псевдонауки» и обратимся к иному осмыслению «феномена» ВК в статье И. В. Кондакова. Он пишет: «Открытие „Велесовой книги" Миролюбовым и С^о изначально рассчитано на веру (курсив автора. – О. Г.) читателя в реальность публикуемого, точнее на его *желание поверить*, на его *потребность верить* в „великую и неделимую Россию" – не только до Крещения Руси, но и до Рождества Христова – от самого сотворения мира».⁴⁵ «Самое главное здесь: неправомерно по отношению к „Велесовой книге" говорить о научной фальсификации или подделке (лингвист Л. П. Жуковская, литературовед О. В. Творогов, историк В. П. Козлов и др.). Она мыслится не в научных категориях, а в мифологических;... „Велесова книга" не создана, а „обретена", „дана свыше", „ниспослана" русским эмигрантам ... Не все ли равно, чьей рукой записано слово Велеса – Изенбека, Миролюбова или Кура, Лесного или Скрипника, да хоть и Ребиндера! Этой рукой, этим пером, кистью, резцом водила воля Высшего существа».⁴⁶

Подчеркивая, что Миролюбов «не был представителем науки, пусть и понятой дилетантски», Кондаков продолжает: «несомненно, Миролюбов считал, что его реконструкция „Велесовой книги" гораздо ближе к истине праславянской древности, нежели все научные исследования... Он сам верил в подлинность написанной им „Велесовой книги", если не на связке буквых дощечек, то в умах древних славян, в их менталитете».⁴⁷ В другой своей работе И. В. Кондаков также говорит о ВК как о «фальсифицированной Ю. Миролюбовым и стилизованной под дохристианский свод восточнославянской мифологии».⁴⁸ В. Солодовникова в «справке», сопровождающей журнальную статью И. В. Кондакова, высказывает справедливую, на мой взгляд, мысль, что «современная востребованность „Велесовой книги" и исторических исследований Миролюбова на родине писателя, связанная с усилением националистических тенденций в обществе, позволяет считать, что интерес к фигуре Миролюбова не исчерпывается его принадлежностью к культуре русского зарубежья, но актуален в связи с его влиянием на распространение неоязыческой идеологии».⁴⁹ В своей книге о фальсификатах В. П. Козлов также ставит вопрос, «для чего Миролюбову и его коллегам потребовалось придумать столь фантастическую картину древней истории славян...». И отвечает: «Свои сочинения о славянской истории Миролюбов рассматривал как вклад в борьбу с советской системой и коммунизмом».⁵⁰

Тем не менее не идеологическая неприязнь оттолкнула ученых-профессионалов от ВК, а основательные сомнения в ее подлинности: какой смысл изучать праисторию славян и их верования не по уцелевшим древним источникам, а по «реконструкции» этих источников, созданной, как мы видим, весьма непрофессионально в новое время. Итак, вопрос о подлинности ВК все же остается в центре внимания. А. И. Асов пытается убедить нас, что ученый мир по отношению к ВК разделен надвое. Мало того: «российская академическая наука в лице О. В. Творогова и примкнувших к нему „антивелесоведов" пошла вразрез с мировой», так что они оказались не только «„на задворках" мирового славяноведения, но и дискредитировали как себя, так и в целом российскую школу славяноведения».⁵¹

Неужели А. И. Асов не замечает, что он наносит оскорбление ученым (А. А.

Алексееву, И. П. Данилевскому, В. П. Козлову, Е. В. Ухановой), лишая их права на самостоятельное мнение и представляя некими слабавольными статистами, бездумно «примкнувшими» к своему коллеге? Напрасно А. И. Асов числит в своих союзниках Б. А. Рыбакова, устно и письменно выражавшего свое крайне негативное отношение к ВК. Но у отечественной науки, оказывается, есть еще возможность реабилитации. А. И. Асов предлагает: «...до тех пор, пока свое отношение к памятнику не выскажут директора и заведующие соответствующими кафедрами всех крупнейших университетов и профессиональных НИИ (в частности, Института русского языка, Института языкознания, Института славяноведения и балканистики), мы даже не будем знать, в курсе ли они данной проблемы. Причем свое отношение в этом случае просто необходимо высказывать в печати, и подробно. Уверен, памятник сего заслуживает хотя бы потому, что в его защиту уже высказались крупнейшие славяноведы ряда стран. В противном случае нам остается считать, что отечественного славяноведения не существует. Есть лишь вывески на зданиях, которые свободны от присутствия ученых».⁵² Это требование А. И. Асова способно вызвать лишь саркастическую улыбку. Почему проблему ВК должны решать «директора и заведующие», а не специалисты, занимающиеся теми проблемами, которые ближе всего относятся к палеославистике и истории славян? Почему мнение историков, палеографов и лингвистов показалось А. И. Асову недостаточным? Не приходила ли ему простая мысль о том, что подавляющее большинство отечественных медиевистов просто не пожелали тратить время на знакомство с памятником, подложность которого очевидна с первого взгляда? Что же касается выдающихся зарубежных ученых, поддерживающих, по словам А. И. Асова, подлинность ВК, то им названы доктор филологических наук Югославии, декан филологического факультета Белградского университета Р. Мароевич, академик Радивой Пешич (см.: «Велесова книга». Део. Перевод и комментарии Радивоје, Пешић Београд, 1997),⁵³ доктор филологических наук А. М. Петрович, археолог О. Давидович-Живанович. В 1997 г. на кафедре славяноведения Латвийского университета защитила магистерскую диссертацию на тему «Славянский пантеон в „Книге Белеса"» Ж. Синичина-Шмидт, причем А. И. Асов с гордостью сообщает, что диссертация была основана на его изданиях памятника. Называет А. И. Асов и украинских ученых – археолога Ю. А. Шилова (о нем подробнее далее) и В. В. Цибулькина.⁵⁴ О степени авторитетности названных ученых пусть судит читатель.

Впрочем, среди единомышленников А. И. Асова нет единодушия. Так, В. В. Грицков, работу которого неизменно включает в библиографию работ о ВК А. И. Асов, пришел в своей брошюре к примечательным выводам: он согласен со мной (а точнее, с Б. А. Рыбаковым), что «крайне сомнительно, чтобы хрупкие дощечки уцелели в течение многих веков»,⁵⁵ и допускает, что к Миролубову попали не дощечки IX века, а их позднее изготовленные копии.⁵⁶ Для древнерусской книжности совершенно обычно, что древний текст доходит до нас в поздних копиях, отражающих порой несколько этапов переписки. Подобной многократной перепиской, во время которой в текст вносятся изменения и, увы, многочисленные ошибки, В. В. Грицков объясняет лингвистические странности текста. И сетует: «... с момента публикации памятника в 30-х гг. и до настоящего времени языкового анализа в полном объеме он так и не дождался. Более того, его даже не рассматривали под углом возможных более поздних включений при копировании». В. В. Грицков полагает, что в этом «просчет „филологической ветви" нашей критической школы».⁵⁷

Итак, признающий подлинность ВК В. В. Грицков тем не менее разрушает основу основ «велесоведения»: значит, дощечки не IX века, и, следовательно, Миролубов и Кур попросту либо откровенно обманывали читателей, либо действительно приняли «копии» XVI или XVII века за «древние уникамы». Но тогда возникает вопрос: при переписке древних текстов, как правило, поновляется их язык, изменяется графика, с пергаменного оригинала текст воспроизводится на бумаге и т. д. Почему же ВК переписали на доски же (если верить Миролубову) и при этом таким «дедовским способом» (сам Миролубов

говорил то о выжженном тексте, то о выцарапанном)? В какой же среде на Руси с многовековыми уже традициями христианства нашлись энтузиасты, воспроизведшие непонятный и явно нехристианский текст, да еще таким необычным способом? Решив одну загадку, мы создаем себе другую.

Вернемся к языку. Мы располагаем тысячами древнерусских рукописей, и нам хорошо известен характер изменения текста оригинала при переписке. И когда мы читаем в списке XVII века памятник века XI или XII, то в основном мы видим тот же текст (я не говорю о редакционных изменениях) с легко объяснимыми изменениями (поновлениями) в графике, орфографии и грамматике. Так что несуразность текста ВК объяснить *ошибками переписчиков* невозможно: он был неестественным уже искони, и не потому, что в нем были утраченные буквы или незнакомые слова, а потому, что в нем отсутствовали и фонетическая, и грамматическая *система*, а уж ее-то никакие поздние переписчики не способны полностью исказить.

Словом, В. В. Грицков не смог объяснить и загадки языка ВК.

Но затем следуют еще более странные вещи. «Теоретически можно допустить, – пишет В. В. Грицков, – существование блестящего историка-аналитика, создавшего незадолго до 1953 г. (времени начала публикаций, связанных с текстами) основную конструкцию. Можно не согласиться с исторической достоверностью ее положений, но она тщательно зашифрована, ей придан вид творения по крайней мере двух древних хронистов, предусмотрена имитация ошибок... осуществлена имитация разновременных языковых включений и многое другое. Это говорит об интеллектуальном ранге ее возможного творца. Такому человеку, конечно, не составило бы труда обмануть бесхитростного Миролубова и подсунуть ему тексты с целью их публикации чужими руками».⁵⁸ И далее: «Очевидно, логика была такова. После публикации текста дилетантами, профессиональные ученые, обнаружив совершенно идиотские добавки, объявят его фальшивкой. Однако через какое-то время будет дешифрована основная конструкция...».⁵⁹ Так, значит, все же XX век? Но тогда зачем все предыдущие рассуждения?

Другой безусловный сторонник подлинности ВК, украинский историк, автор нескольких работ о «Слове о полку Игореве», Б. И. Яценко также вносит в представления о ВК существенные коррективы.

Во-первых, он решительно выступает против признания ВК сочинением новгородских волхвов. Б. И. Яценко согласен, что она была создана в конце IX–начале X в., но полагает, что «вона записана на Прип'яті в районі Західного Полісся і відобразила діалектні особливості цього регіону».⁶⁰

Во-вторых, он не допускает, что в руках Ю. П. Миролубова оказались дощечки IX века. Согласно Б. И. Яценко, «протограф великобурлуцького списку ВК (согласно Ю. П. Миролубову, дощечки были найдены в имении, которое теперь идентифицируется с имением Задонских – Великий Бурлюк. – О. Т.) .. належав до XIV–XV століть». Затем текст был переписан в XVII веке украинцем.⁶¹

Из сказанного ясны и основания, на которых построена его критика Л. П. Жуковской и О. В. Творогова: отмеченные ими несообразности языка ВК Б. И. Яценко объясняет сложной историей ее текста и разновременными вкраплениями.⁶² Однако остается неясным: почему и поздний, находившийся будто бы в руках А. Изенбека и Ю. Миролубова, список ВК был также выполнен на дощечках, к тому же украшенных рисунками,⁶³ и с сохранением архаичной графики. О необъяснимости этой операции в позднем Средневековье уже говорилось выше.

К сожалению, Б. И. Яценко, подробно анализировавший графику и фонетику ВК, ни словом не обмолвился о ее чудовищной морфологии и не попытался объяснить ее абсолютную несовместимость с грамматикой славянских текстов IX–XVII вв. Странно, что Б. И. Яценко не упоминает посвященную языку ВК статью А. А. Алексеева «Опять о „Велесовой книге“», опубликованную в журнале «Русская литература», хорошо известном автору, поскольку именно там, при неизменном содействии Отдела

древнерусской литературы ИРЛИ РАН, было опубликовано несколько его работ.

В-третьих, Б. И. Яценко совершенно справедливо критикует перевод ВК, осуществленный А. И. Асовым, на основе к тому же перекомпонованного текста ВК. «Для О. Асова, – пишет исследователь, – характерна широка наївно-інтуїтивна інтерпретація цілих фрагментів, як правило, далека від змісту ВК, але літературно оформлена. Ось окремі речення, де зовсім спотворений зміст ВК».⁶⁴ И далее, приведя несколько примеров такого «перевода», Б. И. Яценко пишет: «Цілком очевидний авантюрний підхід О. Асова до тексту ВК. Його тлумачення не можна назвати ні перекладом, ні літературним пересказом або переспівом, бо в цій свавільній белетристиці майже нічого не лишається від змісту пам'ятки».⁶⁵ Я остановился на этой критике Асова его единомышленником не случайно: ведь в большинстве работ о ВК, как я покажу далее, авторы цитируют именно *перевод* А. И. Асова и на его основе строят свои рассуждения. Что же касается «саморазоблачительных», на мой взгляд, высказываний Ю. П. Миролюбова в его книгах, то эту проблему Б. И. Яценко не рассматривает вообще.

К сожалению, автор не удержался от идеологических оценок. Но он обвиняет ученых, не признающих подлинности ВК, не в их негативном или враждебном отношении к зарубежным исследователям ВК, а в том, что наша академическая наука закомплексована на испытанных стереотипах: «це і просте небажання що-небудь змінювати у своїх наукових орієнтаціях; це і можливе недовір'я до генія українського народу, початок формування якого звикли відносити до XIV століття н. д.; це і невпевненість у надійності практикованих наукою методів дослідження і рівня свого професіоналізму».⁶⁶

В издании ВК, подготовленном Д. М. Дудко, говорится о сомнениях по поводу ее происхождения. Характеризуя мою статью 1990 г. в ТОДРЛ, автор отмечает, что «это были не тенденциозные нападки на „белоэмигрантскую фальшивку“, а научно обоснованное заключение, содержащее все серьезные аргументы против подлинности памятника».⁶⁷ Идеи ВК тем не менее близки Д. М. Дудко, он видит в ней «не рабское подражание Ригведе или Эдам, а явление глубоко русское, славянское».⁶⁸

Что же касается проблемы подлинности ВК, то автор признает: «Есть весомые основания считать ее автором не волхва IX века, а Юрия Миролюбова (и, вероятно, А. И. Сулакадзева). Да, обманывать людей недостойно, непорядочно (даже во имя высокой идеи). Но позволяет ли это относиться к данной книге как к какой-нибудь фальшивой накладной, интересной только следственным органам?».⁶⁹

Д. М. Дудко приходит к такому выводу: «Словом, если „Велесова книга“ – произведение XIX–XX вв., то трудно назвать более вероятных ее авторов, чем А. И. Сулакадзев и Ю. П. Миролюбов. Вероятнее всего, первый создал лишь несколько дощечек, найденных впоследствии А. Ф. Изенбеком. Основную же часть работ выполнил второй. Работу над „Велесовой книгой“ Ю. П. Миролюбов, вероятно, завершил между 1952 г. (когда он еще не решался ссылаться на нее в „Риг-Веде и язычестве“) и 1954 г. (тогда в сказах Захарихи появляется мотив связирусов с Троей, в „Велесовой книге“ отсутствующий)».⁷⁰ Упоминает в своей книге Д. М. Дудко и издания А. И. Асова. Он пишет: «Неоднозначную роль в судьбе „Велесовой книги“ играют публикации историка-любителя Александра Игоревича Асова (языческий псевдоним – Бус Кресень). Его художественные реконструкции славянских языческих мифов («Русские веды», «Звездная книга Коляды») спорны в научном отношении, но ярки и талантливо в литературном. Его книги и статьи по истории и мифологии славян пользуются большой популярностью».⁷¹

Не могу не присоединиться к оценке подвижнической деятельности А. И. Асова по пропаганде ВК. Но ученых тревожит отнюдь не появление многочисленных публикаций памятника, а бездумное и безответственное отношение к ВК: она упоминается порой вообще без указаний на споры о ее подлинности, а иногда с оговоркой на таковые, за которой тем не менее следуют ответственные выводы и суждения, в большинстве своем основанные на *переводе* А. И. Асова, который, как сказано выше, не вызывает доверия

даже у некоторых почитателей ВК.

Приведу несколько примеров.

Исследователь «Слова о полку Игореве» и поэт Геннадий Карпунин, приславший мне свой перевод ВК с благодарностью за первую в России публикацию текстов «Велесовой книги», во вступительной заметке к переводу призывает относиться к ВК как «к источнику исторических сведений ... крайне осторожно», но все же допускает, что «Велесова Книга или подобные ей *вполне могли существовать* (курсив мой. – О. Т.) в глубокой древности», а далее уже утверждает, что. «вдумчивый читатель, обращаясь к текстам Велесовой Книги, имеет возможность глубже понять, почему после богоотступничества иудеев и византийцев Господь избрал Своим народом именно русичей».⁷² Итак, сначала призыв к осторожности, затем допущение («вполне могли существовать»), а в заключение призыв сделать из этого сомнительного источника важнейшие культурологические и историософские выводы.

Столь же странной является позиция украинского археолога Ю. А. Шилова, автора фундаментального исследования «Прародина ариев», положительно оцененного крупнейшим языковедом-славистом академиком О. Н. Трубачевым.⁷³ В другой своей работе Шилов называет «„Велесову книгу“ загадочной»,⁷⁴ источником, «не утвердившимся еще пока в научном мире»,⁷⁵ пишет, что «ввиду ненадежности источника не станем разбирать эти странствия (славян. – О. Т.)». Но тут же цитирует ВК по *переводу* (!) Асова и выдвигает свою версию ее возникновения: она «могла быть создана потомками жрецов венедов-этрусков в конце IX в., где-то в Крыму».⁷⁶ Так в одной книге соседствуют итоги археологических раскопок и совершенно необоснованные догадки.

Еще тревожнее, что ВК пытаются внедрить в школьное и вузовское образование (как будто бы вообще не существует проблемы ее подлинности). Так, в учебнике для вузов «Культурология. История мировой культуры» автор одной из глав Е. М. Скворцова с сожалением отмечает: «В отечественной исторической науке даже то немногое, что осталось – Велесову книгу, предположительно написанную новгородскими жрецами не позже IX в., считают подделкой».⁷⁷ Далее следует особый параграф «Велесова книга», в котором мы, в частности, читаем: «Велесова книга – памятник сложный и объемный. Подделать его так же трудно, как невозможно заново создать Ригведу, Авесту или Библию».⁷⁸ Велесова книга разрешает древний спор о происхождении славян... (она) описывает события мифической и древнейшей истории славян конца II тыс. до н.э. – конца I тыс. н.э.».⁷⁹ Так, без тени сомнения, вводится в число источников отечественной и даже мировой культуры произведение, подлинность которого отвергают многие профессионалы – лингвисты и историки. Мне могут возразить, что спор не закончен, привести в пример споры о подлинности «Слова о полку Игореве» (и такие параллели приводились), но все же стоило бы задуматься о том, можно ли вводить ссылку на спорный источник в учебник, а если и вводить, то безусловно следовало бы указать на существующие возражения против его подлинности.

Другой пример. «Словарь славянской мифологии»⁸⁰ с аннотацией: «Рекомендовано в качестве учебного пособия по русскому языку, литературе и истории в средних школах, колледжах, гимназиях и высших учебных заведениях». Рецензентами Словаря выступили доктора наук – два заведующих кафедрами и декан исторического факультета Нижегородского университета, и, следовательно, книга апробирована на самом высоком уровне. И что же? В Словаре мы находим статью «Велесова книга», где говорится, что это – «Перевод священных текстов⁸¹ новгородских волхвов IX века, в которой рассказана древнейшая история славян и других народов. Славяноведы узнали о ней лишь в нынешнем веке, да и то до нас дошло очень немного дощечек с непонятными, трудно поддающимися расшифровке письменами. К сожалению, от единственного в мире священного текста славянской ведической религии мало что сохранилось, но ценность „Велесовой книги“ неизмерима... имена знакомы, о смысле других можно догадаться, ну а многие останутся покрыты вечной тайной, как и происхождение „Велесовой книги“, ее подлинность или мнимость».⁸² Авторы Словаря указывают на спорность вопроса о ВК,

но все же по тону статьи можно понять, что они скорее склонны верить в ее существование. К тому же в Словарь вошли статьи на понятия, извлеченные из ВК: «Орей», «Явь, навь и правь».⁸³

По сообщению Н. А. Соболева, предпринимаются попытки включить ВК в круг текстов, рекомендуемых для чтения учащимся.⁸⁴

Еще раз подчеркну, что, на мой взгляд, наибольшую опасность представляют не издания самой ВК, в которых неизбежно говорится о спорах вокруг ее подлинности, а исследовательские статьи, где ВК используется как источник. Вот один из примеров. В первом выпуске возрожденного Сборника Русского исторического общества (выходившего в 1867–1916 гг. весьма авторитетного издания) опубликована статья кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Государственного исторического музея В. Д. Кузнецова. Автор уже в аннотации к статье упоминает ВК как «уникальный памятник истории и культуры древних славян» и сообщает, что «по Велесовой книге за рубежом защищаются диссертации».⁸⁵ В статье, в частности, говорится: «Наша наука располагает замечательной книгой бога Велеса, созданной предположительно в IX веке н.э. новгородскими волхвами и объявленной нашей официальной наукой фальшивкой А. Сулакадзева». (Как мы видели, предполагаемым автором ВК считается все же не Сулакадзев, а Миролубов. Но дело не в этом).

Далее, комментируя легенду о скифском царе Колаксае, автор пишет: «О том, что именно он был инициатором реформы в Великой Скифии, разрядившим обстановку и прекратившим пожар междоусобиц, говорит таблица 16а из Велесовой книги».⁸⁶ Итак, ВК представлена как заслуживающий внимания источник. Далее В. Д. Кузнецов приводит цитату из перевода А. И. Асова: «И крови много там лилось оттого, что была распря великая за посеы и пашни по обе стороны от Дона (у А. И. Асова – «от Дуная». – О. Т.) и до гор русских, и до пастбищ карпатских. И там они начали рядить и выбрали Кола, и был он для них вождем, а также он отпор врагам творил».⁸⁷ Оборвем цитату и поспешим сравнить ее с тем текстом ВК, который нам известен по машинописи из архива Ю. Н. Миролубова: «і крве многа і тамо іесоі і отва бяще пре вьлка з асете і зурете на обаполе оде данаіу до горе русище і до хопе карпенсте і тамо рящете ее бо утвре коле і бендешете опрец за не ітакожде врзсм упоре творяе».⁸⁸ Здесь точно воспроизведен текст Миролубова, в который А. И. Асов в своем издании вносит некоторые «поправки»⁸⁹ (оценить их читатель сможет сам, сравнив оба варианта). Дело в другом. В. Д. Кузнецов, во-первых, цитирует в научной статье не оригинал (если таковым считать копию Миролубова), а перевод, на мой взгляд, весьма сомнительный.⁹⁰ А во-вторых, благоразумно опускает предшествующий текст (пусть даже перевода), из которого видно, что скифская тема не столь уж явно здесь проявилась. Итак, перевод Асова: «И были князь Славен с братом его Скифом. И тогда узнали они о распре великой на востоке и так сказали: – идем в землю Ильмерскую и к Дунаю! И так решили, чтобы старший сын остался у старца Ильмера. И пришли они на север, и там Славен основал свой город. А брат его Скиф был у моря, и был он стар, и имел сына своего Венда, а после него был внук Кисек, который стал владельцем южных степей». Лишь после этого и следует цитированный выше текст: «И крови много там лилось...».⁹¹ Я бы, в отличие от автора статьи, не решился (даже оставив в стороне вопрос о подлинности ВК) фрагмент из столь «темного» текста использовать в качестве *аргумента* в научных рассуждениях. Создается впечатление, что неясность текста ВК лишь способствует тому, что извлечения из нее, свободно пересказанные, очень удобны тем, кому не хватает «материала» для своих реконструкций о славянской древности.

Итак, подведем итог. На мой взгляд, защитникам ВК не удалось доказать ее подлинность. Главным препятствием является не содержание ВК – в древних и средневековых источниках нам встречаются самые фантастические легенды и сложные для интерпретации пассажи, – а прежде всего ее язык. Если полагать, что создателями ВК являются славяне, то язык памятника должен был отразить строй славянской речи. Наука смогла реконструировать грамматический строй общеславянского языка и других

славянских языков на самых ранних стадиях их развития, и ни к одному из них чудовищный волапук ВК не имеет ни малейшего отношения.

Не удалось опровергнуть и суждения критиков ВК, основанные на анализе сведений о ней, содержащихся в книгах и письмах Ю. П. Миролубова. А. И. Асов пытается оправдать противоречия и проговорки Миролубова тем, что он-де был писатель и мог многое сочинить и нафантазировать. Асов прав – только из этого еще не следует вывод о «поддельности» ВК. Но несомненно, что единственное звено, связывающее современного исследователя с пресловутыми дощечками IX века, – Ю. П. Миролубов – не заслуживает ни малейшего доверия. Это ни в коей мере не является моральным упреком: Миролубов, вероятно, и не предполагал, что его творение будет использоваться как исторический источник учеными, к которым он относился с явным предубеждением: ведь никто же не изучает историю средневековой Европы по роману Томаса Мэлори.

На мой взгляд, ВК – еще один образец того направления в околонучной мысли, которое уже получило определение как «фольк-истори». Исследователь этого явления Д. М. Володихин пишет: «Обществу навязываются варианты реконструкции исторической действительности, не имеющие ни малейшего научного обоснования. При этом историческая наука подвергается самой агрессивной критике, читателя всячески убеждают, что историки-профессионалы не состоятельны в своем ремесле и падки на умышленные фальсификации».⁹² Автор имеет в виду прежде всего пресловутый феномен Фоменко – попытку существенно «укоротить» всемирную историю и, в частности, совершенно по-иному «прочитать» историю Руси,⁹³ а также сочинения М. Аджи, Э. Радзинского, А. Бушкова и других творцов альтернативной истории.⁹⁴ Но сказанное им в полной мере относится и к Ю. П. Миролубову, намеревавшемуся «поворачивать всю историю»,⁹⁵ и к А. И. Асову, обличающему «академическую науку» и выдающему в некоторых ее представителях «заурядных фальсификаторов». Далее Володихин пишет: фольк-истори «превратилась в заметный компонент общественной мысли. Этот компонент влияет и будет влиять на массовые представления о прошлом, на программы учебных заведений, на историческую беллетристику».⁹⁶ Все это также может быть отнесено к литературе, возникшей на материале ВК.

Но у феномена ВК есть и другой аспект. Если большинство авторов, пишущих в духе фольк-истори, вообще избегают ссылок на источники, предлагая читателю целиком полагаться на их интуицию и таинственным путем добытые сведения,⁹⁷ то здесь перед нами совершенно иная картина: все рассуждения А. И. Асова и его единомышленников основываются на источнике, который, по мнению большинства ученых, является фальсифицированным. В. П. Козлов разработал своего рода теорию фальсификаций, основанную на анализе десятков наиболее известных фальсификатов и подлогов, обращавшихся в исторической науке и околоисторической публицистике XIX–XX вв.⁹⁸ В этом принципиально важном разборе В. П. Козлова, естественно, нашлось место и для ВК, и автор убедительно показывает, что история с ее обнаружением и осмыслением целиком входит в круг традиционных приемов исторических фальсификаций.⁹⁹

Но в одном я позволю себе не согласиться с В. П. Козловым. Завершая главу о ВК, он пишет: «Словно молния ВК прочертила след на небосводе мировой и отечественной славистики. Не поразив выбранную цель, она тихо погасила свой фальшивый заряд и умерла ошипанной жар-птицей примитивного изобретательства своих авторов. Пусть будет мир над ее разбросанными в разных изданиях и архивах перьями».¹⁰⁰ Думаю, что автор недооценил А. И. Асова. Едва ли он и его сторонники под влиянием критики, исходящей от презираемой ими «официальной науки», бросят разрабатывать ту поистине золотую жилу, какой является ВК, уже многократно изданная и переведенная, легшая в основу поражающих воображение «открытий» и концепций.¹⁰¹ Тем более что «велесоведы» нашли примитивный, но весьма «действенный» способ борьбы со своими оппонентами: объявить несогласную с ними официальную науку закомплексованной на

старых догмах, а ученых, противящихся признанию ВК, не только антипатриотами, но и послушными рупорами зарубежной русофобии.¹⁰² С гораздо большими основаниями можно было бы предъявить идеологические упреки сторонникам ВК, однако разумнее, на мой взгляд, ограничиться полемикой по чисто научным проблемам.

А нужна ли еще полемика, если взгляды обеих сторон столь непримиримы? Здесь я полностью согласен с Д. М. Володихиным, который пишет: «Отсутствие в прессе критических материалов (по поводу книг и статей в духе фольк-истори. – О. Т.) ничуть не способствовало „рассасыванию“ проблемы; скорее напротив, это дало творцам фольк-истори ощущение полной безнаказанности и привело читателей в недоуменное состояние: если ученые не собираются спорить, значит все это – правда».¹⁰³

Если говорить о ВК, то ученые спорили. Но если книги сторонников ВК выходили большими тиражами, то критические *статьи* печатались в малотиражных научных журналах и в большинстве своем оставались неизвестны широкому читателю. Поэтому цель настоящего сборника – собрать и воспроизвести под одной обложкой основные научные публикации, посвященные ВК.

Ниже воспроизводятся статья Л. П. Жуковской – первый отклик на «дощечки Изенбека» в нашей печати, статья В. И. Буганова, Л. П. Жуковской и Б. А. Рыбакова – первый отклик историков-профессионалов на проблематику ВК. Малодоступную теперь обширную мою статью из Трудов Отдела древнерусской литературы воспроизводить в данном сборнике не имеет смысла: значительную часть ее занимает публикация текста ВК, а также фрагментов из перевода ВК, осуществленного Б. А. Ребиндером. Тогда это была первая публикация полного текста ВК. Сейчас текст ВК издан А. И. Асовым неоднократно (хотя и в реконструированном им виде), существует несколько переводов ВК, дающих представление о ее содержании. Поэтому публикуется моя статья 1988 г. из журнала «Русская литература», содержащая всю основную аргументацию, которая в более полном виде вошла в статью 1990 г., а из этой последней статьи воспроизводится лишь раздел «Язык „Влесовой книги“». Далее переиздаются две статьи лингвиста А. А. Алексеева, публиковавшиеся в журнале «Русская литература», глава из книги И. Н. Данилевского – его курса лекций для студентов и аспирантов гуманитарных вузов, статья о ВК книговеда В. А. Соболева и глава из книги чл.-корр. РАН В. П. Козлова «Обманутая, но торжествующая Клио».

В полемике о происхождении ВК нередко упоминается имя А. И. Сулакадзева – археографа-любителя начала XIX в., прославившегося своими фальсификациями исторических источников, а ныне, в работах А. И. Асова, предстающего невинно оболганным любителем отечественных древностей. Поэтому в приложении приводится глава о Сулакадзеве из книги В.П. Козлова «Тайны фальсификации».

Таким образом, заинтересованный читатель сможет составить достаточно полное впечатление о том, что думают ученые о «загадочной» «Влесовой книге».

1 См. об этом: Асов А. И. Тайны «Книги Велеса». М., 2001 (далее–Тайны). С. 152-155,173, 187-189.

2 Там же. С. 2. См. наст. изд. С. 94–108.

3 Жуковская Л. П. Поддельная докириллическая рукопись: (К вопросу о методе определения подделок)// Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 142– 144. См. наст. изд. с. 31–38.

4 Обзор этих публикаций см. ниже, с. 52–61. В обзоре пропущена книга А. Л. Монгайта «Надпись на камне» (М., 1969). Действительно, там на с. 74–78 есть рассуждения о ВК. Признаю этот пропуск как досадную оплошность: на высказывания А. Л. Монгайта я обратил внимание лишь после прочтения книги А. И. Асова (см.: Тайны. С. 296). См. наст. изд. С. 48–53.

5 Влес книга: Літопис дохристиянської Русі – України. Лондон; Гага, 1972. Ч.7.

6 Лесной С. «Влесова книга» –языческая летопись доолеговской Руси: (История находки, текст и комментарий). Виннипег, 1966. Вып. 1.

7 Речь идет о следующих книгах Ю. П. Миролюбова (в те годы хранившихся в спецхране; ныне почти все они находятся в свободном доступе и даже частично переизданы): «Прабкино учение: Сб. рассказов». München, 1977 (Собрание сочинений, т. 3); «Ригведа и язычество». Там же, 1981 (т. 4); «Русский языческий фольклор. Очерки быта и нравов». Там же, 1982 (т. 5); «Русская мифология:

- Очерки и материалы». Там же, 1982 (т. 6); «Материалы к предистории русов». Там же, 1983 (т. 7); «Русский христианский фольклор. Православные легенды». Там же, 1983 (т. 8); «Славяно-русский фольклор». Там же, 1984 (т. 9).
- 8 См.: *Творогов О. В.* 1) Что стоит за «Влесовой книгой?» // Литературная газета. 1986. 16 июля. № 29 (5090). С. 5; 2) Что же такое «Влесова книга»? // Русская литература. 1988. № 2. С. 77–102. Кроме того, в малотиражном сборнике, изданном Институтом философии АН СССР, также был помещен материал по ВК (см.: *Творогов О. В.* Когда была написана «Влесова книга»? // *Философско-эстетические проблемы древнерусской культуры.* М., 1988. Ч. 2. С. 144–170. Там же было опубликовано предисловие к статье, написанное Д. С. Лихачевым (с. 143), и несколько фрагментов текста ВК (с. 171–191)).
- 9 *Творогов О. В.* «Влесова книга» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1990. Т. 43. С. 170–254.
- 10 Русские веды. Песни птицы Гамаюн. Велесова книга/Реставрация, перевод и комментарии Буса Кресеня. Китежград. 3000 год от исхода из Семиречья. М, 1992.
- 11 Там же. С. 3.
- 12 Там же. С. 351–362. В библиографии есть разделы «Арийские Веды», «Литература по ведической культуре», но подавляющее большинство названных там работ вообще не имеет отношения к мифологии и «ведической культуре».
- 13 *Кайсаров А. С., Глинка Г. А., Рыбаков Б. А.* Мифы древних славян. Велесова книга. Саратов: «Надежда», 1993.
- 14 Там же. С. 251.
- 15 Велесова книга / Перевод и комментарии Александра Асова. М.: Менеджер, 1994 (так же: М., 1995).
- 16 Там же. С. 236.
- 17 Асов пишет: «Во всем памятнике я не нашел ни одного слова, ни одной грамматической формы, которые бы свидетельствовали против подлинности «Влесовой книги» (за исключением некоторых слов, которые были вставлены при переписке Ю. П. Миролюбовым, в копии А. Кура их нет)» (Велесова книга. С. 236).
- 18 См.: *Алексеев А. А.* Опять о «Влесовой книге» // Русская литература. 1995. № 2. С. 248–254. См. наст. изд. С. 94–108.
- 19 См.: *Миролюбов Ю. П.* Славяно-русский фольклор. 1934. С. 123.
- 20 Велесова книга. С. 250–251.
- 21 См. об этом ниже, с. 47–85.
- 22 Велесова книга. С. 250.
- 23 Книга Велеса / Перевод и пояснения А. И. Асова. СПб.: Политехника, 2000.
- 24 Там же. С. 296.
- 25 Там же. С. 296–297.
- 26 Там же. С. 297.
- 27 Тайны. С. 321–322.
- 28 *Асов А. И.* Книга Велеса. СПб., 2000. С. 298.
- 29 Тайны. С. 270–294.
- 30 *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1999. С. 314–326.
- 31 *Козлов В. П.* «Дощечки Изенбека» // Родина. 1998. № 4. С. 32–36. Эта статья является частью большой работы, которая составляет главу в книге В. П. Козлова «Обманутая, но торжествующая Клио: подлоги письменных источников по российской истории в XX веке» (М., 2001). Эта книга, естественно, еще не могла быть учтена А. И. Асовым.
- 32 *Алексеев А. А.* Опять о «Влесовой книге» // Русская литература. 1995. № 2. С. 248–254. А. И. Асов еще не мог знать о другой статье А. А. Алексеева – «Книга Велеса: анализ и диагноз», опубликованной в том же журнале лишь в 2002 г. (№ 4. С. 199–207), наст. изд. с. 128–147.
- 33 *Уханова И. В.* У истоков славянской письменности. М., 1998. С. 198–233 (глава «Влесова книга и другие подделки древнерусских рукописей»).
- 34 См., например: *Аристова Л. Г., Гармей А. В., Грибов М. О., Филиппова Е. Г.* «Велесова книга» – художественное произведение или исторический документ? // Сборник Русского исторического общества. М., 1999. № 1. С. 103–108; *Афанасьев В. Г.* Древнерусская языческая Библия «Велесова книга» – шедевр тысячелетней дохристианской культуры восточных славян или фальшивка XX века? // Российский исторический журнал. Балашов. 1999. № 1. С. 12–23; *Медведев А.* Запечатленное слово («Велесова книга» безуспешно закрываемое «открытие» и его эпоха) // Социум, 1994. № 6. С. 68–73; *Соболев В. А.* «Влесова книга» // Букинистическая торговля и история книги: Межвуз. сб.

- науч. трудов Московской академии печати. М., 1995. Вып. 4. С. 147–150. А. И. Асов не мог учесть другую статью того же автора: «Деструктивность фальсификатов древнерусской книжности», опубликованную в журнале «Древняя Русь: Вопросы медиевистики» в № 2(8) за 2002 г. (с. 87–90). В 2002 г. В. А. Соболев защитил диссертацию на тему: «„Влесова книга" в свете историографии фальсификаций и издательской практики XX в.».
- 35 *Топоров В. Н.* Предыстория литературы у славян: Опыт реконструкции (Введение к курсу истории славянских литератур). М., 1998.
- 36 *Трубачев О. Н.* 1) В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. Изд. второе, доп. М., 1997; 2) *Indoarica в Северном Причерноморье.* М., 1999.
- 37 *Харбугаев Г. А.* Первые столетия славянской письменности и культуры: Истоки древнерусской книжности. Изд. МГУ, 1994.
- 38 *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск; М., 1995.
- 39 Тайны. С. 272.
- 40 *Миролюбов Ю. П.* Славяно-русский фольклор. С. 125.
- 41 *Кандыба В. М., Золин П. М.* Реальная история России: Хроника истоков русской духовности.-СПб., 1997. С. 313–314.
- 42 *Шамбаров В. Е.* Русь; дорога из глубины тысячелетий: Когда оживают легенды. М., 1999. С. 143.
- 43 См. соответствующее место в моей статье 1988 г. в журнале «Русская литература» (1988. № 2. С. 77–102), ниже, с. 82.
- 44 Тайны. С. 318.
- 45 *Кондаков И.* Русколанский словарь // Родина. 1998. № 7. С. 38.
- 46 Там же. С. 39.
- 47 Там же. С. 39–40.
- 48 *Кондаков И. В.* Введение в историю русской культуры. М., 1997. С. 161.
- 49 *Солодовникова В.* Наша справка // Родина. 1983. № 7. С. 40.
- 50 *Козлов В. П.* Обманутая, но торжествующая Клио. С. 104. 51 Тайны. С. 314.
- 52 Там же. С. 320–321.
- 53 С этой публикацией мне познакомиться не удалось. - О. Т.
- 54 Тайны. С. 312–314.
- 55 *Грицков В. В.* Сказания русов. Ч. 1. «Влесова книга». М., 1992. С. 7.
- 56 Там же. С. 8.
- 57 Там же.
- 58 Там же. С. 25–26.
- 59 Там же. С. 26.
- 60 Велесова книга; Збірка праукраїнських пам'яток I тис. до н. д. – I тис. н.д. Упорядк., ритм. переклад, підг. автентичного тексту, довід. мат. Б. Яценка.[Київ], 2001. С. 287.
- 61 Там же. С. 237 и 275.
- 62 Там же. С. 236 и 238.
- 63 См. письмо Ю. П. Миролюбова С. Лесному: «На полях некоторых „дощек" были изображены головы быка, на других солнца, на третьих разных животных, может быть, лисы или собаки или же овцы. Трудно было разбирать эти фигуры...». Цитирую по кн.: *Лесной С.* «Влесова книга». С. 23-24.
- 64 Там же. С. 284.
- 65 Там же. С. 285–286.
- 66 Там же. С. 242.
- 67 Велесова книга. Славянские веды / Изд. подг. Д. М. Дудко. М.: Эксмо-Пресс, 2002. С. 13.
- 68 Там же. С. 17–18.
- 69 Там же. С. 17–18.
- 70 Там же. С. 208.
- 71 Там же. С. 15.
- 72 Велесова книга / В переводе Геннадия Карпунина // Сибирские огни. 1995. № 1–6. С. 39-40.
- 73 *Трубачев О. Н.* К прародине ариев (По поводу выхода книги: Ю. А. Шилов. Прародина ариев: история, образы и мифы. Киев, 1995) // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 3–12. Ю. А. Шилову принадлежат также книги: «Праистория Руси», «Космические тайны курганов», «Ведическое наследие украинского Поднепровья».
- 74 *Даниленко В. Я., Шилов Ю. А.* Начала цивилизации. Космогония первобытного общества. Праистория Руси VI тыс. до н. э.–I тыс. н. э. Екатеринбург; М., 1999. С. 269.

- 75 Там же. С. 271.
- 76 Там же.
- 77 Культурология: История мировой культуры. Изд. 2-е. М., 1999. С. 132.
- 78 Сравните: «Велесова книга – памятник более сложный и объемный, чем „Слово" («Слово о полку Игореве». – О. Г.), его столь же трудно подделать, как заново создать Библию, Авесту или Ригведы». *Асов А. И.* Комментарии к Велесовой книге // Русские веды. М., 1992. С. 286.
- 79 Культурология. С. 133.
- 80 *Глушко Е. А., Медведев Ю. М.* Словарь славянской мифологии. Нижний Новгород, 1996. Изд.. 2-е, перераб. и доп.
- 81 Странное определение: следовало бы говорить о священных текстах (а не переводе их), коль скоро авторы, видимо, верят в обретение дощечек IX века.
- 82 *Глушко Е. А., Медведев Ю. М.* Словарь славянской мифологии. С. 51–52.
- 83 Там же. С. 303, 452.
- 84 *Соболев Н. А.* Проблемы изданий фальсификатов... С. 176–198.
- 85 *Кузнецов В. Д.* Как наши далекие предки стали сыновьями скифского народа // Сборник РИО. М., 1999. № 1 (149). С. 76.
- 86 Там же. С. 78.
- 87 Там же. Ср.: Книга Велеса / Перевод и пояснения А. И. Асова. СПб., 2000. С. 53.
- 88 Влес книга: Літопис дохристиянської Русі – України. (Дощечка 17а).
- 89 Книга Велеса. С. 53.
- 90 Б. И. Яценко перевел этот фрагмент так: «И была там жестокая война за посеы по обоим берегах (так в издании. – О. Т.) Дуная до горы Руськой и склонов Карпатских. И там прижились, образовав круг, и были за ним. И так врагам оказали сопротивление...». Велесова книга: Збірка праукраїнських пам'яток. С. 182.
- 91 Книга Велеса. С. 53.
- 92 *Володихин Д. М.* Феномен фольк-истори // Отечественная история. 2000. №4. С. 17.
- 93 О трудах А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского существует большая литература. Укажу хотя бы на сборник «История и анти история: Критика „новой хронологии" академика А. Т. Фоменко». М., 2000.
- 94 См. о них: *Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д.* История России в мелкий горошек. М., 1998; *Станкова И., Елисеев Г.* Под знаменем «фольк-истори» // Читающая Россия. 1998. № 2. С. 100–102.
- 95 *Миролюбов Ю. П.* Материалы к предистории Русов. С. 187.
- 96 *Володихин Д. М.* Феномен фольк-истори. С. 17.
- 97 Приведу лишь один, но выразительный пример: в книге В. М. Кандыбы и П. М. Золина «Реальная история России: Хроника истоков русской духовности» (СПб., 1997) нас. 316, 319, 326 и 329 воспроизводятся будто бы существовавшие в «третьем миллионолетии» (так!) и последующие эпохи алфавиты руссов. Но источник этих уникальных сведений, естественно, не упомянут.
- 98 См.: *Козлов В. П.* 1) Тайны фальсификации; 2) Обманутая, но торжествующая Клио.
- 99 См.: *Козлов В. П.* Обманутая, но торжествующая Клио. С. 200–208.
- 100 Там же. С. 105.
- 101 Достаточно сказать, что только в 2000–2001 гг. вышло в свет несколько новых переводов ВК и книг, содержащих на нее ссылки.
- 102 Тайны. С. 316–318.
- 103 *Володихин Д. М.* Феномен фольк-истори. С. 23.

Жуковская Л.П.

Поддельная докириллическая рукопись

(К вопросу о методе определения подделок)

Что думают ученые о "Велесовой книге". - С. 31-38.

От редакции журнала «Вопросы языкознания». Как сообщает в своей книге «История „руссов" в неизвращенном виде» (вып. 6, Париж, 1957) Сергей Лесной (С. Парамонов), в 1919 г. А. Изенбек вывез из какого-то имения Орловской или Курской губ. деревянные дощечки с текстом, по всей видимости славянским, получившие позднее название «Влесовой книги». После смерти А. Изенбека (1941 г.) дощечки были утеряны.

Сохранилось лишь несколько фотографий и переписанный, вернее, транслитерированный текст «Влесовой книги», выполненный Ю. П. Миролюбковым. Этот текст в настоящее время издается в журнале «Жар-птица» (Сан-Франциско). В своих статьях «„Влесова книга" – летопись языческих жрецов IX в., новый, неисследованный исторический источник» и «Были ли древние „руссы" идолопоклонниками и приносили ли они человеческие жертвы», присланных в адрес Славянского комитета СССР из Австралии (г. Канберра), С. Лесной призывает специалистов признать важность изучения «дощечек Изенбека», в которых он видит подлинную древнерусскую рукопись IX в., не предлагая, впрочем, необходимого для обоснования подобного мнения палеографического и лингвистического анализа текста. Публикуем в разделе «Письма в редакцию» ответ Л. П. Жуковской на просьбу редакции высказать свое мнение относительно опубликованной С. Лесным («История „руссов"...», вып. 6) фотографии одной из «дощечек Изенбека», содержащей начало «Влесовой книги».

Фотография, опубликованная С. Лесным, не является снимком с доски. В ней на расстоянии 2–2.5 см, 6.5 см, 10.5–11 см, 15.5 см от левого края прослеживаются тени, образовавшиеся, по-видимому, от сгибов материала, с которого производилось фотографирование. С доской этого произойти не могло. В правой половине снимка начертания многих букв расплылись; следовательно, фотографировался не твердый материал с начертаниями, выполненными посредством прорезывания и выщербления его, а письмо, расположенное в одной плоскости, нанесенное красящим веществом. Все это говорит о том, что фотографировалась не сама «дощечка», а бумажная копия с нее или прорись. Есть основания полагать, что при изготовлении снимка была произведена ретушовка. Все это совершенно недопустимо при научном воспроизведении текста.

Графика. Текст, изображенный на фотографии, написан алфавитом, близким к кириллице: помимо букв кириллицы, совпадающих с буквами греческого устава IX в., в графике «дощечки» имеются свойственные кириллице буквы **б, ж, з, ш, щ, ъ, я**. В отличие от кириллицы в графике «дощечки» отсутствуют буквы, обозначающие носовые гласные, – **ѡ, Ѣ, Ѥ, Ѧ**, буквы **ѣе, ф, Ѱ, s, w, ѱ, ξ, v**, а также имеются следующие особенности: буква **ч** отсутствует, ее заменяет буква **щ**, вследствие этого буква **щ** в «дощечке» соответствует двум кириллическим буквам – **щ** и **ч**; отсутствует буква **ю**, ее, видимо, заменяет сочетание **ј** десятеричного с буквой **у**; отсутствует кириллическое **н**, звук **н** передается буквой **и**, т. е. начертанием с горизонтальной, а не косой перекладиной; при этом звук **и** передается буквой **ј**; отсутствуют буквы **ѣ, ѣ, ѣј**; из них букве **ѣ**, являющейся составной частью кириллической буквы **ѣј**, в рассматриваемом тексте соответствует буква **о** с небольшой развилкой вверху, вследствие чего она несколько напоминает кириллическую лигатуру **ѣ**; звук **у** при этом передается чаще буквой **у**, реже – двубуквенным написанием **оу**; возможно, что некоторые буквы в виде **ѣ** (т. е. **о** с развилкой) обозначают также **у**; в тексте представлено два графических варианта для передачи звука **с** и два – для звука **е** (оба последние после согласных, а не *j*).

В графике «дощечки» имеются знаки, которые отсутствуют в кириллице; из них лишь некоторые могут быть возведены к греческим начертаниям. Так, одно из указанных начертаний буквы **с** не встречается в кириллических почерках и напоминает **ς** или **ζ** некоторых типов древней греческой письменности. В тексте имеется греческая «дигамма», восходящая к минойской «геме» и встречающаяся также в курсивном маюскуле и римском унциале. Эта буква обозначает, по-видимому, какой-то или какие-то губные звуки, но не *n* и не *m*, так как для обозначения последних употреблены соответственно буквы **п** и **м**. На фотографии указанная буква находится в строке I – № 19, 31, в строке IV – № 5, V – № 5, 29, 40, 51, VI – № 32. Начертания указанных знаков не вполне идентичны, поэтому нет полной уверенности, что во всех этих случаях написана одна и та же буква. Видимо, для буквы **в** имеется графический вариант, представляющий как бы соединение буквы **г** нормального размера с наложенной на нее в нижней части небольшой буквой **в**; при этом совмещены мачты обеих букв. Этот знак имеется в строке I

– № 40, II – № 13, 23, VI – № 18, VII – № 17. Буква **а** пишется, как в латинском курсивном маюскуле, и напоминает начертание современной греческой *λ*; буква **я** сохраняет эту особенность начертания. Своеобразна буква **т**: ее перекладина чаще перечеркивает мачту, а не размещается поверх нее. Имеются знаки, не поддающиеся интерпретации: таковы, например, № 10 в строке V и № 8 в строке IX, которые представляют вертикальную черточку, не доходящую до нижнего уровня букв текста, а также совершенно своеобразный знак № 42 в строке II.

Таким образом, графика «дощечки», имея некоторые особенности кириллицы, не столь совершенна при передаче звуков славянской речи и в ряде черт приближается к другим древним алфавитам.

Палеография. Как известно, метод палеографического анализа состоит в сопоставлении неизвестного материала с известным, территориально приуроченным и датированным. Поэтому при палеографическом анализе рассматриваемого памятника, который объявляется древнейшим, исследователь не может опираться на твердые данные палеографии, и приметы ранней кириллицы могут представлять лишь косвенное доказательство. Специфичными в этом плане являются буквы **р**, **х**, **ѣ**, расположенные в строке и не выходящие в межстрочные поля. Однако буквы **ѣ** и **р** при этом иногда значительно наклонены вправо, выполнены небрежно, как это свойственно новейшим почеркам, имитирующим печатные буквы. Буква **щ** в некоторых случаях также размещена в строке, что присуще наиболее древним почеркам кириллицы. Древними являются симметричное **ж** и буква **м** с овалом, провисающим до середины высоты буквы, что сближает ее с соответствующей буквой в Надписи царя Самуила 993 г. За древность говорит так называемое «подвешенное» письмо, при котором буквы как бы подвешиваются к линии строки, а не размещаются на ней. Для кириллицы эта черта неспецифична, она ведет, скорее, к восточным (индийским) образцам. В тексте сравнительно хорошо выдержана сигнальная линия, проходящая у всех знаков по середине их высоты, что является свидетельством в пользу наибольшей возможной древности кириллического памятника.

Следует особо отметить, что начертания буквы **д**, представленные на фотографии, соответствуют греческим уставным, а не кириллическим образцам, хотя и те и другие близки между собой. Буква **щ** также больше напоминает некоторые древние начертания **ψ**, чем **щ** кириллицы. Своеобразно начертание **ш** с сильно заниженными и разведенными от центра крайними мачтами, что также позволяет сближать его с греческим **ψ**, а не только с кириллическим **ш**.

Таким образом, данные палеографии хотя и вызывают сомнения в подлинности рассматриваемого памятника, в то же время и не свидетельствуют прямо о подделке. Но при этом необходимо учитывать, что без сопоставимого материала палеография бессильна. Да и сама фотография сомнительна, так как является снимком не с оригинала (хотя бы и поддельного), а с прописи или с копии, в результате чего начертания огрублялись и изменялись в лучшем случае дважды (при изготовлении прописи или бумажной копии и при фотографировании, в процессе которого была допущена ретушовка). Поэтому окончательные данные могут быть получены только в результате лингвистического анализа, для которого исследователь имеет твердые факты.

Орфография и язык. Анализ графики и палеографии показал, что если «дощечка» подлинна, то ее следует датировать периодом до того времени, когда основным алфавитом у славян стала кириллица, т. е. периодом до X в. В этот период предкам всех славянских языков (вопроса о конечной стадии общеславянского языка мы намеренно здесь не касаемся) были свойственны открытые слоги, носовые гласные, особые фонемы *ѣ, њ, ѣ* и другие черты фонетики и морфологии, позднее исчезнувшие или изменившиеся в отдельных славянских языках. Орфография «дощечки» не позволяет выявить судьбу этимологических редуцированных, так как для нее характерен пропуск букв, обозначающих гласные звуки вообще, а не только редуцированные в том или ином

положении (это позволяет сблизить письмо «дощечки» с семитскими системами письма). Лишь написания **вўждўј** - IX строка и **дў** - IX строка с буквой **ў** (т. е. **ъ**) на месте этимологического **o**, если они интерпретированы нами правильно, указывают на близость звуков **ъ** и **o**, что для IX-X вв. нереально.

Примерами, характеризующими носовые, по-видимому, могут быть следующие: **менж** - II, IV строки, **грндеме** или **грнде** - VI при **грдехўм** - VIII в том же корне, **слвен** -IX, **пршен**, **дцен** - X (если здесь действительное причастие глаголов IV класса), **жену** - III, **млбоу** или **млвоу** - V (по-нимание слова зависит от того, как читать дигамму), **се** -VII, VIII, **моля** - IV, **наша** - VIII строка (если это вин. падеж мн. числа). Вряд ли этот материал показывает, что писавший текст не умел обозначать носовые. Скорее, можно полагать, что он вообще не имел их в своей речи. Ни один из славянских языков в указанное время не мог иметь подобный комплекс черт, характеризующих этимологические носовые. Картина здесь представлена следующая: 1) уже начался процесс деназализации, в ходе которого **o**₁ совпадало с **y**, а **ę** - с **e** (т. е. как позднее в сербском); 2) в положениях, где носовые сохранялись, они акустически и артикуляционно близки; ср. **менж** и **грнде** (т. е. как позднее в польском); 3) процесс деназализации начался с отдельных слов, корней и форм, причем в других корнях и глагольных формах носовые гласные задерживались.

Буква **ѣ** в соответствии с этимологией написана в словах: **прсѣще** - V, **јмѣмў** - VIII, **нўјнѣ** - IX и, возможно, **оупѣ-ха** - IV строка; буква **ѣ** вместо **e** написана: **вўнўјврмѣнўј** - II, **бя блгадрлѣ** - II, **ршѣмў** - VIII, **о кудѣенўшўј** - X строка; буква **e** вместо **ѣ** написана в следующих случаях: **јмемў** - VII, **векўј а дў векўј** - IX, **млве** (или **млсе**) - V, **прсне** - IX, **врцет се** - X строка; буква **я** вместо **ѣ** пишется в слове **бя** - 4 раза и, возможно, в других случаях, более сомнительных. Написание **я** вместо **ѣ** еще можно было бы объяснить для более позднего периода, если видеть в авторе восточного болгарина; но написание **e** на месте этимологического **ѣ** для этого периода объяснено быть не может. Совмещение в одном памятнике, причем памятнике оригинальном, указаний на закрытое и одновременно на открытое произношение звука, восходящего к **ѣ**, а также этимологически правильных написаний свидетельствует против его достоверности.

Известному факту мягкости шипящих и **ц** в указанный период противоречат написание **кудѣснўшўј** - X с окончанием **ўј** вместо **и** в им. падеже мн. числа, **вўждўј** - IX с окончанием **ўј** вместо буквы, обозначавшей **ę** в вин. падеже мн. числа (если здесь не форма им. падежа ед. числа, так как можно читать **славѣн вўшдўј** «славящий вождей» и **слвен вўшдў** «славен вождь»). Как бы ни интерпретировать приведенные примеры, очевидно, что употребление после мягкого звука **жд'** или **ж'д'ж'**, образовавшегося из сочетания ***dj**, и после мягкого **ц'** букв, обозначавших **ы** и **ь**, в то время как здесь были совсем иные фонемы **и** и **ь**, является доказательством подложности текста.

Обращают на себя внимание совершенно невозможные формы: **два дщере** - III строка вместо **двѣ** в им.-вин. падеже дв. числа; употребление 2-го лица ед. числа сигматического аориста **имаста она** - III, где в повествовании о третьих лицах должна быть употреблена форма 3-го лица; неправильные формы вин. падежа, следующие за указанной формой глагола: **сктј а краве ј мнга овној** - III вместо ожидаемых: **сктўј а кравўј ј мнгўј овнўј**, а также **моля бзј** вместо **моля бгўј** - IV/V строки; не может быть отнесена к IX-X вв. форма действительного причастия **јмщ** - III в им. падеже ед. числа муж. рода вместо **јмў** или **јмўј**. Мы не рассматриваем другие сомнительные факты морфологии, поскольку нет полной уверенности в правильном прочтении текста, многие места которого совершенно непонятны и не могут быть интерпретированы даже с натяжками, как это, возможно, было допущено выше.

Таким образом, данные языка не позволяют признать текст «дощечки», изображенной на фотографии, древним, а самый памятник - предшественником всех известных славянских древних рукописей. Не является «дощечка» также и более

поздним памятником, написанным после распространения кириллицы у славян. Рассмотренный материал не является подлинным.

Содержание «дощечек», язык и письмо их, а также имя Влес (Велес) позволяют предположить, что указанные «дощечки» являются одной из подделок А. И. Сулакадзева,¹ возможно, именно теми буквыми дощечками, которые уже более ста лет назад исчезли из поля зрения исследователей. В рукописи А. И. Сулакадзева «Книгорек» (т. е. каталог) имеется следующее указание на дощечки, находившиеся в его собрании: «Патриарси на 45 буквых досках Ягипа Гана смерда в Ладогe IX в.»² И. И. Срезневский писал: «Сулакадзев, упоминаемый в письме Востокова к графу Румянцову, издавна собирал рукописи, которые еще и недавно были в распродаже у ветошников, и, как оказалось, многое подделывал и в них, и отдельно. В подделках он употреблял неправильный язык по незнанию правильного, иногда очень дикий».³

¹ См.: *Сперанский М. Н.* Русские подделки рукописей в начале XIX века. (Бардин и Сулакадзев) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. V.

² Там же. С. 101.

³ «Переписка А.Х. Востокова в повременном порядке с объяснит. примеч. И. Срезневского» // Сб. ОРЯС, 1873. Т. V, вып. 2, С. 412.

Буганов В.И., Жуковская Л.П., Рыбаков Б.А. Мнимая "древнейшая летопись"

Что думают ученые о "Влесовой книге". - С. 39-46.

Более 20 лет назад в малоизвестном журнале «Жар-птица», издававшемся на русском языке в Сан-Франциско (США) ротاپринтным способом, была опубликована серия статей двух русских эмигрантов – писателя Ю. П. Миролюбова и этимолога-ассиролога А. А. Кура. В сенсационном духе эти авторы, весьма далекие от специальных занятий русской историей, сообщали об открытии древнейшего якобы источника по истории восточных славян – так называемой Влесовой книги (в ней упоминается Влес, Влес – бог скота и денег у восточных славян). Они утверждали, что находка является оригинальным памятником, составленным около 880 г. языческими жрецами, которые использовали знаки докириллического алфавита. Написана книга, по уверению Миролюбова, на дощечках (в количестве примерно 35). В 1919 г. во время наступления белогвардейских войск на Москву некий А. Ф. Изенбек, полковник Добровольческой армии, нашел эти дощечки в каком-то помещичьем имении то ли Курской, то ли Орловской губернии; принадлежало имение то ли князьям Задонским (или Донским, Донцовым), то ли князьям Куракиным. Текст «Влесовой книги» в 1954–1959 гг. был опубликован в том же эмигрантском журнале.

Уже эти сведения настораживали. Никакого княжеского рода Задонских (или Донских, Донцовых) в России не существовало. Справки, наведенные у одной из Куракиных, не подтвердили наличия имения, принадлежавшего этой фамилии в указанных губерниях. Кто такой Изенбек, у которого Миролюбов якобы видел в 1925 г. пресловутые «дощечки» в Бельгии, где оба они проживали после бегства из революционной России? Примечательно, что ни тот, ни другой не показали их никому, в том числе специалистам из Брюссельского университета. «Дощечки» (если они существовали) исчезли после смерти Изенбека (август 1941 г.), остались только копии (прориси и фотографии), сделанные Миролюбовым и переправленные им в Русский музей – архив в Сан-Франциско.

Несмотря на многие темные и неясные моменты в истории с находкой «дощечек», нашлись люди, поверившие Миролюбову. Среди них был и С. Я. Парамонов – энтомолог, бежавший в 1943 г. вместе с фашистскими оккупантами из Киева, перебравшийся затем в Австралию и получивший там должность правительственного

энтомолога. Помимо основной своей специальности, он занимался историей и литературоведением. В 1950–1960-е гг. им был опубликован (под псевдонимом Сергей Лесной) ряд книг о происхождении славян, истории Древней Руси, «Слове о полку Игореве»; в некоторых из них он сообщал об упомянутых выше «дощечках». Наконец, в 1966 г. он выпустил посвященное им сочинение «Влесова книга» (вып. I. Виннипег. 1966). Дилетантизм С. Лесного в гуманитарных науках, псевдонаучность и крайне низкий уровень его трудов в этой области давно отмечены советскими учеными.

Характерно, что те лица, которым стал доступен текст «дощечек», на протяжении многих лет хранили молчание об этом как будто бы уникальнейшем памятнике. Все они были в науке людьми случайными. С. Лесной даже в наиболее близкой ему области (например, в работах о «темных местах» «Слова о полку Игореве», связанных с упоминаниями природных явлений) проявил себя как дилетант. «Его „исследования“, – отмечалось в «Трудах» Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома АН СССР, – порочное, позорное явление в истории изучения „Слова о полку Игореве“, в полном смысле темное место в изучении великого памятника».¹

Итак, со времени обнаружения «дощечек» никто из специалистов за рубежом ими не занимался. В конце 1950-х годов фотография текста одной из них (точнее, фото с прориси или копии Миролубова) была прислана С. Лесным на заключение в Комитет славистов СССР. В отзыве, данном 15 апреля 1959 г. акад. В. В. Виноградовым, и в статье Л. П. Жуковской² указанный текст характеризовался как подделка. Это устанавливалось путем анализа графики, палеографии, орфографии текста, воспроизведение которого весьма далеко от научных способов (изготовление фотографии не с «дощечки», а с прориси или копии, наличие ретушировки).

Казалось бы, все это должно было положить конец дальнейшему распространению сведений о так называемой Влесовой книге. Однако в статье В. Скурлатова и Н. Николаева («Неделя», 1976, № 18) читатели были вновь оповещены о существовании памятника, который (если будет доказана его подлинность) должен быть причислен к открытиям, проливающим якобы новый свет на древнейшую историю, восточных славян. Правда, авторы ставят вопрос как будто альтернативно: памятник, который они называют «таинственной летописью» или «Влесовой книгой», может быть, с их точки зрения, или подделкой, «интересной мистификацией», или «бесценным памятником мировой культуры»; «следствие» о «Влесовой книге», пишут они, «еще не закончено, и научный суд над ней не вынес окончательного приговора». Содержание же статьи показывает, что В. Скурлатов и Н. Николаев склонны считать «таинственную летопись», написанную на «дощечках», источником достоверным, подлинным. Поскольку содержание ее «необычно», «не укладывается в рамки существующих представлений о древности славянской письменности», постольку, многозначительно замечается во вводных словах к статье, «недоверие было первой реакцией некоторых ученых». Тем самым авторы как бы отмежевываются от ученых, высказывающих сомнения в подлинности «Влесовой книги».

Вопрос об ее подлинности важен потому, что в ней идет речь о восточных славянах, их хозяйственных занятиях, верованиях, столкновениях с соседями и прочих событиях, происходивших с начала I тыс. до н. э. почти до конца IX в. н. э., то есть на протяжении почти двух тысяч лет. В. Скурлатов и Н. Николаев полагают, что прародителем русов был Богумир и что «во времена Богумира, то есть в конце II тыс. до н. э., и в Северную Индию, и в нынешнюю Венгрию пришли из Центральной Азии племена скотоводов, одинаковые по хозяйственному укладу, обычаям, обрядам, богам, горшкам и внешнему облику. Они очень похожи на древних славян-русов, изображенных во «Влесовой книге». В статье утверждалось также, что «древней письменностью пользовались обитатели пространств от Дуная до Хуанхе за две с лишним тысячи лет до финикийцев, в IV тыс. до нашей эры».

С той же «легкостью необыкновенной» В. Скурлатов и Н. Николаев подходят к обстоятельствам находки рекламируемого ими памятника и к оценке его содержания и

языка. «В начале этого века, – пишут они, – в старинном имении под Орлом была найдена рассыпавшаяся связка ветхих дощечек, испещренных неизвестными письменами». Туман некоей таинственности окутывает и все последующее изложение, вводя читателей в явное заблуждение. Авторы склонны думать, что «Влесова книга» написана русским докирилловским письмом, в котором использованы знаки, предшествовавшие тем, которые были включены Кириллом в составленный в 863 г. вариант славянской азбуки. Вполне возможно, что до Кирилла и существовало какое-то «русское письмо». Но В. Скурлатов и Н. Николаев ошибаются, когда утверждают: «К сожалению, даже сама эта мысль допускается редко», – и делают многозначительный вывод: «А где не ждут, там и не ищут». Далее высказывают соображения о том, какими путями следует вести поиск: о рунических письменах германских и тюрко-монгольских племен и народов, с которыми «активно общались» древние славяно-русы; алано-хазарских надписях на камнях и флягах VIII–IX вв. (их знаки «почти совпадают с буквами кириллицы и особенно глаголицы»); финикийском алфавите, древнееврейской, древнегреческой и других системах письма. В обстановке возникновения и развития древних систем письма и могли появиться древние славяно-русские памятники дохристианской поры; «именно таким свидетельством, возможно, и является „Влесова книга“», – заключают В. Скурлатов и Н. Николаев. К сожалению, указанные авторы не одиноки в попытках усмотреть во «Влесовой книге» достоверный источник. Время от времени сообщения подобного рода продолжают появляться.³

Между тем по проблеме существования письменности у восточных славян дохристианского периода накопилась обширная литература, и само существование докирилловского письма – «протокириллицы», а также «протоглаголицы» – изучалось дореволюционными и советскими учеными.⁴ Формирование «протокириллицы» (на основе использования греческого буквенно-звукового письма) они относили к VII–VIII векам. Черноризец Храбр в сказании «О письменах» (конец IX–начало X в.) сообщает о славянах-язычниках, что они не имели «книг» и букв, а использовали «черты» и «резы»; эта более древняя манера письма, так называемая пиктографическая, или фигурная, начала применяться, согласно новейшим исследованиям (например, о «календарных знаках» на вазах и кувшинах черняховской культуры), уже во II–V веках. Приведенные и многие другие свидетельства источников давно показали, что в дохристианский период восточные славяне использовали какое-то не сохранившееся до нашего времени письмо (или разные его виды) в силу растущих потребностей своего общественного развития, сначала в пору формирования из небольших и разрозненных родовых коллективов более крупных, сложных и прочных объединений – племен и союзов племен, затем в эпоху вызревания в среде последних элементов классовых отношений и государственности. Прокириллическим письмом и были, возможно, написаны те книги и документы дохристианской поры, о которых глухо упоминают древние авторы.

«Влесова книга» не может быть отнесена к числу памятников того времени. Дело в том, что подделки под древний текст можно довольно легко выявить, зная закономерности развития языка, путем сравнительно-исторического изучения родственных языков и диалектов. Как известно, языки развиваются во времени, но это развитие не одинаково реализуется в пространстве. В результате в определенное время и на определенной территории язык характеризуется сочетанием только ему присущих особенностей. Благодаря этому можно установить предыдущие и последующие этапы развития языковых черт. Историкам, знакомым с древнерусскими и средневековыми письменными источниками новгородского происхождения, хорошо известно, например, «цоканье» – неразличение на письме (вследствие неразличения в устной речи!) букв Ц и Ч. Так же, если писец не слышал разницы между Ф и фитой, он путал обе буквы. Имея опору в своем произношении, тот же древнерусский писец не спутает М и Ж, Р и П, З и К, но может спутать Ч и Ц, Ф и фиту и т. д.; позднее начнется неправильное употребление букв Е – ять, О – А и т. п. На совпадении безударных гласных основаны многие ошибки нашего правописания. Однако в рукописях XII–XIII вв. (если исключить

смоленские с их ранним смещением Е и ять) таких ошибок нет, так как в то время все названные звуки произносились различно в соответствии с происхождением (этимологией).

Фальсификатор, желающий подделаться под древний язык, если создаваемый им текст достаточно велик, непременно допустит какую-либо нелепую ошибку, которой не может быть в подлинном тексте или из-за его хронологической отнесенности, или из-за территориальной (следовательно, языковой и этнической) приуроченности. Например, о фальсификаторе первой трети XIX в. А. И. Сулакадзе академик И. И. Срезневский писал: «В подделках он употреблял неправильный язык по незнанию правильного, иногда очень дикий».⁵

«Влесова книга» выдается за текст, написанный до того, как у славян появились глаголица и кириллица. В то время у них (всех славян!) бытовали только открытые слоги, носовые гласные О и Е, особые звуки ять, Ъ, Ь; после мягких согласных могли следовать только определенные гласные звуки, а после твердых, наоборот, другие. Были и иные особенности фонетики и морфологии, позднее исчезнувшие или изменившиеся по разным языкам. Но орфография «дощечек» показывает, что тот, кто их надписал, не умел обозначать носовые: он воспроизводил их в соответствии с тем, как это гораздо позже делалось в польском языке; в то же время на «дощечках» есть места, показывающие изменения, которые позднее произойдут в сербском, хотя эти процессы взаимоисключают друг друга. Во «Влесовой книге» отражено смещение Е и ять, которое появится только в смоленских грамотах в начале XIII в., отвердение шипящих и Ц – процесс еще более поздний в славянских языках; приведена глагольная форма БЯ вместо существовавшей бѣ; при слове женского рода употреблено числительное в мужском роде; имеется ряд нелепостей в склонении существительных, в образовании причастий и т. п. и т. д.

Содержание «Влесовой книги», ее язык (о чем можно судить хотя бы по тому отрывку, который приведен в статье В. Скурлатова и Н. Николаева) свидетельствуют, что перед нами явная подделка. Авторы, пытающихся доказать обратное, нисколько не спасают рассуждения о «совершенно неожиданной картине далекого прошлого славян». Во «Влесовой книге» речь идет о славянах-скотоводах, живших «за тысячу триста лет до Германриха» – за 13 столетий до готского вождя середины IV в. Германариха (то есть в начале I тыс. до н. э.). Ни автор «Повести временных лет» (начало XII в.), располагавший многими источниками, ни авторы первых повестей, летописей и предполагаемых летописных сводов конца X–XI в. не сообщают о славянских племенах и князьях даже V–X вв. таких сведений, какие содержит составленная якобы в конце IX в. «Влесова книга» о временах гораздо более отдаленных, отстоявших от ее «появления» почти на два тысячелетия! Не спасают В. Скурлатова и Н. Николаева и исторические параллели, связанные с характеристикой передвижений из Центральной Азии в Европу скотоводческих племен, среди которых, по их мнению, могли быть и славяне. Эту «оригинальную версию о степном центральноазиатском происхождении наших предков» авторы, со ссылкой на историков-«евразийцев», а также на итальянских археологов, ведущих раскопки в Пакистане, поддерживают, хотя давно доказано, что славяне задолго до этого (еще в III тыс. до н. э., во времена трипольской культуры) были земледельцами и автохтонами, то есть обитали в районе Среднего Поднепровья.

Текст «Влесовой книги», повествующий о славянских праотцах Богумире и Оре, их дочерях и сыновьях, от которых пошли названия славянских племен (древляне, кривичи, поляне, северяне, русь), настолько наивен, что даже В. Скурлатов и Н. Николаев вынуждены признать, что ее язык «действительно понятен не до конца», что в тексте встречаются «лингвистически вроде бы противоречивые языковые образования». Тем не менее они утверждают, что «писцы „Влесовой книги“ знали, о чем писали», а на дереве писали-де многие древние народы (далее сказано и о Бояне, который «растекался мыслью по древу», и о берестяных грамотах, и о еловой палочке из киргизского Ачекташа с вырезанной на ней «Таласской надписью», и т. д.).

В. Скурлатов и Н. Николаев, которые приводят ряд правильных сведений о древнейших этапах истории восточных славян, развитии их письменности, в основном заполнили свою статью рассуждениями и параллелями, не опирающимися на новейшие достижения науки. На приведенный ими отзыв В. В. (а не Л., как у В. Скурлатова и Н. Николаева) Виноградова, авторитетнейшего специалиста по истории русского языка, авторы, по существу, не обратили внимания. Между тем высказывавшееся им мнение о «Влесовой книге», как одной из подделок Сулакадзева, имеет веские основания. Акад. М. Н. Сперанский отмечал «грубую и наивную» подделку Сулакадзева, названную последним «Перуна и Велеса вещания в киевских капищах жрецам Мовеславу, Древославу и прочим...». В 1812 г. отрывок из этих якобы древних «вещаний», поверив в них, перевел на современный русский язык Г. Р. Державин. Сулакадзев имел своего рода «музей», в котором хранились и подлинные рукописи (нередко со вставками на полях самого фальсификатора), и подделки, изготовленные им самим. В каталоге своего собрания рукописей Сулакадзев упоминает, между прочим, источники, вырезанные на досках, например «предревный» синодик. Там же числится сочинение «Патриарси (то есть патриархи. –Авт.). На 45 букowych досках Ягипа, Гана, смерда IX в.».⁶ Как тут не вспомнить, что и так называемая «Влесова книга» доведена до последней четверти IX века.

- 1 Шарлемань Н. В. Сергей Парамонов и «Слово о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 16. М.; Л., 1960. С. 616. В примечании к этой работе говорилось: «Редакция ТОДРЛ не считает возможным вступать в спор с С. Лесным по вопросам филологическим, историческим и прочим ввиду полной его некомпетентности в гуманитарных науках» (Там же. С. 611).
- 2 Жуковская Л. П. Поддельная докириллическая рукопись: (К вопросу о методе определения подделок) // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 142–144.
- 3 См., например, заметки В. Вилинбахова и В. Старостина. «Неделя», 1976. № 33; Д. Жукова – «Огонек», 1977. № 13. С. 29.
- 4 См., например: Истрин В. А. 1100 лет славянской азбуки. М., 1969.
- 5 Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского // Сборник Отделения русского языка и словесности. Т. V, вып. 2. СПб., 1873. С. 412.
- 6 Сперанский М. Н. Русские подделки рукописей в начале XIX в. (Бардин и Сулакадзев) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. V. С. 68, 91, 101.

Творогов О.В.

Что же такое "Влесова книга"

Что думают ученые о "Влесовой книге". - С. 47-85.

В октябре 1987 года газета "Книжное обозрение" опубликовала материалы "Круглого стола" с участниками общественного совета "Молодежь и книга". В числе других выступил писатель Ю. Сергеев, напомнивший о судьбе "Влесовой книги" (Ю. Сергеев назвал ее "Велесовой"): "Ее давно пора издать. Но пока приходится слышать одни разговоры о том, не подделка ли это. Сомневающихся много. Непонятно другое, почему же тогда сомневающиеся не возьмут и не проанализируют книгу, не докажут, что „Влесова книга“ имитирована кем-то? В связи с судьбой „Влесовой книги“ вспоминается история „Слова о полку Игореве“. Ведь в свое время и „Слово“ называли подделкой”.¹ И далее Ю. Сергеев напоминает, что в его романе "Становой хребет" рассказывается, как один из героев произведения, Егор, обнаруживает "в одном из заброшенных селений языческую библиотеку".

Прервем цитату из выступления писателя и обратимся к самому роману. Там есть такая сцена. Уже упомянутый Егор обнаруживает пещеру, вдоль одной из стен которой "тянулись широкие полки с уложенными на них бесчисленными берестяными листами и какими-то стопками дощечек. Егор подошел ближе. Берестяных грамот было такое множество, что они казались поленицами дров. Егор взял одну дощечку, с большим

трудом стал разбирать слова древнего письма (старославянскому чтению он учился в гимназии): „Богу Святовиду славу рцем, он ведь бог Прави и Яви, а потом поем песни, так как он есть свет, через коий мы видим мир" ..."²

В своем выступлении Ю. Сергеев сообщает далее, что во второй книге романа его герой "возвращается домой и читает эту библиотеку". "Я хочу, - продолжает он, - художественно дать читателю надежду на то, что у нас еще до христианства была величайшая культура".³

Объясним суть дела. Судя по словам, которые прочел на дощечке Егор, они слегка перефразируют текст "Влесовой книги", о которой и говорил Ю. Сергеев. "Влесова книга" - это "языческая летопись", написанная на деревянных дощечках, которая будто бы была обнаружена в 1919 году. Начиная с 1976 года эта "таинственная летопись", как ее окрестили в газете "Неделя", была предметом широкого обсуждения в нашей прессе. Ученые убеждали, что перед нами подделка, но писатели не верили им, сравнивали судьбу "Влесовой книги" с судьбой "Слова",⁴ требовали ее "тщательного всестороннего анализа".⁵ С правоммерностью такого требования нельзя не согласиться. И хотя лингвистам оказалось достаточным и незначительного отрывка текста, чтобы серьезно и основательно сомневаться в подлинности "Влесовой книги" (далее сокращенно: ВК), необходимо было знакомство с *полным текстом* памятника. Но его основные издания, вероятно известные авторам журнальных публикаций, отсутствовали в наших библиотеках.

Поэтому мы очень признательны Б. А. Ребиндеру, инженеру из г. Руайя (Франция), нашему соотечественнику по рождению, который прислал в Отдел древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР необходимые материалы, выразив горячую заинтересованность в их объективном анализе.

Мне было поручено исследовать "Влесову книгу" с той же тщательностью и объективностью, с какой должен изучаться любой исторический источник. Я рассмотрел историю вопроса, познакомился с публикациями ее текста и архивными материалами Ю. П. Миролюбова (изданными Н. Ф. Скрипником) и его сочинениями, рассмотрел язык ВК и ее содержание, попытался установить некоторые источники. Эта работа будет опубликована в 43-м томе "Трудов Отдела древнерусской литературы".⁶ В нее включено и полное издание текста ВК, ибо только такая публикация позволит отвести всякие претензии к ученым, которые будто бы намеренно скрывают текст ВК от всех интересующихся.

Предлагаемая статья, естественно, не охватывает всех вопросов: отсутствует текст ВК, археографический и текстологический анализ, анализ языка, приводятся только некоторые данные об исторической концепции ВК. Здесь освещены лишь те проблемы, которые могут быть интересны наиболее широкому кругу читателей.

ИСТОРИЯ НАХОДКИ И ПУБЛИКАЦИИ "ВЛЕСОВОЙ КНИГИ" ЗА РУБЕЖОМ

Название "Влесова книга" дано рассматриваемому памятнику одним из энтузиастов его изучения и публикации С. Лесным. С. Лесной - псевдоним доктора биологических наук, специалиста по систематике двукрылых С. Парамонова. Парамонов бежал из Киева в 1943 году,⁷ впоследствии жил в Австралии. Под псевдонимом С. Лесной он опубликовал несколько дилетантских книг о истории Руси и "Слове о полку Игореве". В его сочинении "Влесова книга..."⁸ наиболее подробно изложена история находки и публикации памятника. История эта такова.

В 1919 году полковник белой армии А. Ф. Изенбек обнаружил в разоренной помещичьей усадьбе⁹ деревянные дощечки с письменами на них. Он приказал денщику собрать дощечки в мешок и увез их с собой. В 1925 году А. Ф. Изенбек, проживавший в Брюсселе, познакомился с Ю. П. Миролюбовым. Инженер-химик по образованию, Ю. П.

Миролюбов не был чужд литературных занятий: он писал стихи и прозу, но большую часть его сочинений (посмертно опубликованных в Мюнхене) составляют разыскания о истории и религии древних славян. Миролюбов поделился с Изенбеком своим замыслом написать поэму на исторический сюжет, но посетовал на отсутствие материала. В ответ Изенбек указал ему на лежащий на полу мешок с "дощечками": "Вон там, в углу, видишь мешок? Морской мешок? Там что-то есть..." (с. 23). "В мешке я нашел, - вспоминает Миролюбов, - „дощьки“, связанные ремнем, пропущенным в отверстия" (там же). И с той поры Ю. П. Миролюбов в течение пятнадцати лет занимался переписыванием текста с дощечек. Изенбек не разрешал выносить дощечки, и Миролюбов переписывал их либо в присутствии хозяина, либо оставаясь в его "ателье" (Изенбек разрисовывал ткани) запертым на ключ. Миролюбов переписывал, с трудом разбирая текст и реставрируя пострадавшие дощечки. "Стал приводить в порядок, склеивать...", - вспоминал Миролюбов (с. 8). Он вспоминал также: "Я... смутно предчувствовал, что я их как-то лишусь, больше не увижу, что тексты могут потеряться, а это будет урон для истории... Я ждал не того! Я ждал более или менее точной хронологии, описания точных событий, имен, совпадающих со смежной эпохой других народов, описания династий князей, и всякого такого материала исторического, какого в них не оказалось" (с. 25). Какую часть текста ВК Миролюбов переписал, С. Лесной установить не смог. В 1941 году Изенбек умирает, и дальнейшая судьба дощечек неизвестна. Проходит двенадцать лет. И вот в ноябре 1953 года в журнале "Жар-птица", издававшемся русскими эмигрантами в Сан-Франциско (первоначально на роталпринте), публикуется следующая заметка:¹⁰

КОЛОССАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕНСАЦИЯ

При некотором нашем содействии - воззвании к читателям журнала в сентябрьском номере журнала - и журналиста Юрия Миролюбова отыскались в Европе древние деревянные "дощьки" V века с ценнейшими на них историческими письменами о древней Руси.

Мы получили из Бельгии фотографические снимки с некоторых из "дощьчек", и часть строчек с этих старинных уник уже переведена на современный русский язык известным ученым-этимологом Александром А. Кур¹¹ и будет напечатана в следующем, декабрьском номере нашего журнала.

Редакция.

Из этого сообщения можно было понять, что дощечки нашлись или что, во всяком случае, редакция получила фотоснимки с них. Но в январском номере журнала за 1954 год было опубликовано письмо Ю. П. Миролюбова, в котором, в частности, говорилось, что "фотостатов мы не могли с них (видимо, с досок, - О. Т.) сделать, хотя где-то среди моих бумаг находится один или несколько снимков. Если найду, то я их с удовольствием пришлю. Подчеркиваю, что о подлинности дощьчек судить не могу".¹² В дальнейшем в журнале появится еще несколько сообщений о "фотостатах", весьма противоречивых: в 1957 году (октябрьский номер) Миролюбов признает, что "фотографии текстов немногочисленны, репродукции неясны"; в январе 1959 года А. Кур упоминает "фотостатные снимки других дощечек", которые у него имеются. По сведениям С. Ляшевского, Миролюбов сделал фотографии с двух дощечек.¹³ Так или иначе, но опубликован был (в январе 1955 года) единственный "фотостат" - те самые десять строк с дощечки под № 16. которые воспроизводит в своей книге С. Лесной; этот же снимок был прислан на экспертизу в Академию наук СССР и помещен в статье Л. П. Жуковской в журнале "Вопросы языкознания".¹⁴ Невольно создается впечатление, что издатели вводили читателей в заблуждение: то заманивали их обещаниями продемонстрировать имеющиеся фотоснимки, то, напротив, утверждали, что их нет, они утрачены и т. д.

Странно и другое: объявив о находке дощечек в ноябре 1953 года, редакция не

спешит публиковать тексты. В течение трех лет публикуются лишь статьи А. Кура, в которых в общей сложности воспроизведено около 100 строк из ВК, но публикация полного текста отдельных дощечек началась лишь с марта 1957 года и продолжалась до 1959 года, когда журнал "Жар-птица" прекратил свое существование.

В 60-х годах о ВК упоминает С. Лесной в своих книгах "История руссов в неизвращенном виде" (Париж; Мюнхен, 1953-1960; материалы о ВК в вып. 7-10) и "Русь, откуда ты? Основные проблемы истории Древней Руси" (Виннипег, 1964). Затем он посвящает ей специальную работу - уже упомянутое издание "Влесова книга...". В 1963 году С. Лесной опубликовал тезисы своего предполагаемого сообщения о ВК на V Международном съезде славистов,¹⁵ однако на съезде не присутствовал и доклада о ВК не делал.¹⁶ После смерти С. Лесного о ВК на Западе забыли. Интерес к ней вновь пробудился в середине 70-х годов, когда были изданы несколько выпусков серии "Влес книга". По сообщению Б. А. Ребиндера, к моменту его знакомства с энтузиастом изучения ВК Н. Ф. Скрипником "имелось два перевода на русский. Один сделал Лазаревич, а другой Соколов в Австралии. Перевод на украинский сделал Кирпич. Имелся также перевод на английский, сделанный Качуром, а также на украинский, бытующий в Канаде".¹⁷ С этими публикациями нам познакомиться не удалось, но перевод ВК на русский язык, осуществленный Б. А. Ребиндером (автор любезно прислал нам три выпуски своей работы "Влесова книга", изданной на ротапринте), опирающимся на все предшествующие издания и переводы, свидетельствует о том, что серьезного научного анализа текста ВК и ее содержания не проводилось.

Посмертная публикация сочинений Ю. П. Мироллюбова, осуществленная в Мюнхене в 1974-1984 годах, вносит важные коррективы в приводимые здесь сведения, но сочинения эти, вероятно, не были известны ни Ребиндеру, ни Лесному. Поэтому мы обратимся к их анализу в заключительной части работы, а пока "примем на веру" версию, изложенную С. Лесным.

"ВЛЕСОВА КНИГА" В СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ

В 1960 году С. Лесной прислал в Советский славянский комитет фотографию с одной из дощечек ВК. Академик В. В. Виноградов поручил экспертизу снимка палеографу и языковеду Л. П. Жуковской. Она располагала весьма ограниченным материалом (на дощечке читалось всего десять строк текста), однако смогла прийти к принципиально важным выводам. Во-первых, было отмечено, что фотография сделана, видимо, не непосредственно с дощечки, а с прориси. Во-вторых, Л. П. Жуковская указала, что если по палеографическим данным (хотя они и вызывают сомнение) нельзя прямо судить о подделке, то данные языка свидетельствуют о том, что "рассмотренный материал не является подлинным".¹⁸ С. Лесной весьма своеобразно оспорил этот довод: он посчитал, что соображения эксперта не имеют основания уже потому, что "он этого языка не знает" (с. 36). Этот глубокомысленный вывод повторяют и некоторые наши журналисты, так же, как и С. Лесной, не понявшие, на чем основано суждение Л. П. Жуковской: не на странности или исключительности форм, а на сочетании в тексте разновременных языковых фактов, которые не могли сосуществовать ни в одном реальном славянском языке, по крайней мере в языке восточнославянской группы, на отражение которого претендует ВК.

После публикации статьи Л. П. Жуковской о ВК в нашей стране надолго забыли. Вспомнил о ней поэт И. Кобзев в 1970 году. Впрочем, его сведения о ВК в тот момент были весьма ограничены: он полагал, например, что ВК была обнаружена в Австралии.¹⁹

Ажиотаж вокруг ВК начинается в 1976 году. Можно предположить, что авторам статей об этом памятнике стали каким-то образом доступны публикации текста и переводы ВК, появившиеся незадолго перед тем на Западе. В 1976 году газета "Неделя" печатает статью В. Скурлатова и Н. Николаева. Ей предпослано небольшое вступление

от редакции, в котором мы, в частности, читаем: "Содержание ее (ВК, - О. Т.) столь необычно, что не укладывается в рамки существующих представлений о древности славянской письменности. И, может быть, поэтому недоверие было первой реакцией некоторых ученых".²⁰ Заметьте: "первой реакцией". Значит, была и другая, последующая реакция? К тому же, если это реакция "некоторых ученых", то, значит, есть и другие ученые - поверившие? Так уже в первой статье о ВК выдвигается тезис, будто бы ученый мир по отношению к ВК разделился на сторонников и противников ее подлинности. Нам еще придется не раз говорить о полной безосновательности такого утверждения, а сейчас остановимся на собственно "научных" суждениях, к которым привело редакцию и авторов статьи знакомство с ВК.

Прежде всего отметим, что ВК не дает основания "по-новому поставить вопрос о времени возникновения славянской письменности". Редакция подчеркивает, что ВК доходит "до времен Асклда, Дироса и Ерека (Рюрика)". Следовательно, ВК не могла быть написана ранее середины IX века, если, конечно, не представлять себе процесс написания дощечек растянувшимся на века (такие попытки объяснения различий в языке ВК выдвигались). К тому же дощечки исчезли, и датировать их нет возможности. Можно было бы попытаться доказать, что алфавит ВК старше, чем известный нам кириллический алфавит. Но опубликованный снимок с дощечки не дает никаких оснований для такого вывода.

"Необычность содержания" ставит перед исследователями совершенно иной вопрос: о соответствии этого содержания современным научным представлениям о происхождении славянских народов. В. Скурлатов и Н. Николаев без каких бы то ни было оговорок выступают в роли доверчивых читателей ВК. Она, по их словам, "изображает совершенно неожиданную картину далекого прошлого славян, она повествует о русах как „внуках Даждьбога", о праотцах Богумире и Оре, рассказывает о передвижении славянских племен из глубин Центральной Азии в Подунавье, о битвах с готами и затем с гуннами и аварами, о том, что трижды Русь погибнувшая восстала. Она говорит о скотоводстве как основном хозяйственном занятии древних славяно-русов, о стройной и своеобразной системе мифологии, миропредставлении, во многом неведомом ранее. Придумать такое вряд ли под силу какому-либо заурядному мистификатору".

Обратим внимание на способ подачи исторической концепции ВК широкому читателю. Создается впечатление, что, сообщая о "многочисленном неведомом ранее", она *восполняет* недостаточность наших сведений о древнейшей истории славян. Таких сведений действительно до обидного мало. Однако дело в другом: историческая картина, изображенная в ВК, самым решительным образом противоречит всей сумме знаний, добытых совместными усилиями археологов, лингвистов, этнографов, историков, знаний, опирающихся на многочисленные факты и источники и положенных в основу современных представлений об этногенезе индоевропейских народов, и славян в частности.²¹ Более того, не указав на противоречия ВК современным научным представлениям, В. Скурлатов и Н. Николаев пишут буквально следующее: "Оригинальна версия о степном центральноазиатском происхождении наших предков. В трудах недавно умершего Г. В. Вернадского и других историков-„евразийцев" допускается эта возможность". Перед нами - иллюзия научного обоснования историографической концепции ВК. Широкому читателю, не имеющему представления ни о научной школе "евразийцев" (с весьма антисоветской политической платформой), ни о том, что концепция "евразийцев", выдвинутая в 20-30-х годах нашего века, в настоящее время почти не имеет последователей даже в западной науке, ссылка на труды Г. Вернадского преподносится как научный аргумент в пользу ценности сведений ВК.²²

Мы так подробно остановились на этой газетной статье не случайно. Во-первых, в ней "заложены" все основные направления, по которым в дальнейшем будет разворачиваться "защита" ВК от науки, во-вторых, она - главный источник для многих исследуемых публикаций, авторы которых свои сведения о ВК черпали в основном из данной статьи.

В 1976 году в "Неделе" появляется еще одна подборка мнений о ВК. В ней представляет интерес выступление писателя В. Старостина, которое вносит в пропаганду ВК новый, эмоциональный, нюанс: "...для меня и в маленьких отрывках, но большой смысл открылся. Одни имена уже неподдельны и неподражаемы: Богумир, Славуна, а вместо Рюрика - Ерек; дивно прекрасен оборот „прибежищная сила" - все это мог создать только народ. А найдись бы творец да сотвори все это пусть и в недавние времена единственно из сердца своего - значит, такой человек безмерно даровит. И в том и в другом случае „Влесова книга" бесценный дар, и недопустимо замалчиванием отстранять от нее читателей и писателей".²³

В 1977 году в журнале "Вопросы истории" свое суждение о ВК высказали академик Б. А. Рыбаков, В. И. Буганов и Л. П. Жуковская.²⁴ К сожалению, критика ВК была основана лишь на лингвистических и палеографических наблюдениях Л. П. Жуковской, сделанных ею еще в 1959 году, а с содержанием памятника авторы смогли познакомиться, возможно, лишь по статье В. Скурлатова и Н. Николаева. Тем не менее они отмечают наивность рассказа ВК о славянских праотцах Богумире и Оре, их сыновьях и дочерях, от имен которых будто бы пошли названия славянских племен.²⁵

Предостережению ученых не вняли. В том же году писатель Д. Жуков упоминает о "возобновлении изучения „Влесовой книги", „содержание которой столь необычно, что оно не укладывается в существующие представления о древности славянской письменности" (это цитата из предисловия к статье В. Скурлатова и Н. Николаева, - О. Т.) и потому стало предметом научных споров (? - О. Т.) и даже (?? - О. Т.) обвинений в мистификации".²⁶ Нетрудно заметить, как читатель "подталкивается" к выводу, что "обвинения в мистификации" - досадное недоразумение.

В том же году "Литературная Россия" публикует письмо поэта И. Кобзева.²⁷ "Уже на протяжении многих лет судьба этой древнерусской рукописи волнует умы и сердца людей. . .", - патетически начинает он свою статью. И. Кобзев утверждает, что на V Международном съезде славистов состоялся подробный разговор о ВК, "обоснованно и серьезно поднимался вопрос о необходимости тщательного изучения этого литературного памятника". Это, как будет показано ниже, совершенно не соответствует фактам. Далее И. Кобзев кощунственно соотносит судьбу ВК с судьбой "Слова о полку Игореве", в подлинности которого также сомневались, и утверждает, что "отрицательную роль сыграли выступления в печати *некоторых слишком уж осторожных скептиков* (курсив мой, - О. Т.), которые еще до ознакомления советских читателей с полным текстом летописи объявили ее „подделкой" и „мистификацией". .." (снова читателя дезориентируют: крупнейшие советские ученые анонимно зачислены в разряд "некоторых слишком уж осторожных скептиков", однако умалчивается, что в действительности им противостоят лишь "некоторые" неспециалисты, поспешившие оповестить о ВК советских читателей, не попытавшись хотя бы в самых общих чертах соотнести ее "концепцию" с данными современной науки.

В 1979 году о ВК вновь напоминают, на этот раз в журнале "Техника - молодежи".²⁸ Тон обсуждению задает сама редакция. Статья О. Скурлатовой "Загадки „Влесовой книги"" она предпосылает такое обращение: "На протяжении последних десятилетий идет непрекращающийся спор, связанный не столько с подлинностью дощечек (а об этом не спорят? - О. Т.), сколько с их содержанием, имеющим весьма большое значение для истории страны. Публикуя статьи... мы отнюдь не настаивая на ее (ВК, - О. Т.) подлинности, даем повод нашим читателям поломать голову над разгадкой столь увлекательной тайны".²⁹ Редакция поступила весьма безответственно, во-первых, убеждая читателей в будто бы непрекращающемся *десятилетиями* и, как можно подумать, научном споре вокруг ВК, а во-вторых, заигрывая с ними, предлагая "поломать голову" над решением загадок этногенеза славян и тем самым призывая к дилетантскому обсуждению сложнейших проблем, требующих глубоких специальных знаний. Статья О. Скурлатовой содержит в основном пересказ статьи В. Скурлатова и Н. Николаева, но автор вносит и свой вклад в решение "увлекательной тайны". Для О.

Скурлатовой словно нет сомнений в подлинности и достоверности ВК. Она убежденно пишет: "Во „Влесовой книге" *четко* засвидетельствовано (здесь и далее курсив мой, - О. Т.), что наши предки „водили скот от Востока до Карпатской горы". Таким образом, не Припятские болота, куда нас пытаются загнать некоторые археологи, а огромный простор Евразийских степей вплоть до Амура - вот наша истинная прародина. 400 лет назад русские лишь вернулись в родное Русское поле, которое тысячелетиями принадлежало нашим предкам. В том-то и заключается великая историческая ценность Влесовой книги, что она явно свидетельствует о нашем исконном присутствии на нынешней территории страны".³⁰ Трудно даже комментировать этот безответственный пассаж!

В этом же году появляется рецензия Д. Жукова на книгу Н. Р. Гусевой "Индуизм. История формирования. Культурная практика" (М., 1977). Рецензент, в частности, упоминает и о ВК. В книге Гусевой, по его словам, нет "промежуточного звена" "между теми, кто нам известен под именем древних славян, и их предками, которые соседствовали с арьями, ушедшими в далекую Индию". По мнению Д. Жукова, "не должна быть упущена возможность заполнить этот пробел и при помощи недавно найденной „Влесовой книги"... Подлинность „Влесовой книги" подвергается сомнению, и это тем более требует ее публикации у нас и тщательного всестороннего анализа во избежание ненужных, ненаучных наслоений".³¹ С этим предложением нельзя не согласиться. Анализ нужен, но, может быть, стоило бы и пропаганду ВК не развешивать так широко до окончания этого анализа.

В 1980 году в журнале "Русская речь" появляется статья чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филина и доктора филологических наук Л. П. Жуковской, где вновь анализируется язык ВК и на основе этого анализа делается весьма определенный вывод: "Это совершенно явная и грубая подделка, в которой нет ни „тайнственности", ни „загадок"". ³² Но лингвистическая аргументация защитникам ВК кажется недостаточной.

Статья В. Осокина, опубликованная в 1981 году в солидном журнале "В мире книг", не только оставляет без внимания мнение историков и лингвистов, но и является своего рода заключительным аккордом в гимне славословий ВК.³³ Автор стремится придать этому сомнительному сочинению статус ценнейшего источника, который остается без должного внимания лишь по упрямому недоверию "некоторых ученых". Неточностей и передержек в статье очень много,³⁴ но на двух из них необходимо остановиться специально. Вслед за И. Кобзевым В. Осокин упоминает о "большом интересе" ученых, который ВК вызвала на V Международном съезде славистов, на котором будто бы "достаточно обоснованно и серьезно поднимался вопрос о необходимости тщательного изучения этого литературного памятника" и "решено было подробно изучить это - во многих отношениях таинственное - произведение".³⁵ После такого утверждения невольно начинаешь проникаться уважением к ВК и недоверием к ученым-скептикам.

Но в том-то и дело, что все сказанное не соответствует действительности: как говорилось выше, на съезде С. Лесной не присутствовал, доклада не читал, поэтому никакого обсуждения и тем более решения съезда о необходимости изучать ВК не было и быть не могло. Не случайно в книге, опубликованной в 1966 году, через три года после съезда, С. Лесной не упоминает ни одного западноевропейского ученого, который бы ознакомился с ВК или так или иначе высказался бы о необходимости ее изучения. Другая серьезная неточность состоит в следующем. Автор утверждает, что "историки" А. Кур и С. Лесной "отсылают все материалы (фотографии и дешифровки) в Москву, в Славянский комитет, для консультации с советскими учеными".³⁶ Не было этого благородного жеста А. Кура и С. Лесного: в Москву была прислана фотография с одной стороны одной дощечки (да и то, как предположила Л. П. Жуковская, не с самой дощечки, а с прориси с нее). Если бы В. Осокин был прав, то мы могли бы с полным основанием упрекать советских ученых в том, что, располагая бесценными документами (фотографиями с дощечек, да еще расшифровками текстов), они "отстраняют от них и

читателей и писателей", как сетует писатель В. Старостин.

Подчеркивая значимость ВК, В. Осокин информирует далее: "Сейчас мы, члены комиссии по охране памятников при Московской писательской организации, привлекаем к изучению Деревянной книги (так автор именуется ВК, - *О. Т.*) специалистов самых разных профилей, а не только языковедов".³⁷ Неясно, кто же из специалистов помог московским писателям разобраться с ВК? Пропагандой ее в нашей стране занимались и занимаются в основном писатели и журналисты: И. Кобзев, В. Осокин, Д. Жуков, О. Скурлатова. В. Вилинбахов (впрочем, высказывавшийся о ВК с осторожностью) был единственным специалистом-историком среди защитников ВК.³⁸ "Специалист в области польского языка" (как представляет ее читателям В. Осокин) Г. С. Белякова защитила диссертацию по теме "Экранизация произведений польской классической литературы" - и также не может выступать как авторитетный эксперт по истории славянских языков. В. Старостин - не "исследователь былин", а писатель-популяризатор: ему принадлежат книги пересказов былин, адресованные детям.³⁹

Мы не хотим бросать тень на научные возможности названных выше авторов, но все же стоит отметить, что все они (за исключением В. Вилинбахова) по роду своих интересов далеки от тех областей научного знания, которые необходимы для комплексного, всестороннего анализа ВК, а специалисты - лингвисты и историки древней Руси - академик Б. А. Рыбаков, В. И. Буганов, Ф. П. Филин и Л. П. Жуковская единодушно называют ВК фальсификатом. Как можно говорить после этого о "некоторых ученых", "слишком уж осторожных скептиках", которые будто бы на равных правах спорят с теми, кто в книгу "верит"?

Здесь необходимо упомянуть еще одно имя. Ученик и сотрудник А. В. Арциховского В. Л. Янин, а также близко знавший его академик Б. А. Рыбаков никогда не слышали от покойного археолога высказываний в пользу ВК.⁴⁰ А сообщение О. Скурлатовой о том, что А. В. Арциховский "считал вполне вероятным", что ВК "отражает подлинное языческое прошлое славян",⁴¹ появилось после смерти ученого и представляется крайне сомнительным.

Следует признать, что сомнения в подлинности ВК все же закрадывались в душу ее пропагандистов. В. Вилинбахов, например, размышлял: "Допустим, что „Влесова книга" действительно поздняя фальсификация. Снимет ли это всякий интерес к ней? Думаем, что нет, так как неизбежен вопрос: является ли она плодом чистой фантазии или же в ее основу легли, хотя бы фрагментарно, сведения, заимствованные из какого-то иного, действительно древнего источника, не сохранившегося до наших дней".⁴² Хотя, на наш взгляд, это последнее предположение можно отнести как нереальное, все же здесь мы встречаем серьезную постановку вопроса о значимости ВК. В. Скурлатов и Н. Николаев ставят вопрос проще: "Впрочем, даже если бы „Влесова книга" оказалась подделкой, то и в этом случае она заслуживала бы уважения как интересная мистификация".⁴³ О том же говорит и И. Кобзев; по его мнению, "подлинный дух древности убедительно присутствует" в ВК, но если допустить "теоретически", что она может быть подделкой, то "и в этом случае разве становится для нас менее интересным это оригинальное и мудрое творение?"⁴⁴

Мистификации могут быть профессионально сделанными, талантливыми (сказать этого о ВК никак нельзя), но все же главный вопрос в другом: какую цель преследовал мистификатор, кого и в чем хотел он убедить. Мы попытаемся объяснить в дальнейшем мотивы и цели создания ВК.

В заключение нашего обзора стоит упомянуть еще об одном направлении в изучении ВК - попытке на ее основе "разгадать тайны" древнего славянского алфавита. Отсылая к статье Н. Дико и Л. Сучкова⁴⁵ и к убедительной критической заметке В. Н. Миротворцева,⁴⁶ обратим внимание лишь на следующее. ВК, подлинность которой ни один из ее защитников и пропагандистов не попытался подтвердить сколь-нибудь обстоятельным научным анализом, становится в руках физика Л. Сотниковой уже основанием для создания новой, поражающей воображение несведущих людей

концепции о "триедином строе" древнерусской азбуки. Одна легенда порождает другую.

"ДОЩЕЧКИ ИЗЕНБЕКА" И ИХ ПУБЛИКАЦИИ

Обратимся теперь непосредственно к ВК, так как всесторонний анализ и дощечек, и помещенного на них текста уже сам по себе поможет нам ответить на вопрос об их подлинности.

По сведениям Ю. П. Миролюбова, ВК представляла собой комплект дощечек с нанесенным на них текстом. С. Лесной цитирует письмо Ю. П. Миролюбова от 11 ноября 1957 года (напомним - написанное по крайней мере через 16 лет после гибели или пропажи самих дощечек), в котором сказано следующее: "Дошечки были приблизительно одинакового размера, тридцать восемь сантиметров на двадцать два, толщиной в полсантиметра. Поверхность была исцарапана от долгого хранения. Местами они были совсем испорчены какими-то пятнами, местами покоробились, надулись, точно отсырели. Лак, их покрывавший, или же масло поотстало, сошло. Под ним была древесина темного дерева. Изенбек думал, что „дошечки" березового дерева. Я этого не знаю, так как не специалист по дереву. Края были отрезаны неровно. Похоже, что их резали ножом, а никак не пилой... Текст был написан или нацарапан шилом, а затем натерт чем-то бурым, потемневшим от времени, после чего покрыт лаком или маслом. Может, текст царапали ножом, этого я сказать не могу с уверенностью. Каждый раз для строки была проведена линия, довольно неровная. Текст был писан под этой линией... На другой стороне текст был как бы продолжением предыдущего, так что надо было переворачивать связку „дошек" (очевидно, как в листах, отрывного календаря, - С. Л.). В иных местах, наоборот, это было, как если бы каждая сторона была страницей в книге. Сразу было видно, что это многостолетняя давность. На полях некоторых „дошек" были изображены головы быка, на других солнца, на третьих разных животных, может быть, лисы или собаки, или же овцы. Трудно было разобрать эти фигуры" (с. 23-24).

Трудно предположить, чтобы дощечки IX века пережили бы все превратности судьбы: толщина в 5 миллиметров (!) придавала бы им необычайную хрупкость. А ведь они были, раздавлены "солдатскими сапогами", а потом совершили многотрудный вояж в "морском мешке", в каковом пребывали еще несколько лет, связанные ремнем (!), пока их досмотром не занялся Миролюбов. Но закроем пока глаза на все эти странности, ибо нас ожидают в дальнейшем странности не меньшие.

Сколько же было дощечек-"уник", если использовать выражение "Жар-птицы"? Неизвестно. С. Лесной лишь уклончиво пишет, что "дощечки Изенбека" полнее "текста Миролюбова", так как Миролюбов по неуказанным причинам некоторые стороны дощечек не переписал (а может быть, и целые дощечки), и сетует: "Даже такие элементарные вещи: сколько же было дощечек и их обломков, не сказано ни слова" (с. 25). В то же время в специальной таблице, опубликованной в книге "Русь, откуда ты?", он исходит из числа 35 дощечек, а Миролюбов в книге, возможно оставшейся неизвестной С. Лесному, назвал число 37 (см. ниже).

Попытаемся разобраться. Допустим, что дощечки существовали, и на каждой из них текст читался с двух сторон. В этом случае естественны обозначения дощечек с помощью номера и буквы: 1а (лицевая сторона) и 1б (оборотная сторона дощечки). Но среди опубликованных дощечек есть также дощечки 4в, 4г, 4д, 6в, 6г, 6д, 6е и т. д. Если, повторяю, считать, что текст был написан на обеих сторонах дощечки, то окажется, что в "Жар-птице" было опубликовано 30 дощечек. Но в архиве Миролюбова сохранился машинописный текст не только этих дощечек, но еще дощечек, пронумерованных как 8/1, 8/2, 8/3, 14, 19, 21, 22, 23 и др., всего 16 дощечек, только в этих случаях Ю. П. Миролюбов отказался почему-то от букв, обозначающих лицевую и оборотную сторону. Подсчет числа дощечек затруднителен, но их было (если они действительно существовали) явно около пятидесяти.

Но самое главное в другом. Наличие двух текстов - изданного в "Жар-птице" и текста, сохранившегося в архиве Миролюбова в машинописном виде, даст нам возможность их сравнивать. (Естественно предположить, что машинописный текст как-то связан с оригиналом набора и ему можно больше доверять, чем журнальному, в котором, по словам Лесного, были допущены опечатки.⁴⁷

Сравнения текстов журнального (далее Ж) и машинописи (далее М)⁴⁸ приводят нас к поразительным выводам. Приведем лишь некоторые из них:

1. Имеются случаи, когда в Ж указано на дефекты дощечки: "текст разрушен", "текст сколот", "ряд букв стерлись или соскоблены", а в М на том же самом месте читается исправный текст. Как при наличии таких помет можно объяснить, что именно машинописный текст оказывается полнее изданного? Ведь дощечки давно погибли, и машинопись была единственным источником для издания.

2. Необъяснимы случаи, когда в одном и том же тексте М и Ж различаются не буквами (что можно объяснить опечатками, редакторскими поправками и т. д.), а словами. Например (первое чтение Ж, второе М): *земіа - доржава, по рієце - по данаіу, два роді - два вієтва, січа - бітва, ліудіє - народ, до сверзи - до небі* и т. д. Произвольная правка текста в одном из вариантов не вызывает сомнения.

3. Как объяснить такое явление: в Ж текст разделен на нумерованные строки, имитирующие подлинник (переносится на следующую строку порой одна буква!), а в М текст имеет пространственные вставки которые в эти строки никак не укладываются.

4. Как объяснить, что границы текста, относящегося к разным сторонам дощечки, в М обозначены знаком абзаца (чернилами), разрезающим в большинстве случаев машинописную строку? Это еще одно подтверждение того, что и деление на "дощечки", и нумерованные строки в Ж - фикция.

Итак, сопоставление текстов М и Ж убеждает нас в том, что в издании читателя мистифицируют. Если мы все же допустим, что машинописный текст воспроизводит рукописную копию, которую сделал когда-то Миролюбов, то окажется, что издатели исключали фрагменты этого текста, заменяя их (зачем?!) пометами о дефекте "дощечек", вместо одних слов вписывали другие (не говоря о многочисленнейших буквенных заменах), произвольно меняли границы текста на "дощечке и т. д.

Анализ ВК свидетельствует, что язык, которым она написана, не мог существовать. Нет такого языка, который не имел бы устойчивой фонетической системы, единых правил грамматики, так нарушал бы хорошо изученные закономерности развития всех славянских языков. Доказательства этих положений будут приведены в нашей статье в "Трудах Отдела древнерусской литературы". Здесь же мы ограничимся тем, что приведем два небольших фрагмента текста, сохраняя орфографию и деление на слова в точном соответствии с М: "Слва бгу перуну огнкудру іже стрэліє на взіє вьрзе а верна предведе во стьзэ понежде есе тоіо вьнъм шестья соуд а іако злтроун млств всправдѣи ест" (дощечка 11б) "тешашуть рієце велке на русэ а многа вода е журшєсть спэва стародавнїа о ты болярї яквы не сен бояща до поль годе ідшіа а ляты многе сен прящїа о волнєсть руську" (дощечка 7ж).

ИСТОРИЯ СЛАВЯН ПО "ВЛЕСОВОЙ КНИГЕ"

С. Лесной не уставал восхищаться ВК: "В дощечках Изенбека все оригинально и непохоже на нам уже известное" (с. 29). Но дело не в том, что историография ВК коренным образом расходится с научными представлениями об истории Европы в античности и раннем средневековье (защитники ВК в этом-то и видят ее ценность), а в том, что даже доверившись этому сомнительному источнику, мы встретимся с неразрешимыми противоречиями в самом его тексте. Приведем один достаточно выразительный пример. В советских публикациях (в "Неделе", в журналах "Техника - молодежи" и "В мире книг") постоянно пересказывается текст с дощечки под № 9. Там

рассказывается, что старец Богумир имел жену Славуну, трех дочерей - Древу, Скреву и Полеву и двух сыновей - Севу и Руса. От этих-то детей Богумира и произошли племена русичей: древляне, кривичи, поляне, северяне и русы. Далее говорится, что эти племена образовались в Семиречье,⁴⁹ где жили русичи. за морем (?) в краю зеленом. И происходило это за 1300 лет до Иерманариха.⁵⁰ Из края зеленого упомянутые племена переправились через Ра реку (Волгу?), пришли к морю Готскому (переводчики ВК полагают, что речь идет о Черном море). На берегах этого моря, возле Дона, они встретились с готами. А следом за славянами двигались гунны⁵¹ ...

Поклонников ВК восхитил этот рассказ, легендарность которого признавали даже Лесной и Миролубов. Но дело опять-таки не в этом, а в том, что, вопреки рассказанному, на дощечках 4а и 10 потомком Богумира назван один Орь, от которого пошли какие-то "три рода". На дощечках 4г и 36а говорится, что у Оря было три сына: Кий, Пашек (Щеко) и Горовато (Хорев). Из дощечки 36а следует, что Пашек был праотцем чехов, а Горовато - хорватов. Значит, если поверить, что древнерусские племена произошли от детей Богумира, то окажется, что другие славянские народы - чехи и хорваты - также происходят от них (ведь Орь - потомок Богумира). Древляне и поляне, происхождение названий которых объяснено было на дощечке 9, на дощечках 4б и 7а упоминаются вновь, но на этот раз говорится, что "древичами" (древлянами) их называли потому, что они живут в лесах, "а на полях наше имя было поляне". Подобных противоречий в ВК множество.

Весьма странна и хронология ВК. Она противоречит не только данным современной науки, но и принципам средневекового летоисчисления, и элементарной арифметике. Желая потрясти воображение, создатели ВК оперируют, как правило, огромными временными масштабами в 500, 1000, 1300 и 1500 лет (см. дощечки 4б, 5а, 7б, 7в, 7г, 8, 9а, 17а). Причем совершенно непонятна система отсчета лет. Во всех хронологических системах античности и средневековья отсчет времени велся от древнейшего события к последующим: от основания Рима, от первой олимпиады, от "сотворения мира" и т. д. В ВК мы, напротив, находим в основном отсчет от последующего события к предыдущему: "за 1500 лет до Дира", "за 1300 лет до Германариха" и т. д.

Обратим внимание и на следующее. Создатели ВК замахнулись на изложение истории наших предков за 1800 лет. Но у них не хватило выдумки заполнить событиями столь значительный временной диапазон, и в ВК рассказывается по существу лишь о двух периодах - IX-VIII веках до н. э. и о времени начиная с III века н. э., со времени прихода в Причерноморье готов. Но и тут ВК оказывается не в ладах ни с логикой, ни с арифметикой. Если Богумир жил за 1300 лет до Германариха (погибшего в 375 году н. э.), то, следовательно, время Богумира - IX век до н. э. Но на другой дощечке говорится, что от праотца Оря (как мы помним - сына Богумира!) до Дира прошло 1500 лет. Дир, согласно преданиям, жил в IX веке н. э. и, следовательно, Орь жил в VI веке до н. э., три века спустя после Богумира. По свидетельству дощечки 5а, за 1500 лет до Дира наши предки поселились на Карпатах, где прожили 500 лет, а на дощечке 7г говорится, что от "исходу" от Карпат до Аскольда (современника Дира) прошло 1300 лет.⁵² Примеры подобных несообразностей можно продолжить.

Есть и еще особенность ВК, также раскрывающая "методику" ее создания. Говоря о длившихся сотнями лет (!) битвах русичей с готами, гуннами, римлянами, греками, автор ВК умудряется избежать всякой конкретности: не назван по имени ни один римский и византийский император или полководец, ни один вождь гуннов, а из готских вождей упоминаются лишь Германарих (дощечки 5б, 6д, 9а, 14, 23, 27), имя которого хорошо известно по разным источникам, и Галарех (?), которого комментаторы ВК отождествляли с вестготским королем Аларихом (ок. 370-конец 410).

Подробности войн с Римом и Византией в ВК отсутствуют, видимо, не случайно: история этих стран слишком хорошо известна, и любая конкретизация событий грозила немедленным разоблачением фальсификата. Поэтому автор ВК ограничивается лишь

общими ссылками на "римлян" и "греков", а из географических ориентиров упоминает лишь, хорошо известную по русским летописям и византийским источникам Корсунь (Херсонес), город Сурож (упомягая его в той огласовке, в какой византийская колония Сугдея впервые поименована в "Слове о полку Игореве") да неведомую "землю Трояню", которую, однако, никак не локализует.

Итак, перед нами сочинение крайне примитивное, свидетельствующее не только об ограниченности знаний его создателя, но и об отсутствии у него даже литературной фантазии: не случайно в ВК встречаются постоянные возвращения к одним и тем же коллизиям, к одним и тем же именам и "фактам", без каких-либо попыток представить более конкретную картину событий, охарактеризовать - пусть в типичных для средневековой историографии традиционных "портретах" - исторически деятелей, воспроизвести эпизоды какой-либо битвы и т. д. Трудно найти среди средневековых хроник и летописей даже самого низкого уровня произведение столь же убогое по мысли, с таким же отсутствием логики повествования, столь же бедное при обращении к конкретным фактам столь же "безлюдное", столь лишенное топонимических ориентиров. Словом, и анализ "историографии" ВК говорит о том, что перед нами неудачно смонтированный фальсификат.

ИСТОЧНИКИ "ВЛЕСОВОЙ КНИГИ"

Защищая подлинность ВК, ее сторонники выдвигают, как им кажется, неотразимый аргумент. Если автор - фальсификатор, то откуда он мог почерпнуть столько сведений, "написать целую историю народа в его отношениях с добрым десятком иных народов: греками, римлянами, готами (годью), гуннами, аланами, костобочками, берендеями, ягами, осами, хазарами, дасунами, варягами и т. д. Он также описал взаимоотношения между рядом славянских племен: русами, хорватами, борусами, карпами, киянами, иломерами, антами, русколунами и т. д." (с. 30).

Знакомясь с текстом ВК, мы убеждаемся, что история этих отношений изложена невнятно, лишена конкретности, а большинство перечисленных тут племен и народов упомянуто в ВК один-два раза в крайне неясном контексте.

Вот несколько цитат из ВК (цитирую по М), в которых говорится о взаимоотношениях славян с их соседями: "бія ту сѣща велика енззіце а кустобце се разити со злоіе утечеце" (дощечка 5б); "од орие то се обящи нашої оце со борусоі дораріеце до непреноі а карпанеске држава" (дощечка 6а); "себто по стоі два денсенте лятоі бране годе напіраема задэ (бѣща) егуншти а бренде шедша до полуноце мезе раріека дивуна а тамо то препадне іерманрех а гуларех вед ю на нове земле" (дощечка 6б). Приведем перевод тех же фраз, сделанный Б. А. Ребиндером: "И была тут сеча великая. Языцы и Костобоки сражались со злыми убегающими"; "От Ория - это наш общий отец со борусами и от Волги до Днепра" (дальнейшие слова читаются только в М и у Ребиндера не переведены); "Это было через сто двадцать лет. Готы бились с Гуннами (?) и отошли к северу между Волгой и Двиной и там осели (?). Иерманарех и Гуларех вели их на новые земли".⁵³

И тем не менее на источниках ВК стоит хотя бы кратко остановиться, ибо экзотические этнонимы и упоминания о неведомых историкам деяниях наших предков завораживающе действуют на иных читателей.

Основные исторические коллизии ВК суть отражение разного рода фантазий и домыслов на темы праистории славян, выдвигавшихся еще в XIX веке и особенно распространенных в кругу русских эмигрантов в 20-50-х годах нашего века. Мирлоубов в своих сочинениях (о которых речь пойдет далее) ссылается на ряд книг и статей, посвященных той тематике, в заглавиях которых постоянным спутником слова "история" являются определения "истинная", "неизвращенная", "подлинная" и т. д., иначе говоря, отличающаяся от научной, документально обоснованной истории славян. Источником

для некоторых сюжетов ВК могли стать, например, сочинения популярного в прошлом веке, по весьма несерьезного историка Д. Иловайского. В ВК наши предки выступают под именами русколанов или борусков, и у Иловайского мы найдем пространные рассуждения о тождестве роксалан, упоминаемых в греческих и римских источниках, со славянами, отождествление роксалан с антами и прямые указания типа: "роксаланское или русское племя", "роксалапский или русский народ" и т. д. У него мы найдем упоминания о битвах роксалан-русичей с готами и гуннами, а также с римлянами, найдем объяснение названия Пруссия как "Порусье" и связь этого названия с этнонимом "боруски".⁵⁴ Мы можем прочесть у него, например, что "в течение восьми веков (с I по IX век, - *О. Т.*)... роксаланский или русский народ пережил, конечно, много испытаний и много перемен. Он выдержал напоры разных народов и отстоял свою землю и свою самобытность, хотя и не раз подвергался временной зависимости, например от готов, гуннов и отчасти от авар". Далее говорится, что роксаланский народ "построил себе крепкие города и положил начало государственному быту с помощью своих родовых князей, из которых возвысился над другими род киевский".⁵⁵

Составителями ВК были использованы и серьезные исторические источники, однако недобросовестно. Из древнейшей русской летописи "Повесть временных лет" взяты имена князей (Аскольда, Дира, Кия, Щека, Хорива и сестры их Лыбедь, превращенной в приемника Кия - Лебедяна), отсюда же взяты названия племен (древляне, поляне, дулебы и др.), сведения о нашествии хазар. Имя "праотца" Оря, возможно, заимствовано из Ипатьевской летописи, где рассказывается о половецком певце Оре. Персонажи ВК - Рус, Славуна и Скиф - восходят к легендам XVII века, где говорится о братьях Славене и Скифе, или о Славене и Русе, имя Бравлина заимствовано из Жития Стефана Сурожского и т. д. Что же касается некоторых этнонимов, упомянутых в ВК и производящих впечатление на неискушенного читателя своей экзотичностью, то отыскать их не стоило особого труда. Такие этнонимы, как скифы, анты, роксаланы (обратившиеся под пером авторов ВК в "русколань"), борусы, языги, костобоки, карпы (так, согласно ВК, назывались русичи в то время, когда обитали в Карпатах), восходят в большинстве своем к античным источникам, в частности к "Географии" Клавдия Птолемея (III век), и постоянно упоминаются во всех сочинениях, посвященных проблемам происхождения славян, начиная со знаменитых "Славянских древностей" П. И. Шафарика. Там, например, говорится о роксоланах, языгах, костобоках, карпах, борусках, причем все эти племена упоминаются неоднократно.⁵⁶

Одним из источников ВК было также "Слово о полку Игореве". Русичи в ВК неоднократно именуется "Дажьбожьими внуками" (см. дощечки 1, За, 7б, 7в). Если в "Слове" говорится: "Въстала Обида въ силахъ Дажь-Божа внука, вступила дэвою на землю Трояню", то в ВК есть фраза: "зме (т. е. землю, - *О. Т.*) Трояню сме не дахом сен ромиема а да не встане обиденосще Дажбовем внуцем" (дощечка 7б). При этом здесь не просто упоминание сходных риторических фигур или словесных формул, как предполагал С. Лесной, обративший внимание на сходство "Слова" и ВК, а именно внутренне не мотивированное совпадение нескольких лексем: встать, обида, земля Трояня, Дажьбожь внук. Такой же параллелизм связывает фразу "Слова": "часто врани граяхуть, трупія себэ дэлячи, а галици свою рэчь говоряхуть, хотятъ полетети на уедие" и фразу ВК: "то галиця и врани од яди летяй" (дощечка 5б) Если в "Слове" жены сетуют, что им своих мужей "ни думою сдумати, ни мыслию смыслити", то в ВК "жены рещут: благвие утратитихом о разумьство наше". Если в "Слове" "ветри, Стрибожи внуци веють съ моря", то в ВК "стрібоі свищацуте во стпіях" (дощечка 5б); если в "Слове" "готския красныя дэвы въспэша на брезэ синему морю", то в ВК "у сине море стягша до берзе (вм. березе, березе? - *О. Т.*) годь (готы, - *О. Т.*)... одержаща на нь побэдну пісне" (дощечка 7б). Каждая из приведенных параллелей, взятая сама по себе, могла бы показаться случайным совпадением, но само число таких совпадений говорит о несомненной связи памятников. Если в "Слове" мы встретим "века Трояни", "тропу Трояню", "землю Трояню", то в ВК также "земля Трояня" (дощечки 7б, 7в) и "троянов вал" (дощечка 7ж), без какой-либо

попытки их локализации. Есть в ВК также "внук Троян(ов)" (дощечка 3б) и "век Троянов" (дощечки 3б и 7ж). Мы встретим в ВК и такие обороты, как "жале плакаться" (дощечка 1), "жале вел(и)ка с карину" (дощечка 8), встречается редкий этноним "русичи" (дощечка 8 (2), 8 (3), 14, 21), есть имя Горислав (дощечка 25); копен ВК обычно называет "комони"; встретим мы там и такие обороты, как "воины испияше воде живе" (дощечка 7д), "слава тјекошетъ по русіем" (дощечка 24), "туга велика" (дощечка 14). В ВК упоминается не только Калка (при этом она раздвоилась на Калку Великую и Калку Малую) но и Каяла: "мимоиде Каялэ иде ду Нэпрэ" (дощечка 38а).

Стоит заметить, что большая часть параллелей к "Слову" встречается именно на тех дощечках, которые не публиковались в "Жар-птице". Нельзя ли предположить, что именно эти дискредитирующие ВК параллели и могли явиться причиной того, что публикация данных дощечек была признана нецелесообразной?

КОГДА И ЗАЧЕМ БЫЛА СОЗДАНА "ВЛЕСОВА КНИГА"?

Но в запасе у защитников ВК остался еще один аргумент. "Если мы представим, что „Влесова книга" - фальсификация, - писал С. Лесной, - мы не можем найти ни малейшего объяснения для ее создания в наше время, даже если это время будет рассматриваться очень широко, хотя бы в пределах двух столетий" (с. 32). Аналогичный вопрос задавал и И. Кобзев: "С какой целью стал бы кто-то заниматься столь кропотливым и изощренным трудом подделки древней книги, если никому она не принесла за долгие годы ни славы, ни доходов, ни другой своекорыстной выгоды".⁵⁷ Даже если мы отклоним соображения меркантильного характера, вопрос "зачем" все равно не может перед нами не встать. Зачем создано это огромное (более трех печатных листов) сочинение?

Некоторые данные для ответа на этот вопрос содержат сочинения переписчика, комментатора и издателя ВК Ю. П. Миролюбова. Сочинения Ю. П. Миролюбова вышли в свет в Мюнхене в 1974-1984 годах, в девяти томах, уже после смерти автора (в 1970 году), и, вероятно, остались неизвестными С. Лесному и другим защитникам ВК. Первые три тома содержат рассказы, стихи и этнографические зарисовки обрядов и религиозных праздников в русской деревне. Остальные тома - работы Миролюбова, посвященные "праистории" славян и религии древних "русов". Нет смысла подробно характеризовать эти крайне дилетантские штудии, но стоит упомянуть основные выводы автора. Миролюбов утверждает, что "славяно-русы... являются древнейшими людьми на Земле" (т. 9, с. 125), что "прародина их находится между Сумером (Шумером? - О. Т.), Ираном и Северной Индией", откуда "около пяти тысяч лет тому назад" славяне двинулись в "Иран, в Загрос, где более полувека разводили боевых коней", затем "ринулись конницей на деспотии Двуречья, разгромили их, захватили Сирию и Палестину и ворвались в Египет" (т. 7, с. 186-187). В Европу, согласно Миролюбову, славяне вступили в VIII веке до н. э., составляя авангард ассирийской армии: "ассирийцы подчинили все тогдашние монархии Ближнего Востока, в том числе и Персидскую, а персы были хозяевами Северных земель до Камы. Ничего нет удивительного, если предположить, что славяне были в авангарде ассирийцев, оторвались от главных сил и захватили земли, которые им нравились" (т. 4, с. 160-161). Поэтому, признается Ю. П. Миролюбов, "придется поворачивать всю историю" (т. 7, с. 187). Легкость, с которой обращается со всемирной историей Ю. П. Миролюбов, говорит сама за себя, и, думается, не нужно пояснять, что никаких серьезных научных доказательств в его книгах мы не найдем.

Вторая, не менее "значительная" идея Миролюбова состоит в том, что религия древних славян - это "испорченный временем, обстоятельствами, событиями и переменой местожительства ведизм". После того как предки славян покинули прародину, их "жречество огрубело, забыло "одический язык", который "стал быстро меняться", и "скоро уже было невозможно записать по-санскритски сказанное по-славянски" (т. 4, с. 92-93). Миролюбов считает, что "славяне должны были обладать, хотя бы вначале, своей

письменностью. Не могло ведь быть, чтобы, выйдя из арийских степей, зная и даже сохраняя ведизм, славяне не знали бы письменности, на которой веда была писана" (т. 4, с. 177). Таким образом, важный вывод основан лишь на ничем не доказанном отождествлении древних славян с древними индийцами. Все интересы и пристрастия Миролюбива обращены в самое отдаленное прошлое. Даже от древнерусской литературы, хорошо известной и изученной, он попросту отмахивается как от несуществующей: "Русский языческий эпос исчез... есть у нас только „Слово о полку Игореве“, „Задонщина“". Далее Миролюбов называет еще "христианский эпос" - "Голубиную книгу" и "Хождение богородицы по мукам"; кроме того, упоминает он "какое-то языческое сочинение" - "Книгу о князем утерпении", виденную его родителями "еще в прошлом веке" (т. 6, с. 244).

Поэтому мы с нетерпением жаждем узнать об источниках, на основании которых Миролюбив "переворачивает" мировую историю и историю отечественной культуры. Читая его сочинения, мы видим немалое число совпадений с ВК: это и рассказ о праотце Оре, и утверждение, что русичи всегда мыслили о себе как о "Дажь-божьих внуках", и сведения о битвах с готами и костобоками, и мн. др. Особенно сближают "концепцию" Миролюбова и ВК сведения о древнерусском язычестве, причем стоит подчеркнуть, что это сходство проявилось не только в упоминании основных мифологических персонажей (Перуна, Стрибога, Велеса, Сварога и др.), что совершенно естественно, но и в совпадении имен и понятий, которые известны нам лишь из ВК и сочинений Миролюбова. Так, он неоднократно пишет о "Яви", "Прави" и "Нави", тут же подчеркивая, что, "несмотря на все усилия, автору этой статьи не удалось разыскать даже следов подобных верований в народе... Позже только в „Дошьяках Изенбека" удалось найти упоминание о „Яви, Прави, Нави“" (т. 9, с. 31).⁵⁸

Нагляден и другой пример. Миролюбив, ссылаясь на "Традицию", отмеченную им в народных верованиях, утверждает, что у "Деда Лесовика есть помощники", среди которых поименованы, в частности, Кустич, Листич, Травник, Стеблич, Кветич, Ягодич, Грибнич" (т. 5, с. 42) в другом контексте также упоминаются Травич, Сенич, Цветич, Стеблич, Листич (т. 6, с. 201). Искусственность этих именовании несомненна, но в то же время все они встречаются, в ряду других, в ВК, на дощечке 15б. К нашему изумлению, в большинстве случаев, рассказывая историю древних славян или реконструируя древнеславянскую мифологию, Миролюбив ссылается не на ВК, а на совершенно иные источники. Сведения о языческом пантеоне он получил якобы не только "в народе", но и от "старой Прабки Варвары, то есть от няни, воспитательницы отца" (т. 6, с. 13). Именно Прабка Варвара поименно вспоминает все языческие божества: "Огника, Огнебога, Индру, Сему и Ряглу, Дажба" и "всех Сварожичей" (т. 3, с. 51). Миролюбов специально подчеркивает "Мы не делаем никаких ссылок, потому что все эти объяснения слышали от Прабы Варвары, которая - одна - стоила целого факультета истории и фольклора" (т. 3, с. 65). Сведения о праистории славян-русичей Миролюбов почерпнул от другой старушки, обитавшей у них "на летней кухне" в 1913 году, - Захарихи.

Таким образом, реконструкция славянской истории и мифологии основана у Миролюбова на рассказах двух старушек да на наблюдениях за обычаями жителей трех сел - Юрьевки, Антоновки и Анновки. Видимо, и сам Миролюбов чувствовал ненадежность этих источников для решения поставленных им грандиозных научных задач, чувствовал и попытался "научно" обосновать их достоверность. Объясняя, почему языческие традиции сохранились в селе Юрьевке, Миролюбов пишет: "Думается оттого, что ближайшая станция железной дороги была верстах в ста, а Днепр с его пароходами находился в пятидесяти верстах, если не больше. Городская „культура"... юрьевцев не коснулась. Они остались вне ее влияния, как бы застыв на целую тысячу лет в своих традициях" (т. 4, с. 138). Не стоит недоумевать, как может *тысячелетняя* традиция сохраниться в украинском селе, столь удаленном, впрочем, от железной дороги, и пр. Сам Миролюбов, в другом месте, говорит, что село это находилось на Днепре, вблизи Кобеляк (т. 9, с. 22), верстах в десяти от железной дороги. С пафосом предьявленное

"научное" обоснование оказывается не только безграмотным, но и лживым.

Но, размышляя над источниками, на которых строит свои концепции Миролубов, мы не можем не задаться вопросом: а разве ВК, посвященная тем же самым проблемам и неоднократно текстуально перекликающаяся с его "фольклорными источниками", не была использована им как источник первостепенного значения, более надежный хотя бы уже потому, что автор ВК старше "Прабы" Варвары и Захарихи по крайней мере на 1100 лет? И вот тут начинаются загадки.

Сочинение "Ригведа и язычество", завершенное в октябре 1952 года, заканчивается следующей знаменательной фразой: "Большого о славянах мы не знаем и считаем пока нашу тему законченной. Может быть, новые данные и заставят нас к ней вернуться, но пока мы этот труд заканчиваем, так как лишены источников, могущих нам служить в этом вопросе" (т. 4, с. 251). А ВК, разве она не явилась таким источником? Этот вопрос тем более имеет основания, что некоторые фрагменты этой книги текстуально совпадают с ВК.

Когда же Миролубов рассуждает о происхождении славянской грамоты, то тут мы видим как бы подготовку к "обретению" ВК. Он пишет: "Мы утверждаем, что такая грамота (предшествующая кириллице, - *О. Т.*) была и что она, может быть, будет даже однажды найдена! И значит, заранее говорим, что крики критиков окажутся совершенно лишними" (т. 4, с. 178). И наконец, последнее: на единственной фотографии "дощечки" обращало на себя внимание, что буквы написаны не на строке, а "подвешены" к горизонтальной черте, как в алфавите деванагри.⁵⁹ В рассматриваемой книге мы находим этому объяснение. Однажды старый дед на хуторе к северу от Екатеринослава нас уверял: „В старовину люди грамоте знали! Другой грамоте, чем теперь, а писали ее крючками, вели черту богами, а под нее крючки лепили и читать по ней знали!“ (т. 4, с. 134). И далее следует рассуждение о том, что древнейшая славянская грамота была сходна с санскритским письмом. Напомним, забегаая вперед, что о зависимости графики ВК от "санскрита" Миролубов будет говорить неоднократно.⁶⁰

Итак, можно заключить, что в 1952 году ВК еще не существовала, но уже велась, вероятно, подготовка к ее созданию: продумывалось ее содержание, а вопрос о типе письма был уже решен - оно должно было включать элементы "санскритского" и готского письма. С этой задачей создатели ВК не справились, но следом этого является написание букв под чертой на дощечке 16.

В сочинении "Русский языческий фольклор. Очерки быта и нравов", законченном, вероятно, до конца 1953 года, встречаем первое сообщение о ВК, которое приведем полностью: у русичей "письмена были тоже разными, так как единства в них могло и не быть из-за различных условий торговых центров. В одних из них могли пойти в основу знаки готской письменности, а в других ведической. Мы ничего точного об этом не знаем, но логика стоит за это (!! - *О. Т.*). Впоследствии нам выпало большое счастье видеть „дощки“ из коллекции художника Изенбека числом 37, с выжженным текстом. Частью буквы напоминали греческие заглавные буквы, а частью походили на санскритские. Текст был слит. Содержание трудно поддавалось разбору, но по смыслу отдельных слов это были моления Перуну, который назывался временами „Паруном“ временами „Впаруной“, а Дажьбог назывался „Дажбо“ и „Даже“. Текст содержал еще описание, как „Велс учил деды земе рати“. На одной из них было написано о „Купебози“, вероятно, Купале, и об очищении „омовением“ в бане и жертвой „Роду рожаниц“, „иже есть Дедо свенту“. Были строки, посвященные „Стрибу, кий же дыха яко хще“, а также о „Вышенбг, иже есь хранищ живот наших“. Подробный разбор дощечек, которые нам удалось прочесть до их исчезновения, будет нами дан отдельно. „Дощки“ эти были подобраны Изенбеком во время гражданской войны в разгромленной библиотеке князей Задонских или Донских точно нам неизвестно, да Изенбек и сам не знал точного имени хозяев разгромленного имения" (т. 5, с. 25).

Итак, во время написания этой книги какие-то "дощечки" существовали. Но вот что примечательно. Во-первых, история знакомства с "дощечками" представлена иначе:

нет ни слова о том, что Миролубов в течение 15 лет тщательно копировал огромный и трудный текст, здесь всего лишь воспоминание о выпавшем "счастье видеть" и смутное обещание дать подробный разбор тех дощечек, "которые... удалось прочесть". Значит, история переписки и обработки текста была сочинена Миролубовым позднее. Во-вторых, содержание дощечек определено как "моления Перуну", и, судя по цитатам, далее приведенным, в "дощечках", возможно, были лишь тексты молитвенного или, во всяком случае, религиозного содержания.

В 1954 году Миролубов работает над книгой "Русский христианский фольклор. Православные легенды", вошедшей в 8-й том его сочинений. Автор задается вопросом: если в древности не было письменности, то как же "записывал свои торговые счета Новгород? Он ведь греческих букв не знал". И далее: "На этот вопрос дают ответ брюссельские (странное определение! - О. Т.) „Дощечки Изенбека". Грамота действительно существовала, и была она основана на смеси готических, греческих и ведических знаков. Эта грамота ("ранняя") была сродни грамоте „Дощек"" (т. 8, с. 167).

Мы найдем в этом томе и еще одно обращение к ВК, также касающееся вопросов графики. Миролубов пишет об алфавите дощечек, настаивая на наличии в его составе готских (рунических) букв и букв "санскритских". "Откуда они попали в эти „Дошечки", нас не интересует, - продолжал он. - Мы их видели лично, до исчезновения „Дощек", и читали тексты, видимо, писанные жрецом, как думает проф. А. Кур (т. 8, с. 235). Далее говорится, что в "дощечках", "как в санскрите", имеется "общая черта, под которой написаны каленым железом, видимо, буквы слитно и без разделения на фразы". Итак, снова подчеркнута, что "дощечки" писаны жрецом, что близко к версии о молитвенных текстах в них будто бы содержащихся. Важно, что Миролубов говорит здесь о выжженном тексте, тогда как в письме к С. Лесному от 11 ноября 1957 года он говорит уже, что текст был "нацарапан шилом" (см. выше). И наконец, любопытное заключение: "Так как эти „Дошечки" были обнародованы нами в „Жар-птице" (Сан-Франциско, Америка), то этика требует, чтобы мы воздержались от их изучения или построения наших догадок, теорий и т. д. Мы говорим о них в данной книге лишь вскользь. Остальное мы предоставляем г. А. Кур, кому, по его специальности, надлежит о них знать больше, чем всем остальным" (т. 8, с. 236).

Но почему же Миролубов столь ценный для его темы материал по истории русов и их религии предпочитает черпать из иных источников - рассказов Прабы Варвары, конюха Михайлы и Захарихи, "большая часть сказов" которой "представляет собой описание войн, нашествий и случаев из скотоводческого периода жизни славяно-русов", как подчеркивает он позднее (т. 9, с. 123)? Ведь все эти темы раскрываются и в ВК. И почему Миролубов передоверяет дальнейшее исследование источника, якобы им найденного, переписанного и изученного, А. А. Куру? Ответ, возможно, содержится в кратком замечании, следующем сразу же за описанием того, как выглядели на дощечке буквы *a* и *b*: "Эти буквы взволновали мнение славистов. Одни из них утверждают, что такие буквы - „выдумка", а другие, что они относятся к V веку! Кто прав? Мы думаем, что нельзя заранее отрицать, как нельзя и утверждать, без тщательного изучения текстов. Архаичность языка, однако, вполне подтверждает догадку, что это самостоятельно выработанный нами алфавит" (т. 8, с. 236). Итак, видимо, еще до публикации фотографии дощечки (в январе 1955 года) возникли споры: кто-то поддержал датировку V веком (именно эта дата отразилась и приведенном выше сообщении журнала "Жар-птица"), а другие сразу же определили ее текст как фальсификат. Миролубов обеспечивает себе отступление, отсылая интересующихся к Куру, так как для него важны не столько "дощечки", сколько содержащиеся в них "факты", и чтобы спасти эти "факты" для своей концепции, он жертвует "дощечками" и переносит "исторические свидетельства" из вызывавшей подозрение ВК в "сказы" Захарихи, реальность которых проверить уже никому не удастся.

Такая же картина ожидает нас и в сочинении "Русская мифология. Очерки и материалы", работа над которым была закончена в августе 1954 года. В этой работе

Миролюбов также ссылается по преимуществу на Прабу Варвару и Захариху.⁶¹ ВК упоминается вскользь (т. 6, с. 175, 185, 186, 214, 215), но затем, после утверждения, что "сказы Захарихи - единственное, что мы знаем из этих преданий прошлого" (т. 6, с. 277), вдруг появляется специальная глава "Еще о „дощках" Изенбека", которую приводим почти полностью. Миролюбов пишет: "Нами не раз были упомянуты в этом труде „Дощки Изенбека". Мы не касаемся их определения, ни характера их языка, который сильно отличается от всех известных нам записей X-го и других веков, но мы можем сказать наверное, что текст содержит учение язычества, воспоминания минувших, особенно ярких событий нашего народа, имена его вождей и призывает на защиту земли Русской всех, кто считает себя потомками Русколани, государства, бывшего где-то на Севере... Есть в „Дощках Изенбека" и некоторые мифы, которых мы нарочно не касались в наших трудах, считая, что ими должны заниматься другие, а не мы. Мы вообще не хотели публиковать текста „Дощек Изенбека", потому что такие публикации всегда вызывают дружное возмущение тех, кто даже „Слово о полку Игореве" считает подделкой. Критиков мы боялись, потому что обладали незапятнанным именем и не желали его делать нарицательным в устах невежественных людей. Не желали мы публикации текстов и из политических соображений, ибо наличие этих текстов может быть использовано нашими политическими врагами, большевиками. Однако судьба решила иначе, и тексты будут опубликованы А. А. Кур, который сопровождает их своими объяснениями... Серьезное изучение как языка „Дощек", так и их содержания, исторического значения, или религиозного, вероятно, придет значительно позже, когда улягутся „страсти". Этим мы хотим сказать, что никаких, слишком радикальных выводов из текстов мы лично не делаем и считаем, что сделать их можно будет лишь значительно позднее, когда ученые привыкнут к документу. Это отнюдь не является отрицанием „Дощек", ибо мы уверены, что они будут в будущем признаны весьма важными, но мы хотим лишь заявить, что их содержание нами не изучено и никаких теорий на их основании мы не строим" (т. 6, с. 279).

В 1967 году Миролюбов завершает работу над очередным сочинением - "Материалы к праистории Русов", - вошедшим в 7-й том собрания его сочинений. Это столь же дилетантское творение, как и другие сочинения Миролюбова.⁶² ВК упоминается в нем лишь по одному поводу Пересказывая легенду о Богумире (Миролюбов рассматривает ее как легенду, не более), он противопоставляет ВК и "сказы" Захарихи, причем оказывается, что Захариха точнее воспроизводит древний арийский миф, чем ВК (т. 7, с. 78).

В работе, написанной в конце 60-х годов, в книге "Славяно-русский фольклор", составившей 9-й том его сочинений, Миролюбов также занимает весьма осторожную позицию. Он по-прежнему опирается в основном на "сказы" Захарихи и лишь после этого пишет: "Позже судьба свела нас уже за границей с покойным художником Али Изенбеком, как его знали бельгийцы в Брюсселе. У него оказалась рукопись (? - О. Т.) „Дощки Изенбека". Этот документ мы изучали, переписывали, и хотя „Дощки Изенбека" пропали во время смерти художника (полковника артиллерии, командира Марковского дивизиона) или, может, изъяты гестапо вместе с 600 его картин" (фраза заканчивается именно так. О. Т.). Миролюбов оправдывается перед С. Лесным, упрекавшим его в том, что он не смог сберечь дощечек, тем, что спас хоть "тень" их "в виде их копии от руки". И далее Миролюбов пишет: "Мы не занимаемся вопросами „подлинности", разборами, выписками из „авторитетов" с указанием страниц. Мы считаемся лишь с содержанием „Дощек Изенбека" и Сказов Захарихи. Содержание же таково, что независимо от того, подлинны они или нет (?! - О. Т.), оно должно быть изучено. Записывая в этой небольшой книге Традицию, свидетелями которой мы были (имеются в виду пересказанные Миролюбивым предания, легенды и обычаи, - О. Т.), мы можем сказать, что ни Сказы Захарихи, ни „Дощки Изенбека" ей не противоречат. Наоборот, есть как бы взаимодополнение между всеми этими документами" (т. 9, с. 123-124).

Итак, предложим свое объяснение тому, как возникла ВК. В 1952 году, когда Ю. П. Миролюбов работал над своим сочинением "Ригведа и язычество", ВК еще не существовала (ему мог быть известен лишь "образец" для будущей книги, о чем ниже). Но идея о желательности подобной "находки" уже родилась. Поэтому Миролюбов с одной стороны, сетует на то, что он "лишен источников", а с другой - не только утверждает, что существовала древнейшая письменность, которую впоследствии "забыли", но и высказывает уверенность, что "она будет однажды найдена", предвкушая посрамление "критиков". В 1954 году работа уже ведется, и Миролюбов невольно "проговаривается" об этом в своих сочинениях. Так, допуская, что древнейшая письменность славян использовала готские и "санскритские" ("ведические") буквы, он пишет: "Мы ничего точного об этом не знаем, но логика стоит за это" (т. 5, с. 25), а сразу после цитируемой фразы говорит о "дощечках". При чем же логические допущения, если дощечки с древнейшей письменностью он уже видел?

ВК создавалась, вероятно, в течение нескольких лет, но Миролюбов и Кур поспешили объявить об этом еще до того, как окончательно отработали все элементы своей версии. И поэтому мы встречаем в сообщениях о ВК много противоречий: то говорится, что текст на дощечках был выжжен или написан каленым железом, то, что он был "нацарапан шилом"; сначала Миролюбов упоминает о "выпавшем счастье видеть" и "прочесть" дощечки, в которых многое ему было трудно понять и разобрать, а спустя два года утверждает уже (в письме к Лесному), что он в течение 15 лет переписывал текст ВК и изучал его. О содержании ВК сначала говорится весьма неопределенно, подчеркивается религиозный характер текстов ("моления Перуну"), а затем оказывается, что в переписанной Миролюбовым обширной книге содержится история русов почти за две тысячи лет.

Первоначально создатели ВК предполагали, для убедительности, воспроизвести "фотографии" дощечек. Но публикации "прориси" с "дощечки" в 1954 году и "фотостата" в 1955 году, видимо, вызвали критику. И тогда Миролюбов и Кур были вынуждены отступить: Миролюбов заявляет, что фотографии потерялись, а сообщение о том, что все же три Фотографии были сделаны, так и не было подкреплено их публикацией. Текст сочинялся с трудом. Вот почему, объявив о находке дощечек в 1953 году, Миролюбов и Кур приступили к их планомерной публикации лишь с марта 1957 года, а до этого публиковались лишь фрагменты.

Критика сенсационной находки испугала Миролюбова. Ему важно было спасти те идеи и "факты", которые были включены в ВК и нужны были ему для обоснования своих историографических и религиозоведческих "концепций". И чтобы спасти концепции, он предал "дощечки". Именно поэтому он ссылается в основном на своих информантов - Прабу Варвару и Захариху, а также на собственные этнографические наблюдения (их проверить было уже невозможно), а о дощечках говорит вскользь, препоручает их изучение и защиту их подлинности Куру.

Так постепенно затухает ярко вспыхнувшая в 1953 году сенсация в сочинениях одного из основных ее создателей - Миролюбова. Но любопытно отметить и диаметрально противоположную метаморфозу во взглядах на ВК С. Лесного. В 10-м выпуске своей "Истории „руссов" в неизвращенном виде" (Париж, 1960) Лесной буквально подводит к выводу о фальсификате: он подчеркивает, что Миролюбов и Кур упорно не допускают к текстам ученых, что странно прервалась публикация ВК, что "все попытки выяснения подробностей пресекаются", он требует передать "Русскому музею" в Сан-Франциско текст ВК и фотокопии, довести до конца публикацию и т. д. (с. 1162-1165). Но, видимо, Миролюбов сумел переубедить Лесного. Во всяком случае, последний уже в 1963 году намеревался выступить с докладом о ВК на Съезде славистов, в 1964 году посвятил ей большой раздел в своей книге "Русь, откуда ты?", а два года спустя вышла в свет его работа "Влесова книга...". Однако нам неизвестно, чтобы ВК заинтересовала кого-либо из европейских или американских ученых: Лесной, как и Миролюбов, работал в изоляции от специалистов.

И все же повторим наш вопрос: зачем создавали ВК? Трудно предположить, чтобы стимулом для этого трудоемкого предприятия стали чисто научные интересы (история славян или языческая религия в ее связях с "ведизмом"): создавать *фальсификат*, чтобы на его же основе заниматься *научными* разысканиями, - такой путь маловероятен. Ведь самые смелые домыслы дилетантов основываются, как правило, на вольном истолковании *подлинных* источников. Нельзя ли предположить, что сыграли свою роль чисто идеологические мотивы? Миролюбов писал: чтобы найти силы для борьбы с советским строем, "явлением демоническим и антихристианским", нужно "таить в себе божественное начало" (т. 3, с. 110-111), нужно помнить, что "в русской душе - источник мистического прозрения прошлого вечного" (там же). И поэтому задачу редакции "Жар-птицы" он формулирует как "изучение славянского прошлого, возможно более далекого", заявляет, что он и его единомышленники хотели бы это прошлое "разыскать" (т. 9, с. 9). Разыскать "нужное" прошлое не удалось, и его пришлось создавать самим. Не в этом ли разгадка истории "Влесовой книги"?

Но если мы правы, и создание ВК преследовало чисто идеологические задачи, то необходимо решительно отделить от создателей ВК тех любителей отечественной истории, которых ввела в заблуждение мистификация Миролюбова и Кура. Они, эти любители, надеялись увидеть в ВК ценнейший исторический источник, который позволяет проникнуть в такие глубинные пласты нашей истории, о которых не сообщают ни летописи, ни свидетельства европейских историков-современников. Этим поклонников ВК подвела доверчивость и ограниченные знания сложнейших проблем этногенеза, истории античности и средневековья, истории языка, истории религиозных воззрений и философии.

Другое дело те журналисты и писатели, которые, выступая в защиту ВК, не только не обратились за консультацией к специалистам, но, напротив, открыто критиковали науку, обвиняя ученых в предвзятости, чрезмерном скептицизме и даже отсутствии патриотизма. Такая позиция тем более недостойна, что опиралась на неточную, а в ряде случаев откровенно искаженную информацию. История ВК, думается, напомнит всем о том, что в погоне за сенсацией не следует пренебрегать элементарными правилами научных исследований и научной этики.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Итак, я попытался доказать, что та "Влесова книга", о которой спорили в нашей печати в 70-х годах, вовсе не бесценный исторический источник, а мистификация, при этом созданная в весьма близкое от нас время.

Но как же быть с теми оговорками и противоречиями в высказываниях Ю. П. Миролюбива, которые дают основание допускать, что какие-то дощечки (с молитвенными текстами, выжженными железом, а не процарапанными ножом) он все же видел? Не относится ли к их числу та единственная дощечка (напомним: она значительно отличается по объему содержащегося на ней текста от остальных), фотографию которой он решился опубликовать?

Еще в 1960 году, задумываясь над возможным образцом подделки, Л. П. Жуковская назвала в этой связи имя А. И. Сулакадзева.⁶³

Коллекционер и собиратель А. И. Сулакадзева (умер в 1830 году) был известен не только своим собранием рукописей и раритетов (среди которых были и такие, как дубинка Добрыни, камень с Куликова поля, на котором будто бы отдыхал Дмитрий Донской, и т. д.), но прежде всего своими подложными приписками, с помощью которых он придавал подлинным рукописям особую ценность, искусственно их удревняя или привнося в них уникальные известия.⁶⁴ Не чужд был Сулакадзева и изготовления поддельных рукописей. Его подделки смущали даже престарелого Г. Р. Державина, опубликовавшего фрагменты из них с факсимильным воспроизведением текста

(вероятно, с рисованной копии) и со своим поэтическим переводом.⁶⁵

Археограф и библиограф Е. Болховитинов упоминает эти сулакадзевские подделки в своем "Словаре": "Некоторые и у нас хвалились также находкой якобы древних славено-русских рунических письмен разного рода, коими написан Боянов гимн и несколько провещаний новгородских языческих жрецов, будто бы пятого века. Руны сии очень похожи на испорченные славенские буквы".⁶⁶ В статье "Боян", вошедшей в "Биографии российских писателей", Е. Болховитинов также упоминает сочинение Сулакадзева: "Недавно появился было найденный целый древлеславянский гимн Боянов князю Летиславу, писанный на пергаминном свитке красными чернилами, буквами руническими, донныне у нас бывшими в неизвестности. (Мнимый подлинник сего гимна и еще целая книга нескольких древних оракулов новгородских, писанных также на пергамене, находятся у г. Сулакадзева.- Прим. Е. Болховитинова). В сем гимне довольно подробно сам Боян о себе рассказывает, что он потомок Славенов... что отец его был Бус... что старый Словен лично видывал его и проч., но гимн сей в свет еще не издан и критикою не удостоверен, а потому за историческое доказательство принят быть по может".⁶⁷ Но если Е. Болховитинов словно бы колеблется в вынесении окончательного приговора, то выдающийся лингвист А. Х. Востоков совершенно безапелляционен в своем суждении о языке одного из сочинений Сулакадзева: "...исполненное небывалых слов, непонятных словосокращений, бессмыслицы, чтоб казалось древнее".⁶⁸ Характеризуя язык сочинений и приписок Сулакадзева, М. Н. Сперанский также писал, что "они часто представляют бессвязный набор слов, показывающий бессилие автора справиться с самыми простыми оборотами старинной речи".⁶⁹

Как видим, язык сулакадзевских подделок напоминает нам по общему своему характеру язык ВК. Но их сближает не только это. И у Сулакадзева и у создателей ВК тот же интерес к языческой древности, те же псевдославянские имена,⁷⁰ та же перекличка со "Словом о полку Игореве", тот же изобретенный алфавит, будто бы сходный с рунами (именно "рунический" алфавит, как помним, неоднократно упоминал Миролубов), тот же характер написания слов с пропуском гласных букв (ср. во фрагментах, опубликованных Г. Р. Державиным: плъ, блгъ, слвы, злымъ, жрцу и т. д.). Но самое любопытное, что написания букв в рукописи Сулакадзева, как можно судить по публикации Г. Р. Державина (приведшего, видимо, клише с копии), чрезвычайно близки к написаниям на фотографии "дощечки", опубликованной Миролубовым. Особенно велико сходство необычной по начертанию буквы, которая у Сулакадзева означала букву "в", а у Миролубова - "б".

Но нас ждет еще одно любопытное совпадение. Не все раритеты Сулакадзева были написаны на пергамене. В каталоге своей библиотеки, перечисляя "исполненные или пока только задуманные подделки", как скажет о них А. Н. Пыпин,⁷¹ Сулакадзёв назовет и такие: "Патриарси. Сея вырезана на буковых досках числом 45"; или: "О Китоврасе; басни и кощуны", с примечанием: "На буковых досках вырезано и связаны кольцами железными, числом 143 доски, 5 века на славенском".⁷²

Весьма вероятно, что подделки Сулакадзева (если они действительно были не только задуманы, но и исполнены и дошли до современников Миролубова) или описания их (у Державина, Болховитинова, Пыпина) помогли Миролубову в создании описания "Влесовой книги" и ее графики, натолкнули и на саму идею "деревянной книги". Наконец, допустимо, что А. Ф. Изенбек или кто-нибудь иной показывал Миролубову какую-то поддельную дощечку с текстом псевдоязыческих пророчеств. Что такие тексты Сулакадзёв сочинял, свидетельствуют его современники.

Но этот вопрос требует дальнейших разысканий.

¹ Книжное обозрение, 1987, № 40, 2 окт., с. 14.

² Наш современник, 1987, № 1. с. 75.

³ Книжное обозрение, 1987, № 40. 2 окт., с. 14.

⁴ Впервые это сравнение употребил поэт И. Кобзев в 1977 году (см. ниже).

- ⁵ Жуков Д. Из глубины тысячелетий. - Новый мир, 1979. № 4, с. 281.
- ⁶ Основные итоги своей работы я изложил в статье "Что стоит за „Влесовой книгой“?" (Лит. газ., 1986, 16 июля, с. 5).
- ⁷ См.: Шарлемань И. В. Сергей Парамонов о "Слово о полку Игореве". - ТОДРЛ, 1960, т. 10, с. 611.
- ⁸ Лесной С. "Влесова книга" - языческая летопись доолеговской Руси: (История находки, текст и комментарий). Виннипег, 1966, вып. 1. Далее ссылки на это издание даются и в тексте.
- ⁹ Изенбек якобы не помнил точно ни фамилии владельцев усадьбы, ни ее местонахождения. Впоследствии Б. А. Ребиндер высказал предположение, что это была усадьба Задонских Великий Бурлук (ныне это селение в западной части Харьковской области). См.: *Rehbinder Boris. Vie et religion des slaves le livre de Vles. Paris, 1980, p. 15-19.*
- ¹⁰ Текст воспроизводится по изданию: Влес книга: Літопис дохристиянської Русі - України. Лондон; Гага, 1972, ч. VI, с. 27.
- ¹¹ Издатель журнала "Жар-птица" А. Кур - это эмигрант, генерал А. Куренков. С. Лесной утверждает, что А. Кур - "ассиролог", и сожалеет, что в эмиграции он не имел условий для серьезной научной работы. Упоминается его сочинение, опубликованное в № 5-7 того же журнала за 1957 год под названием "Отрывочная, но истинная история наших предков". Б. А. Ребиндер (Op.cit., p. 10) указывает, что А. Кур был секретарем Музея русского искусства в Сан-Франциско.
- ¹² Влес книга: Літопис... ч. VI. с. 27.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ См.: Жуковская Л. П. Поддельная докириллическая рукопись: (К вопросу о методе определения подделок). - Вопросы языкознания, 1960, № 2, с. 143.
- ¹⁵ Тезисы С. Лесного "О „Влесовой книге“" были опубликованы в кн.: Славянска филология, т. 4. Доклада, съобщения и статии по литературознание. София, 1963, с. 321-323. Том был подписан к печати в июне 1963 года, за три месяца до съезда.
- ¹⁶ См.: Славянска филология, т. 6. Отчетни материали. София, 1965.
- ¹⁷ *Rehbinder Boris. Op. cit., p. 14.*
- ¹⁸ Жуковская Л. П. Поддельная докириллическая рукопись, с. 144.
- ¹⁹ Кобзев И. О любви и нелюбви. - Русская речь, 1970. № 3, с. 49.
- ²⁰ Скурлатов В., Николаев Н. Таинственная летопись: Гипотеза на проверке: "Влесова книга" - подделка или бесценный памятник мировой культуры? - Неделя, 1976, № 18, с. 10.
- ²¹ См., например, последние обобщающие работы: *Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962; Седов В. В. Происхождение и ранняя истории славян. М., 1979; Рыбаков Б. А. Новая концепция предыстории Киевской Руси (тезисы). - История СССР. 1981, № 1, с. 55-75; № 2, с. 40-59 и др.*
- ²² Подробнее о концепции "евразийцев" см.: *Шушарин В. П. Современная буржуазная историография древней Руси. М., 1964, с. 199-202, 260-264 и др.; Миронов В. Н. Некоторые схемы истории СССР в современной англо-американской буржуазной историографии. - В кн.: Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1976. с. 58-60.*
- ²³ Документ или подделка. - Неделя, 1976. № 33, с. 7.
- ²⁴ Буганов В. И., Жуковская Л. П., Рыбаков Б. А. Мнимая "Древнейшая летопись". - Вопросы истории. 1977, № 6, с. 202-205.
- ²⁵ Там же, с. 205.
- ²⁶ Жуков Д. Тысячелетие русской литературы. - Огонек, 1977, № 13, с. 29.
- ²⁷ Кобзев И. Где прочитать "Влесову книгу": Письмо в редакцию. - Лит. Россия, 1977. № 49, с. 19.
- ²⁸ Скурлатова О. Загадки "Влесовой книги". - Техника - молодежи. 1979, № 12, с. 55-59. Эта статья вошла также в сборник "Тайны веков" (М., 1983, вып. 3, с. 26-33).
- ²⁹ Техника - молодежи, 1979, № 12, с. 55.
- ³⁰ Там же, с. 57.
- ³¹ Жуков Д. Из глубины тысячелетий, с. 281.
- ³² Жуковская Л. П., Филин Ф. П. "Влесова книга..." Почему не Велесова? (Об одной подделке). - Русская речь, 1980, № 4, с. 117.
- ³³ Осокин В. Что же такое "Влесова книга?" - В мире книг, 1981, № 10, с. 70-73.
- ³⁴ Неверно утверждение о существовании фотокопий ВК, неверно, что она охватывает историю древних славян с V века до н. э. по VI-VII века н. э., неверно, что "Влесовой книгой" назвал дощечки А. Кур, и мн. др.
- ³⁵ Осокин В. Указ. соч., с. 74. См. также: Кобзев И. Где прочитать "Влесову книгу", с. 19.
- ³⁶ Осокин В. Указ. соч., с. 71.
- ³⁷ Там же, с. 73.

- 38 В. Вилинбахов - кандидат исторических наук, автор ряда статей о народных преданиях Новгорода, русском фольклоре, истории огнестрельного оружия на Руси.
- 39 *Старостин В. А.* 1) Дива былинные: Сказы и рассказы про русские народные былевые творения, М., 1974; 2) Илья Муромец: Богатырские былины для среднего школьного возраста. М., 1979; 3) Летучий корабль: Сказы. Кострома, 1961; 4) Русь богатырская: Былинные сказанья. М., 1974.
- 40 Об этом мне сообщил в личной беседе Б. А. Рыбаков. Д. С. Лихачев также специально обращался с аналогичным вопросом к В. Л. Янину.
- 41 *Скурлатова О.* Указ, соч., с. 55.
- 42 *Вилинбахов В.* Стоит об этом говорить. - Неделя, 1976, № 33, с. 7.
- 43 *Скурлатов В., Николаев Н.* Указ. соч., с. 10.
- 44 *Кобзев И.* Где прочитать "Влесову книгу", с. 19.
- 45 *Дико Н., Сучков А.* Расшифрована тайна бога света? - Московские новости, 1984. № 6.
- 46 *Миротворцев В. И.* Еще раз о так называемой Влесовой книге. - Русская речь, 1984, № 5, с. 110-117.
- 47 Об этом же пишет и Н. Ф. Скрипник. "К нашему большому удивлению, выяснилось, что между обоими вышеназванными текстами имеются сотни различий, какие никак нельзя объяснить обычной редакционной правкой (Влес книга: Літопис дохристияньскої Русі-України. Лондон; Гага, 1975, ч. VII, с. 1).
- 48 Фотокопии с публикаций в "Жар-птице" и с бумаг из архива Ю. П. Миролубова опубликованы в VI и VII частях того же издания.
- 49 По мнению О. Скурлатовой, Семиречье - это область Центральной Азии, откуда "часть наших предков... шла через горы на Юг (судя по всему, в Индию), другая часть пошла на запад, „до Карпатской горы"" (*Скурлатова О.* Указ. соч., с. 57).
- 50 В традиции интерпретаторов ВК это лицо отождествляется с готским королем Эрманарихом (ум. в 375 году н. э.).
- 51 По современным научным представлениям, в начале первого тысячелетия до н. э. славяне обитали в Центральной Европе, а не за Волгой; готы, двигаясь с севера, достигли степей северного Причерноморья в начале III века н. э., а не в IX веке до н. э., как вытекает из рассказа ВК.
- 52 Точнее, здесь сказано, что Аскольд жил за 1300 лет "до исхода из Карпат" (вероятно, это случайный недосмотр создателя ВК; он хотел сказать - "после").
- 53 Знаки вопроса в скобках принадлежат переводчику, включенное в скобки в цитате с дощечки бб читается в машинописи Миролубова.
- 54 *Иловайский Д.* Разыскания о начале Руси. М., 1876, с. 330-337.
- 55 Там же, с. 109-110.
- 56 Славянские древности: Сочинение П. И. Шафарика / Перевод с чешского И. Бодянского. М., 1837, т. 1, кн. 2, с. 41, 43, 47, 51, 52, 59-61, 124, 125 и др.
- 57 *Кобзев И.* Где прочитать "Влесову книгу", с. 19.
- 58 Миролубов объясняет эти понятия так: "Явь" - действительность, реальность, видимый мир; "Правь" - невидимый "костяк" реальности, на котором та держится; "Навь" - потусторонняя, лишенная "Прави" "Явь" (т. 9, с. 31).
- 59 Любопытно, что Миролубов постоянно говорит о "ведическом" письме и санскрите как языке, имеющем свою письменность. Это не так: деванагри - система письма, используемая для записи санскритских текстов, - возникла в начале второго тысячелетия нашей эры. Веды были созданы 1000-1200 лет до нашей эры, а записывать их начали несколькими веками позднее, используя для этого разные системы письма.
- 60 См. в его письме С. Лесному от 26 сентября 1953 года: "...это были греческо-готские буквы... среди коих были и буквы санскритские"; об этом же Миролубов пишет и в своих сочинениях (т. 5, с. 25; т. 8, с. 236).
- 61 Трудно удержаться и не привести "научного аргумента" в пользу достоверности сказов: "Их нельзя отнести за счет ее (Захарихи, - *О. Т.*) собственной фантазии, так как она утверждала, что сама научилась им от древней старухи, когда была еще девчонкой"; к тому же в сказах упоминаются "всякие такие вещи и события, которых Захариха, простая женщина, придумать сама не могла" (т. 6, с. 106).
- 62 Здесь мы встретим очень любопытное рассуждение о ценности гадания (!) как средства прогнозирования жизни общества: "Если жизнь людей управляется Большими Числами, вернее, законами этих чисел, то сейчас же возникает вопрос о благоприятных и неблагоприятных периодах. Отыскание благоприятного периода и есть цель гадания" (т. 7, с. 53) и т. д.
- 63 *Жуковская Л. П.* Поддельная докириллическая рукопись, с. 144.
- 64 См. о нем: *Пытин А. П.* Подделки рукописей и народных песен. СПб., 1898; *Сперанский М. Н.* Русские подделки рукописей в начале XIX века: (Бардин и Сулакадзев): - В кн.: Проблемы

источниковедения. М., 1956, с. 62-74, 90-101.

⁶⁵ *Державин Г. Р.* О лирической поэзии. - В кн.: Чтения в Беседе любителей русского слова. СПб., 1812, кн. 6, с. 5.

⁶⁶ [*Болховитинов Е.*] Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. СПб., 1827, т. 2, с. 59.

⁶⁷ [*Болховитинов Е.*] Биография российских писателей. - Сын отечества, 1821, ч. 70, с. 174-175.

⁶⁸ Переписка А. Х. Востокова. - В кн.: Сборник ОРЯС. СПб., 1873, т. 5, вып. 2, с. 392.

⁶⁹ *Сперанский М. Н.* Указ. соч., с. 71.

⁷⁰ Приведем в качестве примера заголовков одной из рукописей Сулакадзева: "Перуна и Велеса вещания в киевских капищах жрецам Мовеславу, Древославу и прочим", повествующей якобы "о событиях V или VI века", как указывал Сулакадзев.

⁷¹ *Пытин А. И.* Указ. соч., с. 10.

⁷² Там же, с. 11, 13.

Творогов О.В. Влесова книга

Предлагаемая читателю работа необычна по своему жанру и теме для научного ежегодника, каким являются «Труды Отдела древнерусской литературы»: исследуется и публикуется источник, являющийся, как мы попытаемся доказать, фальсификатом нового времени - середины нашего века. Но сочинение это - так называемая «Влесова книга» (далее - ВК) - интересно для истории науки и для истории общественной мысли.

Во-первых, потому, что на примере полемики вокруг ВК, объявлявшейся «бесценным источником» для познания древнейшей истории нашего народа, наглядно раскрываются сам механизм создания псевдонаучной сенсации, мотивы и приемы несерьезного популяризаторства в его борьбе с «официальной наукой». Споры вокруг ВК убеждают в непреложности требования, чтобы трезвый источниковедческий анализ, осуществленный специалистами, всегда предшествовал публичному обсуждению тех или иных открытий и гипотез в области истории культуры и гуманитарных наук.

Во-вторых, нужно признать, что ВК не совсем заурядный памятник по ответственности затронутых в нем проблем и по грандиозности самого предприятия - ведь текст ВК составляет по объему более трех печатных листов. Поэтому на нем можно проследить методику создания историографического и языкового фальсификата, установить идеологическую его программу, которая (как в нашем случае) может быть скрыта от малоосведомленного читателя.

В-третьих, важно представить не только всесторонний анализ текста ВК, рассмотрев источниковедческие, лингвистические и историографические проблемы, к этому относящиеся, но и познакомить с самим этим текстом. Только таким образом можно дать возможность каждому убедиться в его искусственности и навсегда похоронить надуманное обвинение, будто ученые из каких-либо престижных или конъюнктурных соображений «скрывают» текст ВК от народа.

Выражаем глубокую признательность инженеру из г. Руаяя (Франция), нашему соотечественнику по рождению - Б. А. Ребиндеру, любезно приславшему в Отдел древнерусской литературы материалы о ВК. Без них наша работа не смогла бы состояться.

История находки и публикации «Влесовой книги» за рубежом

Название «Влесова книга» дано рассматриваемому памятнику одним из энтузиастов его изучения и публикации - С. Лесным. С. Лесной - псевдоним доктора биологических наук, специалиста по систематике двукрылых С. Парамонова. Парамонов бежал из Киева в 1943 г.¹ и впоследствии обосновался в Австралии. Под псевдонимом С. Лесной он опубликовал несколько дилетантских книг об истории Руси и «Слове о полку Игореве». В его сочинении «Влесова книга...»² наиболее подробно изложена история находки и публикации памятника. История эта такова.

В 1919 г. полковник белой армии А. Ф. Изенбек обнаружил в разоренной помещичьей усадьбе³ деревянные дощечки с письменами на них. Он приказал денщику собрать дощечки в мешок и увез их с собой. В 1925 г. А. Ф. Изенбек, проживавший в Брюсселе, познакомился с Ю. П. Миролюбовым. Инженер-химик по образованию, Ю. П. Миролюбов не был чужд литературных занятий: он писал стихи и прозу, но большую часть его сочинений (посмертно опубликованных в Мюнхене) составляют разыскания в области религии древних славян и русского фольклора. Миролюбов поделился с Изенбеком своим замыслом написать поэму на исторический сюжет, но посетовал на отсутствие материала. В ответ Изенбек указал ему на лежащий на полу мешок с дощечками («Вон, там в углу, видишь мешок? Морской мешок? Там что-то есть». «В мешке я нашел, - вспоминает Миролюбов, - „дощьки“, связанные ремнем, пропущенным в отверстия»⁴). И с той поры Ю. П. Миролюбов в течение

пятнадцати лет занимается переписыванием текста с дощечек. Изенбек не разрешает выносить дощечки, и Миролюбов переписывает их либо в присутствии хозяина, либо оставаясь в его «ателье» (Изенбек разрисовывал ткани) запертым на ключ. Миролюбов переписывал, с трудом разбирая текст и, по его словам, реставрируя пострадавшие дощечки («стал приводить в порядок, склеивать...», - вспоминает Миролюбов⁵). Он вспоминал также: «Я смутно предчувствовал, что я их как-то лишусь, больше не увижу, что тексты могут потеряться, а это будет урон для истории... Я ждал не того! Я ждал более или менее точной хронологии, описания точных событий, имен, совпадающих со смежной эпохой других народов, описания династий князей и всякого такого материала исторического, какого в них не оказалось».⁶ Какую часть текста ВК Миролюбов переписал, С. Лесной установить не смог. В 1941 г. Изенбек умирает, и дальнейшая судьба дощечек неизвестна. Проходит двенадцать лет. И вот в ноябре 1953 г. в журнале «Жар-птица», издававшемся русскими эмигрантами в Сан-Франциско (первоначально - ротапринтом), публикуется следующая заметка:⁷

Колоссальнейшая историческая сенсация

При некотором нашем содействии - воззвании к читателям журнала в сентябрьском номере журнала - и журналиста Юрия Миролюбова отыскались в Европе древние деревянные "дощьки" V века с ценнейшими на них историческими письменами о древней Руси.

Мы получили из Бельгии фотографические снимки с некоторых из "дощечек", и часть строчек с этих старинных уник уже переведена на современный русский язык известным ученым-этимологом Александром А. Кур⁸ и будет напечатана в следующем, декабрьском номере нашего журнала.

Редакция.

По этому сообщению можно было понять, что дощечки нашлись или что, во всяком случае, редакция получила фотоснимки с них. Но в январском номере журнала за 1954 г. было опубликовано письмо Ю. П. Миролюбова, в котором, в частности, говорилось: «... фотостатов мы не могли с них (видимо, с досок. - О. Т.) сделать, хотя где-то среди моих бумаг находится один или несколько снимков. Если найду, то я их с удовольствием пришлю. Подчеркиваю, что о подлинности дощечек (так!) судить не могу».⁹ В дальнейшем в журнале появится еще несколько сообщений о «фотостатах», весьма противоречивых: в 1957 г. (октябрьский номер) Миролюбов признает, что «фотографии текстов немногочисленны, репродукции неясны»; в январе 1959 г. А. Кур упоминает «фотостатные снимки других дощечек», которые у него имеются. По сведениям самого Миролюбова, он сделал фотографии с трех дощечек.¹⁰ Так или иначе, но опубликован был в январе 1955 г. единственный «фотостат» - те самые десять строк с дощечки под №16, которые воспроизводит в своей книге С. Лесной; этот же снимок был прислан на экспертизу в Академию наук СССР и помещен в статье Л. П. Жуковской в журнале «Вопросы языкознания».¹¹ Невольно создается впечатление, что издатели вводили читателей в заблуждение: то заманивали их обещаниями продемонстрировать имеющиеся фотоснимки, то, напротив, утверждали, что их нет, они утрачены и т. д.

Не менее странно и другое: объявив о находке дощечек в ноябре 1953 г., редакция не спешит публиковать тексты. В течение трех лет публикуются лишь статьи А. Кура, в которых в общей сложности воспроизведено около 100 строк из ВК, но публикация полного текста отдельных дощечек началась лишь с марта 1957 г. и продолжалась до 1959 г., когда журнал «Жар-птица» прекратил свое существование.

В конце 60-х гг. о ВК упоминает в своих книгах «История руссов в неизвращенном виде» (Париж; Мюнхен, 1953-1960; материалы о ВК - в вып. 6-10) и «Русь, откуда ты? Основные проблемы истории Древней Руси» (Виннипег, 1964) С. Лесной, затем он посвящает ей специальную работу - уже упомянутое издание «Влесова книга». В 1963 г. С. Лесной опубликовал тезисы своего предполагаемого сообщения о ВК на 5-м Международном съезде славистов,¹² - однако на съезде он не присутствовал и доклада о ВК не делал.¹³ После смерти С. Лесного о ВК на Западе забыли. Интерес к ней вновь пробудился в середине 70-х гг., когда издаются несколько выпусков серии «Влес книга». По сообщению Б. А. Ребиндера, к моменту его знакомства с энтузиастом изучения ВК Н. Ф. Скрипником «имелось два перевода на русский. Один сделал Лазаревич, а другой Соколов в Австралии. Перевод на украинский сделал Кирпич. Имелись также перевод на английский, сделанный Качуром, а также на украинский, бытующий в Канаде».¹⁴ С этими публикациями нам познакомиться не удалось, но перевод ВК на русский язык, осуществленный Б. А. Ребиндером (автор любезно прислал нам два выпуска своей работы «Влесова книга», изданной ротапринтом), опиравшимся на все предшествующие издания и переводы, свидетельствует о том, что серьезного научного анализа текста ВК и ее содержания не проводилось.

Посмертная публикация сочинений Ю. П. Миролюбова, осуществленная в Мюнхене в 1977-1984 гг., вносит важные коррективы в приводимые здесь сведения, но сочинения эти не были, вероятно, известны ни Ребиндеру, ни Лесному. Поэтому и мы обратимся к их анализу в заключительной части

работы, а пока «примем на веру» версию, изложенную С. Лесным.

«Влесова книга» в советской печати

В 1960 г. С. Лесной прислал в Советский славянский комитет фотографию с одной из дощечек ВК. Академик В. В. Виноградов поручил экспертизу снимка палеографу и языковеду Л. П. Жуковской. Она располагала весьма ограниченным материалом (на дощечке читалось всего десять строк текста), однако смогла прийти к принципиально важным выводам. Во-первых, было отмечено, что фотография сделана, видимо, не непосредственно с дощечки, а с прориси. Во-вторых, Л. П. Жуковская указала, что если по палеографическим данным (хотя они и вызывают сомнение) нельзя прямо судить о подделке, то данные языка, напротив, свидетельствуют о том, что «рассмотренный материал не является подлинным».¹⁵ С. Лесной весьма своеобразно оспорил этот довод: он посчитал, что соображения эксперта не имеют основания уже потому, что «он этого языка не знает».¹⁶ Этот глубокомысленный вывод повторяют и некоторые наши журналисты, не понявшие, как и С. Лесной, на чем основано суждение Л. П. Жуковской: не на странности или исключительности форм, а на сочетании в тексте таких разновременных языковых фактов, которые не могли сосуществовать ни в одном реальном славянском языке, и уже по крайней мере в языке восточнославянской группы, на отражение которого претендует ВК.

После публикации статьи Л. П. Жуковской о ВК в нашей стране надолго забыли. Вспомнил о ней поэт И. Кобзев в 1970 г. Впрочем, его сведения о ВК в тот момент были весьма ограниченны: он полагал, например, что ВК была обнаружена в Австралии.¹⁷

Всплеск ажиотажа вокруг ВК начинается в 1976 г. Можно предположить, что авторам статей об этом памятнике стали каким-то образом доступны публикации текста и переводы ВК, появившиеся незадолго перед тем на Западе. В 1976 г. газета «Неделя» печатает статью В. Скурлатова и Н. Николаева. Ей предпослано небольшое вступление от редакции, в котором мы, в частности, читаем: «Содержание ее (ВК. - О. Т.) столь необычно, что не укладывается в рамки существующих представлений о древности славянской письменности. И, может быть, поэтому недоверие было первой реакцией некоторых ученых».¹⁸ Заметьте: «первой реакцией». Значит, была и другая, последующая реакция? К тому же, если это реакция «некоторых ученых», то значит есть и другие ученые - поверившие? Так уже в первой статье о ВК выдвигается тезис, будто бы ученый мир по отношению к ВК разделился на две группы: сторонников и противников ее подлинности. Нам еще придется не раз говорить о полной безосновательности такого утверждения, а сейчас остановимся на собственно «научных» суждениях, к которым привело редакцию и авторов статьи знакомство с ВК.

Итак, эта «таинственная летопись» позволяет «по-новому поставить вопрос о времени возникновения славянской письменности». Но, по самым оптимистическим прогнозам сторонников ВК, она относится ко второй половине IX в. (в ней упомянуты Рюрик, Аскольд и Дир!), т. е. ко времени **после** создания славянской азбуки Кириллом и Мефодием. Поэтому данный вопрос может быть поставлен лишь в том случае, если окажется, что алфавит ВК **не зависит** от кириллического и архаичнее его. Но в том-то и дело, что в основном ВК употребляет слегка деформированные буквы кириллического алфавита.

«Необычность содержания» ВК ставит перед исследователями совершенно иной вопрос: о соответствии этого содержания современным научным представлениям о происхождении славян. Однако В. Скурлатов и Н. Николаев без каких бы то ни было оговорок выступают в роли доверчивых читателей ВК. Она, по их словам, «изображает совершенно неожиданную картину далекого прошлого славян, она повествует о русах как "внуках Дажьбога", о праотцах Богумире и Оре, рассказывает о передвижении славянских племен из глубин Центральной Азии в Подунавье, о битвах с готами и затем с гуннами и аварами, о том, что трижды Русь погибнувшая восстала. Она говорит о скотоводстве как основном хозяйственном занятии древних славяно-русов, о стройной и своеобразной системе мифологии, миропредставлении, во многом неведомом ранее. Придумать такое вряд ли под силу какому-либо заурядному фальсификатору». Как именно изложена в ВК эта «картина далекого прошлого славян», мы будем еще говорить далее, сейчас же обратим внимание на другое. Создается впечатление, что ВК восполняет недостаток наших сведений, но ни слова не говорится о том, что историографические представления, изложенные в ВК, самым решительным образом сталкиваются со всей суммой знаний, добытых совместными усилиями археологов, лингвистов, этнографов и историков, опирающихся на многочисленные факты и источники, знаний, положенных в основу современных представлений о происхождении славян.¹⁹

Впрочем, научные концепции не обойдены вниманием В. Скурлатова и Н. Николаева. Они пишут: «Оригинальна версия о степном центрально-азиатском происхождении наших предков. В трудах недавно умершего Г. Вернадского и других историков-"евразийцев" допускается эта возможность». Перед нами иллюзия научного обоснования историографической: концепции ВК, рассчитанная на то, что широкому читателю неизвестно крайне негативное отношение советской науки к концепции «евразийцев», выдвинутой в 20-30-х гг. нашего века и в настоящее время не имеющей последователей.²⁰

Мы так подробно остановились на этой газетной статье не случайно. Во-первых, в ней «заложены» все основные направления, по которым в дальнейшем будет разворачиваться «защита» ВК от науки; во-вторых, она - основной источник для многих исследуемых публикаций, авторы которых свои сведения о ВК черпали в основном из данной статьи.

В 1976 г. в «Неделе» появляется еще одна подборка мнений о ВК. В ней представляет интерес выступление писателя В. Старостина, которое вносит в пропаганду ВК новый - эмоциональный нюанс: «. . . Для меня и в маленьких отрывках, но большой смысл открылся. Одни имена уже неподдельны и неподражаемы: Богумир, Славуна, а вместо Рюрика - Ерек: дивно прекрасен оборот "прибежищная сила" - все это мог создать, только народ. А найдись бы творец да сотвори все это пусть и в недавние времена единственно из сердца своего - значит, такой человек безмерно даровит. И в том и в другом случае "Влесова книга" - бесценный дар и недопустимо замалчиванием отстранять от нее читателей и писателей»²¹.

В 1977 г. свое суждение о ВК выразили ученые-историки - академик Б. А. Рыбаков, В. И. Буганов и лингвист Л. П. Жуковская.²² Они еще раз рассмотрели лингвистические и палеографические черты воспроизведенной в печати дощечки, отметили крайнюю наивность легенды о Богумире и Оре и подчеркнули, что попытка передислоцировать прародину славян в Центральную Азию опровергается всем развитием знаний об этногенезе индоевропейских народов.

Но предостережению ученых не вняли. Писатель В. Жуков, упомянув о «возобновлении изучения "Влесовой книги"», добавил, что необычность ее содержания явилась «предметом научных споров и даже обвинений в мистификации».²³ Неясно, о каких научных спорах идет речь, но формулировка В. Жукова невольно приводит читателя к мысли, что обвинение в мистификации - всего лишь досадное недоразумение.

В том же 1977 г. поэт И. Кобзев выступает на страницах «Литературной России» со статьей, в которой пытается придать интересу отдельных людей к ВК поистине всенародный характер: «Уже на протяжении многих лет судьба этой древнерусской рукописи волнует умы и сердца людей» - восклицает он. И далее, вопреки фактам (о чем было сказано выше) утверждает, будто бы на V Международном съезде славистов «обоснованно и серьезно поднимался вопрос о необходимости тщательного изучения этого литературного памятника». И. Кобзев кощунственно соотносит судьбу ВК с судьбой «Слова о полку Игореве», в подлинности которого также сомневались, и утверждает, что «отрицательную роль сыграли выступления в печати *некоторых слишком уж осторожных скептиков* (курсив наш. - О. Т.), которые еще до ознакомления советских читателей с полным текстом летописи объявили ее "подделкой" и "мистификацией"..."²⁴ Снова читателя дезориентируют: крупнейшие советские ученые анонимно зачислены в разряд скептиков, но умалчивается, что противостоят им лишь «некоторые» неспециалисты, поспешившие оповестить о ВК советских читателей раньше, чем проконсультировались о рекламируемом ими источнике со специалистами. Здесь необходимо сделать пояснение: полный текст ВК в наших библиотеках отсутствует, книга С. Лесного не могла дать о нем достаточного представления, и монопольное владение необходимыми изданиями до последнего времени ставило защитников ВК в чрезвычайно выгодное положение: их оппоненты могли основываться всего лишь на материалах одной опубликованной в «Вопросах языкознания» дощечки да на пересказе В. Скурлатова и Н. Николаева.

Вновь напомнил о ВК журнал «Техника - молодежи».²⁵ Тон обсуждению задает сама редакция. Статье О. Скурлатовой она предпосылает такое обращение: «На протяжении последних десятилетий идет непрекращающийся спор, связанный не столько с подлинностью дощечек (а об этом не спорят? - О. Т.), сколько с их содержанием, имеющим весьма большое значение для истории страны. Публикуя статьи... мы, отнюдь не настаивая на ее (ВК. - О. Т.) подлинности, даем повод нашим читателям поломать голову над разгадкой столь увлекательной тайны».²⁶

Редакция поступила весьма безответственно, во-первых, убеждая читателей в будто бы не прекращающемся десятилетиями и, как можно подумать, **научном** споре вокруг ВК, а во-вторых, заигрывая с ними, предлагая «поломать голову» над решением загадок этногенеза славян. Так подается пример дилетантского вторжения в сложнейшие проблемы, требующие глубоких специальных знаний. Статья О. Скурлатовой содержит в основном пересказ статьи В. Скурлатова и Н. Николаева, но автор вносит и свой вклад в решение «увлекательной тайны», излагая ее так, будто бы нет ни малейших сомнений в подлинности ВК. Она восторженно пишет, что в ней «четко засвидетельствовано (здесь и далее курсив наш. - О. Т.), что наши предки "водили скот от Востока до Карпатской горы". Таким образом, не Припятские болота, куда нас пытаются загнать некоторые археологи, а огромный простор Евразийских степей вплоть до Амура - вот наша истинная прародина. 400 лет назад русские лишь вернулись в родное Русское поле, которое тысячелетиями принадлежало нашим предкам. В том-то и заключается великая историческая ценность "Влесовой книги", что она явно свидетельствует о нашем исконном присутствии на нынешней территории страны».²⁷ Трудно даже комментировать этот безответственный пассаж!

В том же году появляется рецензия Д. Жукова на книгу Н. Р. Гусевой «Индуизм: История формирования. Культурная практика» (М., 1977). Рецензент, в частности, упоминает и о ВК. В книге

Гусевой, по его словам, нет «промежуточного звена» «между теми, кто нам известен под именем древних славян, и их предками, которые соседствовали с арьями, ушедшими в далекую Индию». По мнению Д. Жукова, «не должна быть упущена возможность заполнить этот пробел и при помощи недавно найденной "Влесовой книги"... Подлинность "Влесовой книги" подвергается сомнению, и это тем более требует ее публикации у нас и тщательного всестороннего анализа во избежание ненужных, ненаучных наслоений».²⁸ С этим предложением нельзя не согласиться. Анализ нужен, но, может быть, стоило бы и пропаганду ВК не разворачивать так широко до окончания этого анализа.

В 1980 г. в журнале «Русская речь» появляется статья члена-корреспондента АН СССР Ф. П. Филина и доктора филологических наук Л. П. Жуковской, где вновь анализируется язык ВК и на основе этого анализа делается весьма определенный вывод: «Это совершенно явная и грубая подделка, в которой нет ни "таинственности", ни "загадок"».²⁹ Но лингвистическая аргументация защитникам ВК кажется недостаточной.

Статья В. Осокина, опубликованная в 1981 г. в солидном журнале «В мире книг», не только оставляет без внимания мнение историков и лингвистов, но и является своего рода заключительным аккордом в гимне славословий ВК.³⁰ Автор стремится придать этому сомнительному сочинению статус ценнейшего источника, который остается без должного внимания лишь по упрямому недоверию «некоторых ученых». Неточностей и переделок в статье очень много,³¹ но на двух из них необходимо остановиться специально. Вслед за И. Кобзевым В. Осокин упоминает о «большом интересе» ученых, который ВК вызвала на V Международном съезде славистов, на котором будто бы «достаточно обоснованно и серьезно поднимался вопрос о необходимости тщательного изучения этого литературного памятника» и «решено было подробно изучить это - во многих отношениях таинственное - произведение».³² После такого утверждения невольно начинаешь проникаться уважением к ВК и недоверием к ученым-скептикам. Но в том-то и дело, что все сказанное не соответствует действительности: как уже было сказано, на съезде С. Лесной не присутствовал, доклада не читал, поэтому никакого обсуждения и тем более решения съезда о необходимости изучать ВК не было и быть не могло. Не случайно в книге, опубликованной в 1965 г., через три года после съезда, С. Лесной не упоминает ни одного ученого, который бы ознакомился с ВК или высказал о ней свое мнение.

Другая неточность имеет принципиальный характер. В. Осокин утверждает, что А. Кур и С. Лесной «отсылают все материалы (фотографии и дешифровки) в Москву, в Славянский комитет для консультации с советскими учеными».³³ Как мне известно, в Москву была прислана фотография с одной дощечки (да и то, как считает Л. П. Жуковская, - не с самой дощечки, а с прориси с нее). Если бы В. Осокин был прав, тогда и имели бы основания упреки, что ученые, располагая всеми необходимыми материалами, не опубликовали текст ВК и в то же время не высказались против нее с развернутой, а не частной аргументацией.

В 1984 г. И. Кобзев сообщает о попытках уточнить местонахождение усадьбы, где, по словам Ю. П. Миролюбова, А. Ф. Изенбек нашел дощечки.³⁴ Л. Сотниковой была предпринята попытка на основании ВК раскрыть закономерности славянского алфавита.³⁵

Но в сознании определенного круга любителей отечественной истории ВК все еще остается манящей загадкой. Статья в «Литературной газете», в которой я попытался рассказать о своих выводах, основанных на изучении полного текста ВК, все же не смогла ответить на все интересующие вопросы.³⁶ Об этом свидетельствует высказывание писателя Ю. Сергеева, приведенное в «Книжном обозрении»: «А "Велесова книга"? Ее давно пора издать. Но пока приходится слышать одни разговоры о том, не подделка ли это. Сомневающимся много. Непонятно другое: почему же тогда сомневающиеся не возьмут и не проанализируют книгу, не докажут, что "Велесова книга" имитирована кем-то? В связи с судьбой "Влесовой книги" вспоминается история "Слова о полку Игореве". Ведь в свое время и "Слово" называли подделкой».³⁷ Упреки знакомы, но справедливы ли? Можно возражать, что я не убедил Ю. Сергеева своими доводами в газетной статье, но анализ-то все же был сделан. И снова уже знакомая нам (не побоюсь повториться - кощунственная) параллель со «Словом»...

Характерен и тот факт, что ВК и рожденная ею идея о языческой литературе на бересте или дощечках находят свое отражение и в художественной литературе, как, например, в романе С. Алексеева «Слово» и романе Ю. Сергеева «Становой хребет». В последнем есть, в частности, такой эпизод. Герой попадает в скит, где в потаенной пещере видит целую библиотеку: «... широкие полки с уложенными на них бесчисленными берестяными листами и какими-то стопками дощечек». В том, что эта сцена навеяна разговорами о ВК, нет сомнений: герой берет одну из дощечек и читает на ней текст, являющийся бесспорно перифразой из ВК: «Богу Святовиду славу рцем, он ведь бог Прави и Яви, а потом поем песни...» и т. д.³⁸

В уже упомянутом выступлении на страницах «Книжного обозрения» Ю. Сергеев обещает, что во второй книге романа он заставит героя вернуться в эту «языческую библиотеку» и прочесть находящиеся там книги. «Я хочу художественно дать читателю надежду на то, что у нас еще до христианства была величайшая культура», - говорит писатель. Так ВК оказывается уже своего рода аргументом в его попытках по-своему решить один из сложнейших вопросов истории русской культуры.

Именно поэтому и представляются необходимыми публикация и анализ текста ВК и рассмотрение истории ее открытия и изучения Ю. П. Миролюбовым и А. Куром.

«Дошечки Изенбека» и их публикации

Обратимся теперь непосредственно к ВК, так как всесторонний анализ и дощечек и помещенного на них текста уже сам по себе поможет нам ответить на вопрос об их подлинности.

По сведениям Ю. П. Миролюбова, ВК представляла собой комплект дощечек с нанесенным на них текстом. С. Лесной цитирует письмо Ю. П. Миролюбова от 11 ноября 1957 г. (напомним: написанное по крайней мере через 16 лет после гибели или пропажи самих дощечек), в котором сказано следующее: «Дошечки были приблизительно одинакового размера, тридцать восемь сантиметров на двадцать два, толщиной в полсантиметра. Поверхность была исцарапана от долгого хранения. Местами они были совсем испорчены какими-то пятнами, местами покоробились, надулись, точно отсырели. Лак, их покрывавший, или же масло, поотстало, сошло. Под ним была древесина темного дерева. Изенбек думал, что "дошечки" березового дерева. Я этого не знаю, так как не специалист по дереву.

Края были отрезаны неровно. Похоже, что их резали ножом, а никак не пилой... Текст был написан или нацарапан шилом, а затем натерт чем-то бурым, потемневшим от времени, после чего покрыт лаком или маслом. Может, текст царапали ножом, этого я сказать не могу с уверенностью. Каждый раз для строки была проведена линия, довольно неровная. Текст был написан под ней... На другой стороне текст был как бы продолжением предыдущего, так что надо было переворачивать связку „дошек" (очевидно, как в листах отрывного календаря. - С. Л.). В иных местах, наоборот, это было, как если бы каждая сторона была страницей в книге. Сразу было видно, что это многостолетняя давность. На полях некоторых "дошек" были изображены головы быка, на других солнца, на третьих разных животных, может быть, лисы или собаки или же овцы. Трудно было разбирать эти фигуры... Буквы были не все одинаковой величины, были строки мелкие, а были [и] крупные. Видно, что не один человек их писал. Некоторые из "дошек" потрескались от времени, другие потрухлявились».³⁹

Трудно поверить, чтобы дощечки IX в., претерпевшие к тому же тяжкие испытания в наши дни (вспомним многотрудный вояж из России в Бельгию и пребывание в морском мешке, шесть лет провалявшемся в углу!), все же сохранились: ведь толщина в 5 миллиметров в сочетании с размерами 38 на 22 сантиметра придавала бы им необычайную хрупкость (рис. 1). Но закроем пока глаза на все эти странности, ибо нас ожидают в дальнейшем и другие загадки.

Сколько же было «дощечек-уникумов», если использовать выражение «Жар-птицы»? Неизвестно. С. Лесной лишь уклончиво пишет: «"Дощечки Изенбека" полнее "текста Миролюбова", так как Миролюбов по неуказанным причинам некоторые стороны дощечек не переписал (а может быть, и целые дощечки)», и сетует: «Даже такие элементарные вещи: сколько же было дощечек и их обломков, не сказано... ни слова».⁴⁰ В то же время в работе «Влесова книга» (с. 22) Лесной говорит о 35 дощечках, а Миролюбов в книге, возможно, оставшейся неизвестной С. Лесному, назовет число 37 (см. ниже, с. 247).

Но если допустить, что дощечки существовали, то было их гораздо больше. Говорилось, что каждая дощечка была исписана с двух сторон - лицевой и оборотной, обозначаемых издателями как «а» и «б» (таковы, например, дощечки 5а и 5б, 11а и 11б, 18а и 18б), но в некоторых случаях помер присваивается «связке дощечек» (это термин из публикации в «Жар-птице»): так, дощечка 4 имеет обозначения от «а» до «г», дощечка 6 - от «а» до «э» («э» следует после «е»), под номером 7 оказывается пять дощечек, см. также дощечки 17 (а, б, в), 24 (а, б, в, г) и др.

Но странно не только это. По словам Миролюбова, все дощечки были одинакового размера. В среднем они содержали от 19 до 21 строки. Дощечка 5а содержит 10 строк, дощечка 5б (оборотная сторона?) также 10 строк. Допустим, что дощечка эта не была записана полностью. На как понять, что существуют еще «осколки» дощечки 5б? Другой пример. Последней в «Жар-птице» была опубликована «Сборная дощечка № 27 (Готская)». Публикацию предваряет такое примечание издателя: «Дощечка эта собрана из обломков и осколков многих дощечек, найденных и подобранных вестовым полковника Изенбека. Названа она готской потому, что в текстах этих обломков и осколков упоминаются готы».

Но среди этих «обломков и осколков» сохранились такие, которые содержат отдельные строки. Это значит, что раздавленная дощечка раскололась так, что уцелели щепы длиной во всю длину строки (38 см) и шириной приблизительно в 1 см, ибо не показано, что уцелели, хотя бы фрагментарно, верхние и нижние строки. И еще странность: по крайней мере три фрагмента из этой злосчастной дощечки представляют собой почти дословное повторение текстов с дощечек № 5б, 6д и 8.

И последнее предварительное замечание. Б. Ребиндер, опубликовавший текст и перевод 27 дощечек, оставил для будущих публикаций дощечки 8 (1), 8 (2) и 8 (3), 14, 19, 21, 22, 23, 25, 26, 28, 29, 30, 32, 33 и 34.⁴¹ Он так поясняет свой отбор: «Все эти дощечки читаются легко. Распорядок слов в духе чешского языка, а главное - нет пропусков и азбука не влесовица, а русская с буквами Ы и Я. Мы предполагаем, что Ю. П. Миролюбов, который собирался написать книгу про князя Святослава, пробовал писать в духе Влесовой книги, т. е. языком десятого века. И для того чтобы не вводить людей в заблуждение, он нумеровал строчки до 45-ти и даже до 50. Поэтому мы решили покамест эти дощечки

не переводить. Но повторяем, что этот поверхностный анализ вышеупомянутых дощечек - только наше предположение.

Тексты этих дощечек можно изучать по книге Н. Ф. Скрипника "Влесова книга. V часть" (Гаага, 1972)».

Однако наиболее основательные наблюдения мы можем получить, обратившись к самому тексту ВК. Он известен нам по трем источникам: по публикациям в «Жар-птице» (далее - Ж),⁴² по машинописи, найденной в архиве Ю. П. Миролюбова в Аахене,⁴³ и по машинописи, найденной в Сан-Франциско, - это, как утверждают, тот именно текст, который Ю. П. Миролюбов посылал А. Куру для публикации.⁴⁴ Этот текст обозначим М, и он представит для нас особый интерес.

Публикуя фотокопии М, Н. Ф. Скрипник предпослал им следующее предисловие, которое мы воспроизводим (в своем переводе с украинского на русский):

«При тщательном разборе архива покойного Ю. Миролюбова в Аахене выявилось, что - кроме еще нигде не опубликованных 16-ти дощечек Изенбека⁴⁶ - в нем находились также и тексты следующих четырех дощечек, а именно: 16б, 34, 38а и 38б.

Тогда же было установлено, что далеко не все копии текстов, которые были уже опубликованы в "Жар-птице" и в сочинениях С. Лесного, сохранились в архиве.

Мы приняли за наиболее близкие к оригиналу Влес Книги те экземпляры рукописи Ю. Миролюбова, которые сам Ю. Миролюбов на своей пишущей машинке переписывал и посылал А. Куру в редакцию для печати.

Кроме того, письма Ю. Миролюбова к Н. Скрипнику... неоднозначно указывали, что рукопись Ю. Миролюбова находилась в распоряжении А. Кура.

Поэтому розыски этих документов в архиве покойного А. Кура были крайне необходимы. Госпожа Ж. Миролюбова решила поехать в Калифорнию, чтобы вместе с дочерью А. Кура - Любою - рассмотреть этот архив. Как результат этой поездки она привезла в Аахен тексты записи 30-ти текстов дощечек Изенбека, посланных Ю. Миролюбовым А. Куру, и некоторые его комментарии к Влес Книге. 27.6.1975 я получил возможность сделать фотокопии всех этих материалов в Аахене и послать их коллеге А. Кирпичу, который немедленно начал сравнение текстов Ю. Миролюбова с публикациями в "Жар-птице".

К нашему большому удивлению, выявилось, что между обоими вышеназванными текстами имеются сотни различий, какие никак нельзя объяснить обычной редакционной правкой... В качестве примера прошу сравнить тексты дощечек 6б и 6в, в которых в тексте А. Кура испорчено несколько чтений.

После тщательного обсуждения весьма странных и удручающих различий в текстах дощечек Изенбека мы - с коллегой А. Кирпичом - решили, что не имеем права ни скрывать, ни оставить их без пояснения.

Осуществляя это решение, я публикую в части 7 Влес Книги фотокопии всех экземпляров текстов, подготовленных самим Ю. Миролюбовым на основе его собственной рукописи и посланных им А. Куру для редактирования и публикации.

Для того чтобы сделать возможным сопоставление этих текстов Ю. Миролюбова с текстами "Жар-птицы", каковые были опубликованы в части 6 Влес Книги, оба издания объединены в одной брошюре...

Рукописи Миролюбова в архиве А. Кура пока не найдено, что, однако, не означает, что ее поиски окончены или безнадежны.

Гаага. 1.9.1975.

Н. Скрипник»⁴⁶

Приведем теперь сводные данные о местонахождении текста дощечек.

№ дощечек	Ж	М	Л (указан № дощечки в этом издании)
1, 2а, 2б, 3а, 4а, 4б, 4в, 4г, 5а, 5б, 5б (осколки), 6а, 6б, 6в, 6г, 6д, 6е, 6э, 7а, 7б, 7в, 7г, 7д, 7е, 7э, 7ж, 7з, 8	+	+	
8 (2), 8 (3)		+	
9, 10, 11а, 11б, 12, 13	+	+	
14		+	

15а, 15б, 16		+	
17а, 17б, 17в, 18а, 18б	+	+	6 (аверс и реверс), 7 (аверс), 8 (аверс и реверс)
19		+	
20 (отрывок)	+		
21, 22, 23		+	
24а, 24б, 24в, 24г	+	+	4 (аверс и реверс), 5 (аверс и реверс)
25, 26		+	
27 (осколки)	+		
28, 29, 30, 31, 32, 33, 34		+	
35а, 35б, 36а, 36б, 37а, 37б		+	1 (аверс и реверс), 2 (аверс и реверс), 3 (аверс и реверс)
38а, 38б		+	

Примечание. Знак + обозначает наличие текста в машинописи Ю. П. Миролюбова (М), публикации в «Жар-птице» (Ж) или в книге С. Лесного «Влесова книга» (Л).

Как видим, большая часть текстов читается в М и Ж (а некоторые из них переизданы и С. Лесным), часть только в М: это тексты, обнаруженные в Сан-Франциско в архиве А. Кура (дощечки 34, 38а и 38б) и в Аахене, в архиве Ю. П. Миролюбова (дощечки 8 (2), 8 (3), 14, 19, 21-23, 25-33).

Чтобы отвести упреки защитников ВК в том, что ученые скрывают ее от читателей, мы публикуем далее полный текст «Книги». Публикуется текст М, более полный и, как можно допустить, лучше отражающий «оригинал». Каждую группу публикуемых дощечек мы предваряем описанием отличий М и Ж, а также воспроизводим те примечания и комментарии, которыми сопровождалась публикации дощечек в «Жар-птице». Как будет видно далее, именно эти сопоставления текстов в версиях М и Ж дадут нам чрезвычайно ценный материал для суждений об истории текста ВК и методах работы ее публикаторов.

Дощечки публикуются по группам. В первую группу входят дощечки 1, 2а и 2б, 3а и 3б; во вторую - 4а-г; в третью - 5а, 5б и 5б (осколки); в четвертую - 6а-е и 6з; в пятую - 7а-е, 7э, 7ж и 7з; затем идут дощечки 8, 9, 10, 11а и 11б, 12, 13, 15а и 15б, 16; далее публикуются дощечки 17а-в, 18а и 18б, 24а-г и 27, затем дощечки, изданные только С. Лесным (35а и 35б, 36а и 36б, 37а и 37б). И, наконец, воспроизводятся тексты дощечек, сохранившиеся только в машинописи - в архивах Ю. П. Миролюбова и А. А. Кура: это дощечки 8 (2), 8 (3), 14, 19, 21-23, 25, 26, 28-34, 38а и 38б. Заготовки дощечек, написанные от руки, воспроизводятся на фотографиях (рис. 2-4).

Тексты публикуются в точном соответствии с машинописным текстом: точно воспроизводятся деление на слова, абзацы, нумерация строк, если она имеется, обозначения лакун двумя или тремя точками, все примечания и замечания, приводимые Миролюбовым в скобках (я выделяю эти слова курсивом), знак вопроса, иногда встречающийся в тексте, и т. д. Границы строк в машинописи Миролюбова я отмечаю косой чертой.

Каждую группу дощечек предваряют необходимые археографические и текстологические примечания - в частности, воспроизводятся все издательские примечания, которыми сопровождалась публикация дощечек в «Жар-птице».

Дощечка 1

В Ж текст озаглавлен: «Лист № 1; линии от 1 до 18 включительно, отрывок № 1, текст». Последние строки («работаті . . . све/редзь») опубликованы отдельно и озаглавлены: «Лист № 1, линии 1 до 2 (продолжение). Дощечка № 1 (текст 2)».⁴⁷ В М текст слитный, в Ж разделен на слова. Во всех публикациях текст разбит на нумерованные строки, выделенные графически. Концы строк в М и Ж совпадают, совпадают (за исключением одного случая) и указания на лакуну (или испорченный текст). Между М и Ж различия незначительны, например (первое чтение - по Ж, второе - по М): *щасоі - часоі; намо моодиру - намоодиру; невехоме - невехо; ніако - ньяко, а тако - ато; душі вон - душі наша вон; есе бо наколо - есьтонашеякосебоужинаідесебонаколо; врецете со - ререщашетесо*. После текста в Ж указание: «конец».

Дощечка 2а

В Ж текст озаглавлен: «Лист № 1, линии 1 до 21. Дощечка № 2 (текст) (отрывок)». В Ж текст разделен на слова, в М - слитный. Знаки лакун совпадают, но концы строк различаются на несколько букв. Много буквенных отличий, которые можно рассматривать как опечатки. Из лексических различий отметим (первое чтение - по Ж, второе - по М): *а боусіарусе - русь; по не вьждоі - поневждітамо.*

Дощечка 2б

В Ж текст озаглавлен: «Лист № 2, линии 7-12 вкл. отрывок. Дошьяка № 2. Текст». Текст слитный в М и Ж, концы строк не совпадают. В дальнейшем мы не будем указывать на это несовпадение, оно станет обычным явлением, отметим лишь те редкие случаи, когда такое совпадение обнаруживается.

Дощечка 3а

В Ж текст озаглавлен: «Лист № 2, линии 13-25. Отрывок. Дошьяка № 3. Текст». В Ж и М текст слитный. В Ж текст разбит на 15 строк, а не на 13, как следует из заголовка. Указания на лакуны в Ж и М совпадают.

Дощечка 3б

В Ж текст расчленен на две части. Первая часть (три строки) озаглавлена: «Лист № 2, линии 26-28. Отрывок. Дошьяка № 3. Текст». Текст в М и Ж слитный. Этот отрывок кончается словом *нашіюці* (в М: *нашіюці*). Помета «неразборчиво», читающаяся в М, имеется и в Ж. Вторая часть (11 строк) озаглавлена: «Дощечка № 3. Отрывок, линии 27-38 (продолжение)». Первых строк в М нет, поэтому приводим их по Ж: «27. наатакосеправіпентонадесечьвэцікръзвэща. . асоуборітісянаоньісоудіті 28. вшыкуотннскуподлэ . . . главноще. . . (неразборчиво, прочесть нельзя) . . . атакосеправінашіюші. . . (текст попорчен)»,⁴⁸ со следующей строки тексты Ж и М совпадают, но пометы их различаются: если в М, за исключением помет «неразборчиво» после слова *главноще* и «выцвело в тексте»⁴⁹ после слов *повэцітрояннюякі*, примечания смыслового характера, то в Ж несколько помет: «текст испорчен», «текст попорчен», «попорчено», при этом в двух случаях пропуск текста в Ж обозначен там, где в М текст читается без лакун.

Дощечка 1

вотсщеоупамятохомдоблянашастароічасоідаідемокамоневестеатакосьм/
оізремовоспятьарщеможебоесьмоістоідіхомсянавеправеявезнатиаобап/
олотьрлаведетеадоумітісебодабостворящнамовейцеяковожеіестесветз/
оренамешяшеіветоіябезодниповесидажьбоземенашеабитаяудьрженабятак/
оседущепрашурісоутеатісвітзореманамоодиру. . ногрыціналезшанарус/
ітвьрящизлаявоімьбогоувмоіжесьмоіневехомужікамотещатиащчатворіті/
правебоесьневідомоуложенадажьбомапоньякопряжесятецеявеітасоутво/
ріживотонашоатоколіодідесьмртъеесьявьесьтекоуцаатворенооправінав/
енбоестепотоіядотеестенаваапотеестенаваавправіжеестеявьпоучихомс/
ястаруавржемощемосядушінашавонбоесьтонашеякосебоужінаідесебона/
коноі. . тврящубогоумсілусоузрехомвсебітободанодарбъгованепотре/
буемобосенапраснити. . седушіпрашуроінашаодирусрящетінаноіатаможале/
плакатисяявоірещатінамоякосьмоінебржехомоправенавеаяе. . небржежех/
омбосенатоаглузіхомсеистая. . несьмоідостоінібоітідажбовівнуці. . /
тобомоляібогоумдаімеомчистедушіателесінашаадаимеожівотсопраотц/
інашавобъзехсліяшетесевоединпраудатакосебосьмедажбовівноуцізрір/
усекоумеякожоумвьликбожъскестеедінсоноіатомутворяетеаререщашетесо/
бъзовоедине. . бренебоесьнашеживотеасьмоітакождеідежекомонеземнашім/
работати живяшевеземехсотелеовнааскътінашаодевраземтекущна. . све/
редзь. . .

Дощечка 2а

мужлравходяідомовэнэстыжерэкоместехошяшетправбоітіноесьіжесльвесоі. . /
го. . авьршенадоцэсьвпадашет. . томурщеноесьостараабосьмоітворялибяхом/
лэпаяаякодядінашірэклитосуемьяобуду. . такождьзачасізьльнославлірусь/
потятябяруюувърозіуазлощинатвьряі. . іконязтоінемоценбяаоусласоінісвадо
браньяітоівьрягомподлегшавэщанебгрегошіаачесоторэщеновэщемнеоуважі/
томубоістеростьрженіаодереньвзятіатаколерэщемоднесекънязісоутенашотому/
бонэсте. . дополуденеходяідаімемо земэ. . намобоадэцкэмнашиматамогрыці/
налэзшананеякобоусэдьлицананьябіясэщавелькаамногаямэсящі. . . стоікратоі/
пощинасерусеастоікратоірозбіенабядполунощедополудене. . . такоскътівэдша/
працовенашаабіаоцеморіемдокраеруськаведеніпоневждітамопребоітіау трпе /

ніамногаянесоущараніахлуднесетакоотоідшадосіуатакооуселищасяогнищаної/
наземруштэітобосеоутворізадвіетемедосутьапотемадвэтеміврязіпрідоша . . ./
аземеберяйодхъзаромдороуцесватембоодеренеработахомо/
біанароудродищескильмерстїйастокореженеодвостанародонашякопрідепоздэдо/
русеземзаселищесясредеильмерштїіібосутебрачкенашеа намо. . . подобісоуте/
ашеколівороужнэтібонасхранішаодзлоівэщаимьящесоторэещено . . . овещэтакоіес/
стеащесогонерэшенанеестебоі . . . ізбіращакъонязіодполудіадополудіаатакоживяй/
моїжесьмоїімопомощедаяхоматакобяхом . . . зелебознаяйтвѣрїтісосудіпеченевоогні/
щэхасоутебэгонцарїдоблізemeratіаскотіяводящетїбърозоумэяй . . . такоіотценаше/
соутеапридероздолнанеаналезэатому

Дощечка 2б

бяхомпонузеніоскощїтідолясіятаможїве/
моловцеарібаніабоіхомумоглісяодстрасіуклонщесятакобяхомедінутемуапощашхом /
градїеставїтіогніцаповсудероскладаятіподрузетемебіахлудвеликапотягшесясь /
медополуденетамобосутемястазлащна . . . атамотоїронеїстїскотїнашаящідесеціноу/
отосеоугодихомашцїбоїтікамословесоїдержетїапотягохомсеесемоїдополуднена. . ./
зеленотрвіеаимхомоскотїмнозі. . .

Дощечка 3а

мълихомвлесаоїценашедапотягневнебікомношьсуражоувадавнїденаноісурівэшати/
злотіколовевъртешетобосуньценашеижесвятїаінадомовенашаіпредоньликблїед/
есьликогнищдомаценсемубгуогникусьмурьглэрцепоказатїсеавосташетисенебесї/
асевзетїождомудрасвэта . . . нарцемомуімеіеогнебъжеаїдемосетрудїтіакївскден/
мъленїаутвршатэлесоїядоїмоаїдемодополенашїтрудятїсеякобъзївелэшавскумужу/
ижечиненесьтрудитсесянахлэбсвуїдажбовевнуцїстелюбімичибъжъскїабъзїскоро/
ралавоїтакодеснищедържашї . . . воспоемослвусуражіуатакождемоїслїхомдовчерэ/
апентократослвіхомбзїведенепїймобосурицувзнакблагъстїаобцностщесобзїкїі/
босутевосврзїетакобопїоутзащастень . . . воспоемославусуражіуатекомоньзлат/
суражіщїевскакщетвнебесї . . . домуидяхомпотрудьщесятамоогїньутворджихома/
ядяхомпокорьмнашрцеомояковаестеласкощепожьскадоноїаотоїдемокснуденоубо/
прїдеатеменяестїе . . . такожедадехомдесетуоцэмнашїмасентунавласве . . . атако/
пребухомослвнїякожеслвїмбъзїнашеамъліхомсязтелесоїомовленїводоущїстоу. . .

Дощечка 3б

інбокървеньесъватаіаакривьнашепротомълоувїякоїзобрятщїконязїстароці/
нашаатакосеправїпентонадесечьвэцїкръзвэща . . . асоуборитїсянаоньїсоудїті/
вшыкуотнонскуподлэ . . . главноще . . . *(неразборчиво)* . . . атакосеправїнашіоці . . ./
всенкімаїсловорешатї («й» мной иногда вставлено, если можно так выразиться, по внутреннему
чутью. В тексте оно **всегда** «і») . . . атотобляго/
сутратїхом отъхъзароу. . . повэцїтрояннюякі . . . *(выцвело в тексте)* . . . првэнаса/
дісе сосоїнісваавнуцїпротівнерешенувещем. . . *(вероятно, здесь идет речь о некоем выборном воеводе-
конязе, который захватил власть противу воли Веча, как отчасти можно судить)* . . .
.боруштїнеїмяхурадевладїщепротивнэвэща. . . хозарстэбоидшананьатїнеимшавоїове *(здесь надо
читать, как мне кажется, «войов», а не «выйов». Видимо, боруштити не пожелали драться за
Траяновых наследников)* . . . таторостргавицабїпентосент лятоїанеукончїшасякороастала намо/
тэглахзарстїго. . . ібопокудуборуштитиращесяврзїнаньналеземнозі . . . авнукотра/
янненбїсамотенсодрузїменогаїбїяутщен. . .

Дощечка 4а

В Ж текст озаглавлен: «Дощечка № 4, линии 1-21 (текст попорчен)». Между М и Ж, как уже
говорилось выше, есть множество буквенных различий, но мы отмечаем здесь и далее лишь
наиболее существенные отличия, которые проливают свет на принципы интерпретации текста. В
дощечке 4а могут быть отмечены такие существенные различия (первое чтение - по Ж, второе - по
М): *бѣша. . . ашті - бѣша. . . хъзарашті* (при этом буквы за приписаны от руки); *.орусекро. ренці -
.дорусекроукаренці; Перуна. . . жебѣясоноі - Перуназлатусанжебѣясоноі; наколікі . . . элзі -
наколікііэавэлзі; утърдін. . . годі - утрьвѣрдінадончїпогоді.*

Дощечка 4б

В Ж текст озаглавлен: «Дощечка № 4 (продолжение; лицевая сторона), линии 1-23; текст сильно
попорчен; - букву прочесть нельзя». Из существенных различий отметим следующие - в Ж:

атонерадэнемнашіім. .ко. .атонераденемнашіім. .ва. .т. .попер, в М: атонерадэнемнашіім. .попервэ (отметим, что повтор группы слов в Ж не может быть чисто типографским недосмотром, так как текст там расчленен на строки как бы в соответствии с делением в оригинале); в Ж одна из строк пропущена и обозначена отточием с указаниями: «(текст разрушен). . (конец)», в М только многоточие - знак пропуска; в Ж: бяедінотокнезі. . іжеозборшаборусіціта. .на. .русколуне. .а. .л. .с. .аборусе. .і. .измечища, в М: бяедінотокензі. . .іжеозборшаборусіці. .нарузколуні. .атоіевзеньшерузколуне. .аборусе н измечища (в М число пропусков меньше).

Дощечка 4в

В Ж текст озаглавлен: «Дощечка № 4 (на обороте), линии 22-39». Таким образом, эта дощечка - как бы продолжение дощечки 4а. Наиболее существенные различия - в Ж: *біяхуххъзярі. .ъзярьсцитіі*, в М: *біяхухъзяріакаганъхъзярьсцитіі*. Последние две строки в М начинаются с абзаца, в Ж слова *суцібобогу* читаются в середине строки после многоточия. После текста в Ж в скобках читается слово «конец».

Дощечка 4г

В Ж текст озаглавлен: «Дощечка № 4 (обр. сторона), линии 24-46 или по порядку 1-22», однако в публикации всего 21 строка. В Ж текст слитный, в М частично разделен на слова. В ряде случаев в М знак пропуска (многоточие) проставлен там, где в Ж слитный текст. Наиболее существенные различия - в Ж: *злая. .зяці. . (і)зтеятемздоісязло*, в М: *злая. .изтеятемзидоіся издоібіесе зло*, в Ж: *стлрусек. . . (текст разрушен) . . крвэстоіоіцатоііход. .ом. .нтіенебрегоша*, в М: *стлрусек*, а далее с новой строки: *многия крвэстоіоіца тоіі оходслвяном. . .антіе небрегоша*. В Ж текст окончен также пометой: «текст разрушен».

Дощечка 4а

почасеживоттрудэнь. . .атобящвступэхболяринскотень. . .тоіібонеподлегшедо/
хъзярбяіроністі . .одіроніпомоціпросяіатоіе. .комоньствадосілаяіабяшах/
зараштиотърщені. .інабояруштиостасеподхъзяршти . .кіібодолэзшадоградаків/
скаітамоусэдшесе. . .тіжеруштицікоіаневолішаподохзарштиідшадоскотенеаі/
такорусьсетърловашаоколэ. .іронштиінехашісвіковенашаодереньнеберяйатако/
оставірусоумживотрусек. . .хъзярштиіберяхудораотесвояодереньадцкіажені/
велицэллэбя а. . .твъряізло. . .отоубогодыгрябоналэзенарусьоколускотенеаітоі
ізмещисяпрашуровенашапотягошананьтадекомоньстваіронштеутърчearос/
біяігодьрострщеніяшагодьштіабэжеспале. . .тобокревборштаселіла. .ачермназемэбя. .
перунаміростршчерусьземэгодьскуамещемизницівскаіземэихвемэ/
сіадосвапритше. . .аотубъхъзарштипоящаноівещасратеньаналэзоохшананоі. .і/
туборушти увржешеседобраняколевіарэкшапорпадохомбоякожеперундонас
недбаітоіімапоможащеагодьбя уражденахахъзарштиіпервэе. . .укоусіпрахоу. ./
бьячапервтэірострщеніяторусьзетхладоіхарцеицощебуде. .хъзярштиібоутекоща/
до влзіодонуадончу. . .тамостраммий. .усбещавоія иховергошаземэмещцісво/
атэкьшаоколуньочесітоікратегодьсмэстісеаотоідедополуноцэатамоизгмізэ/
ідяідалэрусьбоустрисядосеземэвзятоііядорусекроукаренцісвапдутьршеарэ/
кшапрідеубомілостоінішасбожеськахвалимодажьбаншігоаперуназлатусаижебя/
соноіатакопервэіспояшаславубозэмназемэчужсьтэіарэкшарусколуньтаіезе/
мэатамосепотщисявельцабыстыаутвъртіішесяземінашіеі . .хъзярштиубоіща/
доземэпотіетінаколікіівэавэлзірусколуньбоясеутьвърдінадончіпогоді. . .

Дощечка 4б

многаяемщці ідшасоніатакождіпотрюждаяісеаоттоіабящетівольнаазуровене о /
прашурі. . .влесобонаущітоіаземэратіазърносэятітакооубоіщатоііпрашуріогні/
щанамастатіабоітіземетрудіці. .рцэмобоякосерэщевнашіземэаненоякогрыціжаді/
шасеоруштэіензекуростітібулгарщіпощиняті. . .інужесваскьівьдіщіесвавополэх/
злашнэхаізобрятіімаіодсвестаротцеодродудородутакосеправі. . .задесентевек/
оузабішаоваесваатакородіжятіособіцэплеменоі. . .сезоіваттеполяні. .свередзі/
адревляноітоубосутевшірусштиідроскоулуніанеімаі. .одэленестіякосумьвесе/
ачудь. . .аотудепріденарусьусобица. .задругутоінсеншелетоі. . .подпадъше
раздьяуабудесесамотносшеастаодереньчюжіробіті. . .напервэ годіяковакрэпцэюдер/
щаанадрузэхъзяриномякотоіезобіявишасясагном. .атонерадэнемнашіім попервэ/
істоугостэманарусі. .онашалубяставелрэциваапотудэсташазліеарушитиутлуциті/
ста. . .рэкостатоікамогрядьмоодоная. .каможивотвольн обрящемо. . .есьмы влицэ/

сірота ренкабожьскаоднасеотвраті. . . атаконадвядесентэтысенцэлэтэхнемогоша/
соутворяшитеседорусзатамопрідевьрязіаберету. . . бэстаонасоінове влцірусьбо/
твьрїсїядпопуноще засеженеимахом моженості. . . влэсэхилмерштэх со утвьрї/
атамоесь. . . кїевїжеданащастьмала. тамобоусэдшесяворязїижесоуте хїщніці/
. . . повэнстесвентояржі. . даузрэмозрацітэльнітоготуболярагордінашегоякіпора/
зі годь соскотицем. . аб ятаяслвная дэяня од пренходуслвенстілюденаруседесен/
тестатретшіголэта. . бонагלאгрябэналэзэнаої. . . тендесвенторебїедїнотокнэ/
зі. . . ижеозборшаборусїці. . нарузколуні. . атоїевзеньшерузколуне. . аборусе н/
измечиша я іде нагодь од воронженца. . бїя тамо десент теме ізборня боянув/
комоньстэ ніколиже пэша. . . атакосевьржешесянань. . . сэщабя зла а крентка /
атаясеузуржіладовчереябяпо. . годі

Дошечка 4в

русьбоусрїсїназеметуїудосьотоішасідшадокїівувьрязісогостеабїяхухьзярї/
акаганхьзярьштїіргэщедо скотенэ. . . помоцепомоляі .одвьргнетаяскотеньа/
рэщевосїпоможештесамїсве. . . вешчорусколуньеималшадэятїколісватоврожица/
сіла ідедоземэ ворженце. . . воронженецбядревельзамногаявэціуставена. . /
окремленотналезенїанаоколо. . . атавьряжиннаїдедо вронженцапоятоїі . такос/
усэндласерусьогрожденаодезападусунэ аше-дїнідосурїнаполденеасуражьград/
утвржаша. . . у морїаижегрьціимяйтмаокряпішагрядсуражьбілоярь. . криворгбїя/
тоїішас конэзьруштїабэлголомбьпуцяшеткамотоїілэтетамоитїатоїлэтїнагрь/
цекрїврогналэзэнаньаростьрщатаятубогрьціяколісіосцастемвртэвїядаяше/
крївгузълторуноакомоньцестребнэатэкрївргсеудржінасурожїонїжегрьці/
бїаштїнаколунэхкрївргдогодїсїабоїстерусеотворжценатамоатакождегрьці на/
вьржгоша наньбояноувво желзэхапобящїявелькавэрженаеськреврүштїадопау/
доїанэсцьстенягабїарусицомїлірмощерэщашажестэглупїціасьмепрїтэцэмодо/
воїпоможяшети. . . потщемосянапаметїхоякосвеземэруськуудобишаесвенаше/
староцтсво. . . якібостратїтїсілоїрусьнатэхмозапасїахсоврзі наша. . . акря/
веїхоудобишаземэнаше. . . /
сущїбобогунїякісоперуномдэляшущанакувендламечїсвадоврагїніх. . . моїже/
їмопомолїхомосенамоупомоці. . .

Дошечка 4г

соурожїу босвятоубоїтї надної. . аїдемокамовїждемоземэгорїя. . алуцэморїя/
їто всенкоденкобозэмзрящемо яковїесьсвэтегожерэщемоперундажбохораяїно/
їменої. . такоспэвахом слву бзэмаживехом мїлостїубожьскудонеждэ жївота се/
гонзимо сурожабїевразїнаша ижесоутенатемэзіямїползщїми. . агрьзящїсутенамо/
болгэма марьм мароїу аконцемжївота всенщскїм. . явїтїсебгусїлну. . абїятї те/
м мешем молнїїматаїздхне. . . сурїа светїнаньядоньавїдїмовсящкая. . первэбо/
слвасурїу стлудїду етень иждене злая. . изтеятемэїздоїся їздоїбшесе зло/
племенодасуво атозлоплеменапращурїнашанетецэ. . іналэзеїясмнозэутщенї/
аумаржеїні атоїорїе старотець рэщїеїдемо одземэтоя идэже хунїе нашабратч/
ї забїуть тобото крвївіощастї звэрші скотїнашакрадщї адэцїзбїящї. . атобот/
о староцець рэк а тещахом доїнїземэ якова тещемеды імлеціма а іесь та/
земэ. . атещаху всі ісоїноветрїеодорїїу бїашетї кїе пащек агоровато оку/
дь трїе слвнї племеноїісткша. . . соїнове бїящї хьробрїеводщї дружи/
ном атакосесэдшенакомонїа а тэщеху. . . заньэдедружїної младенчі скотїкравї/
повензоїбоїщї. . аовщї. . тэщашетї дэцкі староціматере женї якоже марь/
нїе людїатакоїдэша доплоуднэдо морэ ямещемаразїшаврзі ідшадогоре вьлі/
кїа а до пудї травнїїдэжебїящетї злакоуммнозэма. . . тамосеусвесекїе иже/
бїящ строїщемкїївутатобїастлрусек. . . /
многїя крвэстїоїша тоїї оходслвьяном. . . антїе небрегоша злом а тэкъшя/
камоорїе рэксте ібокрвеньесьватая акривьнаше проторщещежесьмоївсі/
есьмэ русїшци, неслоухатесе вразэмижерекут нэсте доблїя. . . одоце орїе/
їдэмоат

Дошечка 5а

В Ж текст ее публиковался дважды, в разных номерах «Жар-птицы». Один вариант озаглавлен: «Дощечка № 5 (лицевая сторона). Линии 1 - 10. Дощечка очень темного дерева, но сохранилась». Текст без разделения на слова. После слова *тамо* помета: «буква неразборчива, м. б. о.), а после слов *акобовуцесен* помета: «ряд букв прочесть невозможно, поверхность дощечки отщеплена, а с ней и запись». В конце текста примечание: «конец текста лицевой стороны дощечки».

Вторая публикация озаглавлена: «Лицевая сторона дощечки № 5, линии 1 - 10». Текст разделен на слова. При слове *паркун* примечание: «вероятно - Перкун», указаний на состояние текста нет, но после слов *вутцесен* - многоточие. В конце текста примечание: «конец текста лицевой стороны».

В М текст также воспроизведен дважды, сначала без разделения на слова, а затем (после указания: «разделение слов, как нам кажется») - с разделением. В нашей публикации здесь и далее мы сохраняем членение текста М на абзацы, но приводим только вторые варианты - с разделением на слова. В том месте, где в первой публикации есть указание на неразборчивое написание буквы о, в тексте, не разделенном на слова, читается: *тамотцехом*, а в разделенном на слова: *тамо(о?)тцехомсен*. В том месте, где в Ж было указано на дефект доски, после слов *ако бо вутце сен* читается: *іменован(н?) непрепрепенте*, и далее - как в Ж. Эта вставка дословно повторяет текст, читающийся в М выше.

Дощечка 5б

В Ж текст также публиковался дважды. Вариант без разделения на слова озаглавлен: «Обратная или другая сторона дощечки». Вариант с разделением на слова озаглавлен: «Обратная сторона дощечки № 5, линии 1-10». В М также текст приведен сначала без разделения на слова, а затем, после указания «попытка раздела слов», - с разделением. Наиболее существенные различия: в Ж словами *галца і врані од эди* кончается строка, в М после слова *врані* - пробел, а чтение *од яди* дано с вариантами. Пробела после слова *внезапоі* в Ж нет, как и разрыва текста после слова *сядша* (в М дальнейший текст с нового абзаца, причем сначала приводится слитный текст, а затем - с разделением на слова).

Дощечка 5 (осколки)

В Ж эта дощечка публиковалась одновременно с первой публикацией дощечек 5а и 5б. Публикация представлена в следующем виде:

«Осколок № 1, линии 1-2.

1. (начало линии съедено червем) . . . оішасоу. . . енарждаец. . . д. . . ноі. . . асвіажесе 2. боесьпосоамоі. . . смерт. . . назаз. . . бенджемос. . . ітакож. . . ільерц. . . ніш. . . дін. . .

Осколок № 2, линии 1-0.

1. (начало разрушено - сдавлено, может быть, потому, что поедено червем). . . оіжесьмірусіщінікоіевріазі (конец).

Осколок № 3, линии 1-4 (начало сохранилось с первой строки).

Осколок № 4, линии 1-2 (начало сохранилось)».

Тексты «осколков» № 3 и 4 совпадают с текстом машинописи. В конце текста в Ж указано: «Конец связки дощечки № 4».

Дощечка 5а

спондробенце се зашати намо тоі околї рщемо такоі жделятоі до діру за / тенсенце пенте ста ідоша прадоі нашої до гуре карпанеске а тамо се осэд/неща а живя кладно то бо роді сен правшасіа од оці родці а старенце родоу / бяшко доірянтоі боуще паркун бо ноі сен благоволящей бо то утщехомсоі / а тако сец бяц живут пенте ста лятоіа тамо (о?) тцехомсен до восхдяцу / суне а идехом донь претаборіека есе до морнже тецяі а то полуноце / сядщенане а сен іменован (н?)епре препентеі ако бо вутце сен іменован / (н?) непрепрепенте а тамо осендеція пенто сент лято івце сен правища / сен а тако бозема хранивен одо многіа рыцесоіазенце илерув бяща мносте / тамо оседицоі огнищаноі а тако бо скотіа сен вендетте со ступоі а і / тамо тако бозема сен храніті можящет ако рцеві одехне а пенжіяшети / многа злато а богаце живхоста.

Дощечка 5б

оі шасодшасусенарждаецясреденоі. . свіяжесьськ бо есьпосоамоіа / смьрте. . назазбенджемосьмы такоже ильмці якові насо храніша неідінэ / аснама солсіяхусе а крятьсведаяйінамо. . / дривэбянарусіхзарі днес есва / вьрязі. . моіжесьмірусіщініколіне врязі. . /

...

оставхом насуріу млекоінашя вотравэхз аноціутлщемо донь шалюаінітрвіа / якожерэкшапрастароці адаімо сесурутіся яшмотричі вослвубогом пентокрт / деннэ. . табото нашя стара потщінабозэм длюжнаесьпотребіті. . атребьта буді / повязоммезіноі. . /

...

анімарані мороканесміэмо славіті. . тібото дівоісоуте наше нещасть. . . / .нашедідо есь весврзэ

Дощечка 5б

сице се іезенце одовратишасе до полудене а само нехаяй ноі а тако ідша/на ведне скотіа говада

своа і бєща ту птицої сряща мноства тєщїяшети до/не а тіто галца і вранї

оддяди (од яди) летїяй а бя стєяде/(б்யстє яде?) велика в ступїях тоб то іплеменої костобце налязїяй а сицэ/отверезити раної многая а крве лїяща ту внезапої главе сьакша/врзїям свєма а тоїїа сутє враної ядла а тако стрїбої свищашутє во/стпїях а боряє гундяшєтє до полунщє небєспенцєтєса ної бїя ту сьаща вел/їка ензїцє а кустобце сє разити со злоїє утечєцє а ворої говїяднашєх/а тако бьашєт уборїца таїа а двасто лятої а нашє родїщє тєщїяшєтї до/ляши прєбєндєної сутє тамо сьадша

за стої лятї бьащї тамо годє їєрменрєхє а сє злобьащої на ної а ту бьаща/ уборцє влїка а годє бьа потснїяна а отрцєна до донщє а донє а їєрменрєх/ пїяй вїна любої братрєстє позє воявєндє нашої а тако сє утворжєшєтїся/ бьа жївутє новє.

Дошєчка ба

В Ж текст озаглавлен: «Лицевая сторона». Текст в публикации разделен на слова. В М текст разделен на четыре фрагмента, при этом каждый дается сначала в слитном написании, а затем после ремарок: «попытка разделения слов», «попытка раздела слов», «попытка чтения», «чтение» - с разделом на слова. Из существенных разночтений отметим: в Ж первая строка кончается словами *до непрєної а*, а следующая строка начинается с примечания: «проедено» и далее текст: *о родїє тої*, в М: *до непрєної а карпанєскє држєва по родїє тої*; в Ж: *тако бїа земїа та руска*, в М: *тако бьа держєва та руска*; в Ж после слов *а тако* указание: «ряд букв стерлись или соскоблены» и далее текст: *де ту*, в М: *а тако ромїє а одє (годе?)*, со слова *ту* начинается новый фрагмент; в Ж после слова *бїахоє* примечание: «две или три буквы прочесть нельзя», и далее текст: *єї настїца*, в М: *бьахоє одо ромє і настїцєнєа*; в Ж: *стаунама по рїєцє ромї*, в М: *стаунама по данаїу ромї*. Отметим, что границы фрагментов текста в М в трех случаях из четырех в Ж приходятся на середину строки.

Дошєчка бб

В Ж текст озаглавлен: «Обратная сторона (также попорчена червем или жуком. Многие буквы прочесть трудно, может быть, соскоблены или выцвели. В скобках а - (а) - вставлена)». Наиболее существенные разночтения: в Ж начало второй строки имеет помету: «съед. червем», в М на этом месте читается: *брєндє шєдша*; в Ж: *ромєвє н. ... ає. р. . . опол. . .*, в М: *ромєвє од данає грьцє ополєндє*; в Ж: *табо то влк. . . зл. . е. ляшє а ро. . . (текст сколот) бьашєт. . о.г. . . (текст до конца линии уничтожен)*, в М: *табо то велка зла не дєляшє а ромєвє бїашєтї во грдлєх данаїстєх на ної взиращаа тако жєдєх*; в Ж: *ста. . . (текст испорчен). . . сєнт*, в М: *ста а пєндєсєнтє*; в Ж текст кончается словами: *друг. . . овж. . . (испорчено) конєц*, в М: после слова *друг* добавлен целый абзац.

В М весь текст дощєчки разделен на фрагменты, которые даются сначала в слитном написании, потом, после обычных указаний «попытка чтения» и под., - с разделением на слова. При этом в первом абзаце (со слитным чтением) указано: «При переписке нечаянно были пропущены фразы, идущие сразу же после слова „жива" и до конца этой части неудавшегося, чтения», однако текст *ту бо гуларєк. . а обєтова* в Ж читается.

Дошєчка бв

В Ж текст озаглавлен: «III. Лицевая сторона. В скобках а - (а) - прибавлено для смысла». Текст разделен на слова. Наиболее существенные разночтения - в Ж: *два родї. . . (продырявлено) ранє сурєнжє*, в М: *два вїєтєва тая їменовашєсє велка і мала борусєнє сурєнжє*; в Ж: *тако бїа та. . . (дыра, єтїм кончєтєся пятая линия) єпра*, в М: *бїа тамо Нєпра*; в Ж: *борусєнє. . . (попорчено) сїцє*, в М после слова *борусєнє* значительный фрагмент *на щєстє. . . сєцє*, насчитывающий около 140 знаков, тогда как в Ж, согласно делению на строки, могло уместиться не более чем 15 знаков; текст *длуга бїашєтє. . . парцє бо*, которым заканчивается в Ж текст дощєчки, в М отнесен к дощєчке бг. В М текст разбит на абзацы: сначала приводится слитное написание текста, затем с разделением на слова; эти абзацы предваряются пометами-указаниями: «попытка чтения», «чтение».

Дошєчка бг

В Ж текст озаглавлен: «IV. Обратная сторона». Отметим существенные разночтения - в Ж: *на сєбої (бої)хоє сталєвє. . . (соскоблено (бої) вставлено для смысла) хомста*, в М: *на сєбої (бы) хом сталє вэроващє бьахоєста*; в Ж: *а нїколє смє. . . (продырявлено). . . ожде. . оє (дерево сколото). . . (дыра). . . колї*, в М: *а нїколє смє назоїватє їнакождє яко єзєнцє колї*; в Ж: *подсєбїа бєраї*, в М: *подчинашєть*. В Ж текст заканчивается пометами: «конец», «продолжение следует» и подписью: «А. А. Кур». В М текст разделен на абзацы - сначала приводится слитный текст, затем - с разделением на слова.

Дошєчка бд

В Ж текст озаглавлен: «V. Лицевая сторона». Наиболее существенные разночтения следующие: в М добавлено слово *нєвэглєсїє* после слов *бэхоє стє*; в Ж: *годє трїєдо рєї а дєсєнтєста*, в М: *годє в лятє дєсєнтє ста*; в Ж отсутствует значительный фрагмент *а тамо смє. . щєсє сутє*, читающийся в М после слов *грєцькї їстутє*. В М текст заканчивается словом *їстєть*, а в Ж читается далее: *а гуларєх вєд їу на новє землє*. В Ж после текста сказано: «Текст записан крупными буквами. Буква (і) в скобках (і) добавлена» и подпись: «А. А. К.».

Дошєчка бє

В Ж текст озаглавлен: «Обратная сторона». Существенных отличий от М нет. В М первый абзац приведен дважды: без словораздела и с разделением на слова. Начиная с этой дощечки прекращаются указания на пропуски и дефекты дощечек.

Дощечка бэ

Заголовка в Ж нет. В конце текста указано: «Конец дощечки № 6 (продолжение следует) А. А. Кур». В тексте Ж после слова *moderэ* в скобках указано: «или „синем". - А. А. К.». Начиная с этой дощечки в М приводится только разделенный на слова текст.

Дощечка ба

од орие то се обящи нашої оце со борусои дораріеце до непреноі а карпанеске држава по родіе тоі се правити одо родіше а вэща а свак родна імена све родіше кіе соуте правищеі окуд иде до гуре тако а тамо есе коняже а воевендце вутце людоі да бранитисе до сва врзі во славу перуню а сиц дажбова помуга навртісе на оі тако бя доржава та руска одо русоі а борусице ту бо борі а велка непрстана бяшете вшак шас (пря?) а многа сэща субоіа абото врзема наштвена а нще нескущен а до конце а тако роміе а оде (годе?).

ту бо ерменрех іде донь а налзе нань і тако потлаце ноі сме бяхоме одо роме і настщенеа одо годе мезе два огнища тляте а се палити а ту бя велка біда а жнева нашої палена а нище селищено (се лищено?) она неніжедоі меі попелешце ту бо преленте до ноі птице бжеска а рще одоіте до полуноще а натятесе не нане колиждетоі идяхуте до слеоі нашої а патебеште а тако утворяще удше до полунешце а натщемо сен нане а роспрія тая.

овоітезете на не а тако идящете доне а ставитесе стаунама по данаіу ромі до ноі се врзетешаще а біяі се много ту борзо утцене бяща простеглавити ноі а тако сме простіглавихом еіе а то тема бявоі упростеглавенех.

вельце снезе хладоі глад моущиша нашої люді ено ставаяй трце а лишашеся безо вше она тоікрате велце устрадашеся бо незалеглести имай а ту тврйя. . .

Дощечка бб

себто по стоі дваденсенте лятоі бране годе напиреама задэ (бяща) егуншти а бренде шедша до полуноще мезе раріекаа дивуна а тамо то препадне іерманрех а гуларех вед ю на нове земле себо егуншти со брендема а говіядоі сва есе стана тоі краіе тамо бя многа комонева а говіяда трава злащна а вода жива ту бо гуларек приведнова сыла све а одразі вше егунште же за главе многа а теце на ноі тубо родицеве соубрасе на комоніях а врзешеса нань зура сэще бяшети тамо тріедесенте ден а русоі поушша годе де зем свая кото аобетова (не?) боіти з ноі

тежце временоі наста налезе на ноі ромове од данае грыці ополенде а годе ополонце а полдене табо то велка зла не дэляше а ромове біашети во грдлэх данайстех на ноі взиращаа тако ждех. .

тато боріа бяшети намо велице трвава а нице же угодна бзем а людіем себо то неимяхом іна прибезенце яко она а обирахом кнезе од вутце тоібо бяшете одовсене до (о)всене коема же платхом дане о полюдіа а страшашеся водях ком стадоі стадоісва а робихом земе житва нашаія тако бяхом ста а пендесента лятоі творища прю велку всеякодено егунште а о годе а нищо о беренде те боста имяй кнеза саху а тоі премоудра мира глядах од русоі а бя наше друг.

брендаходяйпотихусебоегунштоісоутеворовеаборіа с нима батеншкатаботвергасесталятоіаегунштиостасешасянагдьстгэйземе. . .

Дощечка бв

т(о?) се заяви замержеце а ста градоі градяшете хоросуна ина возденя русколане раздерена смутама ста творяшети на полуден а борусен а полноше бя многая утерпэніа то бто породице не хтяй або і руське роді а соедна о русколане прото же два віетва тая именовашасе велка і мала борусене суренже сен а зва суренжка руса а борусе праборя тако бя тамо непра боре а долга вржда мезе родія раздирашети борусене на щесте тако борусенже не могша стати грыціом а скуфи наступене тато бяшети жлута а русоі бяшети русоі а медроочитіе сылна а неунавне пря ошед непрстане .а коли же на супренжене не бясте кнеженце сылна або грыце даваяй вразэм виштче яко инам.

от оце ореа а до діру бяста тысенцпатсенто лятоі сеце парце наше віеста медвена мече так убо твастереі мареше удіеляті желзвена а брате комо не яковже тещяша од бозе до ноі тако бя русколане сылна атврда то бо то от перуні а одержаше ноі коликрате изволокша меще а одрза на врзі одтрщєя сва теребо вутце за ореа рода славена а сілнаякові же осурі біяй а игэпета а старе на тіже шасе неимамахом една ота а бяхом ста яковошчабезо влеса тоі бо рекло ноі яко имэмо ходяти пшимонегда же крива а того неслоухашехомся.

тобо то парце убирай велку шасто русоі набсуру потщена нестрезещенце се бо тая одо вразех а тако налзе на ова адоморувзэта ся ідша колніті главе сва подо враз кебище тато сылна вршті натечена оботріе а тіто ходяще со говіяде до заходу суре а тамо се страті наше же людіеідяще до подена бсурсар а затемто идящен (на?) асуре а гипэтесте.

Дощечка бг

длуга бяшете лятоі одерене трватесе а тако пршеде дня русоі тещеша одо набусарсару парце бо

не текоща за не а тако оідяй до краіе нашех а тамо бо сленша пэснеща наша до интру а вола на себоі (бы)хом стале вэроваще бяхомста со бзех нашех а до све бзе не нуте наше отсе едине сме хомоіта носящете імяхом а ніколе сме назоівате інакожде яко езеце.

коли бо одерень баблуску терпай а кнезем их бя ту набсурсар кій бо ихва подчиняшет а тэсва юна даяй до вое а тягендло до чурсы а чресл на .ланита утерпэніе имяй а тоі бія кіеми то терпя не могостехом тако а не можахом а рцемо има же ста не імамы до средьця наша, яко в тей день коли бяшет велка трясева а земевертень а о врзесэх обоисва до сврзе тамо комоньве а волы метящеса а врще заберехом све стады и вержехомся до полуноще а упасехом души наша а такобзема храненсте будева а нижеспо ценотрацемо сынї сва а све дщереа тако жены а будехом просте сва ужеї свастехом а но бяхом сметенты еже идша на челе рате а оберень седоть ве свеа ходяхом бо ниже псіе потомице сме славуне а грді сме быти можашем а небрежехом ества то бо магура спэва пэсне сва до сэще а тая птыця оди нітра иде бо нітро бя а пребенде до вэк інтра само кіе да паруне все бране абысте тые да вржешет ю да прибде яро вен ашедолунче а лэпеимемо сен согмизете ніколї бо сва быти одереньце а жряти бозем іхва.

Дошечка бд

то бо жречіе о вэдэ сен гобзяншети рэкоста а тую украде одо не а не імахом ныні колбо неімахом бранды наша а бояні так бэхом сте невэгласіе до конце і окуду сме а то боляр гордыня кіе біяй годє в лята десете ста тшетіяго одо карпенске исходу а тен яко тріедорей иде без страху нане и боляре сегеня иже убив сына іерменреха а отрце гуларека оде вороненце тамо бя остала русе бороуска а русколане так іщеї мамо стендентесе од вразех нашех слов.

околої тая імамої вэстете а не можахом есьма віерїите десець оглубнэ свако слво рэчено доної ато зорїа свэте донь аутро иде донь а тако імемо вэстнека скакава все сврзе а рщехом хвалу а слву бзем та бо суренж огрещена іе а не буде досве рауська а тамо бзі грецькі істуге а тамо сме неяхом скорбень нашу а одерзема іна да влаче ної соін свэтен інтрув оде тьме а імахом вынего допоменце нашего а старе щасє суге наше благо достанехом од она тврдосте и крпсте абої вразем сме отвэдали яко істеть

Дошечка бе

ті щасє соуте велма прчєста бо те ден же сме такоу ясна а сушна бя на ної зурїва такоже (жі)тва се не уродде а претож идяхом наземе іну а тамо сме удержехом потлцена бя русе оде гьрце а реме а тої ідша по брезех моренстєх до суренже а тамо утвори суренж крає бо тен есе сурен да те бо коіеву се та утворора не добисє а зеле бо пртяща бяхо та ту бо перве ворензе прїдша до русе а асклд слїлоу пограмлі кнезе нашєму а потлце того. .

асклд а поздєдїр усєднешєся нане яко непощєн кнз а тіто кнжїте ноша над она до іста бєндшєтє вутцє а сємє го? (єго?) костоїре хранящ го огнбга дому тому? а (огєнбога?) одєвратє лїк свєн од она яко бєста она кнзє одгрьцєх крцєна (крцєна?) асклд есє тємєн воєн атєко днєсє од грьцєх освэцєн жєнікієх русоїнєстє а сєнтє врвы а тому можахом сє смаятє яко бєста кїморїє такождє цє нахшє а тіто ромої трєсяй а грьцє розмєтцє яко лрасєтє устрашєны.

Дошечка бэ

тої вутцє прєдэляшєт кжду напотрбє а ту бєщєт їнь сугє а їнда тврга а тої асклд пожєрє богом чюжєм нєботє нашїєм такє бєндє оцєвє нашє а нєсьмої боїтє їнє а грьцє хтєє насє крщашєтє абоїсємє забїхом ста бозє нашє аткє сєн обратїхомся донь якостє одєрєнь боїтє пстржєхомсє тоїго яко прастоїрє ажє прастрєщєша скуфїя сва а нє дашє влцэм хснїчїтє об агнцэх кої бо сугє дятїяод сурє тому трва злєна есє знєк божьск я їмємэ ту берятє до глєкув усурятї юна сонма нашєдабої пїятє о бзэх восврзє модєрэ а оця наша даждба жрятву творяїщє а табо на нєбі такужє свєсцєна есє отоїкратє.

Дошечка 7а

В Ж текст озаглавлен: «Дошечка № 7 (связка дошечек). 1-я дошечка. Лицевая сторона». В М текст разделен на два абзаца, в начале каждого стоит помета: «текст». Членение на дошечки 7а, 7б и следующие произведено в М постановкой знака абзаца (чернилами). Из разночтений отметим - в Ж: *біашихом імено полєної*, в М: *бєшихом імено їмахом полєны*.

Дошечка 7б

В Ж перед текстом указание: «Обратная сторона». Из разночтений отметим (первое чтение - по Ж, второе - по М): *сє бо у морє - сє бо у сїнє морє; тоїсєнц пєнтєсєт лэтоь - тєсєнц пєнтєсєт лятє*. В Ж в конце текста подпись: «А. Кур».

Дошечка 7в

В Ж текст озаглавлен: «Дошечка № 7 (связка дошечек). 2-ая дошечка. Лицевая сторона». Различия между текстами Ж и М несущественны: в М добавлены слово *смєхом* после слова *лєтє* и слово *їмахом* после слова *тєбто*.

Дошечка 7г

В Ж текст предваряется указанием: «Обратная сторона», а в конце его указано: «продолжение следует» и подпись: «А. Кур». Из отличий М и Ж укажем лишь два - в Ж: *сїча*, в М: *бітєва*, а вместо *лїудїє* в М: *нарєдь*.

Дошечка 7д

В Ж текст озаглавлен: «Дощечка № 7 (связка дощечек)». Различия с М в основном буквенные (буквам *e, ia, i, oi* в Ж соответствуют *э, я, и, ы* в М). В М в двух случаях добавлены слова: *домы* и *живе о*.

Дощечка 7е

В Ж перед текстом указание: «Обратная сторона»; после текста указание: «продолжение следует» и подпись: «А. Кур». Существенных различий смыслового характера между М и Ж нет.

Дощечка 7э

В Ж текст озаглавлен: «Дощечка № 7 (связка дощечек). 4-ая дощечка. Лицевая сторона». Различия Ж и М в основном орфографические, из существенных отметим - в Ж: *живот вецен*, в М: *живот земен, а віць есь живот вецен*, в Ж: *до сверзі*, в М: *до небі* и еще раз вместо *од сверзі* - *од небы*.

Дощечка 7ж

В Ж перед текстом указание: «Обратная сторона». Помимо большого числа орфографических различий между М и Ж, отметим: в Ж: *слава жешеть*, в М: *слава жешеть о тые потомциэ якве ні грѣюм ні врязем не пода жешеть*; в Ж: *обань о голомбе*, в М: *обонь жерев ступень а голомбе*.

Дощечка 7з

В Ж текст озаглавлен: «5-ая дощечка серии (лицевая сторона)». Существенных отличий М и Ж нет.

Дощечка 7а

слава бзем нашем имемо исту віру якова не потребуе чловеченска жертва а тая се дэе о ворязи кии убо въжды жряли ю іменоваше перунапаркуна а тому жряша мы же сме хом польна жретьва даяте а одо труды наше просо млека а туц то бо покрпишем о коляді ягнчем а о русалиех в день яров такожде а красна гура ту бо то дяехомо во споминь гуре карпенсте а тончас се іменова род наше карпене яко же стахом сме бяще во лэсэх то імэмо назов древище а на полі сме бяшехом імено имахом полены тако вшыко еже есе грѣце ущекашеті нане иже сме чловечкожравцове а то лужева рэнць есь яко нэсте бо тако во іста а имеяхом іна повыке на тоть кі же хочашеть увранжидете іна реще злая а тому глоупен не се боре а тако есь а іна рэкоста такожде.

долзе се правихом родьмы а староцове венска рода ідша соудяті родице о перунь древы а такожде имяй тон ден игриштїя пренд очесы старше а силу юну указанше? юнаше ходяй борзе спэваяй і плясавай о то і тон ден огнищаны идяшете о міслеvu а прнашеша діщену строцем кии діеляще туіу о пренче люды і волсві жрятву дэяй бозем хваленице а слву рэкста о щасе же годе а оявене ворягю избрящете сен кнезе вутцове а тыі юнаше веденша до сэще зуре то бо роміе ны поглендаше а замыстлящете злая нань і пршедша со возе све а желзвэна броне а утце нань а тому бранихомсе долзе о нех а отршахом

Дощечка 7б

сме тая од земе наше а роміе венде яко дрзі сме о животе нашем а по-нехъша ны на то.

так о грѣце хотяй одеренете ны о хорсуне а прящехомсе зуре противорства нашіего а бя боріа а пря велка трдесенте ляты а та понехъшія сен о ны тем бо грѣце ідша о тржища наше а рекоста намо омэнете краве наше на масть а србло то бо потребуе на жены а дете а тако сме мэнехомсе скоро до днес неды последеше грѣце іскащете да ослаби ны а то іскащаше одерень взенте а тому не ослабихомсе а не дахом сме земле наше іако зме трояню сме не дахом сен роміема а да не встане обіденосще дажбовем внуцем кіе же во арузех вразі дбаша а тако днесь не по хуле семо такожде оце неаше

себо у сине море стятша до берзе годь туіу а одержаша нань побэдену пісне хвалы а матыря спэващет оя красна птыція яква несе пращурем нашем огнь до дома я а такожде ягнице прездремо до тодь а боло сте на ны одержеша сылу а імахом врязі ростящете а гоньбу псину има нехате то глендь народе мое яков есе обезпещен а нардев а того не ошібещесе од раны твоая а не вржешесе до рядь абосте сме вразема погонеле а біду сен позбавяце а жітне інако имате бо сме бяшехом ста грда а неоделегла од е а тягчае поразе бенде по ны а сме по тем тысенщ пентесет ляты яко сме се хом многая боріа а пря імахом а такожде сме живе діеке жретьве юнашея а вевонце

Дощечка 7в

тогдаше не бя інакосте а днесе пребенде достяй ны а межахом сме се одразите сен од вразех а деньмо тако се одразеньме і яхом све сева а ов а первэ зовенхом до стенге вутце наше якве не суть ще збабнена а грде

прихождахом се во істэ на стогна све а рещемо же інэ не буде то а сме імаме іти на грѣце якова ста бенше мълвихом бо ясне а інтра иде за не яко шед за отце наша на роміе до трояне земе а суть немо бенде колиб ва варензе ведле наше вое на то яко саме сме можахом вденте тенсеце ляте сме хом били од ромеі годе а сурянта якова бенде со ны ниже не опоменемо яко годь соединесеше со егунште на ны а галареке се верзе од полнице а егунште ополдне а ту плакала русколане боруся елице же егунште оброяшеша годь ту русь се венздвела сва сыла а егунштіе оразиша утвориай крае онтов а скуфь кыеву а днесе засеще средьце наше се крві од ітра до вчерже ходястехомо а ізроняшехомо слзы осудове нашея жівотатисе нэмы в час тоне а тако вэхом ста иже щас приде яко позасенще сме ходяшете имахом на врзі

а щі бо ту грѣці щі бо энгуштяны тебто імахом хомытате а стрнѣжете а бонь не ста намо врза я яко мрзенсть пренд ошесы нашія галарек бо за(п)лати за ть а імаме пронуденте хорсуне заплаценте за слзы дцере нашія уточена а сыны одрєня взято плать бо та не србрна ані злата поненже одсенть главе я на щепоту стрщемо

Дошечка 7г

а тако бендемо рды ота бо бреще псицья грѣцкя а лис хитрощема одврне насо од трвы нашаея а то імяхом ясете якоще суне врдыте то бе наше мета оуцещешетесія а не збрте сема ту бо за тенсенц тріе сты ляты од исхьду карпеньсте асклд злы пренде наны ту зегненсе народе моіе од лада а твряще любы идь де стнге наша а захцень тота од вразех на русе могутьен сврг наш ані бзі іне а просте сврга нешмахом нище кромше смрте а тато не стршнева есь колиже ще хом сен рьещені се бо сврга зове ны а ідехом донь

то бо то ідехом яко матырясва спэва тсень ратьну а імяхом ста послехнуге донь абы сва не ясте травы а скуфе наше грѣціом даяшете а тые намо каменіе во еже грєнзетіе я а тобо то зєнбы імуще тверда а остра ті то нам рэкше же сьмы зврженцы а рыкахом в ноце стрх на люді иже сутыгьрці.

вопрошашуть насе народы што есьмы а есва одповендехом же смы люде неумуца крае а правяхуть нямо грѣці а врязі то ищчто оповеденмо детем нашем якове намо буде рекнуть пленовеніемя до очита і іста імуць се бо дружына собирхом ста до стенга наша а рцемо всяко неімамы яствы а жітва сен бендехомь на полі брате а інда оберехом от грѣце ядехом і не оберехом ані ядыймо бо матырьсва спэва надо ны а імемо стегне наше даті вятром трепате а комоньства ступы скакашете да прах подыймо воень за ны а вразем дахом дыхенть е тонто ден перва бітва есь од ны а імехом два сты убіена за русь вэчна слва има еста а іде до ны народь а неімяхо мы болярі да прідеть до ны

Дошечка 7д

а да справехом тризну славну по врзех а налетьмо соколы на хорсуне да берехом ядь а добра а скотія? ниже полоняхом грѣці тібото нас вэдяі яко злых а сема добрі на русь а тьма не бенде с ны но о ты кіе чюже беряще рэкуць же добро дяють а не будехом яко она єдин есь вовенде наша ясунь а тому птшехомся на труд наш а побэдыте врязі до єдіна яко соколове нападьнемо на она а вржехомся до борія сыльна

то бо матыресва спэвашеть ве сврзе о подвигы ратны а одеймо од дома сва а тецехом до врзі абехом вэдяшете імо о руськ меча сещене яснуге рэще же не махом ста іна дэате яко ите допред а наспеть неімяхом рцете яко неімяхом спете неботь переды сва а борзо ідехом а кіе борзо іде борзе іма славу а кые потиха іде то се враніе на не крящуть а курове клєнчуть несьма говяды неботь сме русищі ста а то є іным наущене абоста знате акі правь есь со зны а наве се не бояхом ста яко навь не іма сылы проте ны тому бо імехом молите бозе о помоце в трудех ратнєх наших а тшатесе

тоб то маырьсва біяшеть крыдлема о труды ратне а славе воіом якове іспіяхша воде жівє од перунце в сеще укрутней а тая перніца лете до ны а тая роуг двашеть плнен воде жівє о жівот вэчень гордине нашему иже меча врязія одоста а главу стрцену утрате тако смрте не імяхом одо ова ниже бо жівот вэщен а вожды братре о братре трудяеся

Дошечка 7е

а умре а до луце свргова іде а тамо перуница рэще тые бо нише ін ниже рус гордин ані грѣць ані вряг анмо славен роду славна а тон иде по спэвєх матыревєх а матыресванщєх до луце твєх сварже влике а рэще му сварг иде сыне мые до те красе вэщны а тамо зрящєше тва денде а бабе а тіто о радощєх і весліах те зрящєте плакста зєла доднесе а тєдо іма бяшеть возрядовастє ся о жівоте твєм вэщнем до конца конец а во кращєся тама не вєме є

яко вое ясуге імяхом іна мета ниже грѣці а імяхом славу іну а такожде дозредемо до рає наше а узржехом квєнте красне а древа а луці а імемо вяну вяніте одо поль тех житву трудити а яшень пьлоте а пшено просово сбіряшете до закуте свржіа тобот богощенства іна яко земна ве прахове а болястве а страднєх і да бенде мирна дене го вэчна а сме стахом на мість го а пряхомста зурэ а бенде паднемо зє славоу тамо ідьме яко ов

то бо матыресва біяшеть крыдлыа о боце сва обапол якова возгена сяще свєнтем до ны? а вшыко перо іне красне? чермено сине мондре жолуте а стрбрне злате а белє а та бо сяшеть яко суге саруге а воколы іде пасунь табто свєтяшеть осєдьма красы іже завєшь о бозєх ста наше а перунь ю зряще грметь в небі яснї табото наше щєства а сиць імяхом ста сва сыла дате да узріємо такожь а одсенщєхом стар жівот наш од нова? якова есь сещєна врубє дрва домі огнищан прость матерєслава біє крыдлема опалы а ідьмо до стєгі нашєнствє а те бо стєнгі ясуге

Дошечка 7з

тамо перунь іде а главу златоу трєсєче молыне посевахшеть до сврзе сінєа а та тврдєсє одо тые а матыреслава спэвашеть о трудєх свакєх ратнєх а мамєхом ста послєнхатє а хотящєти бранє зуріве за русь наше а пра свнтоцє наша матырьслва сяшеть до облцєва яко сунь а вэщяшеть ны побєды а згєнбєль ані сє бояхом ста яко то есь жівот зємєн а віць есь жівот вэщєн а тому імяхом ста дыбатє вэщє яко зємно проть же ніцє смє на зємє яко згі а то зьгмізєхом ву тьмє яко нє бяхом ста істє нікда на ні тако слва

наше отце до матырьслве а пребенде вонь до конца конець земстех а інех жітве то бе сва со стен боящети сен смрте яко сме хом потомице славне а дажбо нас родиве кренз краву замунь а то бедехшемо кравенце аскуфе антїве русы борусень а суренжецы тако сме стахом дедь русове а с пендебе ідьема до се до небї сварзе сынея за стар щас рыбаьны остасе не хотыце ідышете до земе нашея а рцехша же босте імїяй добля

а тако ста ізгїбоста сва а недплодщете сен з ны а змрже яко неплодьва ніщо одень не збенде а не вэхом сте обще о тех костобцева суть она онї жда помоце од небы самова не ста хва се трендетесе а тако жде се іна стаця од іліроум поглщена ста хва ту бо рцехом вшыко есть право же не де сен стате одобе тея а тако ілірове ста поглщна од ны а неїмахом ходе нікіх тако дулебова ста хва одо ны повренцена на борусь мало збыщаше ілерува неботь рещены ілмерстїе ате себо седнеше вендле іезера а ту ведешїтіи усешедща даль а ілместе остасе сен тамо і тако збенде мало а реще сва поленте і бяща

біето крыдлема матырьсва і спешащет песен до сеще а та птыція суне саре не есь а тая есь од она ова ста бяща

Дощечка 7ж

а ту хом ведэте імахом да сен збірїе род руськ до десэнце а десэнце до сты а да тая напдяшеть о врзех а піметь е главе ева одтрчеца а тамо злая поленшеть да звеже хисницы та ядщїа со зденхноуть

тешашуть ріеце велке на русэ а многа вода е журшешть спэва стародавнїа о ты болярї яквы не сен бояща до поль годе ідшіа а ляты многа сен пряція о волнесть руську тіто славне ніщо берьгьшіа ані жівоты сва тако рце онье берегыня абїеть крыдлема матырьсва слава а жешеть о тые потомицэ якве ні грыціом ні врянзем не пода жешеть тая птыція о грдыніех борусеньштех якве од ромїе падща колы данаеве вендле троянь валу а тое простэ трзны легьшіа а стрїбве іенве плясащуть об оне плакащесїя за овсэне а в зіміе студїенэ гурлыхащеть обонь жерев ступень а голомбе дївонка а таце жекощуть яко погыбьша тые ославїе ані оставе земе све врзэма не бо сьма сынове такожде потомице а ні ленщенхом сме тако земе наше варензем ні грыцем

ту зорїя красна іде донь яко жена благва а млека даяшеть ны в сілоу нашїу а кренпосць двужила та бо зарыне суне вэстца а такожде сленхшемо сен хом віэстеце комоньска скакщете до закату суне абосте управенсте бящ го члн злат ку ноші а бящь бэх воуз со влоема смїрнама влекуцеша по ступе сынеа тамо бо легнь суне спате во печь а тож колїбва ден пшишед ста до вещьжэ а друге скакащець уяве пршедь вещьере а тако рце суне же воуз а влы есь тамо а жде го на млещене стезэ аще зорїя проліща в ступьэ позвана мате абы сва поспьэшендла

Дощечка 7з

так о рцэмо сме же імахом красная вэнце віре наше а не імахом цызіа добїратесе ту кнез наше реще же імахом іте до ясуне болярыве абехом сме то ухранялы одо вразе по бенсть рано а поздэнь щас буде оконція поздтэ і да імехом сыла нашїя но ступьэ матырьсунесва строенїа а крыдлева обаполе розерщена і тэла ве средьці а глава ясуне на рамена го вовендце славне? якове не ленщешуть в сенціэ главе своїа ясуне а убреготь ю до ова дне колї бо іщеху іде до закату суне со вое сва а хрвать берїяй све воя тодь іна щесть іщеху се ленше з русева а тако з не одэленція земе а с ніхма утворе русколане кїй бо усендесе о кыїве а тому сме хом подлегце а з нїм доцеле сен русе стрящем сен а тако будьва ны іна сыла не ідохом о нї а со русь понежде тая есь мать наше а тако сме дэщтї еїе а бедехом до коньцы о ню

Дощечка 8

В Ж текст озаглавлен: «Дощечка № 8» и подписан: «А. Кур». Текст этой дощечки не разделен на строки. Много орфографических разночтений; в М отсутствуют слова *ста болярїна оглендэ а тьї болярїн оглендя рэще якожде імахом*, которые в Ж читаются после слов *колібва імахом*. Фраз, пропуск которых «при переписке» оговорен в М, в Ж действительно нет.

Дощечка 9

В Ж текст озаглавлен: «Отрывки дощечки № IX, линия 1-43. Документ VIII, стр. 5-8 включит. (обработанные А. Куром)». Членение текста на «отрывки» с заголовками и пометы типа: «конец отрывка А. Кура» в Ж и М совпадают. Различий между текстами (даже буквенных) в этой дощечке нет. Машинопись дощечки существенно отличается от машинописи предшествующих. В Ж после заголовка «Отрывок № 1» пояснение: «Предание о происхождении полян, древлян, кривичей, руси и словен (разбивка сплошняком по Ю. Миролубову и А. Куру)». Напомним, что эта дощечка была опубликована первой.

Дощечка 10

В Ж текст озаглавлен: «Дошчкa № 10 (документ № 13)». Примечание А. Кура: «Вполне возможно, является продолжением Дощечки № IX (см. Дош. № IX). Текст». Характер машинописи этой дощечки отличен от других и точно соответствует публикации. Однако в Ж последние три строки повторены еще раз с заголовком: «Раздел на слова (Кур)». Текст этих строк приведен с разделом на слова. Эта дощечка была опубликована второй, чем, видимо, и объясняется своеобразие подачи текста. В Ж этот текст был опубликован тут же и второй раз, но с разделением на слова. Примечания в тексте отражают как бы спор Миролубова и Кура. Так, после слова «Богумиру» сказано: «дальше Миролубов

читает „бо"», после слов «жешут яко сме» в скобках сказано: «у Кура написано „смье", вероятно, ошибка при переписке, и дальше вставлено „смьхом"»; после слов «влицэ о себе то бо» также в скобках сказано: «в оригинале записи Миролюбова написано: борусіце. Миролюбов склонен читать: „борусице" или „борусіце", а Кур: „бо русіце"»; после слов «рарьце» в скобках добавлено: «у Кура сказано: „рарьце"». Смысл помет неясен, так как текст предварен заголовком: «Разделение на слова (А. Кур)» и, таким образом, дает разбивку именно «по Куру».

Дощечка 11а

В Ж текст озаглавлен: «Дощечка № 11. Лицевая сторона». Характер публикации такой же, как и в дощечках 4, 6, 7, т. е. текст разбит на нумерованные строки. В М конец дощечки выделен знаком абзаца, вставленным чернилами в машинописный текст: тексты дощечек 11а и 11б напечатаны на одном листе без разрыва. Отличий М от Ж немного - в Ж: *земе суне нашију*, в М: *земе слонце су не нашију*; вместо *обаіа* в Ж, читается *обаполы* в М.

Дощечка 11б

В Ж текст предваряется указанием: «Обратная сторона (в скобках (а) добавлено для смысла)». Из разночтений укажем - в Ж: *іріі*, в М: *рай славьск*; в Ж: *ученсте*, в М: *уцте*; текст в конце дощечки: *слава богу Перуну. . . вспрвдън ест* в М припечатан позднее.

Дощечка 12

В Ж озаглавлена: «Дощечка № 12 (отрывок)». Характер машинописи в М отличен от большинства дощечек, заголовок дословно повторяет заголовок Ж, так же как и в Ж слово *іаг* стоит выше первой строки (в М строки также нумерованы) и при нем приписано от руки: «пометка». Разночтений, даже орфографических, нет. В Ж в конце текста указание: «конец».

Дощечка 13

В Ж текст озаглавлен: «Дощечка № 13 (отрывок)». В М текст воспроизведен дважды: без разделения на слова и с разделением. В Ж в конце текста указание - «конец».

Дощечка 15а

В Ж текст озаглавлен: «Дощечка № 15. Дощечка эта попорчена и временем, и человеком. В некоторых местах текст прочесть невозможно. Но текст очень интересный, он говорит: Лицевая сторона» (пунктуация так! - *О. Т.*). В М текст разбит на несколько фрагментов, но только первый абзац повторен дважды: без разделения на слова и с разделением. Много орфографических разночтений; пометы в скобках внутри текста читаются только в М; в М перед первым словом текста читается: *се старьграде*; в Ж: *тамо стадоі*, в М: *тамо бендеишь со стадіе*. Текст дощечки отделен в М от последующей знаком абзаца, вставленным в текст чернилами. В Ж после текста добавлено: «В 11 и 12 линиях концы дощечки отщеплены, в 14-ой линии после "ог" дырка, а конец линии стерт». В публикации эти дефекты отмечены, но в машинописи нет. Ср. (первое чтение - по Ж, второе - по М): *пра. . . е - праоце; небж. . . дышиа - небожедь ідышиа; огь. . . ьсте - огницьсте; біа. . . - бяще*.

Дощечка 15б

В Ж перед текстом указание: «Обратная сторона». Строки пронумерованы начиная с 15 по 27, тогда как обычно каждая сторона дощечки в Ж имеет свою нумерацию строк. В М текст начинается со слов: «о годіе», в Ж они отсутствуют; примечаний, читающихся в М в скобках (в тексте), в Ж нет. Из существенных отличий отметим (первое чтение - по Ж, второе - по М): *щоурь - слиех; все - рате; на марицех - на облциех*; в М после слов: *абіе бендіте* читается отсутствующий в Ж текст: *отціе-ноі. . . ваше бендіе*; в Ж: *ошіе*, в М: *ошоіе і одіесны*. В Ж после текста указание: «Концы 24, 25, 26 и 27 линий сколоты», и концы этих строк имеют отточия. В М не только восполнены отсутствующие буквы, но после слова *бржещет. . .*, которым заканчивается текст в Ж, добавлено: *о бізіех і такьво есте саме пред врзема*.

Дощечка 16

В Ж заголовка нет, а есть лишь указание: «Разбитый на слова текст дощечки № 16 (Влесова книга). Обратная сторона. Буква, заключенная в скобки, добавлена для смысла». Текст разбит на 10 строк. В М на соответствующем листе помещено фотовоспроизведение дощечки, затем машинописный текст дощечки без разбивки на слова, при этом строки машинописи точно совпадают с длиной строк фотографии. Затем тот же текст приводится с разбивкой на слова. Эта страница имеет характер черновика: с поправками, сделанными от руки. Тексты Ж и М расходятся в орфографии, кроме того, расхождения следующие - в Ж: *бгу*, в М: *кіу*; в Ж: *імца меіа ж продшу*, в М: *неімиц менж прдіцісіса* и др.

Дощечка 8

а тако ста мерзе русы распре а оусобища а жале ста меже оны а пощаше плакате а выріэкате іма да не гряднемо за оны яко тамо ста бенде погенбель наше а депщехомся до та поріа іакождіа не збуде од ны ніщо оспомыньмо о тэ яко об оце ореі един род славене а поце (по оце?) о тріе сынове го (сынове его?) роздіеленщесе на триціу а тако ста о русколаніе а віенціе еже сен роздіелщесе на двы таботва об боросі ех якве бящете рострждена на двіе а тогдіе імахомь скоро десентэ а пощо гряді грядщете а

грндее оустроящете колибва імахомъ сен діеляшетесе до безконця та борусь єдина мо(ж?)ашеть а не деснице а то родце а родиці сен діельяшесе а потщаше а то крато врг налзе на ны імамы бранітесе о рценъ а не жешете якова оце імате аще бо імате десентэ краве а згінешеші од враг мала оушъчта ієсь а пребодеші в родіе до конця тва десэнцэ іма оутворіяшети тысэнце онэгды тые оглендіа краве водіаі по ступіех а ты крато рце словесы многая о родціех свех а почтіесе самодсебе вышіе пращуре а оре(а?) оце тото врдная твріаше не будехомъ сме іма настенжете сиче бо сліда све не ідіемо

по галаррехіе збенде годє до полоуношіе а тамо ісчзніе (*здесь пропущена была при переписке фраза: і дтерех веде іу и после о ніхже не віхомъ нісчо*) а бередіе ідыша до ны а ріекста намо іако вельме велька утснїеніа імаі од іаге якве поста на слїед іегунштїі а тако болояръ іема рціе пождіате а прешедє до нь а ходіе с пенты тьмы до нь нежданіе а біяі іагіе кіе бо рострще на ввше страной яко влія женіе е а бере кравы еіе (*здесь пропущено слово і говіадїа*) а дщєры юнаше а старьще побіе наскрсь мы сьміе русишіе іміяхомъ грдїтесе походїу нашїу а држашесе єдїн одна прїятесе до смертіе правіе на то єше помыньмо доріе парцішътего іже на ны оутошесе а побіе ны за нашїе роздіелїаны (*пропущено: и оусобїць*) то то бо вріазіе ерек а аськ оусїєста се на кренке наша а мрзашете намо до кромїетої сьме потомїцої родоу слвуне кі прїде до ілмарїціе а оусїеднешесе до годїа і ту будїе тысэнце лїатої потщаше на ної кълтове со желязва све а поткящїа ны повратьшесе до заходбу сунїе яква єсьва тврдїе роука држїащїа ної і того одріела до ізмщенїа а страхої му навендіе на чрїяслы го одтрще од земїе нашїєіа а і!лморштї на то глендієшіа не сен бранїшасїа до цїєла (до цїла?) а загыніе нищо сме на могошїа то оувортїате іна іако ілме не хошїащете желїязва брате до ренкої сва а ні сен бранете од врзэх такова родї ізсхнеще імяшоуть або іа іної наслїендєлы

грм грмоїшаєть в сврзіє сынїа а іміяхомъ лїетете на врзі іако ластице борзі а грьмавіє а та бенстрщї ієсе мєща нова а роуська а мета імахомъ днесе ініа абы ста стоупа скоуфьніа бола за ны а вшіяка бродщїє в онїє защєзліє ста а єнме наше краве тамо ходшете імоуть а нашїє родїціє жїте імоуть ібо колотве вчеренщїєіє соуте днесе варензе і грьціє (їже рієкома еланє єсь - *пропущенная фраза*) а тоїє ко не домыслїєва сен до то соуте іхьва буднсєе отроква ідеренще бранїсе земїє русє а брань себіє а тоб іна не бендла на тьї крче а тоб то вразїєма не недла сен охомытана а до воза правїаждєна ябы тенгла теї до камо хошъашеть цужей владє а не бо то тої хошчашєшь іте сама

жалє велка (*пропущено: с карїноу*) тому кіє не дорозумїєшеть словесы тає а грм ієму неб(є?)стєнь абы пврг сен долїє а не воста вишъ владє наше єдинє єсе хорс а перунь яро купалва лад а даждо а колїжде купалва прїде ве вїєнчіє кіє же взлєжї на главїє го сєтщєна од вїєтвїа злєна а цвєтіє а плды тен щас імієхомъ далєціє о нїєпрїє а до русє скакашете о смрте нашїє не моїслихомъ ста а жївот нашє на полі єсь красєнь біє кроїдлїєма матьрє сва слва а жєщєть намо іте до сїєшїє а махомъ іте і нам нї до нї до ядьва брїашна тукої смащєна неботь імяхомъ спатє на сырїє земїє а ястє трву зелєноу докудіє не бендє русє волна і сьлна за тєє щасє колїбва

годь ідє од полуношєє ієрменрєх сє отоєжє ієгунште а тако сє пдоржє о она а сме імяхомъ два вразї на два концїа земїє нашойїа а та болорєв прєдо трудой велкє а усумнєсє ото ту матьрь лєтшїа рєщє мо яко смїєяї паднутє на ієгунштїа апервїєіє а рострщїтє ю а сен повртатїтєсє на годь а тьї тако дїєящє розбіє ієгунштої а сє повїєртє на годє тамо бо увржє сошє ієрменрєхє а замртвє

Дошечка 9а

о тої щас бя богумир муж слвої а імя трїє дщєрє а двїє соїни тоїє бо вєїдїаща скуфє до стєнпої а тамо живїяї о травэх по(о)тцє вэщася и бояни бозєслушъної а разумой вхїцнє и тако а ту матє иєх ижє рэщна славунї про ова тврящї потрєбю и рэщъ ин до богумїрстє сємьдєн мої а імам дщєрє сва овдате а внуча зрянтєї тако(в) рэщє а повозой упрєжє а єдє камосва и прїєдє до дуба стащя в поли а оставїсє нощє о вогнїщє све и вїдэ вєщєрє мужї трїє на комонях до не стрємоїстєщаа рэкста тоїє здравэ будї а ищо ищєшє оповэндє іма богумир тугої сва а онї жє отвэщяху яко сутє самє о походь да імуть жєної (*конец отрывка А. Кура*)

отрывок № 2: обратное богумир на стєнпої сва а вєдє трїє мужї дщєрэм. . . отосва трїє родой ісшєдшя о славной бящї (*может - «ото сватрї родой»?*)

отрывок № 3: оту бо похощдїащуть дрєвлїної крвщє а полянє яко пэрьва дщєрє богумїру імєно імай дрєва а дру(г)а скрєва а трєтїа полєва соїновє жє богумїру імящє сва імєной сєва и млдцє и русо тен о похощдїащуть сєвєряної а русїє. . . (*конец отрывка*)

трїє бо мужї бяста трїє вэсєнцє оутрїє ополуднэ а вшєрнэ. . . (*конец отрывка 4*)

отрывок пятый: утворїсє родї тоїє о сєдмэ рэцэх ідэжє обїтвашєхєм заморьа о край зелєнь а камо скотї водяї дрєвн(л)оїї сходу до карпєнстэа горє. . . (*конец*)

отрывок шестой: то бящя она лятой прєд тїсєнщ трїє стої за ієрманрэху (*конец*)

(*отрывок седьмой:*) отэщасє бя пря влїка о брєзэх морє годьстэ а тамо праощє накїдїшя кургала о сє камєнїа бяла о под коя погрєбшя болярї а вуцє сва яковє о сэщэ падьшя. . . (*конец*).

Дошечка 9б

отрывок восьмой: придошя из крае зелена о морэ годьско а тамо пототщешя годэ яква
намо путе преткавящя а тако се биящехом о земе теа о житнэ нашя (конец)
отрывок девятый: дотесва бяща оце нашя о брэээх море по рарнецэ асо влика трудноше
по нэпра веще сва людия а скотиа на онь брэг идьщя дону а тамо где видяй
шедь до полудне а годьско море видяй а где измещену противу сенбе статися
зряй и тако нуждэна сен бияте а про житию а живоитва сва (конец)
отрывок десятый: якожде иегунште бяща по стопэх оцеве а налезе на не людиа биаху
а скотиа берушя а тако род славень тэкшя до земе индэже суне в ноце спяшеть
акамо травы многа о луце тушна а рэнце ренбоі пьлиэ на а камо пикий неумре (конец)
отрывок одиннадцатый: годь бо бяща еща на зелень крае а малоу преди оце идушя (конец)
отрывок двенадцатый: райрьека есь влика и одэляшыть ноі оде ина людоі (конец)
отрывок тринадцатый: а теще до море фасисте (конец)
отрывок четырнадцатый: ту бо муж роду беляру иде по ту страну раярьекоі а упрези тамо
синьсте идушя до фрянжец яко иегуншти суге на острове свої а пожедяшут
госте да оберуть ие (конец)
отрывок пятнадцатый: бя то за полустоі лятоі алдорэху а иесше древе она бя род беляров. .
соільнимь егуишти госте оденища се за муже беляру а рэкоща яко да ему стрebro
за то (конец)
отрывок шестнадцатый: а два комоне злата (конец)
отрывок семнадцатый: идяху индэ а изстеще грозе иегунсте а тако мимоидяху годэм
якве суге такожде зуриве на прядьво и на нипероі а комонэзе иех нэсте
пощестен а дваще дано беряй тобо госте (остекунещаноі) текунещаноі он поврташя до земе синьсте а не
приде
уж николибва

Дошечка 10

богумірубобозедаяшутьблагыземнаяатемосменеимяхомсе. . . яконамобя
інь. . . астарцеородиоберещехомякокомонэзеіжьодщасыстарісутенаше
вученаімахомразвсе. . . тобобящікомонэзедолгышасатіеогрьценезве
дщяастаедоконцьякообенствемужето муждеодродньеимяхомдавате допото
мьщзіехаботіеправищитены . . . апобогумірубьящаоріесосынысвааколибва
іегунштевелікапрютэящаоутвореніавелказемесвеатакоидьщавонотуду
дорусенынібяіньшасаіммосебратаезаужьдятенгнутедопредуанебode
жещеноякосьмооствяхомземэнашеааяхомініано(по?)дажешутьякосьме
хомпрящехомвлицэосебетобоурусіценеоставищестегрьціназемевашюа
перыстесеобноу. . . отещасырарьцебытекромэтеныоіныземеаднесевозж
ядіщясеврзенашянаньяиммосепрящетеовиученашіядаудржэхомстуге
нашяанедахомземеинам. . .
тако боімахомінакотворящетеанепалтедубыполясваніжсэнэтепотэх
ажятежпюопонеліякобоімахомступетравьніаскотіводящетебрегоушя
брегоушяонаотовразех. . .

Дошечка 11а

себоящете первіе тригльву покланяшетесе іахом а і тму(тому?) влікоу слву пояще хом хвалихом
исварга діда бжіа іакожде тено есе родоу божьску нщельнико а всенску рдоу студиц вещен яковво тещэ
в летэ од кроіне сва а возме ніколе же не взмрзе атоіа воде живенце піуще жівихомсіа
доконенепреідехом якожде све ко нему убендехом до луце егоіех райястіех а і бгу перневі грмоврзецу а
бгу пре а бореніа орцэхом живента явленья непреставате коліе врщате а кій ны венде стезеоу правоу до
браніе а до тризнене вліка о вся павціа якве же ідоут ве живенте вэщніе по пьлку пруюноіу а бгу
свентовидіу слву рцэхом се бо ста бг правіе а явіе а тому поіема песьніема яко свт есе а чрезь оне
відяхом світ зрящете а яве боіте а и тоі насо навіе убрежешет а тму хвалу пьіемо
пъехом плясашете му а взоівахом бгу нашіему якожде тоі земе слонце суне нашіу а здіездіа
дрезац а свт кріепцэ творящете слав свіентовідіеве влку слва бгу нашіему то бо скрыбечете сердіе нашіе
а се сме хом одркохом сен одо злыа дэянн нашія а добру тецехом сте
се бо отрце пушеніемо обыймесе а рэещете се утворяйще се бонь віедэте оуме рьзтргнещеши о
поцыйсте се боте уміемо се бо таіна вліка есе якожде исврг перуно есе а свентовенд тые два есьва
одържены о сврзі а обаполы я біелобг а црньбг сен пероуте се і тые исврг држешете абые она свнту

необыть пьврзещену по тые обасва хърс вльс стрьб держете се позань вышень леле ліетиц

Дощечка 11б

радогщ колендо а крышень и се отва удрзец сывый яръ а дожбо со бо і ны суте біелояре ладе коупало сэниц житнец вэниц зрниц овсэниц просиц студец ледиц а лютець і пота птищец зверенц милиц доздец плдец ягондец пшелиц трьстиц кленчиць езеренц віетриць сломиць грібиць ловиць бесіедиць сніезиць страниць свентиць радиць свіетиць крвиць красиць травиць стебліиць а засесоуте родиць масліеиць живиць віедиць листвиць квіетиць бодиць звездиць грмиць сэмиць липець рыбиць брезичь зелинць гориць страдиць спасиць листевеврзиць мыслиць гостиць ратиць страниць чурць рьдиць а тубо осва огнебг семь о регельі овця яро брзо роздено о щисть а то соуте треглвы обща а се сва оніеода а тужде отроше одевэрзещеши врата оніа а вейдеши вонь то бо есе красіен рай славьсек я тамо раріека тенце якова одэлящешеть свръгу одо яве я ченслобг утце дне нашія а решеть бьгові ченсла сва а боіте дне сврзеніу ниже боте ноше а оусноуте тыбо се есе я век ясый есте во дне бжьстіем а вноско никій есь іножде бг дід дуб сноп нашь слва бгу перуну огнкудру іже стрэліе на врзі вьрзе а верна предведе во стьзэ поневжде есе тоіе вьінъм шестья соуд а іако злтроун млств вьспрвдън ест

Дощечка 12

іаг пометка

аще сурі сіашете поемо хвлу бгом а огніцу перуніу іже есь рэком потіатіщ на врзі а рцемо вліка слву оцэм ншим дэдом іакові соуте бе сврзе прцемо тако тріще а ідемо стд нших ведмо іа на трвіе к-олібо весті іа на інь ступе ідемо эсті по дроузе хвлу бзем возн-сіаще слву пьіахом а тако доплдне а рцемо слву вліку хрсу зльтрн-оі коло вртіащу а суріану піемо а тажде до вщере а по вщере колі бо ожде огніці сльжена заждіемо а слву вьщерну пьіемо дажбу нашої іже реком ее праді наше іецоімосі а очісте боіті а мовлена творіа ше ідемо до сноі а тамо вліка необіась ноі. . . (конец)

Дощечка 13

се бо умная изверзец хоробрѣя оукрепе а тые ідше до суне всходяще обапола ріеку зряцеі тамо сэдша іако амтресвасла ржеце а та обасва крідлема освяжде она і такожде брящеше земе туіу а бранете оніу о дасуне а гунште якожде готіем обрацете стрела сва а меще отоцена

Дощечка 15а

се старьграде понехще ідьшіа до ілмерезера і тамо утворяй грд інь новь і тамо пребендіехом і ту свргы первіе пращуремо ліхом серді рожетець крынь е препросихом і то дубо крень хллеб нашь свргі же тврѣй (может этот стих надо читать - нашь сврг іже тврѣй?) свент бг есе свенту і бг прве і іаве і наве се бо імяхомь о ны во іству і ее ествѣа нашіе преборящеть сылы потьеместе і блгу венде

іакожде праоцы об енде тврѣй осемьведіа жртвы о комоніе біеле і ызыдощьша одь крае седьмерецштїа о горе ірштїа і загьгрїа обентьщїа віек і такова понехщьша іде на двоеріеце і рьзбіае оты комоньством своіею і теще до земіе сірштїе і тамо ста і пождіе ідьща гороіма влкїма і сеіезіема і леды а отеще до стенпоі і тамо бендець состадіе свої (повидимому «свої» надо читать «свы») и скуфе біа (часто «я» изображено в дощьках как «іа»)

се прьва праве одрщена оце нашіе праоце дрьжящїа она не пріе вліцеіе і сылы даеть отрщете врзе небожедь ідьшіа о пріе теіе до горїа карпеньстіе і тамо ріаще ощелы пенты кніезы і грді і селы огнищьсте і трзі влікеа і потіестненоі бяще

Дощечка 15б

о годіе кыа се бущїе до зходжіна суніе (вероятно надо читать - заходжіна суне - захождениа солнца) і отуде ідь до суніе (вероятно на восток!) до ніепрарїка і ясьмо тамо кые оутврждень грд іаке обытеваце слвне рді іне і тамо сен оселещесе і огнище тврѣе дубу і сьнпоу якевь есе сврг пращоурь наше і се крать наліезе на не врг новь осзесще іжь крве слвнех пїяйщь і се рате сва устрмі кые нане і зрїящї ве сврзе вое тыа перуньште вое іжде се врьгоща на не і потрщїае сылу іее і доньге ртсрще покажете заде онья і се племено онезьва наліезе іно нане і сіещїа бя влка о пхиждено я до послїедь і нашіе рате зрїае то ріекста і бзе нашіе жденоуть врзе нашіе

себьте воішень грїадеть на облціех до ноі і рщеть діте грїадетесе градь вашь і кріепіесте іе абіе бендіте отціеюі овїесма інья врзе і борба ваше бендіе зура і крїпка і то сварг мене посшлеть довы се ботье іматіе сылы небесніа ошоіе і одіесны вашїа і такожде рціех о воі небржешете о бізіех і такьво есте саме пред врзема

Дощечка 16

влескнигу сіу птщемо кіу ншемо у кіе ко есте прїбезища сіла во ноі врмэноі бя менж якоі бя блга дблэ іже рщен бящ отц врсї а то імщ жену і два дщере імаста она сктіа краве і многа овноі с она і бя тоі во стоупэх а оні гд неімщ менж продщїсіа так моля бзіа коі рді згове не се прсэше а джбо (т. е. дажбо) услоіша млбоу ту а помлше

даящму і змленої іако вя ожеша оітая се бо гренде мезе ної а імемо вржетесе се боя снатщемо ту бг влесо теше неся сему (се му) гредехом се на імемо до бзе наша і тому рщемо хвлу донде благслвен вождої поінэ а прсне овекоїа до векої рщено есе орудэснощої а те пршендше нс оврцетсе (обрцетсе)

Дощечка 17а

В Ж текст озаглавлен: «Дощечка № 17 (связка дощечек). Первая». Текст разбит на нумерованные строки. Указаний на дефекты текста нет. Существенные разночтения следующие (первое чтение - по Ж; второе - по М): *до земе ілмерсте а тако - до земе ільмерсте адунае а тако; внущец кіже - внущец кісек* (личное имя. - О. Т.) *кіже; с кіева земе - сківске земе*. В М текст дощечек 17а, 17б и 17в отпечатан без разграничения, раздел произведен путем вставки чернилами знаков абзаца. Дощечка 17а опубликована также С. Лесным в его издании «Влесова книга», где обозначена как дощечка Д6 аверс. Текст у Лесного в этой и в других опубликованных им дощечках совпадает с Ж и отличается от М, что позволяет видеть оригинал его публикации в публикациях «Жар-птицы». Однако нужно учесть, что С. Лесной публиковал также дощечки, которые в Ж не публиковались: дощечки 1 (аверс и реверс), 2 (аверс и реверс) и 3 (аверс и реверс), которые соответствуют тексту М. Это дает основание полагать, что его оригиналом мог быть и текст, подготовленный для печати в Ж, но не опубликованный там в связи с прекращением выхода журнала. Продолжив сравнение публикаций Лесного с дощечками 17 и 18 (опубликованными в Ж), мы увидим, что концы строк в обеих публикациях совпадают, хотя словораздел у Лесного иной и более правильный, чем в Ж.

Дощечка 17б

В Ж перед текстом указание: «Обратная сторона». Принципы публикации те же, что и в предыдущей дощечке. Существенных смысловых отличий между Ж и М нет. Дощечка опубликована у Лесного под № 6 реверс.

Дощечка 17в

В Ж перед текстом указание: «Вторая. Лицевая сторона». Из существенных разночтений укажем: в М дощечка начинается словами *іакожде тако ріех оно*, отсутствующими в Ж; в М после слова *огнь* добавлено *вражескь*. Дощечка опубликована у Лесного под № Д7 аверс.

Дощечка 18а

В Ж дощечка озаглавлена: «Дощечка № 18. Лицевая сторона». Из отличий М и Ж отметим - в Ж: *се бо . . . іної*, в М: *се бо ях іны*. Дощечка опубликована С. Лесным под № 8 аверс. Перед текстом примечание: «текст не имеет начала», отсутствующее в Ж.

Дощечка 18б

В Ж указано: «Обратная сторона». Из отличий отметим - в Ж: *распре загодіу*, в М: *распре о битисе загодіу*. Дощечка опубликована Лесным под № 8 реверс.

Дощечка 20

В Ж дощечка озаглавлена: «Дощечка № 20. Эта дощечка фактически есть собрание ряда отрывков текста, списанных с разных обломков, найденных в мусоре и кучах полусожженных бумаг, книг, манускриптов и прочих документов, собранных вестовым полк. Изенбека Игнатием Кошелевым.

Все эти обломки частью раздавлены, частью отколоты от других дощечек, а частью являются остатками от сгоревших дощечек.

Тексты были переписаны только те, которые можно было разобрать. Они пронумерованы не по смыслу, а по порядку».

Ниже текст публикуется по Ж с сохранением всех особенностей. В М текст не сохранился.

Дощечка 24а

В Ж озаглавлена: «Дощечка № 24 (серия дощечек)». В Ж текст слитный, в М - разделен на слова. В Ж после слова *імахом* примечание: «несколько слов прочесть невозможно»; в М после того же слова многоточие, дальнейший текст с нового абзаца. Существенных различий смыслового характера между М и Ж нет, до орфографические отличия многочисленны: вместо *ia, oi* в Ж, в М - *я* и *ы*. Дощечка опубликована Лесным под № 4 аверс; в отличие от Ж текст разделен на слова, но словоделение не совпадает с М.

Дощечка 24б

В Ж на первой строке примечание: «На обороте». В Ж текст слитный, в М - разделенный на слова. В Ж после слов «пребендіехомьоної» указано: «испорчен текст», в М в этом случае - многоточие. В Ж текст заканчивается многоточием и указанием: «текст испорчен», в М никаких помет нет. Дощечка опубликована Лесным под № 4 реверс, текст в ней разделен на слова, палеографические примечания совпадают.

Дощечка 24в

В Ж перед текстом указание: «Дощечка вторая». В Ж после слов *овразе* и *одоної* знаки лакуны и пометы «текст испорчен», в М в первом случае помет нет, но последующий текст продолжается с новой строки, во втором случае также поставлен знак лакуны. В Ж после слов *перуньковеко* помета «буква

испорчена» и далее: *цтєнства*; в М: *перунькове ковацєнства*. Дощечка опублікована Лесным под № 5 аверс; текст разделен на слова, палеографические примечания совпадают.

Дощечка 24г

В Ж перед текстом указание: «На обороте». Смысловых различий между текстами М и Ж нет. Дощечка опублікована Лесным под № 5 реверс, текст разделен на слова.

Дощечка 27

В М этот текст не сохранился. В Ж дощечка озаглавлена: «Сборная дощечка № 27 (Готская). Дощечка эта собрана из обломков и осколков многих дощечек, найденных и подобранных вестовым полковником Изенбека. Названа она Готской потому, что в текстах этих обломков и осколков упоминаются готы. Тексты». Текст дощечки воспроизводим по Ж. Отметим, что фрагмент 5 текстуально близок к дощечке 6д, фрагмент 11 - к дощечке 5б, а фрагмент 12 - к дощечке 8. После текста дощечки подпись: «А. Кур».

Дощечка 17а

исе бящете кнъзеве славному со братаре му скивьбу асе про весте вьлкіке на вьстенце ісе ітоі рещете идемо до земе ільемерсте адунае и тако іещсте ібьстаресна све оставе остраце і иломере осе теце на полуносще итамо све гьрд славень утврже асе братего скфе у морже бящете ісе бьстаре име сна све венде и поне сітце бяще внушец кісек кіже владец бящ ступе полудене і крве многа ітамо іесоі і отва бяще пре вьлка засете і зурете на обаполе оде данаіу до горе русище ідо хопе карпенсте ітамо рящете се бо утвре коле і бендешете опрец за не ітакожде врзем упоре творяе осе уразе оне и одстрще одсе ісе родем отомо рещете и вєще созве єдино творящете земе нашіу а тако стояте земе теіе пенте стоі лете ісе засе отворе межде русище усобице і вьрждящете сен ове і соілоу стратете імящете ове о соубое ібезьлаждене све ітакожде придете врзе на оце нашіе о полудене ісе стрщете сківске земе о побереже морженсте и ступоі ісе тещіяху ове на полунече і срящете сфряце о тожде ідаяху помощена врзе ісе скофья оцентщесе і сразсете со вьрзе осоілоу і потлще оноі і се овоі бяще іегуноі попрве до русе ступице і тоіе крате одестрщене бяще то іміяхомь за знаце якожде іміяхомь і ноши творите ісе бя имате

Дощечка 17б

оте врце себто стоупноі хорпе хранете іміяхомь яко оце нашіе а праоце іже хьрпящете імаше о све стоупе ісе траве све і кветень хранете умієща якожде крьв сове ліяху осебо колуне нашіу оставе врзіем і та голуне колем бяще о та вьрзіем тіжщце опрсте ста ісе грде нашіе клоум ставете імяхомь якожде оце нашіе іакове острще прящесе о земе на всек окрокоі до поуде спаднеще і лібате іу і тамо земржете іміяе і наспоте не ідеще воежде камо грендете сен тоі дене ідеже не імахомь онекеде утулоу ісе рцехомь ото яко оце нашіе і се борехомь і колібва порждене біяхомь се пероунец приде до ноі і тоіе повенде ноі ісе коліко іе праху на земе і такожде іе ото вое сварзенце оноі помождене бендешете рате идящете одоблакоі до земе ісе діде наше дажбо о щеле іхьва і коліжде тоіе не оборящете сіць і моі не осоме а то доцеле неможашете боіте ісе рцехомь молоітбу о бзем нашіем абоі абоі намо поспещете до помождене і дате витеждене на врзе могоще

іщо сьме о тем якожде земе нашіа утлщена іе спатшєма ногоі вражденстве і тяко зрщехомь на то я бендешехомь коі околоі све і не тец щехомь на оноі і нтецємо акоіноу до дресте ієх і не вьртехомь іе о ранієх вражденстєх і не оубієхомь оне ієжде наноі налезще ото рцехомь на воі

Дощечка 17в

іакожде тако рієх оно кісек на люде све за щасє напднєсте на овіє і тоіє омьрзєщєсе о вразєх і токъщє на оноі і потлщє іє се іміяхомь знак тоіє і мощьєностє інемьгощєхом до іяввє дате овоі себто боі слабостщє ісе імяхомь соілоу ісьме мнозіє і вразє несоутє толкоі мнозіє якосьме ісьме русице і вразіє несоутє оноі а камо іє врждєна крєвь нашіє тамо іє земе нашіє ісе вразі вьдіяшутє ісе оноі сен старашутєсе ісе старощє іє марна будєтє іакожде ове біящя о старє щасє оцієх нашієх

рещехомь ієще словоі тоіє назпамєнтє абоіхомь не ієдіноі одо тіє словє не оутратєтє і рцехомь братрем нашієм отакожде

се соіла божтє бендешетє на воі іту овинтезетє врзе вашіє до концє іже хщєщєтє земе вашіє такожде врзєтє моу до оустє пьлніє атє полока ону до дрстє све а не рщє простіє нїже сльвоі све

будетє соіне све бгоувє ісоіла іхьва перебендешетє не воі до концє

неіміяхомь ане щєрвє нашіє насоітєтє хлїєбєм себто пожден на огнь вражєскь і кравіє нашіє скутє трпящєтє тугу такожде ісе якожде моі ісе акоіне наше харалужнє одрждєхомь оде полоудєне борзіє а бедієхомь соілноі вїще врзе нашіє

Дощечка 18а

себто зрящєтє обєсва да имєтє птыцю туіу нашєлє вашєм ата бендє воі до вьтєжєнстє надо врзе се бо ях іны сва а тамождє сен одєржєщєт іту красоушєсє прєд ны а влєцє свієтамє до сєнє ітаква бящєтє во інь щасо яко руштє ідящє со вєндєма і тьє хотьє унєстє бозє свы до морє і тамо угнієздєсєша ісе граді а пмоліа і бястщє тамождє многа зодьща яко соутє боганстє іта пмоліа украсєны соутє злємі србрєм імногая осє дрвєні бзє поцтяшє удэщєтє ускуси іта осє вїєдома іным и такожде тья зрящєщє а задєща натоа іпєєрщєшіа овы ітамождє нєімящи родіцє нашіє покoєтєсє орабі ходящєшє дотє а

трзашеше на трзешех о богъствы та ітаможде оуседше отрце одерене дащеісе іта земе повіеда еше мрзъсте пре і злыа оужіве себто моі одендеша о горех карпеньстех докыа ітамо бяхом такожде вряждене о злех язецех се бо пояхом яко сьмоі русе о славнех днех сех а іміємо спевоі тыа одоце нешіе о крастем жітбе во ступіах а о славіе оцев себо віеводо бобріеце ведштеі русе до голыне по смрте обрятщъ чин пероунъ і хріябре гордінстве то незапомыньмо овежде аякожде есьме сыні оцев нашех да иміємо любве до памяте іех а рцехом оне якожде бяше оны сылоу нашеу а сыла та иде до ны од іех жиіу ле вэніємо а ле віену тягнехом рціехом есьме

Дощечка 18б

отіех якові гобзяхуть о ны і се неімяхом молбитце і ряхом отва опре студніе а родниці ідеже вода живія теце ітамо волба іе і влці хицне не ходящеть о теа се олдореху щасе воспоминьємо ітые се зва жрвецъ яква неімерадехом обзтепен есь а словесо недржешеть і красене нашіа бере нагло а хитща я іта оездева межде ны распре о битисе загодіу іто пжежихом а бысте погоді а тыа веце правихомьсе одроды и кнезе и се кніаз борьвлень яковы жде оборо елане у бренгы морсті опре ідьмо на заженть тоу ітамо ряхом скотіа и скуфе діеяхом попасете скотіа во стенпех себто буде оны ітаква грецьколне седнешія поновіе і грендіща грды і злобіа се наны отем щасіе ідыхом проше до полнощіе а тамо быхом двасты лента ітамо сьме іесе соуте одщас теіех до нынъа вднесе іміахом іна кніазе борьвленія лравнуце о дяды свео ітоє реще ідыщете до полоудне на грецьлане грець бо междуо еланеоу племе себетно а трзе іміяй о ны в стнпіех о скоть нашоу а хощя берате она задаре іто імяхом она стрщете оновіе до морія а гоніете до сва краіе якожде руська земе іесе а руська крив ота земе сен ліящешете до поде іта піяще кривь нашіу уаны надежете іма бенте і ту браніхомь о воіа дне іакову тремехом

Дощечка 20

1. . . ро посве такоже ідце птоіціу комоньствоі ставіашіа а врзе туіу кроід.ма сакроваста а главоу бііаізні. . .
2. щастэ біаша тоіе комоньце а ум істыагнув обрэзаща ренді сэще а то ві едша колем пару. . .
3. . . ехом такожьде деіате абоі хоцсте (м. б. хош сте) досталве побіедоі н. . .
4. о нэжіащете ова іако сва імехом а ту бо дне жріахом іако овца біе гоу ца пред н. . .
5. . . ства скуфе а сурьме родіце десент сет ліатоі скотіа пасэхом а кмете роєм а гръце наше жітва обереста а мене на сва доіба благоденте а. . .
6. во влесо науцаі земе раіаті пращурі такожьде деіа. . .
7. . . тому врземо догніца трвоі а клечві влеса славіті. . .
8. трікрате русь погнебшіа встане. . .
9. іегунште доцэлесеца ноі од іньске отрещете а ноін. . . здэ сеі. . .
10. . . ко востате іма се крате. . .
11. тако стара пріа ознікне а тако іміахом трават. . .
12. многаіа племоі ідышіа до степноі наші. . .
13. од стрэлоі не відіаі суме . . . русь есь едін. . .
14. вопіащете до сварзе о помоце бжъск. . .
15. гріахате мещоі не сленхате гласоі. . . іа. . . к. . .
16. а не стане іедін ден. . .
17. іспріягоша оце соіл. . . ва овщек мі. . .
18. рэщеху оноі дэтем безте до куще а та. . .
19. . . ако бодє злаіа щас. . . ло. . . а
20. . . ерва пощіахом граді окреніате акромэх бо тоі не іміахом. . . лот. . .
21. . . стужь не поімеімо по. . .
22. а ту впару на прде а сеі верьже на о. . . н. . . а. . .
23. ту бо слва влека а ту вэціаіаше матоірва кроідлема біащъ . . . ко
24. тако врзеті тэскоша од ноі. . . оіе мужі суте просте. . . а. лвоі не гобз!ащ утьсіа г. . . іа..

Дощечка 24а

ісе грядеть съ силы многая дежбо о помоще людем свеіем ітако страхы неімь понежды древле яко новы о ноі се пецыйсте тые і ряхом о ніем якожде хоцеть ісе ждіехом по свеі дне о тоіем яко імяхомь. . .

се бо воронзенець бя міесто о яковіе усилісе ше годе а русе се біете і то гредо бя мало а такожьде по пріе тоє сожегненто і прах і пупелы тыа віетріема рострщены обасваполы і міесто сые оставліено небожь земіе тая руска іе ісе не озерещетесе о ніе а не забудешете іу тамбо крв оцы нашіех сен ліяще і такмо семы о правіе грондіехомь ото се о воронзенціе слава тіекошеть по русіем ітыіе сва розе імуты ящете осіем і сылы імате на конешы сва одерзете іа о русе огые бо сіе о ренгы і руга імяшуть дате о конензы о све і огненьчы слузы отыа імяхомь држете се ще ругу особіу да імуць ядь і пытву за щасіе свыа до смрте і слождіехоуть ны се бо многіа сленжешце косты свыа оболоніе якожде за щасе мезенміру

тако антїєсьме імяхомь ушту і славоу поіуше бозем і такьвы славїє сьме ршенїє нїколиждє просїаще нїжіє сдву рцїехомь себоте молынь тврїаще омыїехомьсе тіелєсы нашїа і рцїехомь слву такождє

Дощечка 24б

пїймо суре пытвоу о славоу ту пентекраты дєно і огницы узгнєхомь о доубы і тако снопа влєцїємо а рцїємо хвлу онє ісьме даждьбовы внуше і несмієхомь нехатїє славы нашеа за вієцы се бо антїє бяхомь порусколанї і дрїєвле бяхомь русє а пребєндьєхомь оны. . . се о волынь іде опрєдєх і быє врзє якò хоробрїа єсє і та волыньє первыщє родò єсє і се осєрєньцє сє овьа і антїє мєзєнмїру одєржєщєть побїєды о годїє і рострщєщєть на обы і сє по нїєх текòстє єгуны о крвє славных жадьщєсє і та борба зурїва бьа і сє годє со обратїшїа со єгуньшты і с нєма на оцє нашїє налїєзє і быстє розбїєна і ознїцєнїа сєбьтє ідыщїа обрї на кнєнзє і забьє гої ісє сынє морїа одьдїє од русє сє бзє русы небрящєшуть жртвы людьскєа нїжіє жīvотнїа єдїнїє плòдїа овòщтє квїєтыа зрнєа млєко сурє пїтноу о травїєх озбрòдженòу і мєды нїколиждє жīvїу пыщїу анє рєнбы ісє врьзє і єланштє бòзм даяшуть жртвє інїу і стрòшноу чòловїєщноу і то нєімяхом дїятє якò сьмє даждьбòвє внуше і нїємяхом крòщєтє за інє стòпы чїузєма

Дощечка 24в

сє жртьва нашїа іє мєд? сурє о дєвєнтє сылы і щалє удїяннє і на сурї ставїєна трїє днї а по тїєх скрєнз вьлну цїждєна и та бєндєщєть нашє жртва бзєм правїєм яквє соутє нашє прòщє ібòсє одєїдєхомь отò даждьба і стòхомь славнї о славєнтє бòзє нашїє нїколижды прòсрòхомь нї молихомь о благы свà сєбо бòзє рєкохуть намò ходїтє до русє а нїколиждє о врьзє

матєрсва слва поящєть нòї спїєватє вьтєжнєствє на врьзє і тому вїєрїхомь якò слòво іє о пыщїє вьшнїє о свàрзє порòстїє лєтїашєтє одò нòї. . .

сє бо конєнзє нашїє ізбрїащєхомь да бєндєть влòстє ієх о нòї пєцїтєсє ідà прєїдє врьг за крòмòї нашїа а крòмєтьщєтє нє бєндєть іакò зòвратє іє самò пєрунькò і то сноп знєяє якò смє молихомь славу і нїколиждє прòсрòщє о інò ікòлє нє пòтребòвахомь о жīvотїє наòхїбьна сє бо зрòщєтє оцє нашїє орєа до облòкы ходьщєтє всхїцєна бьащà і всхїцєна сылòу до пєрунькòвє кòвòщтєнствà і зрòй тамòорє якò пєрунькò кòвòщє мєщы на врьгы і кòвòщє рєщє томòу сє стрїєлы а мєщє імяхомь на вòє тыа і нє смєщєсє сєн бòятє ієх якò знїцòу ієх до пудїє і кмòтє ієх бòндє умїєшàнїа до пєрстє блїжє якò зємє обòгны звїєрєм і бєндьашуть оны якò прòсєтє умàзанє од брєнїа і смрòдє свы пòнєсòщуть о слїєдє свà і тамò рєцєнò бєндє о оны якò смрòдны прòсєтєы и свїнїє сє бòр рїєкцà пєрунькò кòвòщєть мєщы і орєу то рєщє і тòє орє пòвєндє отєц нашїєм і такòвò бьа нашє бòрьба за жїтвòу і вїтєжєнствà мнòгà і вїєкы нàзàды а днєсє вїєрїхомь то нєбє такò

Дощечка 24г

їдяхь одє тївєрсє і до сынїє морє а сурєнжє до вь і рєкохь вòмò іакò жє вїєдїєхомь самò о то ізє старїа зємє нашїа спòлєнствà антїєвòа і такò жє ієстє за мнòгьа крвє лїтєа по нїє русà будєщєть іакò руду лїахомь а такò в жьжєнь іу дòкòнцє і будєть отò зємє нашїа славєны плємєны і роды сє бо славїєхомь бòзє нїкòлї жє прòсрòщє лє жє славїщà сылòу ієх і такò жє вєлїчòхомь прòщурїа нашїєгò свр̀гà кїє бьа бьа а рєбєндє вòжды о нòї о вїєк вїєку до кòнцїа

Дощечка 27

1. . . . ітвòа інїа до пòлнощє. . . аб. . . годї. . .

2. . . . жїтвòа ін. . . Алдòрєхòвòа нїкòтòжє ідїаї. . . к

3. . . . о.о нàстòпòїцїу іє кòнє роту, .нучà іє бòурєху. . т.

4. е. .мїахом рєщєш. . т.х. .

олїар іòкòвòї на годь ідь. . .

5. и бòлїарє сєгєнїа іжє убїв соїна ієрмєнрєхà а отр̀кà гуларєхà рàнїв іа. . ої. . .

6. . . лдòрєху дàнє дїахом од то.

. . . а імїахом дàїащєт. . . двà стòї то. . . .

7. . . . щàс ієрмєнрєху ідє годь до пòлунощь а прїдє на нòї а порòбї

. . . анє бр̀шàщє а отр̀кьвà шмòхом тєнжєтє то бò злòшà твьрїаї а тà

. . . . русє пàдє а врьзє єствòшà на нòї влòцєвòї а то трвòщà сєн. . .

. ъ лїатòї а зьтрєхòм сєн а отьрòквòстà щàсє отр̀чєх. .

. . . асєнщє русє вòльнòї а жївєхом тàк. . .

. . . . ібвòа русòї вòзпрїащє овер. . .

. жà годь туй. . .

8. . . . є бòтò огр̀жїаху зємє руськòланє а обòщàху и. . .

. мнòзїа а то тєщàшà оцє до лєсої у врьзєнцє а у рàз. . .

. на годь вєсїа соїлòи и рòстрщєтє іу бїащ. . .

9. . . вòа істà бїащà за щєс кòнòрєху скòїдвòа ізтцє алдòрєх а прòпрòв

.цє гòтòрєх сє бò ієсь прòдò ієрмєнрєху. . .

. . . іак. . лп. .

10. . эша. . а. . по тэ (отрывок очень попорчен) . . адь окаръеща а отб. .

11. оі ліатош біащі тамо годе іерменрѣхе а се злобіащоі на ноі а ту біаша уборце вліка а годе біа потніана а од трѣна до доище а до не а іерменрех піаі віна ліубоі братре степозе воіавенде нашої а тако се уборжешеті сіа біа живут нов. . .

12. . ен щасе колієбва годь іде на ноісе іерменрех со егунште а тако се пдорже она а сме іміахом два врази на два конціа земе нашіа а та болорев предо трудоі влке ото ту матоірсьва летшіа рещемо іако смеіаі паднуте на егунштіа оперве а рострещіте іу а сен повратітесе на годь там бо увржі соіне іерменрехе а замертве оціа а ту гураік

13. друг наш тако піаі крове а віноі а подле таіа за едіно ліато шед мкшем на ноі а тократь болорев жек о іжденеті годе а тако удеіа о дрщене стоаіміахом чесва та урощенте добростенте до главе сва іако хом на тоі ста боріа до живіат нашех железва оце нашех іако кол-

о а комоніа еста соіла нашіа то бо даіхом ста інема іако ста глут . . . (сколото)

Дощечка 35а

Опубликована только Лесным под № 1 аверс. Основные отличия от М (первое чтение - по публикации): *сва словесоі - сва імяхом словесы; сва до іні - сва до ініа; теі старшче - теі ієсь старшче; тоіє і оселіа - тые градіє и оселіа; сэдешети - сэдешеться; одомзешеть - одомзесешеть*. Строки в публикации С. Лесного существенно различаются по длине, имитируя как бы деление на строки в оригинале, но с делением на строки в М не совпадают.

Дощечка 35б

Опубликована только Лесным под № 1 реверс. Текстуальные отличия от М незначительны. У Лесного после слова *мещ* помета: «букву прочесть нельзя», в М - *меще*. Текст в публикации заканчивается многоточием. В М текст расчленен на три фрагмента, но границы их не совпадают с членением на строки у Лесного; там же строки в двух случаях значительно короче остальных, но концы их не совпадают со строками в М.

Дощечка 36а

Опубликована только Лесным под № 2 аверс. Основные отличия от М (первое чтение - по публикации): *творіаше (ряд букв прочесть нельзя) велкоу - творяще держевъ велкоу; пентоірієщеце і кильбова - пентырїєщеце і семерїєще кильбова*. У Лесного текст кончается словами *строіашуть іні*, в М далее читается фрагмент *се бо ореотець . . . внушатіє бгве*. У Лесного этот фрагмент читается в начале следующей дощечки.

Дощечка 36б

Опубликована только Лесным под № 2 реверс. Из различий с М отметим лишь пропуск у Лесного слова *соін* в словосочетании *біащ соін лебедянь*. И у Лесного, и в М после слова *велко* стоит вопросительный знак.

Дощечка 37а

Опубликована только Лесным под № 3 аверс. Из различий с М отметим лишь пропуск слова *єіє* у Лесного.

Дощечка 37б

Опубликована только С. Лесным под № 3 реверс. В публикации сравнительно с М пропущено слово *одржете* после слова *хлябі*. Еще раз подчеркнем, что во всех случаях деление на абзацы в М и деление на строки у Лесного не совпадают.

Дощечка 35а

се оубо собъство нашіє прещіноу бя якове сва імяхом словесы обліцена дэє а і тамо рыцэхом воіістину блгая о рдем нашем да не лждехом оты а істову рцэхом оніа опрве бане наше повіаждехомо а кнезі ізьбріа оіє іменнатен бо кіська тое і отеі венде родице оступієх со skutia сва дололудене ітамо ідеже суре сящешете пребоі і пришедь оне оцореі і то доне рще обасвы імяхом децкоі і меже і жена а старше імяхом боръніте од вразем ітакво рещехом іжъ племено іє і дахомъ овна сва а skutia донь і будяхомъ племено ієдіно се бозе натщуть намь і зряхомъ добліа дондежъ вієцы о вієцых околице яхуть поща бо теі рещашете хоібо ієдине такожъє і ино рещеть іто оцореі одвежде стіады сва ілюды одоне а венде овья подалежъ і рще тамо уздобієхом градъ ітое голыне бендешеть ?яква іє глоа ступа і лієсы і киськоіде проще і себоть венде людь сва до ініа да не смешаете со людьва оцореа се теі ієсь старшче і тако сотъврящъ озме тые градіє и оселіа ітакво кыська одешедь со людь а утвориай земе шоу і тамо сэдешеться ітакво одцеліє одомзесешеть оте обаве і тако ряхомъ бендетце ціуже онь ініу вшете жытьва і сылы імяє непрце онь друзеа і бяшь кысько теі слвень і людьва ореоце слвна якожде слва претеше іхьма а поле знаще іхьва яко стріеле а меще знаієть

Дощечка 35б

собъ те преіде ізве до краіа ієго і поща skutia оберещете ісе кысько налієзе нане опрве ождене і одва бящъ ожденень само і людьва бящеть гряхомъ покръме стате і ядыща мнозіа ощесы а людьве поврзете од меще і се глаголящъ ореоце яко мртве ущєрнієна гряхома і тые погряхоуть радощема свема і ядь пдерзей себьто омрзешесе серьце ореово а рієще родіцєма подержете кыська і людь ієу іта комоніа

сєдлащєтє вѣзѣ сє врѣщєтє нѣ ѣзє і бѣщѣ по нєі ѣкожѣ растрщєні соутє іто мѣхомѣ вѣдєтє до ісѣва імѣхомѣ сылоу докоупіа нєінь нє можѣщєтє одєрзєтє нєі

ты бо ты стєпнє нєодєвѣзѣщєхомѣ обовѣ іѣкождє рѣщєтє соутє а сєбє слѣу імѣхомѣ ізрщєноу одѣврзє ѣковє гѣрлѣшоутѣ доны а вѣдѣѣ жидѣбо нашѣє іскусєтє іміутѣ до братєнь нашѣєх о сѣбрє намєщєноі і одѣ гонѣщѣрстї горѣщєкє уєдѣно про сыны овїєны

жидѣбо нашѣє о супїєх єсє доконцє нашѣєа уждѣны до сѣвє і тамѣ нє імѣшутѣ намѣ рєщєщєтє о інь жївѣтѣ сє бо словїєсы нашѣі ісѣтѣвє соутє і іховѣ лєждєна сєбо лѣзѣ рєщѣшутѣ і нє іѣ імутѣ

Дошєчкѣ 36а

прєдрєщєно єсѣ од старѣ щѣсє ѣкождє імѣхомѣ со сполєтє со іні а тѣвѣрѣщє дєржєвѣ вєлкѣу одрѣдєтє імѣхомѣ рускєнь нашѣіу о голунїє а трї сєнтє гѣрдїє і сєліѣ огнїц дубнєх дѣмѣ єсѣ тамѣ і пєроунѣ іє нашѣ і зєміє сє бо пѣщїѣ матѣрсѣвѣ спїєвѣщєтѣ о днє тѣє і ждєхомѣ она нѣ щѣсє сыє ѣковє врщѣтєсє імѣтѣ колѣ свѣрѣжѣє доны и щѣсє тѣє зѣсѣвє ідошутѣ до ны рщєхомѣ матѣрсѣвє ѣкождє бєндєхомѣ бѣрѣнтєтє зємѣ нашѣіу лєпїє вєндѣ ѣкѣ ідѣшѣ до зѣладѣ сѣрє і тамѣ прєдє врзє зємє рѣѣщутѣ і хѣбєніу вїру імутѣ одєржєтєсє нѣнїє борѣвынь бо рєщє ѣкѣ єсѣ сылєнь а лѣудѣ тѣ вїру імѣщєтѣ о словєсы тѣѣ а і нєсмѣы глѣпє нєізумлєні а вѣєрєтє нєімохѣмѣ до тє узрєтє єщѣє вєндє вѣрєнтєтєсє до зємѣ нашѣєх о стѣпѣ дѣрєвлїє а глєндєтє єщѣє пощѣрє іні ѣкѣ вє днє оходѣ одѣ пєнтѣрїєщєцє і сємєрїєщє кїльбѣвѣ одєсунѣ отщєцєнѣ однѣі і тѣ сѣвє пѣщїѣ рєщєщєтѣ ѣкѣ огєнь смѣрѣ понєстѣщє доноі і гѣлоу порѣщєщєтѣ дѣ тоїє горєнь бєнѣє а бѣзє коупалїтє а дѣждє дѣждїтє сєботє зємє бєдѣє рѣзѣврзєны і комѣні поглѣцєнѣ ѣкѣ ізѣѣщутѣ сыновє тѣє комѣніє прѣтщє бѣзєм іто бѣзі остѣпє оѣє і дѣсунїє дѣѣщутѣ осєнѣдбє ієх

сє імѣхомѣ соущєтє анє зѣ щѣсє антєвѣ і ты антѣрїє одєрєзєщѣ мєщєм мнѣг алєжєдѣ погєбєщѣ домѣ тѣвєі ѣкождѣ домѣвє вѣцѣждїє нє стѣрѣѣщутѣ іні сє бо орєотєцѣ ідє прєндѣны а кїє вєндє зѣрущѣ і щєкѣ вєндє плємѣ сѣвє а хорєвѣ хорѣвы сѣвѣ і зємѣбог рѣдєнѣцѣ нѣ тоѣ ѣкѣ сємѣ внѣщѣтїє бѣгѣ

Дошєчкѣ 36б

одєїдє хорєвѣ і тєх одѣнє а сєхомѣ до кѣрпѣнѣстє горїѣ і тамѣ бѣхомѣ іні гѣрдє тѣвѣрѣє а мїну імѣхомѣ со плємєнѣ ініѣ і бѣгєнтсѣвє імѣхомѣ вєлкѣ ? сє бо врзї нєлєзєщє нѣнѣ і то тєщѣхомѣ до кїєгѣрдѣ а до голунє і тѣхомѣ осєлєщєтєсє огнє сѣвѣ пѣлѣющє до свѣрзє а жѣртѣвы тѣвѣрѣє блѣгѣдѣрчєтє бѣзємѣ і тѣковє оноі і сє кѣє умєрє зѣ трїдєсєнтє лѣтоі влѣдоїщєтє ны і по сємє бѣщѣ соїн лєбєдѣнѣ ѣжѣ сєрєщє слѣвєрє ітоїє жївє двѣдєнсєтє лѣтоі а пѣтє бѣщѣ вєрєнѣцѣ влїєк огѣрдїє тєкожѣдє двѣдєнсєтє ітомоу сєрєжєнѣ дєсєнтє і остєлє одєржѣѣхѣ онє вїтєнѣзєстѣвѣ оѣврзєх і тѣмылїхѣ нїєстѣцѣ о сынь і сє гѣрдєщєтѣ нѣнє інѣмоі і то гѣдє прїєдѣщѣ до стѣпєн нашѣєх злѣ тѣвѣрѣѣ і сє доблє дєнѣу імѣтѣ прѣоцє нашѣі прїѣтїсє о жидѣбоу сєбѣсєхомѣ слѣвєнє ѣкождє слѣвїхомѣ бѣзє і сємоі обѣзєх внѣщє ісѣвѣрѣ нашѣє а дѣждѣбо ітѣкожїє трїпїєхомѣ о злєѣ поєдждїє сылѣу імѣхомѣ влѣку отє і бѣрѣнѣєхомѣсє влїцє одє нѣтєнѣщєнє гѣдїє бѣрѣзїє одѣє шєнсєтѣ лїѣтє іту ілѣмрї ны подѣржѣшїтѣ ітѣкѣ імѣхомѣ вєнтєзєстѣвѣ о врзє сє бѣтѣє дєсєнтє рєхѣ імѣтѣ ітѣє влїцє бєнѣдє прѣѣщєтлїє і вѣоє хорѣбєрє осє нѣнє нѣлїєзєтє пощѣсє і хрїѣ тѣвѣрѣє і нємо іє бѣрѣнє ініу іѣкождє мєщє хрѣждєнѣстє омєнїєноі од овнї і овщє і тѣо тѣвѣстєру утѣрїє во свѣрзїє сѣмо

Дошєчкѣ 37а

сє бїєтѣ кѣрдлємѣ матѣрсѣвѣ пѣщїѣ ѣкождє бѣрѣмѣновїє ідѣшутѣ нѣ нє ітє рѣзє дє щєлѣ дѣѣщутѣ ітѣкѣ тєцѣоутщє нєлїєзѣоутѣ нѣ нє а сє тєщє тѣгѣ влѣкѣ о кѣрѣє нашѣє ѣкѣ дѣмѣвє стѣпнїє поѣждєнѣхѣутєсє до свѣрзє тѣкожѣдє жѣлє плѣщєтѣсє оны і клїщєтѣ матѣрсѣвѣ до вшнїєго іѣкѣвѣ дѣѣл єсє єїє огєнь до огнїцѣоі нашѣє ітєі прєбєндєтѣ опѣмощє ісє моцє врѣщєщєтѣ нѣ врзїє

ісє гємѣтѣрєх устѣпїсє а гѣдє сєн усїєдєщє нѣ кѣлїцїу мѣлоу і тєщє до бѣрєзі мѣрщїтї і тѣкѣвѣ зємє одєржѣшѣтѣ до дѣнє і поѣтоу дѣнѣурїєцїє ієсє кѣлѣкѣ влїкѣ іє кѣрѣмѣ мєзждє нѣі і прєнѣщѣѣ плємѣ ітѣмоу гѣдє сє бїє чєтнѣроі сєнт лїѣтоі о свєврзєх ітомоу іѣхомѣ сємоі зємє нашѣіу і рѣѣщѣхомѣ клѣуднє зємє і єлѣншѣтємѣ трѣзєхомѣ о мєноі скѣтє скєрї і тѣщє о сѣбрєноі і злѣтѣвєноі колѣ і пїѣвѣто і ѣдє бєскєрѣ і жївѣодѣбѣ нашѣі бєндєтє отє порїє клѣуднѣ і мїрнїѣ і сє гѣдє нѣлїєзє нѣноі єщєжѣє і бѣщєтє прїѣ дєсєнтєлїєтоі і сє удрѣжїєхомѣ зємє нашѣє

тѣкожѣдє імѣхомѣ бѣрѣнтєсє од врзєх іѣкѣїдѣшутѣ о трє кѣнчє свїѣтоі окудє свїѣтоі ідоутѣ до ны і тої свїѣтоі пєрѣвєно кѣлѣдѣ і дѣрузє ѣрѣ і кѣрснїѣ гѣрє і овсїєнѣ влїкѣ і мѣлѣ ідѣшутѣ тїє свїѣтоі ѣкожѣдє мѣжѣ ідѣѣщєтѣ о гѣрдѣоу до сєлоі огнєнѣщєнѣсѣтї і кїєм зємє мїрє гѣрдєтѣ од нѣі до ініѣ і од ініѣ до нѣі

Дошєчкѣ 37б

тєцєтє бѣрѣтїє нашѣє плємєно о плємєно рѣдї о рѣдї і бѣїєтєсє о сєбїє нѣ зєміє нашѣє ѣкѣ нѣлєждє ны і нїколїждє інѣмоу сє бѣсѣмє русїщє слѣвєцє бѣзє нашѣі спїєвѣы нашѣє і плєнсоі і ігѣрѣщѣ а позѣрїщїѣ о слѣвоу ієх

сє бо сєхомѣ нѣ зєміє і ѣхомѣ прѣстє до рѣнє сѣвоѣ а тлѣцєм дѣнѣє ѣбѣхомѣ по смѣртє сємѣ стѣх прєдоі мѣр мѣрїѣ і рїєкѣлѣ бѣѣх нєімѣмѣ вєнєтє тѣоєгу ѣкѣ ієсє плнїєн зєміє і нє мѣгощѣу ієго одїєлєтє одє нїє і бѣзє бѣщїі тамѣ дѣ рїєщутѣ о тє сы єсє русїщѣ а прєбоудєшї тѣоємѣ ѣкѣ ѣл єсє зєміє до рѣнє сѣвѣ і нєсєщєщє іу до нѣвїѣ

отє щѣсє по кѣѣ кнїєзє ізѣбѣрѣщутѣ мнѣгїѣ вѣтѣцє і кнєзїѣ осєбїє і всѣѣкѣ іє ѣковє тѣє по кнєзждєнїє у вєщє рєщєнї прѣстї мѣжї і тѣко стѣїѣщє зємє рѣѣщѣтє і сєбѣто кнєзїє бєндєтє? орщєнѣ дѣбѣтє лѣудѣє а хлѣбї одѣржєтє і ѣдѣ і всєнкѣ пожїтє одѣ лѣудє сѣвѣ

днесе імяхомь ініа і кнезіє полюде брящуть і о сыні владьбу дящуть одоце до сыне а ажьде до правнуча

Помимо дощечек, тексты которых рассмотрены и воспроизведены выше, имеется несколько дощечек, сохранившихся в машинописном варианте в архивах Ю. П. Миролюбова и А. Кура. Это два продолжения дощечки 8, дощечки 14, 19, 21-23, 25-27 и др. Эти дощечки не публиковались, и, как мы помним, Б. А. Ребиндер высказал следующее предположение: «Ю. П. Миролюбов, который собирался написать книгу про князя Святослава, пробовал писать в духе Влесовой книги, т. е. языком десятого века. И для того чтобы не вводить людей в заблуждение, он нумеровал строчки до 45-ти и даже до 50» (см. материалы Б. А. Ребиндера - «Вторая часть „Влесовой книги"». С. 80). Но обращает на себя внимание другой факт: нумерация этих дощечек входит в общий ряд нумерации, и тем самым они как бы уравниваются с остальными, хотя, как справедливо отметил Б. А. Ребиндер, они несравнимо проще по языку и графике. Значит, в ряду публикаций эти дощечки были пропущены издателями не случайно.

Приведем сведения об этих «дощечках».

Дощечка 8 (2) озаглавлена: «Дошъка VIII (продолжение II)», дощечка 8 (3) озаглавлена: «Дошъка VIII (продолж. III)». Дощечки 14, 19, 21, 22, 23, 25, 26 озаглавлены «дошъка», а номера их проставлены чернилами. Следующая дощечка озаглавлена: «Дощечка 8(27) (1-28)». Неясно, имеет ли она отношение к дощечкам 8 и 27; строк в машинописи 28. Дощечки 28, 29, 30 и 31 озаглавлены «дошъка», номера проставлены чернилами. Но дощечка 31 озаглавлена «дошъка с молитвами». Тексты дощечек 25 и 31 сопровождаются примечаниями, которые мы и воспроизводим.

Кроме того, в издании «Влес книга» (в части 6-й) воспроизведены фотокопии материалов из архива Ю. П. Миролюбова. В их числе еще два фрагмента дощечки 31. Один из них - машинописный текст «молитвенного» характера, но разделенный на слова (в отличие от основного текста дощечки) и озаглавленный, как можно думать, одновременно: «Дощечка 31». Другой, написанный от руки, текст также озаглавлен: «Дощечка 31 (27-42)» и содержит несколько строк, которые по количеству знаков в два раза меньше, чем объем знаков в 16 строках «стандартного» текста дощечек. Он, в отличие от остального текста дощечки, содержит «исторический» текст: о движении русичей в «травный край» и о братьях Кие, Щеке и Хориве. Там же воспроизведены три фрагмента дощечки 32, каждый из которых имеет указания на строки: «1-13», «14-21» и «22-30». Что это значит, - неясно, так как рукописный текст содержит значительно большее количество строк. Каких-либо обозначений границ строк в «оригинале» нет, а в целом объем дощечки меньше «стандартного». Дощечка 33 представлена несколькими «отрывками» - фрагментами текста от нескольких фраз до нескольких слов. По типу записей она напоминает дощечку 38б, публикуемую ниже. Перед нами, видимо, «заготовки», которые Ю. П. Миролюбов не смог или не захотел довести до конца. Очень характерно, что древний текст дощечки 33 вдруг прерывается сделанной латиницей пометой: *Plaquettes Isen Beck*, совершенно неуместной, ибо далее снова продолжается «древний» текст, а возле заголовка «Дощечка 33 (1-11)» на левом поле также латиницей запись: «*Vles kniga N 28*» (см. рис. 2-4).

Дощечка 34 воспроизведена дважды: в части 7-й «Влес книги» она воспроизводится по архиву Ю. П. Миролюбова, а в части 6-й тот же текст (но с архаизированной орфографией) воспроизводится с пометой: «З архіву п. В. Лазаревича».

Опубликована машинопись дощечек 38а и 38б. Последняя особенно характерна, так как сходна по характеру с подобными же черновыми записями Ю. П. Миролюбова текстов дощечек 31, 32 и 33.

Приводим тексты всех рассмотренных выше дощечек.

Дощечка 8(2)

текст - Се пшелетла до ны я сэдлеся на древо а спэва птыція і вшыко перо е іне а сяще цвэта рузна ста і в ноше яко в ден а спэва пэсне до борія а до пре то бяхом сме пряшехом о вразі осьпомынъмо о то якве іе оцева наша днес во сварзе сыне а гленде до ны а се лэпе усмавасе до сех і тако смъме со оце наша не едіне сме а мыслехом о помозе преуні а то відэхом як скакщеть в сврзэ вэснек на комоні білэ а тон меча сдвіне до небесе я ростржащеть облце а громі а теце вода жіва на ны а піймо тую бо та вшыко од сврога до ны жизневте теце а ту піймо яко істщнеце жівота бозка на земэ тубо то крава земунь иде до поля сынія я пощена ядсте траву ту а млеко дава і теце то млеко до хлябэх а свэте в ноше згвэнздама над ны а ту млеко видејмо сящите намо та бо (*неразборчиво*. - О. Т.) путень права а інах не імяхом імате

ту чювей потомице слва тая а држі средьце све о русе яква іе а пшебенде наше земе а тую імеох браните от врзі а умрете за нь яко ден умира без суне суране пото іжъ іе темень я імя іме вешерь а умира вешерь а іе ношь в ноше влес іде ве сврзэ по млеку небествену а іде до чертозе сва а в зоріе се дава до врат тамо же хом све спэва защате а влеса слвіте од вэк до век і хрміну ю яква блестще огнема многа а ства ягнице чста то влес ущаше праоце наше земе райте а злаке сэяте а жняте вэна вэньща о полех стрднех а ставете снопа до огнища а цтетъ го яко оце божска оцем нашем а матерем слва якове нас оушаше до бозе наше а водяща по ренце до стезэ правэ тако ідехом сте а небудехом ста енва хлэбожравце ніже славуне русе якове бзем славу спэващут а тако суть славуне ото од морсте брезе

годьска море ідыхом до нэпры а індэ не зрыхом сме іна бродцеце яко рус а тіто іегунште а ягы суть отрщены так бо імахом сме болярена огленде якій нами погрдіся а нас дере до щасте

од йітра до йітра відяхом іна злая сен дэяте на русе а ждехом іжь бенде до добря а то не прібоде інакво ніже сыла сва не зплочыймо а веземо мету одну до мысліа наша то бо глаголешть вамо глас праоцев а тому венмете яко іна нэсть дэяте ідеймо до ступы нашія а бореймося за живу нашу яко грдінове ніже скоты бесловестне якве не вэдящуть

текст - ту бо красна зорія іде а каменія ніжеть на убранствы сва а тую вэтящехом одо средьціа яко русице ніхе грьці якове невэстнуть о бзех нашіех а рекощуть злая невэгласіа то бо сен сме хом імэно слвы а слву одеукаждехом іхва на желэзва іхва ідохомсте ста а на меч ту бо ведмедева оставшеса сленхашете слву тую а еланье скакащуще останесе а рце інэма о русы тіэ то не убіють еіе о нише неботьва по нузэ грьці бо вражденовая на похенть сва тібо то русовэ грдіе суть а по хліэбэ дящуть ніже грьць якев бере а сен злобі на датчце ту бо слву орліе клекащуть на ова и сева яко русіші суть волне а сылне по ступэ

Дощечка 8(3)

колібва наше пращурі сарунже сен творящете пощинца ? греці якве пріде гостьема до тржеш нашеіх прібывта глядяй і зряща земе наше осылаяй до ны множьства юнецьства а домова будявй а грады про мены і тржица а оіедна відэхом воя іхва омещена і сброена а скоро наше земе пшебіраця до ренек све а утворяі игрищья інака яко сме і ту зрящемо грьціове суть пряздне а славуні сен отрощиша нане а тако наше земе іжь четвары вэце бяша наше ста грьцька і сме тамо яко псш да женуть ны скоро каменьема вон отуду і тая земе огрыщена іе тако днесе імяхом ста сме достате ю а крве нашеу польяте абы ста бола родіва а жрна

лэтэ в сврзэ перуныщья а несе роуг слве наож іспыймо го до кута а кмэто наше імяхом ста одэстяте од врг нашех а та перуныщья жеще аякве русіще штіе проспавья орю све боріянесте сен длжны у тон дена то боть сурия жеще а ідь есте русовіщте а ще дэящете о тья а камо бендете іте од крае све то бо смье ударихомсе о стена та а утворжехомсте діру про ны а про наше а бендемо сме у себе однесе а кому осудэ перунь тые бодэ в раі ясте ядва вэщна о сврзэ одестана неботье загенбене сме днесе а не імяхом іна врате абы хом сме ходивй о живэ лэпе бо мртвема бяшете яко жива отрощите на цужья а то нікодь живе отрок лэпе дэспоту же іе потркава імяхом наше кнезэ слухате сен а ста воіте земе нашью яко тые жещуть намо і та інтра пріде до ны або сен храняле сме сылу до трвьэ а сталі хом тврз (*слово напечатано со сбоем букв, и после него в скобках указано: «последнее слов(о) - тврз. - О. Т.»*) о кменты сва ободящеть бо сыла бозка нашеу а бодэма невытэзнэ о польэ стате пожерехом бзе свы на рущэ іех а зрущіхом і тая якве ештье ста кобэм а длжна бяшете долэ вржена до праху ве крвэ іхо коли бохом кельще біте осмелэ тако грьціе полуоставесе за тые яко не імящуте сылу ту а соуть обабенще а такве меча імай тенка а същите легька о бързо се онавыщесе і земе кыдай ту о слабоще све бо нэсте іхма помоше од васілісех а длжнева само стате на захище све ту суренже наше бодэ іна а бодэ наше а ніква не імяхом сленхашете іхва жеще она бо уставе на ны пысьмено све абы яхом оно а тращехом све оспомынье ту боть тен іларе іжь хочашеть уцете дэтэ наше должен ста хова те сен во домьэх овэх абяхом го не знауцлеща на нашь пысьма а нашэм бзэм правите требіщья

а то повьэх вамо жье попрщете сте на гърцева яко вэх бо сен іясэнь о то а відях кіоце нашье а тон жексше мі же іньщехом сте она а знищехом ста хорсынь а омастрыдья мрзесщину а бодэхом ста велка држьвя со кнэже наше граде велке а несщтена желэзва а бодэ несщтна потомицьэ нашья а грьціе со зьмьнщуть сен а боудоть на міноулосще сва діватесе а покивдьва глвама дьэящете тако бо бодэ на ны многа грза а грмы грмэнтеше а ідва іеднаіа сен ставьесе друга пощена а тако сме хом звентезэма до коньце утврвящехомсен до вьэк множескэх дьэка бозэм і нищо ны не зніщеть

стате яко лвіе едін за одэнь а држите сен ста кнэзэ све і перунье бодэ около вы а побьэды дась на вы

слва бозэм нашьем до конець коньце вьэкы земе тья а до благ вшьякех русе оцевстя земе нашьеі а тако бодэ бо та словесы імяхом од бозэ

Дощечка 14

понедже се іде врг нане оберехом сме меще а одерзехом вешена од матерсва словесы якожде будоущая нашія іе слвна і тецехом до смрте яко до празднованія рщена намо о щасы старе кодьже яхомь храміе сва карпенсте ітамо яхомь госте старе верманое а рабове ііні себо те гсте радгоще цтеное і тако ящехомь одо ден овех гостицы сраще честены іхвабо чеще бозе інамо повелеша и щцтемо оны себо то іяхом оуказицу на щасе нашіе абыхомь нехыбе діеяхомь а оцем пощесте оуложихомь

не прсте бездэяної тлцехомь о дрвеы небожьте ренцы нашія оутренждена о ралоі свы а мещема іяхомь нелегносте нашію і тая намо повеле іти на кромы нашія а стегнете еіе одо вражь се бо дымы се vzdынуше тещехуть до сврзе і тья ознащете тугу велькоу на оце децко а мате нашія і то есе щас борбе придоушь інесьмехомь сен баявете одрузе дэлы інакожде об овы

себо пріде ворягове до ніепры а таможе яхомь земе нашію і тето іверьше людіа іземе под се члне брате тобо несміехомь осогласите іно якожде омеще нашіем і ерека отрщете одо земе нашіех а трноуте до срящень окудва преде себо крме нашія вразіема окроцены а земе нашія пеперещеть враг іто

іє дълженсте наше іна же ряте не хошашемь

се инь враг герьманрех іде на ны ополуноце он іжде внук внушате отореху ісе вржець на ны вое свы о розех на челы? ворензе рещешутьнамо ити о не и несьмехомь вражете о бопале ієх якожде суте врзе якве перве а неіма росдіеле промежде

се бо ясь іде на ны о танасу а тамоторку моцешна комоньства а рато неше щіслена а тъма о теме теще і такожде тещяеть о ны осе неімяхомь іна поможене якожде бзе воляй намо і оудесентехомь сылы свы а тіещехомь нань

се білебог венде наше рате і комоньства і тамо віждехомь волшевніцы о ліесех бытьше ідуше о рате а беруше меща і зряхомь кудеснице чюды вліце твряще а ізо прсте верзене до сврзе рате всташі свразище а тые тещахуть на врзе а могылють іє і тамо зряхомь птыце велкі летящуть до ны а верзеть се на врзе

біеть крыдлема матрсьва а клищеть ноі о якожды ідехомь за земе нашу і добихомься за огнище племы нашіа се *(неразборчиво. - О. Т.)* бо суте русици

тецете брате нашіе племы о племы родь о роді і біящете врзе на земе наше яква належде ны і николижде іні тамо бо умрещете ані вернете зады сва ниче вамо не острошесе ниче не остасещесе якожде есте в руцех свразище а тые вас вежде во всіе дне до витезнецтве а гординствы многая

Дощечка 19

себо видэх сен внаві і ту огневої блаце изоідеть одоне зміє щіудень і отоце земе и тещяшеть кров из не и тоі лизя іу і се проідеть моуж соілен і розтрше зміє на двоі и ста два и розтрщеть еше и ста четвѣроі и се муж вопішете бозієм о допомше и тые ідяшуть на комонієх од сварзе и тоіє зміє оубіуть себо те соіла нэсть людьва небоще чрніа есь ісебо зміє соуте вѣрззі ідуши одполудене себто боспѣру збоітоі яква дяде нашіє ратиєма одтрщаше ісе хотяшуть грце отошете земе нашіу і ту не дахомь яко жне соуте нашіє а не опоустем і стваре та зміє есь погоібеле на ноі імяхомь сен прате и животеі полождете за земе нашіу і та тегне бо од ноі до поляне и дреговице і русе стяжуть до море і горе до ступе поледне і се русе соуте і од роусе токмо імяхомь допомоше яко же дажбоі внуце соуте молихомь патаре дяіє яко тоі изведе огонь іждеть матоірьсваслава приесеть на кройдлієх све праоцем нашієм і ту пієснама поємь одле кѣстрбоіієі вешерне ієждоі повієхомь старе словоі слве нашеа о свенте седьмице рієкоі нашіє іждехомь градоі оє наше імах біяще і тоу земе опоустишія до земе іне ідышя ідеже сме хомь о шасоі тоі держеве і за древлєсть імяхомь кѣлоуне нашіє і градоі и селоі и огнище о земіє оутворящете. . .

себо оумоіємо телесоі і душеіе нашоі да імяхомь щасте русе кѣлуне ежде соільна бящешеть і на врзе страху ізумете наведе. . .

се убо од коісень овної ходяє таможде и та земе есь о день тоіє хьждена од ноі. . .

оноі же творяшуть іна абысте ноі од старо давнесте ноі одсрящете і то зрім і ренку держаще на вы абоісте вієдели іако зурень день іде і крве хоцеть іту пролієхомь на земіє све русу. . .

се руса грда каменіє вопішуть на ноі и сехомь імамоі грєнсте і сряте до смрте. . .

потце сыне ме а оумре за не. . .

Дощечка 21

себо хьрбер оборенщеть тую сылоу злуіу обесенть опоіашеньсть ває і мієхом себто урвьы хранящете і сень хране бозем ставієхомь і грядієхомь стієне о дубіє і за освы щасто подругоу стієноу і тамо хранихомь бозе нашієх подобоі імяхомь мнозіє храніє о нову грду на волхьву - рієціє іямхомь о кые грдіє по бголясієх ісе мяхомь на волоіні дулебстеі храніє і о сурєнже на моріє сурьстієм і сынієм і се велька оуразь іє на ноі якожде хране сурєньстіє обоітоі вразема і бозі нашіє о прах тщеноі валіахуться іа імуть се бо рустици не імуть сылы одєрзете на вразе воітенжсте і се бо імяхомь урвьоі екожде стран межь іже іде в ноціє по лієсах у се урвє одієгы сва на коусе такожде русице імяхомь урвьы на русицем тіелєсі і небрежієхомь о томо і тщієхомьсе на хранієх славите бозе якове не пріємлоуть жартве нашіє се бо оуразденоі суте о наше леносте ле же птыціа матоірьсва славу жеще на ноі і моли нас о техма оєву слву ушещете і то неімяхомь дерзесте стате на рате а і мещема свема брате земе нашіу од вразієм отщєноу себто тысенцітріє сет храніємо свєнтоі нашіа і днесе жєноі нашіє рекшуть яко сьме благовіє і оутратієхомь розумство нашіє і сємо якве овча мало передо оны і не смімо овлєце.тєсе браніє і мещем разете вразіє нашіє

себто коупаль грєндеть до ноі и рещеть ны яко іміахомь стате грде і щистоі телесоі и душеіе нашіє і то вргнехомь до стопы еіє се абыхь сен грєндл по ноі і насє захріаніщ вєдоущь до пре зуріє і тамо сен стахомь бы до сварзіє ликы і се до сєще шєдыще хвалохомь бозе нашіє о браніє яко о мірної дне і себо коупалиц жеще ноі яко достоієхомь се до она шаса і бендієхомь о славоу своу печєстєноі і такожде со оцоі сопрщастєноі

Дощечка 22

ащєботє сен орцєно есє іакожде квасуро одєрзе обзєх таіноу утвржящете сурыноу атобо есє вжыженє оутглієніє яквє імяхомь смєдо радогьще обзієх сєрадовати а пліясяцє вєніє вьргоща десврзе а зпівєма слву бзієм сотвѣрїящє квасуро бящє быє мєнжє сылєнь обзієх вьрзумлієн а тобото ладо донє прїєхозящ а рцєму вьрзєтє мєдыводоу а усоірєтє е осунє себто сурє утвѣржїєсящ а чє оноі брєндєтє і сєн

претврящете до соуриці і тоу пыймо во слвоу бозькоу і тобо то бяще о венце докіе а менж бящ отоікрате вельмь опознащен о рщене оцоі блгоміро а тоі одрзе од сврженц поущеньу якожде ствряйц kwasоуру ижешь рщена есе соурынїя ітебто есе во радгоще нащ. . . (*неразборчиво. - О. Т.*) себто імеймо овсенке дены якожь пожніе соуत्वрїхом асе оурадогщехомся оты ніесе бо інодь якожь кый неудърже сва есть есътва доразь арце безоумьна себоть іе о црнобъзе а інь ижде іме радгъць іе обьльбзіе такожедь імящехом іськащете дрзі і врзі . . . коваць бо меще нашїя на оутврьзене сылы а сеімо сылоу божденьскоу поражещете врзе нашїя обополе тобто бьгоміре оуріешень твастоіремь іакожде тоіе му порце ослвіех абоіста она бящеть іакожедь бзе рькьоще іма сеїхва . . . себто оуставе родїа осебе якожедь бзі сьприщине родь асме хом ородїех тыїех родї такожь і сврг іе оць і проща соуте соїне а імях сен корїте іму такожьімої се бо корїхом родце іакожь есе оць рдоу атыбто родї іесътвате окые до кьніязе кісте себь (? *неразборчиво, - О. Т.*) погодъсте прїе опороушетесе а русколанїу опьоущете докіе тецещете а сендетесе до земе отые таможде іжьдехьщїя до пристенпоу вьрїяжьскоу і себебраницесе одона . . . ітакьва бящесе се од ліеты тысенцтрисент окыївеоце трысентої о карпаньсте жївотїе і тысенце окїегрдїе іна щасте іде доголоуне атамо істасе а іна окїегрде і перьва есе ренсколане ідрга кые іакожде сурень цтіае по скотоу ходяеща а стадїа водяеща десенте віеце оземь нашїу себто голоуне бящо град славень і тры сентеграду сыльна іме і кыеградо іме меньші ополоуднь десенте граде і всы і селїа ньмньгоа доцельбо сенбоїте во ступїах веске родї іжытва семенете ополоудень ітакьва грьцем ода омень по златоу щепе і кола а ождерелыа докыркао сваносїце омїене опыво выпьете огрьк а тврїя овьнасва іонеме тая і бяще ты русїе оплоудень твряще град сылень соуренж яковьнесездате грьціем а тыїего рострще і ренсе побїящете хтяще ітому ідемо доне а рстрщехом оселыа грьцка еланебо сіе соуте врзі ренсколаїем і врзе бозїем нашїем грьцколане соуте небъзіе потщуть інедо чьловіецы оны соуте искаменїе избрящены подобїесе менжіем анашебзіе соуте воїразе і акожде сме хом прящехом оды годье іжья навлщешете на главе свы рзіа од волїа а кравыа і кожіа навлщеща нащереслы сва ітако мнісете се оустраше роуште ітые одевлещешете сращесы сва і оголя щрьслы ідеошїа до пре іпреборїае і тенькраты ідехом оголеныдо пре а побїедехом я якоста грецьколан боагць ізнїежде меще сва атыї бенде брзіе унавїен одяме якіе ждещеть жртву сву доземе абыте піте крєвго і жывотьго умерщвляте ітыем жыте отам

Дошечка 23

себтоновьяре іде одо стареа іжде бяща отакьва русеце а се іде до пьлдне ітамо грящете остоупех десентевїецої табто есе тажде русеїзбрящеть кнезы свы і тыа од роды свы і роды доботща о племе коїждїему кнезы свы і окнезы іздїеце кнезе старьша ітої есе вутец опрїя ітакьва жївете во земе теїядолы врязе прїдоша наны ітаме ізбіае оны ісе грьцколане ідшья о земе тыа і седнешеса онїз і недеба о русе себоте русе ізмещесїа і наліесе (? *неразборчиво. - О. Т.*) на ыїеї і одтрще оны до сва брезе морьсте себо грьцколане поведьщїа рате свы о жлезна брьніе оцрщена і бя сэще тамо вельїла і грящуть враны о ядь менжскоу шже врьдена есе до поліе а пїйїще ощесы іхва граяхоуть врны о брящны а вельїка гряхоуть ста о пелы таїа і тамождь іесе ощесы грьцкіа і ощесы руште нетргая там бо значїтоу імяхом іако бзе невоящїа русе огынуте і тамождь се перещеть суне з мїесещем отыа земе і неба сен перещете о кмыть абыа земїе таїа не подленгла до роуце еланьсте а пьрбыла руськоу і таможде сен ллащеть матка о децке свыа іаковы врзіеща крєве о кмыть тоуу і та кмыте стащеть рускеу новаярь бящеть тамо доднесе і земе таа пребенде нашїа о меще крєве врзенщень оту і такожде елане рэкста о кнезе старще нашїе і повясть му якожде нехще до земе неровь ход. те (*буква после «д» неразборчива. - О. Т.*) нїже отроце бряте алень бо іме брезе морьсте просва то імяхом оуказїцю на день нашь якожде праоце нашїа омерше о кмыть і невзящь вразе нашїа земе себто и днесе іміемо оуказїцю якожде нїкїй то береть

себто германьрех иде о полыноце доны а імехом сен брянете земы сваї тако іте нань себь годьштїа земь іе нашїа ату білогоре сехом усэяхом коще свы а крьве своу поллїяхом іта есе о ны се бо врещеть птыціа матерсва оны а славу ріещеть ны яхомь бо сьме оту меще нашїа а ідехомь до свенты о поліа одразїехомь врзі полноцнїа а одвзержемь врзе полуденыа а тецехомь на врзе сходнїы абэхомь повенжды руште грміцы якожь оце нашїего паруне сыны а дажьба внцье себто сварець укаже намо камо гренсте обы сва і тые германьрех одеїде до полунце а еланште о полудене ітакмо оберїехом земе нашїу до коупїце інедаяхом осыньбо ценже небощеть осыне свыа себо ідеть о ступы нашїа велїце множдествы родоу ініех а неїи мяхом бящете омырна небождехом о помуце табота іе у мысце нашїа а оконціе меще а тыема сещехом врзе

се врщеть птыціа матресва оны абоїхомь семы взденлы меще сва на захїте своу а іеїу се біе крыдліема о земе і прахь одтрзе до сврзе а себо врзех о зе.ме а се біе онь яко стращесе за ны і ту одрзехом оутворжехом яко крещеть себо кренчь тые іе до сердіа нашїа а то імяхом вэдете яку суре пїяще до сеще грндохомь ітамо одржещехомь пытву іню о бозех стваржденоу іта будеть намо яко вода жыва опосліеде о щасе трзне влікеа якова есе о всїа іжде умерео земе своа со бо сваржець зрїй оны од сврзе свыа чюдныа а зрящо рате нашїа ліще она а прсте еніма овжде неїмїяй досыте ато ліщеть іенже прсте онозе свы а віесть пращтырь наше якосме сыла вліка а неможе одолящете ны вразе нашїа а себо потцехом овы а жденехомь іе докенде оны подяшуть о земе а зденхнещеть омаре і морь іу вездьме

себо ріещехомь о серде нашїа якожде не вратехомьсе до огнїцы свы докень жде аще врзе іскащуть і не врзехомь сен тэлесы нашїа аще врзе ящуть земы нашїа а рщехомь о сема якожде бзе нашїа гонзяхуть іе?

сето убіє щьлюсны сва радіе яхомь децкы до копіех яко се вратещете заде свья врзэм себо ліадвы нашіа одврзіехомь і тлещехомь земе нашіа доне абы удрзещете овіе ажъде до смертена шаса а маріу зряте даящете се бо мора одстоуписе я одреще неімяхомь сыла туа абесте одерзіела витезе руште і такожде слва потенще до свразе ітамо бзе рещуть якожде хоробре сте русе а імяхом міасты провы подель бзе пре перуне а дажба оца вашіа

Дошечка 25

себьщетеовой о караніу ісе град мал о брзех морстіех русштіех і тамо бя конезе яков ісе рще елане біете о отрцете одо русе і тоє оудіеящеть рате і комонества а іде пане і витеже іе а еланште плакешесе о тугу іех и просяце іе дане платете і та дане снє оудієаня о овне хорязе і віно і то еланште вїедає яко руште пїашуте многа і оліще нане се врзетесе і вытежете іех і се бо грядеть волсев ухорензе і брате іе ословень і тоє рекста руштієм не тварзещетесе на даре тоа і се руштіє не слехоща і се оупієє і отема днєма еланшште сен вргоще наонь і розтрще іех і се погыньсте тоа зряще руштіє отеце до степіє і тамо серще і сылы свїєа овлечетесе і ідыша оспеть на оніє і поврзеще іе се бзі дерзяще оніє а руце іх оукрѣпще і тые одешешуть витеже се бо прьщуть вразіє і тако рекуть яко овче рострцем оны і бедехомь саме о крае тіє владще яко красне соуте оны и тіє недахом се трглаве молихомь вліце а мале і се бо трглаве наше остяжоуте ны і брзе скощашуте на комоне вразієм пораженте творяі і то узрящехомь яко бзі овладіашуть оте і се узрехомь яко мртве соуте і оубієны бзема і намо по іме крощешете і відете мертва телєсы мнозіа іако вліка рате пероуніа на не се вергощїа і розтще тоу і се сварозїцы ошує тоа текошуть і дежде прїнесе побїєдоу нашіу во ренцієх свеієх роду славноу об оцєх слву держашчіємү і до днєсе на поліє вентежете вразє свїє могоущемү і се жалїа жалїуіє над вразї и грыне горенщетьсе о смрте ієх яко оде ренце бозске се вергоуть се карыне плащетьсе о мртвієх тієх яко сталисе о тропїє боженьсте і земрещуть і поліа тоїа полнене соуте мртве коще і главе оусенщєны і оуде одо телєсы оурезїєны се валїаще о травїє і смрад іде оде поліє тоїа і враны лєтяшуть до не мртве ощєсы долбентесе і ясте мужєскїа мясы многа понєщєны. . .

се рще ореу сваргь наше якосеме істваре істварїу вы од персте моїа і буде рещєно іже сте сыны стварєго і ставїтєсе яко сыны істварєгвы і будетїє яко дієты моїа і даждє буде оцвашє тому достетє послушашетєсе і тые вам рещє чєсо імящєтє о тые дієятє і како рещєтє і щєтє творящєтє і народ влїкь а вытеженте осва свєты і потлщєшєтє родї іні іже істїагноущє сылы ізо камєне чїуды творїає бєзо комонїа повєнзы і свако дієятє чуднїаа мїмо кудєснїцї іже всїак бєндєшєтє грядєть іако кудєснїк і ругу твѣрїає клєнтвы дієящїє на кмєть і кмєть сє подробє і тако словєсы многя і многя і о тєїєх словєсы омамєтє вы і подробєнтє одєрєнє о златїє мїєно і ото мїєно продащєтє вы вразїєм хотяє тако і тоє бозї вамо рещуть і да ореовїє завьєтє любытє свєта зєлєна і жївотнїа і любытє друзє сва і бытє мїрнїє мєздє родї і потє одобїє бытє сєдьмыдєсєнтє конєннзє нашїє іако мєзїслав о боруславь і комонєбранєщ і горыславь і тако ізбрящєнї іны овєщє і одлоущєнї овєщє колїбва люды не хотящєтє ієх сє бо тые конєзє вліцє трудїшєсє і со кышєк бя велїк а моудр і ты умрє а понє бящє іні каждєїє творяє нїєщє благїє о русы паментє нашїє то удржєщєть якожде імяхомь іє славетє всак трїзєнь тривїєдє і потщїтєсє о паменть ієх на сыны нашїє і нїкїй нє смє на то запоннїащєтєсє яко проклєнт бєндє о бозїєх нашїєх а члєвїєцїєх і люды імєно гє охїбнуть од вїєкы

Настоящий отрывок, вероятно, описывает одну из сечей, бывших в степях Черноморских, Черное море эта Дошчъка называется Руським Морем, в отличие от Годьскаго моря - Азовскаго. В других местах Черное Море зовется «Синим», а Азовское «Суренжским».

Дошечка 26

ісє бящєть ова щасє осєдєнь огнщано і сєїє блг бя и бзе іємоу даяцє овнї мїга і скотїа о пасїствє о ступїєх і сє бящєть овєїє прє трвєх мнгєїєх і бозїє даяцє моу сктїу прєплєднєствої і умпозая іє і такоє ідє прєд ощєс ієх стран мєж і рещє моу ізыдєшутє сыны тва о зємє тья до крає чїуднїа іжє ієстє о захждєнє сунє і та сунє спїє о одрє зкатїє и сє комннєщ скакащєть до іє і рещєть сунїє грєндє сунє до лузої сва сынїа то імашє скощєтє до повозу твоего і срящєцє од востоцє і тако рещєно бя скакащєть сьє до інє к рає і вєщєр скакщєть блїзєнь іє інь комоньщєць рещєшєтє іжє супє заїдє за горє сва і возїцє свє златнє онєщєть і то вєрозє хотящєтє утатєтє і тіє блїзєньцє комонщацє оскашє до інь крає і тако зрїа ідє а вєндє згы сва і одїєгы даждбєвє трясє і згы тєщяшуть до крає небєснє і сє рещє і тако сынє двя ідыща до захождєнє сунє і відяє тамо многа чїуды и травє злщнє і тєкста до оцє рещєшєтє імоу яко красїєн крає тые і сє многа плємєної і родї ізрщєща болєтє стєнжєнтє до трпої тья и грєндєша всїє поа осєдєню і ту рєцє орео оцє о сыны сва бытє на щєлє овсє родї і нє хотящєтє оны і одїєлєщєсє на сє і овьє сє бо кнєжє іднє вєдє люды сва о полєндє і оре вєндє о крає морстє і ту бя сушнїа влєкя і пїєсцє многа і грєндєша до горы і тамо сєдшєсє на полєвїєк і опрєжє оутворящє комоньствы влєкя ідышєтє о зємє цїужє і тамо вєє сташєсє на трпої іє і досїльца іє пратєсє і бя рєстрщєної і такоє ідыща дальє и выдяє зємє тїєплы і небрєгоща ієх іако многїє цїужє плємєнї тамо сїдыє і грєндє далїє сє бо бзє вєндєша іє іако людє сва і тьякєстє она до горы влєкє і тамо сє пєроущє о вразїє ідыща далє а тє кратє імяхомь сєн спомєноутє на то і тьягєнтє за сва іакождє і оцє нашїє ощыстєсє молбоу о мовїє и мытєсє молбы творяцє о щїстїє душїє свє і тієлєсо яко сврг суствє тья мовєнєствє і купалєщ о та оуказєщєть і нєсьмїємє хомь ото занєщєтє і сєн мьїємє тієлєсо і умьємє духє сва о щїстє водїє жывїє і то грєндїєхомь трудєтє сєн о всак дєн молбы твряє і сурє пїащєтє якождє до прїжь іахомь і ту пєнтє кратої опыїємє дєної і хвалєхомь богы нашїа о

радоще тые яко сен осуре млеко наше на прпыте наше і крмь іде о кравіе до ноі и тіемо живіемо и траве злащніе оуваріехомь ове до млеку і тако яждіехомь кажедь щасте свое і теціахомь то реку те соіне мое іако времено ніе остращено ніже іе віещне предоі ноі і тамо зрящехомь пращуре свое і матере іже ряхоуте до сварзе і тамо стаде свіа попасуте імоуте і віены сва віеноуте і живот імяшуте іакожде нашь тамо ніесте іегунште ні еланьште ніжіе праве кнежите іма і та прав іе істіа яко навіе совлещеніа ніже іаве дана і пребенде о віек віекы освенту відіу ісе заребог ідіе крае тіе і ріешешеть о пращуріе наша іако живіехомь о земіе і іако страждіехомь іжде се боте ізжде імяхомь зол многіа і тамо злоі ніімяшуть і травіе зеленеіа стрещоуте іма і стрещешуть шлесте све о воліе божьсте і щастіе люде тіех і тако імяхомь зряте стенпоі райістіе о сврзе іако сыніа іе і та сыне ідешеть о бга свраогоу і влес іде правенте стаде іех і теціашуть на злаце і воде живіе інікоіе іе одерень о краіе тоем і рабе іне неісте тамо і жертвы ініа іакожде хліебы не імяе і се выногрозе і мед і зрно дае до молебь тіех і тако і ріешехомь славу бземь іаковіе соуте оце наше і ісьме соіноі іех і достоехомь бендете о щістоте тіеліеснеа і душіе наше іаква ніколе не уміраіеть і не заоуміраіеть за щасе смрте тіелес нашіех і падешему о поліе пре пероуниціа дае водоу живоу опыте і опыщеть іу іде до сврзе на комоніе біліе і тамо перунько іе встріешеть и венде до благе све щертозыціу і тамо пребендеть о щас оне і досташеть тіелесо ново и тако живіете імае о радощетесе прісніе і до віекы віек про ноі молбе твріаце

Дошечка 8(27)⁵⁰

яко ста глутве а тедо бяхом сірі а ныще іботь іна жельзва натщуть а наше нінтра ізвергнуть од та сва

текст: се бо аскы а ерке по нэпры ходяшет о люде наше звенше до борія а то яко доре іме про себень тако не імахом сме іте донь

текст: ото тва да бенде воущення а разумяхом ста наше ошыбице а імемо іну стате одврень се бо аск імяй воя сва посадне я на лодэх а іде загренбенте іна а сте да іде на грць да нище іхо грады а да жере бозм в земе еіех натоде не іста такава яко аск нэсте русиц неботво варензь а іма іна мета то гмоть руску попіра інама а зле деяце погенбе іме е ні ерке нэсте русиц атобто ліс іде хитряшете до ступе а біе госте іна кые бо тому доверенсеца сен на старе погребенше ходива сме ста а тамо помеснлехом іакво деншашеть пращурове наште поде траве зеленаа тамо вэдэхом ста іаква быте а за ощо іте

іту сва родці бяще дэлентесе а кому старщ пшенботе кій бо сен знеда до оце а праоце маріщеньска кій одонь іде а кій збенде простець а та велкька свра одоляца русы іакве пренбящеше сен до ростржешені і ростргнэні тако грцьево одо сва земе жене я неботьва не імяй сылу щепенені до кругу а до крыдэл вшяк сва ста погленда на соуэдіце свое а од се віры не іма іаква меже врже до сэще тако прійдоша воспянте а поченца сваретесе ста на похоть ю кій ободэ лэпэе а кій шечерн одревлэ бола іна рыще овітяствэ а тедьо наспэте о поході ото оце сва тако бо русколанье падьма до ниць од годэ а іегуншта звэжства а тодэ кійска русе творящесе а онтува а годэ се устращася іде ота вон до сверензе ікбо вэхом сверензе суте двэ едіна вендеста а друга годя, а туто годь прібенде до нь а годя сен усіліся ще тамо тва а вендестя ослабищесе сен такотье до тьва

осебо жеменде бяща околоі тема а та бя литавоа и се назовещесе илмо одо ноі ижерещеноі ілмроі

Дошечка 28

се вране нашеі оте і немояхомь овратеце о заде ісе врящеть ісе граде нашеі о тяготе све осещесе ісе ріекошь імо конензь бравелень одержатесе о помощче грд грдвіе і держешете вое свое да се храниешуть оноі сылу русе о іедінію грзу врзіем і такве ісе і себто жмыдіе ріекша намо о годіе яка імае детереха а іде до полуноще і тамо у жмыдіе овратесе до полуденіе ісе ідеть на роме ітамо се перящеть легы і вое іноі і бере ругу влку оде оноі і се втржежеть до земе оноіа ісе детерех убіень бящь одокрех імоу себо годе таіа бзем противеніа і тоі сень ізплеващуть іе

се грдіе нашеі соуте сіре і старще родце нашеі не ізбрыщуть ініа о себе абыте іхева правите се ідяхомь і доне і достоить іема ріешешете о тья і потрцете на вnezапоу туждоу і се туждіащехомь о тья і слезе ліу ота біе крыдлема матрсва слва і врещеть намо о трудьтем щасу сушьноі і мору говіад і се віехомь іакожде рщена есе од праоце яко кіелцоі поможха іма і себо ідоціа доне і тако бышіа ста ліетоі оупоможденоі отіех і такожде о ылмы себоть ілероу ісьме роднце ісе родьрозаниць іміе ноі до середьце отще і охраніе ноі оде врзе себьто вргохомь ноініе і се молихь бзе о заступнене нашеі і то бендешеть тако ясна бо іе про ноі і се вендешеть оце нашеі скьресь гороі і стенпе мимо годіе і се доноу піяще імяхомь ту ріекоу нашу іакожде врзехомь крве нашуі до земе і та іе руська земе і буде руська се бо русище імяхомь потргу свржешеськоу о ноі і се твріахомь труд нашь о жыдьбіе ісе жмыдь рещеть намо іако пшеде о домоціе нашеі і подрже ноі протіве рзіем нашіем коренсте бо не іміахь нікыа то рещешете на воі і то аз ріех поможашете о борбу руськоу соупротвіе врзем моем а вашіем ісе за троудень щас нашь небржіехомь о ноі а вдемо оумарате за родь нашь ісе огьден яма жереть оубіене ісе враніе ядышуть ошесоі іех і се трва растнеть скресь щелепень іу і то зріате не можахомь іако отратіехомь до гроі і земы і сылоу нашуі і небожде бендіехомь одерень взенте до ралы іе іакожде комоніе тенгнете о оріу іех і жноу іех віенете да ядуть хлб нашь і ядымо земе і то неможашеть сен іевете до мыслы нашеі і кркще нашеі не іміахомь долити докмете ісе бзе нашеі долящуть врзе нашеі і сломете хрбтоі іех іако дзерзеть неімоуть на свзеце нашеі і влацете женоі і діете нашеі до трзіще і тамо леншете еланіе і грціем за ображе сбрніе

а златіє се врзієм рієшехомь озменджете сен іакожде тма по суріє ісе паруніє оутще на воі і розтрещеть воі яко овчоі і крат отоі отремтешуть і воіє свръгы оубояшутьсе ісебто іесе знаме якожде у нієпры проквенте лозице в зіміє ісе коупал оукажіашеть про ноі знаме о вентезе на врзіє і то імяхомь тварете себто марь ще на не і мор се двіє ты оемшуть сылы ієх і оемшуть іє под меще наше ісе моц меще омеждеть іу се межда дієліашеть ны і междіа та іесе плніа крве і то пренстенпете не достоите о ієх коліждо ноі і такьве ісе боровлень реще якожде сьмієхомь ходящете до не і то знаме намо рещеть іакожде вентезете імяхомь іако сьме венде і се венде оусієдешуть на земіє ідієжде суне сурь спіашете в ноше на златієм ложіє імать і тамо ієх земе есе се сврог оце рещешеть о тыа і такожде братаріє нашіє соуте о тыє крає і рієшехомь о оны якожде прітешашуть до ны за щас зымень і подржіуть ны ісе сыла бозька пренде до ны і та ны удержіашеть до конце а се венде ідонь ідіахомь помоцеще молите і неімієте якожде всак люд достить сен хранете само

Дошечка 29

себто тршехомь об оніє оієгды і да іде слво нашіє о правдіє и такво (*неразборчиво. - О. Т.*) обрієшехомь првду і се ршехомь од старіє словесы яковы істєщія одоце нашіє ижь бо бьаще сылне і то імяхомь вржешетесе до бразды ієх і тако потращете до оне се бо асклд іде со врязе све де ны і се асклд іє врг нашо се рце намо іако вде озахць нашіє і лже іакожде іесе врг досете яко грьєк і се асклд іесе вряг оруждень про гостіє ієланстіє хрянете ідежде ідящі суте до непрярієце і се асклд прідше до ноі со кнудієм о два сет ліяты по алдорієху и хоцешеть првете ноі і се дірос еланєсть орце смієре осьва і се настлєсе преждіє ове і се асклд овраждете діроса і іесе онь ієдєнь на місто то і такожде е врг нашь і не хоцаєхомь іє якожде врга старє рещєне повядоуть ноі якожде прідьша на русіє інь асклд і іако бендьще тріє асклді врзі і тоіє врязі себєжріахоуть і не соуте нашіє ніжде цизоі кнзіє іаковы не соуте кнзе тжде вое простіє і сылоу похьще владстве об овья і се ерек ідьє і спомыньємо якожде роместе орлі (*неразборчиво. - О. Т.*) пораждієне бьаще од дієды нашіє на устіу данаієвоу і се тріань налієзе на дуленбе і се дієдове нашія ідошіа на лієгоі оніє і розтрещєца ієх і то бєньще о тріє ста лєте до нашіє доба і сіє імяхомь држете о паменте і се не даіяхомь се до ереку іако сьме не дахомь і прежды інієм іміахомь кнєзоі све а ругу ієм дахомь а дащєхомь доконціє ні ромє ні еланштіє не владнєщете ноі і такожде пребєндієхомь і се дуленбіє рієшіашуте о ноі іакожде семе братаріє о ове і то іесе істьща правда іакожде тєшіашуть оны одо ієдіна корєнцє іакожде ісьме і се взпомыньємо якожде троянь бьа одо дієды нашіє рострщєнь і легы іє одєрене бряте бьаще до поль нашієх і тамо туждєщєсе про ноі десєнє ліяты і опущєне есе од ноі ісе роміє рекошуть іако сьме врвы і се грьціє рієкота обаполы іако сьме врвоі і то імяшуть одва хісєнсть і оба двіє жадяшутьсе на земы нашія і се земь іє іакожде взєму іє мечєм і крвє іта іесе земь і се троіань бєц за пєнтє сты ліяты до годіє і такождє днєсе рцієхомь іакожде волка нашія не престаніє до конціє житьбоі нашієа і се достоихомь пратєсе о житьбоу нашіу мєщєма се рієщеть вамо хороугынь сен од оце хорыге і се есе просиць вашь о бзєхь іакожде даяшуть оноі вамо сылу и владнєсць на земє вашіу околієноі сьме о врязієх і прящєхомь се бьаща вронзєнєц рієка і градьба і тамо оце нашіє розтрщашхоу годє і тако сьмє розтрщашєхомь врзе овоі се собєньствоі све одяхомь і рцієхомь іакожде бєндє інь щас на не і тамо матрьсва слава пшєдь нам вдьєть іакожде огєнь дашеть працуром нашієм і се щуре нашіє вє сварзіє рядяшутьсе о ноі се бо пытере діяіє молі о ноі і се оре зрящєть на све людь і ст не можшаєхомь врнєтєтє тылы сва врзієм се бьащ в щась онь дірось і се бьащь грєколанєць і ты посщєзнє і прідє нанє асклд і ерек і то молихь бзє позбавите русє о злы таіа

Дошечка 30

себо хрніашєхомь пытаре діаіє іакожде тоіє особєнь іє сташеть оматрі протієвє се ботє бєньще о совстенплєніа до кроінь і та ідіашеть рєнцємоі вздіа до хлєнбь і се дащєть дажє іакожде щє и насієць і то імяхомь жоітєнь нашіу і жніу вієнхомь о славє іє се бо протієвє іє земє нашія і ту хранихомь іакожде оцоі нашіє і се повієнцєхомь сварзє і земіє і правихомь свадієбь оты іакожде хомь се твариць іє сварєжь і протієвє іє жєна іє і се праздєнстоі імяхомь дієятє якожде о мужє і жєніє ісьмє діцє іє і тако рєцієхомь бєндєщєтє тє здравіє боітє і ащстєнє і іматє дєтоі мнєга і се боу хвалищєтє се і тако зрятє до вод боудє вєлєплєдьяніа і се даіашєтє мєнжє освє пітаре іда обєнщєтє твієм будієшє плнїа плдіє і овощь і зрноі і се радієхомь отоі і огураздь ящєть тіє іто бьащєтє тако до конєщєнь дєн се бо вієрноі твіє омоляшуть о блазієх и добієх да бєндєщєтє іхма жывоть уснцєнь о птрієбноі і о жрятє се тіє о тому і дрзєщєтє сен о воладносщє твіа вієргунь бо можашєть о хліабє даящєтє со іміахомь лужє нашіє і молихомь отє се бо ондєрє іміахомь якєвь іє інь парунєць і се вєрждє врзє на хрбєтєщє і такожде отрщє главоі іє і жєщєть о небоі і кідьніє о морія і пущє ісе сушєна тєцє брзіє о краіє цуждє і тамо іє до щасоі аждє пытаре іє одовєндє мождєносщє ідящєтє оспієтє і вєрждєсєтє нанє і тлєнщєтє іє а то сен моліаху бзєм о та жаліє и горуніє тоіє і сіцєста бозє о мєжє тоі пєрдє сварєгь і тоі одєвтщє руцє своія одє брадє і повєліашєть даждє тєцащєтє сен до гомытє тоіа і се пєрст усхліа насієтє сен можашєть о воліє бождєсьтє і злєщє сен можашчутє се трцатє до твардєє і сен зряцєтє сурє о се бо сурє живіашчєтє оньвоу і пліяцєтє сылоу зєлєнє хкрія і злєщє і се сєєрєнєцє ожієть і зєлєнєсєть і та вієны рашіє і обєрєхомь овія до житєнєць нашієх і се вієноу одєвєржєхомь до ніє і рєщєхомь іако вєргунієць ондєрє оупаднєть до ноі і ає расщє вієна і злєцєтіа і се імяхомь ісцє ядєтє хлієбы свіа се бо се вєрждєдєхомь онієдроу і то дієіахомь брвнє опросщє і рієцієхомь іако іє іздіє? а по тієм заждієхомь огєноі сыльнєныа и вєрждієхомь донє брвєнє тое іакожде агєнь бьєть до небєсы і тамо язєнь іє се трзєщєть и се двья и тріє сен дієлєтє і тє ієс знацє од

бозе іако любисце жерьтва теа оніем і хотящуть оноу? аще боть іе блоудень інь іакове олещашеть бозе тоіа одіеліащеве освргы ізверзждень буде ізрды іако не ніеміахомъ бозіа развіе вышень і сврг і іноі соуе множествой іако бг іе іединь и мнъжественъ да сен не разділіащеть нікіе тоа множества і не рещашеть якожде іміахомъ богы многа се бо свентьре аде до ноі і да боудіемъ достіщеноі овіа

Дошечка 31 («Дошка с молитвами»)

Пожешемотібъжеякосенамодеяцешісурупітісмъртнуанаврзігрндешешіатоіабіаше шимещемтвоёмовленомзгоуасвэнтемрщишиошесоіаанъщнаненатенчашеабоісіа нзнешентитооубопероунуатомовленхомсеняконъснезбавітихомсеврзігрябзідандетоі днякохщешитыазобоіхімоупрензвенцешіагръмїтінаноіатобоістесілатвананъполіаопло днящіагръмїдеждедіащетисенаоньїтмусемоїблазіакоідехомповълїтвоеі. . . азъбоутреніаслатіренщенаімахаатакорцеомякоблгесьаподтащблагнаших. . . упръщенаіа оноісутеіаковціаутешашут. . . даимешіноіевсідніадабудехомтївірніі доконцеславоїтвоея. . . отщепонашесендавождеадабендіщитаковосідні. . . жьртвутіпрвіхомовщанебращноатакопоемслвуавеликошатвоіа. . .

Разделить этих строк я не успел еще и предоставляю это Вам.

Думаю, что это - молитва Перуну.

Дальнейший текст:

Слвіхомдаббо (вероятно, пропущено «же») абудетоінашьпъкрвителазастоупищод Колядоідоколядоіаплодінаполехадаяшеттрвоінаскотіяадамовосведніегъвіадіаоумножити Сеазьрнажитніамножествабоіхоммедьвіцізатвржетіапещібгасвтаслвітїсоуронжебостьодре щенодозімоіатецінальототомубопоемославуіакооцівополэх. . . слвіхомогнебга семьіргладрево гроізущаасламуаогнекуделицерозвіаштїавоутїевденавчеріатому боіхомдіацізасоутворенебращноапїтіякоесъединехранимвопопелїатоговздоіймоагорїті. . .

Здесь, вероятно, моления Дажьбу и Огнебогу.

Текст: земенащеулежесядсунадосунасвенрожіаавлкісутетамобохоросілуціа тамоведоімоговіадоіапроплодитисеімоволїудажьбуегожеславхом...

Как и в прежних переписках текстов, в данном случае я строго придерживался копии, сделанной в тридцать седьмом году у художника Изенбека, и ни слова не прибавил или не убавил, но, видя трудности чтения, оставил без изменения текст, дабы кто-либо, более удачливый, нежели Ваш слуга, смог бы разобрать и объяснить неясное, мне самому.

Впечатление мое таково: это одно из исчезнувших старорусских (славянских) наречий, различающееся от известного нам древнеславянского текста. В архаизме наречия сомнений нет, а в подлинности такового тоже, ибо обороты речи указывают на известную закономерность. Что же касается подлинной старины Дошек, здесь я ничего сказать не могу, так как не являюсь специалистом.

Юрий Миролюбов. 13 октября
пятьдесят третьего года. Брюссель.
Бельгия.

Дошечка 34

Се бо кнзеве коіу до умь спаде ходіащете на блгаре а ту рате пожде не до полуноще а ажде на вороненце ідестамо ожесіаі тако біа сва воіа полеша обращете іма а се бо глуде ісыва бере а тако голоіне градъ русек одбреша обете сва од онеіа земе такосьте ова крае одебра і русітце насэдеіва лебедень бо седете у граде коіева огорень акожде ізразена умем а правете одехріана себь то трзеце іланьско а орабе правете уздре іако чїнь матеть і се коіе одевенде плка сва од врзе і камо блгаре не пренещесе одь овїе земе імате родева даіаще се бо слва ходіаща усой обэсва а тамо пощаше о годе пратещесе і соіла ліудьва а ту ждене о прще і тако се земе нашіа остезесе о крае до крае іако русколане обоітъва се бо даіану бзем опрещехом оде врзе і тако ту држешехом себе а голоінь град біаста влік і богатъвено і се бо врзі ідыша донь а розгожьде тоіе і стена ізжегеше і сем іахом бранете туіу крепе нашіу і до русенце одржешете се бо земе влзеціе а ра рьце обапола сенте то біа сва она земе оце наше і ту іміахом за ці лете она сва а убрежехомоіва тамо бо преземехом сте руду кровь улоіемъ донь іако та буде о нас а воіводе нашіа о ране сероце і кровь ісотече на земе і то руська кровь а земе ежем іащесехом тому а зренхом таку поуказїцоу во дне нашіа а імемо грїасьте до стоупіе іе се бо да не гонзехом се земе нашеа а бендехом по вецоі русе і стрже намо пероунъ стрла сва абоіхомъ соілоу іго на взеніе іахомъ а врзе одтрцете і біащъ тако віек цел о та се бо пре не оустїхавае а тако боріа іме опознахомъ се на она соілоу своу а ідехомъ до голоуне а до суренце земе о та еце моріа дульїебста а о ліева годе і прїіама о полудне бііаста іланьште со бо с ніема трзе творіаще іждехом се животь нашъ і опреціехом соілоі сва до коупіа себь то рцїехом громьще слвау бзем і тамо оудіахом се суре і поіімо ову о славоу бжьскоу а ріахом дбра есе і ту одіелїхомъ стоупе туіу нао роде сва і обріахомъ скуфїу вліку овна і кравіа іакова ста нашіу соілоу жіте стржде травіа і ту водете убрежіехомъ два віецоі днесе іміахомъ студніу зіме і не іміахом сїна а до сенте

ноі ідіашете до полудніа на зеленіціу а на крме злашне оделенем і тоіе отрще ноі сілоу до земе студьніа а бехом о гебелоі і не сміхом лоішатесе о зеленціу мімо враждоу еланьстіу і тоіа зеленіцоу не бероще і прііамі зле сенте а не хтіашіе опомоще нашіу а то рціехом омстетє за тоіа дііана а оплатете отва іма о шас іхевь се боть оце нашііа рещіа овладенте земе тоу і жденете грецьколане тоіа до моріа і станціу прінєсше грудімоі протьва іма і оуразіхомь о предь і дііахом пріу велку і грецьколань мрньна просеае а конщете валіцу нашіу і такохом доста зеленіціу о зімі а крміхом скотіа сва і ріещехом слву бзем

(З архіву п. В. Лазаревича)

Дошечка 38а

Писано се рукоу

И паки бэ вьлико студовеніе родищи бо се праща о владищи а мнози рэкша нейдемо до роду іако нэсть оуспокоенія огнищаномь а будеме лэпше сами в лэси небоже горэхь тьрловати се тьими словесы родищи бэша одьтърчена а велицэ сердитися а лютовати волиша се бгь сварьгь наказуіуци велико смятэніе горэмь удба а и словенстіи вноцэ пробоудиша велицэм громом а земле дръжаніемь а се слышити комоніе горэ вопіяшети страсэмь обуятися а слекпшешеса а ядоша вон селше а овны нехаша а воутрше видеша домови розтърчена едень горэ инже долу а ин во дирэ вьликой земьской ани слэду нехати ино небысть. боіша тьи славищи велицэ скуднии а животы кърмити ницэм неимоша и рэкша Ирэи отці веди ны вонь и рекль ирэй се аз есмь на вы со сыни моя рекоша ему тая подлегнеме а идоша со кій щекь и хоравь три сыни ирэова ину земь глядати а с тьиго поча род славэнъ аждо днесь.

іакоже видэти неда бгьдаждь будоуціа смртным такь да възхвалимо премоудросте ю а старая взпомнымо а тао вэмы речемо, предэ бя родь слвень у горіэхь велицэвысоцхэь (так. - О. Т.), тамо земле рати а дба овна и овча хранти поасити вь тревіэхь. единь стайже людіе пробудити ся а комоніе под облацы страху вопіяшети слыша а тьи страхомь обьятліи убрежетися бояшети не можаху ся. бя посія мор а глд велик а изшед изь края иньска пред очи ідуща камо зрящети шедша мимоземе фарсійсти а идша далецэ яко недбана овцэмь земеэ тая. Ідша горэма и видэша кменіе а тьиа прось не сэяте, такоже мимойдша а зряти ступи квэтна а зленая тамо сташа лэта два а помимь мимойдша понэякьже хисниці поокаша. Мимойдэ каялэ иде ду нэпрэ, яко тый вскэй прэ гранищити іма а ворози злыіа преткновэніе бя. нет абзаца!!! на тый нэпрэ имати іма усэдитися родь слвень а тый бя огнищани јакоже іма кійждьдй дироу земну а огнище нет абзаца!!! сварогу слвити а дажьбгу, кіиже суть во сврзэ прчстэй, перуну а стрібгу яковый громы а блискы пвелэваяй и стрібгь вэтрие ярити на земь ся име и тьимь ладобгь, іже прави лады родовстіи а благсти всящестіи, и купалбг яковый до мытници правити імэ а всящеская омовенія а Ярьбгь іже прави яры квэтна, а русалии, воднищи а лэсищи а домовищи, а исварог тьими прави. Всякь рьдь іма шуры а пращуры яковии суть предвэцы умрети яша. Тьимь бгьмь почитания имеме дати а одь ни радости миеме. и постави первэе родь слвень млбище во грду индикииву, еже рещень есть киив а вколэ ему сэлити име ся. нет абзаца!!! а в лэсэхь дубьвыхь лэсищи во вэтвіехь колісатися зачаша а брадіе хмелемь утчна, и власы вь травіехь. тый суть листы зелена а мокошаны јакоже вь под}хь спый, того до брады затычена.

Дошечка 38б (Уривки з архіву Ю. Міролюбова)

Дажьбгьнаструзэсвоємьбіашетьвьсварзэпремоудрэйјаковаестесиняструготый сіяшетьасрящетоязлатогнебогомроспаленесть. . .тогодоханіеживотъ естевскіятвареапрібьжішіе. . .вскмужблаготьгьвідэтеможашетоаниже зьлокійбогомонедобатыйпребудеякослэподанеимешесьнымищастеякожов сякодозлоіидущосоооныдокьнцепребудеть

1. даждьбог на струзэ своємь біашеть вь сварзэ

2. премоудрэ іакова есте соініа а струг отоіі

2. сііашеть а сріащето іако злато огнебогом распаленесть. . .тогодоханіе животъ есте вскііа

3. тваре а прібьжішіе. . .век муж благо тьгь відэте можаше то аніже зьло кіі богом онедоба тоіі

4. пребуде іако слэпо да не імеше сь ноімі часте іакоже всіако до злоіі ідучо со оноі

5. до кьнце пребудеть

№ 1 . . [Н]аше праце шедше до земе суховасте наб наб девящень і тако семехом інда а неіміашем крае того на земэ наше і крещена русе есь тако дне. .

№ 2 . . .ящихом іста іегун. . .женце. . .

№ 3 . . .Еіжіахомь об она

№ 4 . . .рьем бо неубва рцала тсва трепете обо венцоі чуж. .

№ 5 . . ако біахом ста ос. .

. .міахом а дек а. . .

. .ехом пріа. . .

. .одь.

№ 6 . .непріа бо племеноі соуте руште. . .

. . а костобъце русколане тьвриаі

№ 7 . . тако бл . .

. . . біахом ста осе а боіте хр . .

. . . іамо а ніко . . ѡв . .

1. мормароі несмоі щасте імате да біащемо отщепені

2. од рду ншого а буде го гнусете всім борусом . .

Итак, выше воспроизведены все дошедшие до нас тексты дощечек. К ним нужно присоединить рукописные заготовки, фотографии которых мы также приводим в этой работе.

Наибольший интерес представят для нас те дощечки, которые были опубликованы в «Жар-птице», так как именно сопоставление текстов М и Ж проливает свет на историю публикации ВК, а также на принципы создания ее текста (или его последующей редактуры). Эти наблюдения дают нам богатый материал для суждений об искусственности текста ВК. Анализируя соотношение М и Ж, мы можем прийти к следующим важным выводам.

Вывод первый. Текст ВК, существовавший до публикации в машинописном или рукописном виде, представлял собой сумму текстовых фрагментов, имитировавших текст, списанный с дощечек. Фрагменты были расположены в определенном порядке и перенумерованы. Первоначально нумерация была только цифровой: буквы «а», «б», «в» и т. д. при нумерации дощечек были проставлены позднее, не случайно они написаны чернилами не только в печатном тексте (Ж), но и в машинописном (М). Важно отметить, что тексты дощечек 8 (2), 8 (3), 14, 19, 21 и др., найденных в архиве Ю. П. Миролюбова, имеют машинописные заголовки «дощка», а номера в большинстве случаев проставлены чернилами.

Вывод второй. Издатели «Жар-птицы» публиковали дощечки ВК не в порядке номеров. Возможно, они пытались расположить тексты в порядке хронологии описываемых событий: не случайно первой была опубликована дощечка с рассказом о Богумире. Публиковались дощечки в следующем порядке: 9 (март 1957 г.), 10 (апрель), 24а и 24б (июль), 8 (август), 4в, 5а и 5б со слитным текстом, 5б - осколки (сентябрь), 5а и 5б - текст, деленный на слова (октябрь), 6а и 6б (декабрь), 6в и 6г (январь 1958 г.), 1, 2а (март), 17а-17в (апрель), 15а и 15б (май), 7а и 7б (июнь), 7в и 7г (июль), 7д и 7е (август), 7э-7з (сентябрь), 27 (октябрь), 16 (ноябрь), 20 (декабрь), 18а и 18б (январь 1959 г.), 11а и 11б, 12, 13 (февраль), 6д-6э (март), 2б, 3а, 3б, 4а-4г (май).⁵¹

Итак, хотя тексты публиковались не в порядке их нумерации, можно предположить, что пропуск дощечек 8 (2), 8 (3), 14, 19 и др. не случаен, как не случайно то, что эти тексты обнаружены только в архиве Ю. П. Миролюбова в Аахене, но отсутствовали среди других текстов, посланных А. А. Куру. Возможно, Б. А. Ребиндер прав: эти дощечки сочинены Ю. П. Миролюбовым по образцу других, но он не решился высылать их для публикации.

Вывод третий. Оригинал публикации представлял собой подборку текстов, подготовленных по разным принципам. При этом принципы менялись в той же последовательности, в какой дощечки перенумерованы, а не в порядке их публикации.

Так, первые тексты имели еще не устоявшиеся и весьма странные определения: «Лист № 1», «Лист № 2», «Дощка № 2» и т. п.; дощечка с 6в до 6е имеют в заголовке определения с применением римских цифр, начиная с III (?) и до VI, причем эта система сохраняется в дощечках, публикации которых разделяет период более года (дощечки 6в и 6г были опубликованы в январе 1958 г., а дощечки 6д-6э - в марте 1959 г.).

Как можно судить по М, в первых (по нумерации) дощечках текст приводился в слитном написании (см. дощечки 1, 2а, 2б, 3а), затем в слитном написании с «пробелами» (дощечки 4а-4г), затем в двух вариантах: слитный текст, а затем тот же текст с разделением на слова, причем фрагменты текстов, деленных на слова, предваряются пометами, сделанными как бы «для себя»: «попытка раздела слов», «попытка чтения», «чтение» (дощечки 5а, 5б, 6а-6е, 13, 15а, 16); затем текст приводится только с разделением на слова (дощечки 6э, 7а-7з, 8, 9, 11а, 11б, 12 и др.). Интересна дощечка 38а, текст которой предварен пометой «писана от руку»; ясность текста отличает ее от остальных дощечек, а тип машинописи не похож на остальные дощечки. Вероятно, это текст, перепечатанный позднее других и, видимо, не Ю. П. Миролюбовым, а кем-то другим с его рукописи. Дощечка 38б имеет характер черновой заготовки.

Странным оказывается и распределение дефектных дощечек, т. е. имеющих лакуны (обозначенные многоточием) и пояснения о характере дефекта («текст утрачен», «ряд букв стерлись или соскоблены» и т. д.). К числу таковых относятся дощечки 3, 4б, 4г, 5а, 6а-6г, 15а, 15б; на дощечках же 6д-6э, 7а-7з, 8, 11а, 11б, 12, 13, 16, 17а, 17б, 18а, 18б, 24 - 24г дефектов либо нет совсем, либо они единичны. Это свидетельствует, на наш взгляд, об искусственности помет, указывающих на порчу текста: если учесть неизбежную произвольность нумерации дощечек (в «оригинале» номеров не было), то окажется странным, почему все дефектные дощечки сосредоточились в первой половине комплекта: трудно допустить, чтобы их сортировали и нумеровали по степени сохранности.

Наконец, от дощечки к дощечке менялись принципы передачи орфографии: так, в М на дощечках 1-6б мы встречаем для обозначения, звука *ы* только диграф *oi*, на нескольких дощечках *oi* и *ы* сосуществуют, а начиная с дощечки 7а в последующих по нумерации дощечках обычно употребляется только буква *ы*.

Все это приводит нас к выводу, что тексты нумеровались в порядке их составления (а не переписки с древнего оригинала) и особенности текста дощечек и комплекующих их помет объяснимы изменениями тенденций, которыми руководствовался составитель.

Вывод четвертый. При сравнении М и Ж не остается сомнений, что один из текстов носит следы явной фальсификации. Мы можем это утверждать, независимо от того, к каким выводам придем, анализируя язык ВК, ее содержание или соотношение с источниками. Приведем доказательства.

1. Из снимка дощечки 16 мы знаем, что на ней умещался текст с длиной строки приблизительно в 47-50 знаков. В то же время все остальные дощечки (а они, по свидетельству Ю. П. Миролубова, были одинакового размера) имеют длину строки от 52 до 66 знаков. Допустим, что дощечка 16 была нестандартной - и строка ее была уже, и количество строк меньше (в ней 10 строк, тогда как в среднем на дощечках умещалось от 19 до 25 строк).⁵² Но перед нами встанет другой вопрос: и публикация в «Жар-птице», и публикация, осуществленная С. Лесным, казалось бы, тщательно воспроизводят строки оригинала - в противном случае зачем было нумеровать строки или делить текст на неравные по длине строки или с переносом одной буквы (!) слова на другую строку (как в Ж) (это особенно наглядно в публикациях С. Лесного). И в то же время оказывается, что эта имитация точного следования оригиналу - фикция. Во-первых, заметим, что в М границы строк никак не отмечены. Если же мы допустим, что в М строка воспроизводит строку оригинала (там также мы встретим неравные по длине строки и весьма странные «переносы» слов), то окажется, что, за исключением трех дощечек (1, 9 и 10), ни в каких других дощечках концы строк в М и Ж не совпадают.

2. Необъяснимы различия текстов М и Ж в тех случаях, когда в Ж имеется указание на лауну, очень часто сопровождаемое описанием дефекта дощечки («текст разрушен», «текст сколот», «ряд букв стерлись или соскоблены»), а в М в том же самом месте читается исправный текст. Подчеркнем, что повторного обращения к дощечкам для нового прочтения первоначально не разобранным места быть не могло: дощечки утрачены, фотоснимков не было и издатели располагали лишь копией, сделанной Ю. П. Миролубовым. Если же допустить, что сведения о дефектах дощечек взяты из записей того же Миролубова, то все равно невозможно объяснить, как на месте «сколотого» текста в М читается исправный текст. Многочисленные примеры этой несообразности см. в описании дощечек 4в, 4г, 5а, 6а-6в.

Особый случай, когда в М читаются значительные фрагменты текста, отсутствующие в Ж (см. дощечки 6б, 6в, 6д). Мы могли бы допустить, что перед нами случайные типографские пропуски.⁵³ Но в этом случае оказывается, что восполнение пропущенного текста разрушает деление текста на строки, имитирующее, как показано, деление текста в оригинале. Поэтому, если оригиналу следует текст М, то разбивка на строки в Ж - фикция, если же оригинал точно передан в Ж, то фикцией является «лишний текст» в М.

3. Необъяснимы случаи, когда в М и Ж в одном и том же контексте читаются разные (и даже не сходные по буквенному составу) слова. Например (первое чтение - по Ж, второе - по М): на дощечке 6а (*земіа - доржава, по рієце - по данаіу*), 6в (два роді - два вієтва), 6г (*под себіа бера - подчинашеть*), 7г (*січа - бітва, ліудіє - народь*), 7э (*до сверзі - до небі, од сверзі - од небы*), 11 (*ірії - рай славьск*), 15б (*щоурь - слиєх, все - рате, на марцієх - на облцієх*). Произвольное изменение текста в одном из вариантов не вызывает ни малейших сомнений.

4. Необъяснимы также случаи, когда М и Ж различаются написаниями букв, которые не являются графическими вариантами (в этом случае мы могли бы объяснить замену букв унификацией орфографии). Так, союзу *a*, который читается в Ж на дощечках 11б и 15а, в М соответствует союз *i*, букве *э*, читающейся в Ж на дощечке 8, соответствует в М диграф *ie*.

Все эти странности могут иметь только одно объяснение: публикация в Ж не имеет ни малейшего отношения к «подлинным» дощечкам (даже если признать их существование). Дело не в возможных опечатках, по поводу которых сетовал С. Лесной: фикцией являются и разбивка на строки, и указания на дефекты дощечек, и само членение текста на «дощечки», и отдельные чтения. Все это - результат грубой мистификации читателей Ю. П. Миролубовым и А. А. Куром. Но, быть может, к подлинным дощечкам имеет какое-то отношение текст М? Одно подозрение мы уже высказали: если текст был переписан с дощечек, то он обязательно должен быть расчленен если не на строки, то хотя бы на приблизительно равные фрагменты. Уже этого в М мы не найдем. Нельзя ли допустить, что перед нами все же подлинный древний текст, дилетантски и невежественно переписанный Ю. П. Миролубовым, а затем грубо подправленный А. Куром? Но последующий анализ заставит нас отказаться и от этого последнего допущения. Анализ языка, содержания источников ВК и новых данных об истории дощечек - все убедительно свидетельствует о том, что фальсифицированы не только дощечки, но и сам текст.

Творогов О.В.

Влесова книга

(окончание)

Язык «Влесовой книги»

Языковой анализ древнего текста - тема огромной работы. Требуется рассмотреть и описать палеографию памятника, сделать обзор его фонетики, грамматического строя, лексического состава, а в некоторых случаях и стилистики. Именно такого анализа заслуживала бы и ВК, будь она действительно памятником древнеславянского языка. Но, как мы уже видели и увидим дальше, перед нами фальсификат, и подтвердить этот вывод можно, даже ограничившись весьма беглым обзором, - настолько очевидна искусственность ее текста.

Так как к данной статье могут обратиться не только специалисты-филологи, необходимо сделать некоторые общие пояснения.

С. Лесной (а вслед за ним и наши отечественные защитники ВК) ставят вопрос так: ВК написана не на всем известном церковнославянском (старославянском) и не на «классическом» древнерусском языке, а отражает какой-то «язык» или «диалект», который филологам-славистам неизвестен. Поэтому оценивать ВК по меркам того или иного древнеславянского языка нельзя. Этот тезис, кажущийся, возможно, неспециалистам весьма убедительным, основан на заблуждении.

В том, что ВК написана на славянском языке, сомнений быть не может: лексика ВК, безусловно, славянская. Значит, речь должна идти лишь о том, что перед нами некий язык, так же как и остальные славянские языки восходящий к языку общеславянскому, но трансформировавший его по своим, особым законам.

Сделаем уступку защитникам ВК и примем эту версию как исходную посылку для дальнейших рассуждений.

Допустим, что ВК отражает некий неизвестный науке язык (назовем его «язык ВК»), зафиксированный на определенном этапе его истории, а именно в 9 в. н. э. (так датирует ВК С. Лесной на основании того, что в ней упомянуты Аскольд и Рюрик). Мы видим при этом, что кругозор автора ВК ограничен территорией между Карпатами на западе и Волгой на востоке, Черным морем на юге и озером Ильмень на севере. Следовательно, язык ВК территориально относится к восточнославянским языкам. Но как только мы примем эти исходные посылки (а их примут, видимо, и защитники ВК), мы получим право анализировать язык ВК по тем же законам, что и любой другой славянский язык. А этот анализ приведет нас к совершенно определенному выводу: перед нами искусственный язык, причем «изобретенный» лицом, с историей славянских языков не знакомым и не сумевшим создать свою, последовательно продуманную языковую систему.

Об этом говорят и наблюдения над фонетикой и грамматикой языка ВК. Начнем с фонетики.

Как известно, некоторые фонетические элементы общеславянского языка впоследствии в разных группах славянских языков - восточнославянских, южнославянских и западнославянских - имели различную судьбу. Это явление достаточно хорошо изучено славистами, и основные сведения об этом процессе входят в круг обязательных знаний студентов-славистов. Как же протекали эти процессы в языке ВК? Рассмотрим несколько примеров.

1. Для общеславянского языка характерно наличие редуцированных гласных, обозначавшихся в кириллическом алфавите буквами ѣ и ѝ. Эти буквы знает и ВК, и, следовательно, язык ВК содержал соответствующие звуки и обозначал их так же, как это делается в старославянских или древнерусских письменных памятниках. Но известно, что во всех славянских языках IX-XI вв. редуцированные в определенной позиции переходят в гласные полного образования (ѣ - в е, а ѝ - в о), а в другой позиции - исчезают. ВК отражает те же процессы, но чрезвычайно странно. Во-первых, в отличие от письменных памятников даже более позднего времени редуцированные отмечаются в ней крайне нерегулярно. ВК фиксирует как случаи прояснения гласных: *воспять* (1),⁵⁴ *ден* (3а), *воспоемо* (3а), *доржава* (6а), *вержехомся* (6г), *до смерtie* (8), *долгъ* (10), *первие* (11а) и т. д., так и опущение редуцированного в слабой позиции: *взяти* (2а), *уврже* (8), *пря* (9а) и др. Таким образом, придется допустить, что язык ВК обогнал в своем развитии (т. е. в процессе утраты редуцированных гласных) древнерусский язык по крайней мере на один - два века, а если говорить об орфографической традиции, то и того более: ведь даже в Успенском сборнике рубежа XII-XIII вв. мы находим написания: *въспоеть*, *държава*, *върже ся*, *съмъртъ*, *дългъ*, *първий* и т. д.⁵⁵ Но в то же время мы встречаем в ВК ряд написаний, которые свидетельствуют о том, что составитель ее, видимо, плохо представлял историю редуцированных: он порой ошибочно, заменяет ими исконные гласные полного образования: *твъряи* (2а, 4а), *твърити* (2а), *бъзи* (3а), *скъти* (2а), *мълихомся* (3а), *зълто* (4в), *сънопоу* (15б) и т. д.

2. Любопытна судьба звука ѣ, обозначавшегося в кириллическом алфавите буквой э. Прежде всего отметим, что букву эту знает и алфавит ВК: она фигурирует на дощечке 1б, с которой, как

известно, сделана прорись или, как утверждают, - фотография. Там с применением этой буквы написаны слова: *взмэноі, дблэ, окудэ*. Эта же буква встречается и на воспроизведении других дощечек: *сэяти* (4б), *лэта* (4б), *сэца* (4б), *вэци* (4в), *вэроваце* (6г), *побэдэну* (7б), *о брэээх* (9б) и др., и, как видим, употребляется она для обозначения звука ё в этимологически обоснованных позициях. Но в то же время тот же звук обозначается на других (иногда даже и на тех же самых) дощечках буквосочетанием *іе*, как в современном польском языке: *віетва* (6в), *в зіміе студіенэ* (7ж), *діельяцесе* (8), *на слід* (8), *віенчіе* (8), *сніезиць* (11б). Допустим весьма маловероятное: в графической системе ВК звук ё обозначался двумя разными способами - буквой э и диграфом *іе*. Но этому допущению противоречит следующее: в ряде случаев мы встречаем взаимные замены букв: в Ж читается *раздэленицесея, вэнъцэ*, а в М - *роздіеліцесе, віенъціе* и т. д. Чем это объяснить? Только тем, что обозначения звука *е* выбирали сами публикаторы, то предпочитая традиционное кириллическое э, то механически перенося в свой текст польские написания, лишь заменяя латиницу кириллицей. Влияние польского языка мы обнаружим не только в графике: именно польским произношением объяснимы такие написания, как *ляты* (5а, 6б, 6г, 7б), *вятром* (7г), *лато* (8), *чріяслы* (8). Но и этим загадочные превращения звука ё не кончаются: мы встречаем отражение чисто украинской огласовки (появившейся не раньше XIV в.): *бида* (6а), *виру* (7а), *писне* (7б), *писень* (7г), *вире* (7з), *діда* (11а) и т. д.

Что же касается неоднократного написания *е* вместо э, на что обратила внимание еще Л. П. Жуковская, то на фоне других несообразностей это смешение может показаться мелочью, всего лишь незначительным просчетом, но исследовательница специально подчеркивает, что такое смешение для IX в., которым, как помним, датируют ВК, «объяснено быть не может» и «свидетельствует против. . . достоверности» ВК.⁵⁶ Все это также говорит об искусственности и графики, и орфографии ВК, о том, что фонетическая система языка ВК была придумана фальсификатором без достаточной последовательности. В реальном языке не могли бы сосуществовать три разных варианта произношения одного и того же звука в одной и той же фонетической позиции.

3. Известно, что древнерусский язык отличается от старославянского тем, что в нем исконное общеславянское сочетание *tj* обратилось в звук *ч*, тогда как в старославянском оно приобрело форму *ц*. Отсюда соответствия: *свэча, печера, речи* в древнерусском и *свэца, пецера, реци* в старославянском.

В языке ВК мы встречаем совершенно немыслимые написания: рядом с верными - *часи* (2а), *час* (7в) - *щас* (4в), *щасе* (6в) и т. д. Но в этом слове звук *ч* естествен как в восточнославянских, так и в южнославянских языках, ибо он восходит отнюдь не к сочетанию *tj*, а к общеславянскому **кесо*.⁵⁷ Придуманность этой формы, а также таких написаний, как *щистоу* (3а), *щасть* (4б), *щто* (7г), *щесть* (7з), *пренд оцесы* (7в), *до вщере* (12) и подобных - несомненна: они по законам языкового развития не могли возникнуть ни в одном славянском языке, и не случайно, например, слову *честь* в древнерусском и старославянском соответствует *чьсть*, в чешском *čest*, в польском *cześć*, в современном болгарском *чест*.

4. Весьма странна судьба носовых звуков *ѣ* , обозначавшихся в кириллическом алфавите посредством букв *ѧ* и *Ѩ* еще долгое время после своего исчезновения. В древнерусском языке носовые гласные, как сейчас полагают, отсутствовали, а буквы *Ѩ* и особенно *ѧ* употреблялись по традиции, как результат следования старославянским оригиналам. Вопреки этому, язык ВК сохраняет носовые, но обозначает их не буквами *ѧ* и *Ѩ*, которых его орфографическая система вообще не знает, а диграфом *ен*. Уже это странно: следовало бы ожидать различных написаний для *Ѩ* и *ѧ*. Приведем такие сопоставления: пентократно (3а) - *пѧтъ*; десенте (4б) - *дѧсъть*; рѧнка (4б) - *рѧжа*; голѧмь (4в) - *голѧжь*; до стѧнге (7в) - *стѧгъ*; зѧнбы (7г) - *зѧжь*.

Но, быть может, ВК, сохранившая обозначение произношения (!) носовых, тем самым утверждает свою древность, но тогда чем объяснить, что два разных звука - *ѧ* и *ѣ* - обозначаются в ней одинаково? Иными словами, как отметила еще Л. П. Жуковская, «писавший дощечки не имел в своем произношении носовых звуков, но слышал о них и потому употреблял сочетание *ен*, как если бы носовые были. . . В результате появились несочетающиеся между собой принципиально разные закономерности: 1) как будто уже начался процесс утраты носовых гласных, причем носовое *о* совпало с *у*, а носовое *е* с *е*, то есть как гораздо позднее будет в сербском языке; 2) как будто носовые были акустически очень близки (*менѧ* и *грѧнде*), как в некоторых позициях станет позднее в польском языке; 3) как будто процесс утраты носовых гласных проходил не как фонетический, а как лексический, то есть свойственный отдельным словам».⁵⁸ Это последнее замечание относимо не только к лексемам, в составе которых содержались в древности носовые звуки: создатель ВК не знает законов развития языка, и поэтому во

многих случаях в разных словах, но в одинаковых фонетических позициях мы встретим взаимоисключающие по фонетической природе написания.

5. Древнерусский язык, в отличие от западнославянских языков, передавал общеславянское сочетание *kv как *цв-*, а *gv как *зв-*. В западнославянских языках это сочетание оставалось неизменным. Но во ВК мы встречаем и те и другие формы, что для одного и того же языка невозможно: *квенте* (7е), *квіетиц* (11б), *цвѣтіе* (8), *звездицѣ* (11б).

Итак, обзор даже некоторых особенностей «фонетической системы» языка ВК убеждает нас, что не мог существовать язык со столь непоследовательной, противоречащей всем представлениям об истории славянских языков системой. Это искусственный язык, сконструированный к тому же крайне неграмотно и непоследовательно.

Обратимся теперь к грамматическому строю языка ВК. Здесь необходимо вспомнить о суждении С. Лесного: «Особенностью языка Влес-книги, говорящей в пользу ее глубокой древности, является то, что склонение существительных и прилагательных является весьма зачаточным, примитивным, подобным тому, что мы встречаем в языках иностранных. Склонение основывается не столько на изменении флексий, сколько на изменении предлогов, стоящих перед словами».⁵⁹ Полная лингвистическая некомпетентность С. Лесного предстает в этом суждении чрезвычайно наглядно. Он не знает, что аналитический строй некоторых современных «иностраных языков» (имеется в виду английский?) - это результат изменений, произошедших в средние века. Древнеанглийский язык, так же как и древнеславянские, был языком флективного строя. С. Лесному неизвестно, что уже общеславянский язык обладал четкой и последовательной грамматической системой.⁶⁰ «Примитивность» грамматического строя ВК - не результат ее древности, а результат примитивности воззрений на историю языка ее создателей, отражение их стремления нагромождением несуразностей придать памятнику «архаичный вид». Приведем несколько примеров.

На дощечке 7д мы читаем, например, фразу: *тобто ма(т)ырьесва біацетъ крыдлема о труды ратне а славе воіом якове іспіяхша воде живе*. *Матыресва* - постоянный персонаж ВК, это, видимо, чудесная птица (или божество), которая воспевает победы русичей. Итак, *матыресва біацетъ* крыльями. Форма *крыдлема* - это творительный падеж двойственного числа, но, произведенная от слова *крыло*, она имела бы форму *крылома*. Однако автор ВК предпочел придать слову западнославянскую форму (ср. старопольское: *krzydło*; чешское: *křídlo*). Странно сочетание *о труды ратне*: по смыслу здесь должна быть форма местного падежа *о трудэхъ*. Еще более удивительно, что определение не согласуется с определяемым существительным: следовало бы ожидать *труды ратны*. Форма *славе* находится в сочинительной связи с *труды* (союз *а* в ВК, как правило, употребляется в соединительном значении), но здесь перед нами уже форма местного падежа (впрочем, следовало бы - *о славе*). Что за форма *іспіяхша*? Если это аорист, то слово читалось бы как *истиша*, если имперфект, то *испиху*. Сочетание суффикса имперфекта *яx* и окончания аориста *ша* - невозможно. Глагол управляет существительным *вода*. Но как? Мы ожидали бы либо форму винительного падежа - *воду живу*, либо родительного части - *воды живы*. Форма *воде живе* (вместо *водэ живэ*) - местный падеж единственного числа - совершенно неуместна.

Подобные примеры - грубые нарушения грамматической системы - мы встретим на каждом шагу. Это и невозможные в языке глагольные формы: *бяхехом* (7б), *варензе ведле наше вое* (7в), *изроняшехомо* (7в), *побѣдiate врази* (7д), *легнь суне спате* (7ж), *грм грмыщатъ* (8) и др. Это и неверное управление: *зовенхом. . . вутце наше* (7в), *идьема до. . . небі* (7э), *ідашете до земе* (7э), *пря влика о брезэх море годьстэ* (9), *готіем обрацете стрела сва* (13), *творяцете земе нашіу* (17а) и др. Это и отсутствие согласования у прилагательного с определяемым им существительным: *шед за отце наша* (7в), *вендле троянь валу* (7ж), *колніті главе сва* (6в), *о седмэ рэцэх* (9а) и т. д. Причем изобретательность создателя ВК в создании подобных неправильных форм крайне ограничена. Он любит, например, флексию *е* и употребляет ее особенно часто: *та бо ріека есе до мрнже тецяі* (5а), *а крве ліяша* (5б), *преленте. . . птице бжеска* (6а), *вельце снезе* (именительный падеж! - 6а), *вед ю на нове земле* (6б), *изволокаша меще* (6в), *рэнце ренбы*⁶¹ *пльнэ* (9б), *два дщере* (16), *траве све. . . хранете* (17б) и т. д.

Отметим также большое число различных слов в ВК - сербских, польских, украинских, чешских и т. д. Причем это отнюдь не слова древне-сербского или древнепольского языка, появление которых в языке ВК еще можно было попытаться как-то объяснить, а именно современная лексика: таково слово *сунце* (*солнце*), напоминающее современное сербскохорватское слово *сунце*, болгаризм *земя*, слова,

напоминающие (по произношению) «полонизмы» - *морнже* (morze), *одповендохом* (ср. odpowiadać - отвечать), *згинещети* (ср. zginąć - погибнуть), *менж* (ср. mąż), *гура* (ср. gora!!!) и др.

Иными словами, анализ языка ВК не оставляет ни малейших сомнений в том, что перед нами искусственный и крайне неумело сконструированный «язык», создатель которого руководствовался, видимо, лишь одним правилом - чем больше несуразностей окажется в тексте, тем архаичнее он будет выглядеть. На каких читателей рассчитывал он, столь наивно полагая, что грубая подделка кого-то сможет ввести в заблуждение при высоком уровне развития славистики, - сказать трудно. Но нельзя с огорчением не отметить, что такие наивные читатели все же обнаружились.

История славян по «Влесовой книге»

С. Лесной восхищался ВК: «В дощечках Изенбека все оригинально и непохоже на нам уже известное».⁶²

Прочитав эти восторженные строки, читатель ждет, что ВК действительно познакомит его с богатой событиями историей древних славян, которая в своей древнейшей части оставалась неведомой науке. Но его ожидает разочарование. Все исторические сведения ВК, как мы увидим далее, весьма кратки, крайне невразумительны и чрезвычайно противоречивы, разительно отличаясь от стройных концепций, излагаемых любой из известных нам славянских летописей и хроник. Чтобы все могли убедиться в этом, приведем далее фрагменты из ВК, которые в совокупности своей охватывают все (если не считать некоторых мелких фрагментов, повторяющих уже ранее сказанное), что говорится в ВК об истории славян. Мы приведем эти фрагменты в переводе Б. А. Ребиндера, который, как уже говорилось, любезно предоставил нам свои материалы: ксерокопии текста, перевода и комментариев к нему.

Выбор перевода сделан нами не случайно: Б. А. Ребиндер - безусловный сторонник древности ВК, к тому же он сообщает, что опирался в своей работе над переводом на предшествующие переводы на украинский и русский язык, осуществленные Кирпичем, Лазаревичем и Соколовым.⁶³ Цитирование ВК по переводу Ребиндера избавит нас от возможных упреков в том, что наш перевод (если бы его удалось осуществить с крайне неясного и невразумительного текста ВК) неточен, тенденциозно искажает оригинал и т. д. Точность же перевода Ребиндера читатель может проверить сам, сопоставив его с приведенными выше текстами ВК. При этом, однако, следует учитывать, что Б. А. Ребиндер осуществлял свой перевод с текста, опубликованного в «Жар-птице», тогда как мы публикуем текст ВК по машинописи Ю. П. Миролубова. Но разногочия этих текстов в их общей части (мы помним, что в машинописи есть ряд добавочных, сравнительно с публикацией, фрагментов) в основном носят орфографический характер и существенно не влияют на смысл текста. Перевод Б. А. Ребиндера мы приводим без изменений, сохраняя орфографию автора, но унифицируя пунктуацию. Все пометы в тексте - знак вопроса в скобках, многоточия, подчеркивания, пояснения в скобках - принадлежат Б. А. Ребиндеру.

Дощечка 2а («русь потятя бя. . . подобі соуте»)⁶⁴

Но борусь и русь были сражены рукой вражеской, и они творили злодеяния. . . И князь был тот немощен и послал сынов своих в битву, и враги их победили, потому что они не соблюдали того, что было провозглашено на вече. Потому они были разбиты и взяты (*вероятно*, одерене; *a не* одарено). И не так ли мы говорим теперь: «У нас есть князь, и им надлежит ходить, чтобы добывать землю для нас и для наших детей». А там греки напали на них, так как боруссы отделились от них (?) И была сеча великая со многими меченосцами (?) Сто раз Русь возникала и сто раз была разбита от полуночи до полудня. И так как наши праотцы разводили скот, были уведены отцем Орием в край русский, потому что, оставаясь, перенесли много страданий и не могли перенести раны и холод, потому они ушли оттуда и поселились земледельцами на землях русских. Все это произошло за две теме до суть (?). А после двух темей пришли воряги и стали забирать в свои руки земли от хозар. На них мы работали, будучи разбиты. И еще был народ скильмерский и имел от ста до двухсот курней. И так как наш народ пришел в русские земли позднее, он селится промеж ильмерских, и они нам подобны и как братья. И даже если бы они от нас отличались, они нас хранили от зла. Они имели вече. И то, что было постановлено, должно было быть провозглашено и принято за истину. А то, что не было постановлено, не должно было быть. . . Избирали князей от полюдья до полюдья, и так мы жили, а мы им приносим помощь, потому что мы очень (*слова не хватает*) и умели выжигать сосуды в очагах, и мы хорошие гончары и хорошо пашем земли, а они умели хорошо разводить скот, как и отцы наши. . . Пришел род зол и напал на них.

Дощечка 2б («бяхом понузени. . . скоті мнозі»)

И потому мы были принуждены удалиться в леса и там живем охотниками и рыболовами, чтобы мы могли уклониться от забот. Так мы прожили одну тему и начали строить города и повсюду складывать избы. Во время второй темы настал великий холод, и мы отправились на Юг, потому что там места злачные. А там римляне забирали наш скот по цене, на которой мы условились (?). А может быть: «решили идти туда, где держат слово» и отправились на Юг, где много травы, и было у нас много скотины.

Дощечка 4а («ато бящ в ступэх ... а вэлзі русколунь»).

И тогда в степи был болиарин скотен (богатый?), и он не подвергся власти хозар. Будучи (?) иранцем, он попросил помощи у иранцев, и они прислали конницу и побили хозар. О том говорят, что некоторые воины были русскими, и те русские воины остались под хозарами, а тот, кто добрался до града Киева, там поселился. А те русские, которые не захотели быть под хозарами, ушли к Скотеню. И так Русь собиралась на равнине. Иранцы издревля с нас дани не брали и также давали руссам жить по-русски. А хозары брали на работу свою и в дань детей и жен и очень зло били, причиняя зло. И тогда готы напали на Русь недалеко (?) от Скотеня. Он вооружился, и пращурьы паши выступили против них, и тогда иранская конница атаквала, и готы были разбиты и бежали с поля, ибо русская кровь лилась. Земля была красной егунами (?). Русские заняли землю готскую, и мечами уничтожили всех, и земли их присвоили (?). И тут хозары вдруг напали на нас, потерявших вече. И тут русские бросились в бой, как львы, говоря: пропадем, если Перун не заботится о нас (не дба?). И тот им помог. И готы были побеждены, и хозары первые пришли к Руси (?) и первыми были разбиты, и тогда Русь утихла от них и сказала: «Что же теперь будет?» Ибо хозары убежали к Волге от Дона и Донца и там им стало стыдно, и, сказав это (?), их воины побросали свои мечи на землю и побежали куда глаза глядят. И тогда готы покинули место и отошли к северу и там, идя дальше, исчезли. А Русь расположилась (?) на этих землях взятых и реками русской крови политых (?). И сказала милость божеская: «Похвалим Даждьбога нашего и Перуна за то, что был с нами». И так впервые воспели славу богам на земле, которой с тех пор нарекли Русколань. Да и земля эта очень заботилась (?) о том, что происходит на земле нашей. И хозары боялись подойти к земле нашей и никогда больше не нападали на Русколань.

Дощечка 4б («за десенте век. . . вчеря бя по. . . годі»).

За десять веков забыли своих (?), и так роды жили особыми племенами, и так одних называли поляне, а на севере древляне. Это все русские из Русколани, которые отделились иако сумеве, и от этого пришла на Русь усобица. А после второго тысячелетия подверглись разделу и убыло самостоятельности и пришлось платить дань чужим, сначала Готам, которые «крепко обдирали», а затем хозарам, которые убивали. Явился каган, и он нам не благоволил (*почему-то два раза*). Сначала были гостями (торговцами) на Руси, сначала были красноречивые, а потом стали злыми и стали русских притеснять. Мы же сказали: куда же нам идти от них? Где же мы будем вольными (?). Мы очень сиры, и рука божеская отвернулась от нас за то, что за 20 000 (?) не смогли вместе ужиться на Руси и туда пришли воряги и забрали эти места, они и сыны. Ибо Русь создавалась от севера, потому что у нас не было возможности. Создали в лесах Ильмерских, так как там была небольшая часть, выгнанная из Киева (?). Ибо там уселись воряги, которые хищники, которые повесили свентояров (?), чтобы мы видели тело того боярина Гордыню нашего, который поразил готов со Скотенем, и были эти славные деяния от приходу словенских людей на Русь десентеста третьего лета (?), ибо вдруг (?), грабя, напали на нас. А это было когда (?) Свентояр, один из князей, которого выбрали из боруссов (?) нам в Русколане. И оп, взявши русколанцев и алан (?) и боруссов, вооружил их и пошел на готов от Воронежца м. . . к. . . , и было там десять теме отборных конных воинов и никаких пеших, и так бросился на них. И там была сеча злая и короткая, и та усиливалась до вечера. И готы были поражены.

Дощечка 4в («русь бо усріся. . . намо у помоці»).

Русь устремила взор (?) на ту землю. До этого в Киев пришли воряги гостями и побили хозар. Хозары попросили помощи у Скотеня. Скотень это отверг и сказал: сами себе помогайте, потому что вам в Русколане нечего делать (?) около нас (?) И бросилась эта сила на земли Воронежца. Воронежец был уже за много веков построен и окремлен от окрестных нападений. Тогда воряги пошли к Воронежцу и его взяли, и так была Русь отгорожена от запада. И некоторые пошли на юг к Сурож-граду и утвердились (поселились) там, где у греков укрепленный город Сурожь. Болгарин Криворог был тогда русским князем и выпускал белого голубя. Куда он полетит - туда идти. А тот полетел к грекам. Криворог напал на них и разбил их. И тут греки, как лисица, хвостом вертят, давали Криворогу золотое руно и куски серебра, и Криворог остался в Суроже. Они же греки были на Колунех. Криворог согласился, чтобы русские отворились. И тогда греки напустили на него воинов в железных (бронях) и побили его. Много русской крови упало на землю, но она от этого не стала русской (?). Ильмерцы сказали, что вы глупцы, мы бы прибежали к вам на помощь. Отдадим должное почтенье памяти их, так как они русские земли улучшили. И они свои для наших старцев (?), которые потеряли силы Руси в сраженьях с нашими врагами, и кровь их удобрила земли наши, так как они никаким другим богам, кроме Перуна, не посвящают свои мечи при ковании (?). Мы же их позовем себе на помощь. . .

Дощечка 4г («из тея темэ . . . стл русек. . . »).

И пришло в ту пору злое племя даково, и это злое племя на наших пращуров набежало и напало, и многие бежавшие были замучены, и тогда старец Орь сказал: «Уйдем из земли, где наших братьев убивают». А то они старца убьют как коров и овец (?) и, укрыв часть нашего скота, убьют детей. Как только старец сказал это, мы ушли в другие земли, в которых текут меды и молока, и эту землю исхали. Все три сына Ория были Кпй, Пащек и Горовато, откуда произошли три славные рода, и так они были храбрыми вождями дружин. И так они сажались на коней и поехали д. . . а за ними шли дружины юношей, скот и коровы, повозки с детьми, охраняемые старцами, и тоже уставшие люди (?), и шли к

морю на юг (!) разя врагов мечами. Шли к горам великим, к почвам травным, где было много злаков, и там усвоились. Кий, который был старшим (пошел) к Киеву, который был стол (столицей) русских?

Дощечка 5а («сподробенце се. . . богаце живхоста»).

О подробности о том, как мы начались в окрестностях (?), скажем так: за тысячу пятьсот лет до Дира пошли наши прадеды к горам Карпатским, и там уселись, и жили кладно (спокойно!). Потому что роды управлялись Отцами родов, а старшим в роде был щеко од ориан, он воевал (?), ибо Паркуй нами благопочитался, и мы здесь очутились, и так нам жилось 500 лет. И тогда мы ушли к восходу солнца к Непре (Днепру). А эта река течет в море, и мы на ней уселись на севере, которая называлась Припять Днепра (*якр бо вутце сон. . ?*), и там поселились и управлялись вечем 500 лет. И так были охраняемы богами от многих, называемых языгами. Там было много ильмерцев, которые там осели крестьянами. И так мы разводили скот в степи, и там были хранимы богами, и можно так сказать (*иако ор рце*), как сказал Орь - «Отдохни и получай деньги и много злата» - и жилось богато.

Дощечка 5б («сице се іезенце. . . живуте нове»).

И вот враждебное племя отошло на юг и оставило нас одних, и так пошли на пастбища скота и своих говяд, и тут множество пролетающей птицы возвещало, что нападают (набегают) на них? И тут галки и вороны летели за едой, и было в степях много еды, потому что племена костобоких напали на них? И так открылось много ран, и кровь лилась. И те «внезапно» отсекали головы врагам своим, и это была для ворон еда. И так стрибы (ураганы) свищут в степях и бури гудят до полунощи. Было опасно для нас. И была тут сеча великая. Языцы и костобоки сражались со злыми убегаящими (?) и ворами наших коров. И так продолжалась борьба эта двести лет, и тогда наши родичи были принуждены идти к ляхам, и там осели за сто лет до готов Ерманариха, и те озлобились на нас. И тут была борьба великая, и готы были поражены и отогнаны к Донцу и Дону, и Германарех пил вино «любобратства», а затем увел воинов от нас и так устроились, что те живут по-новому(?).

Дощечка 6а («од орие то се. . . тляте а се палити»).

От Ория - это наш общий отец со борусами, и от Волги до Днепра оба эти рода управляются старшинами, и вечем. Каждый род назначает себе старшин, которые (суть) правящие, когда же дело дойдет (?) до борьбы, тогда у них есть князь, вождь, ведущий воинов, чтобы защищаться от своих врагов во славу Перунову, и так помощь Дажьдбогова вернется к нам. И так была земля эта из-за руссов и борусов чистой (?) от борьбы - а непрестанная война была во всяк час, и часто воевали под натиском врагов, чтобы она не была сокрушена (?) окончательно. И тут Иерманарех шел к Дону и напал на них, и так мы были побеждены. И пришлось нам из-за готов (?) между двумя пожарищами тлеть и обжигаться.

Дощечка 6б («себто по сто. . . ополонце а полдене»).

Это было через сто двадцать лет. Готы бились позади нас с гуннами (?), и отошли к северу между Волгой и Двиной, и там осели (?) (*посадне*). Иерманарех и Гуларех вели их на новые земли, потому что гунны со своими грязными говьядами стояли в том краю. Там было много коней и коров, трава обильная и вода живая. Тогда Гуларех привел новые силы и отразил гуннов (*заглаве?*). Многие набежали на нас. Тут наши родичи поседали на коней и на них (?). Злая сеча была там в течение тридцати дней, и русы пустили (?) готов в свои земли (*дальше буква пропущена - непонятно*). Тяжелые времена настали. Напали на них римляне. . . со всех сторон (?), и готы с севера и с юга.

Дощечка 6в («т(о?) се заяви. . . раздирашети борусене»).

Замерещилось из Яви (?) - стали строить города Хорсунь и другие воздеяния (?). Русколань не была разорванной смутами и стала создаваться на Юге, а борусы на Севере многое претерпели, потому что (*породице?*) не хотели, чтобы русские роды соединились на Русколане. Потому что два рода оборонялись в Сурожи, Сурожь называлась Русь и Борусь. И так эта прабория и долгая вражда между родами раздирала этих борусов.

Дощечка 6д («так бэхом сте. . . а русколане»).

И так мы дознались наконец, откуда мы (?). И тут болиарин Гордыня, который побил готов, Триедорей а десенте сто третьего года от исходу Карпатского. И тот как Триедорей (?) пошел на них без страху. А болиарин Сегения, который убил сына Иерманареха и ребенка Гулареха, пошел к Воронежу. Там создалась Русь, Боруска и Русколань.

Дощечка 6е («ті щасе соуте велма. . . яко прасете устршены»).

Погода стояла очень пречистой (безоблачной), и в тот день (где) мы (там, где мы были) ясной, и засуха была страшная (зурива). И жатва не уродилась, и потому мы ушли на другую землю и там осели. Русь была побеждена греками и римлянами, и те шли по берегам морским в «Крым» и там образовали Сурожь. Край этот солнечный. И то, что создалось Киеву, не годилось и сильно (зеле) противило. Здесь впервые воряги пришли на Русь. Аскольд силой погромил нашего князя и покорил его. Аскольд, а позднее Дир уселись у нас как непрошеные князья и стали княжить над нами, и даже стали вождями «а семе го костыре» хранящего Огнебога дома, и потому он отвратил лик свой от них, так как эти князья были греками окрещены. . . Аскольд темный воин, и теперь ему греки объяснили, что никаких Руссов нет, а вы варвары. А нам это смешно, потому что отцы наши были кимрами, и они Рим потрясали и

греков разметали, как испуганных поросят.

Дощечка 7а («слава бзем нашим. . . а отрщяхом»).

Слава нашим богам. У нас вера правая, которая не требует человеческих жертв. А это делается у ворягов, которые издавна приносили жертвы, именуя Перуна Перкуном, и ему жертвовали. Мы же смеем давать жертвы полевые от трудов наших: просо, молоко, жиры и на Коляду подкреплять ягненком, а так же на Русалии, день весны, и на Красную горку. Это делаем в память нашего исходу от Карпат. В те времена наш род назывался карпами. Потому что от страха мы жили в лесах, наше название древичи, а на полях наше имя было поляне < . . >⁶⁵ А во времена Готов и появление ворягов избирался Князь в вожди, и тот вел юношей в злой бой, и тут римляне, поглядев на нас, замыслили злое на них, и пришли с колесницами и со своими железными бронями, и напали на нас, и потому мы долго оборонялись от них, а отрщяхомсме (отбились?).

Дощечка 7б («а роміе венде. . . понеъшія сен о ны»; «а не дахом сме земле наше. . . до домы я»).

И римляне знали, как мы дорожим жизнями нашими, и оставили нас. И тогда греки захотели отобрать у нас Хорсунь, и мы сражались, чтобы не попасть в рабство. И борьба эта и сраженья великие продолжались тридцать лет, и они оставили нас < . . > И не отдадим землю нашу, как мы не отдали землю Троянову, и мы не дадимся римлянам, чтобы не восстала обида Дажьбоговым внукам, которые с оружием поджидали врагов, так и сегодня мы не заслуживаем хулы, как и отцы наши, которые, загнав готов к берегу моря, одержали там победу над ними. Песни хвалы и матерь (сва) поет, и эта прекрасная птица, которая несет пращурам нашим огонь в дома их.

Дощечка 7в («А интра иде за не. . . засеце средьце наше се крві»).

И интра шел за них, как он ходил за отцов наших на римлян в землю Троянову. И не имело бы смысла, если бы Воряги вели наших воинов на Одоакра (?), мы и сами можем (их) вести. Тысячу лет отбивались от римлян, готов и сурпан (?), и так было с незапамятных времен, так как готы соединились с гуннами. И Галарех напал на них с севера, а гунны с юга, и тут заплакала Русколань (и?) Борусь, потому что гунны сошлись с готами. И тогда Русь собрала свои силы и отразила гуннов, образуя край антов, а «скуфь Киеву» (?), и доселе наше сердце кровью обливается.

Дощечка 7г («наше мета оуцещешетесія. . . а просте сврга неімахом нище кроміе смрте»).

Наше мета умножилась, но мы не собираемся, и так за 1300 лет до исхода из Карпат злой Аскольд напал на нас, и тут был изгнан (?) народ мой, и юноши добровольно пошли под стяги наши, а то (?) их забирали враги на Руси. Могуч Сварог наш и не боги иные, а просто Сварог, и ничего для нас, кроме смерти.

Дощечка 7э («а інех жітве то ... а реше сва поленше»).

С теми мы не боимся смерти, потому, что мы потомки Дажьбоговы, нас породившего через краву замунь. И потому мы кравенцы скуте (?), анты, русы, бурсины и сурожцы, так мы стали дедами русов и с пеньем идем в синее небо Сварогово. В старые времена рыбоеды остались, не хотя идти в наши земли, говоря, что им и там хорошо, и так они погибли от своего (желания) не плодиться с нами и померли, потому что от неплодных ничего не осталось. И неизвестно об отцах (?) тех костобоких - кто они. Они ждали помощи от неба и сами не стали об этом (?) трудиться, и вышло, что они (?) были поглощены лирами. Тут мы скажем, что это правда, что ничего не осталось (?) от этих двух, так лирове были поглощены нами, и больше у нас их нет! А дулеби были нами отведены на Борусь. Мало осталось леров, потому что они (?) называются ильмерцами, и те как-то уселись около озера, и тут венды еще уселись дальше, а ильмерцы остались там, потому что их осталось мало, и говорили, что их поле наше.

Дощечка 7з («якове не ленщешуть. . . доцеле сен русе»).

А тот, кто не лишится в сечи своей молодой головы и убережет ее до того дня, когда чехи (?) ушли на закат солнца со своими воинами и хорваты взяли своих воинов. Тогда другая часть чехов селилась с русами, и таких земля не отделилась и с ними образовалась Русколань. Кий уселся в Киеве, и мы ему подчинились, и с ним вместе (*доцеле*) образовалась Русь.

Дощечка 9а («о тоі щяс бя богумир. . . якове о сэщэ падышя»)

В те времена был Богумир, муж славы, и у него было три дочери и два сына. И они разводили скот в степях и там жили, научившись этому от отцов, и были они богам послушны и разумом понимающим. И так мать их, которую звали Славуня, потому что она для них приготавливала то, что им было нужно, сказала Богумиру на седьмой день (?): «Нам надо выдать замуж дочерей и чтобы мы увидели внучат». И как сказал, так запряг повозки и поехал куда хотел(?), и приехал к дубу, стоящему в поле, и остановился на ночь у своего костра (?). И вечером увидел трех мужей на конях, к нему стремящихся, и сказал им: «Будьте здоровы и что вы ищите?» И Богумир поведал им о своей заботе. А они отвечали, что они сами в походе, чтобы найти себе жен. И воротился Богумир в свои степи и привел трех мужей дочерям своим. И от них пошли три рода, и были они славны потому, что от них исходят древляне, кривичи и поляне, потому что первая звалась Древа, вторая Скрева, а третья Полева. Сыны же Богумира звались Сева и младший Рус. От них исходят северяны и русы. Эти три мужа были вестниками - утрений, полуденный и вечерний. И образовались роды те в Семиречье, где мы жили за

морем в краю зеленом, куда мы, гоняли скот прежде исходу к горам Карпатским. И было это за тысячу триста лет до Иерманариха. И была в те времена борьба великая за берега Готского (Черного?) моря, и там наши праотцы накидали курганы и на них белые камни, под которыми они погребли болиаров (воинов?) и вождей, которые пали в сечи.

Дощечка 9б («придошя из крае зелена. . . уж николибва»).

Придя из края зеленого к морю Готскому, и там наткнулись на готов, которые нам путь преграждали, и так мы сражались за те земли и за наше житье. А до этого были наши отцы на берегах моря по Ра реке и с большими трудностями переправили своих людей и скот на сей берег, идя к Дону, и там, увидя готов, пошли к полдню к Готскому морю и увидели вооруженных готов, стоящих против себя. И, видя это, были принуждены биться за возможность жить (?) и за жизнь свою. А так же гунны шли по следам отцов и, нападая, забирали людей и скот. И тогда род славен ушел в земли, где солнце спит в ночи, и где много травы и жирные луга, и реки полны рыбы, и где никто не умирает. Готы были еще в краю зеленом и немного опередили отцов наших - Ра река (Волга) великая отделяет нас от других людей и течет в море Фасисте. И вот муж из роду Белояру ушел на сторону Ра реки и опередил там гости синьсте, идущих к фряженцам - т. к. егуны на своем острове поджидают торговцев, чтобы их ограбить. И было это за полстолетия до Алдореха, а еще раньше этого был род Белояров сильным - гуннские торговцы оделись как Белояровы мужи и сказали, что дадут ему серебро за то и два коня золота, и пошли по этой дороге, избежали опасности гуннов и прошли мимо к готам, которые тоже стараятся достать ткани (?), и питье, и кони у них бесчисленны, и дань берут дважды - и потому торговцы, которые ехали к нам, повернулись и уехали в Китай и больше никогда не пришли.

Дощечка 10 («а по богуміру бяща оріе . . . отуду до русе»).

А после Богумира был Орий со своими сынами. А когда егуны затеяли великую войну за образование своей земли, они ушли вон оттуда на Русь.

Дощечка 15а («пonexше ідышіа до ілмерезера ... и скуфе біа»).

И оставив их (?), пошли к озеру Ильмень и там основали город Новый и там пребываем, и тут первого пращура Сварога молим среди рождающихся родников и усердно просим, ибо он источник нашего хлеба Сварог, иже сотворяет свет. Он бог света и бог Прави, Яви и Нави. Ибо мы в них верим (воистину?), и эта истина (вера) наша переборет силы темные и ведет к благу. Так же как к этому вела (*ове вендле*) праотцев творя осем? Зная, что воины на белых конях вышли из края Семиречья до гор Иранских (?) и Загорья, и эти шли век (?) и там, оставив их, ушли в Дворечье, отбиваясь от тех своей конницей и пошли в землю Сирийскую (?) и там остановились, а после шли высокими горами снежными и ледяными и повернули к степям стада свои и скотину.

Дощечка 17а («и се бящете кнъзеве. . . одестрщене бяще»).

И так были князья Славен со братом его из Киева (?), и вот борьба велась великая на востоке, и так они сказали: «Пойдем в землю Ильмерскую». И так они пошли, а он был стар и сына своего оставил старцу Ильмеру, а затем пошел на север и там свой город Славен основал, а брат его Скффе был у моря и был стар и имел сына своего, привел (с собой?), а после него был внучек, который был владельцем южных степей. И крови много проливалось там, и об этом была борьба великая за посев и пахань (?) по обе стороны Дону и до гор Русских и до пастбищ Карпатских и там рядили, потому что образовали кола, и он был для них вождем, и тоже врагам отпор творил, и этим поразил их и отбил от них с (своим) родом и там рядил, и вече созвал единое, образуя землю нашу, и так «стояла» земля наша в (у *Б. А. Ребиндера* - а. - *О. Т.*) течение пятисот лет, а затем опять возникла между русичами усобица и возрождалась, и этим они потеряли силу, имея эти соубое и свое възълаждение. И тогда враги напали на отцев наших с юга и сразились с Киевскою землей (?) за побережье морское и за степи. И тогда они (враги) отошли на юг и сразились с Фрягами, и те пошли им на помощь врагам и Скуфь очутилась в сражении с врагами и пересилила их, и это были гунны справа на Русь наступающие, и в тот раз они были отбиты.

Мы привели, надеемся, достаточное количество фрагментов перевода, чтобы читатель получил представление и о характере повествования ВК, и, самое главное, о ее историографической концепции. Не беремся судить о правильности перевода (на наш взгляд, точный перевод этого искусственного и умышленно деформированного текста вообще невозможен). Наша задача иная: рассмотреть содержание ВК, каким оно видится сторонникам ее подлинности, и проанализировать, что же сообщается в ней об этногенезе славян и их истории за 1800 лет - от времени Богумира до Аскольда, Дира и Рюрика, т. е. с 9 в. до н. э. по 9 в. включительно. Вероятно, это сообщение может удивить тех читателей, которые, ознакомившись с журнальными публикациями о ВК, ожидали найти в ней связный и последовательный рассказ об истории «русичей». Дело даже не в том, что историография ВК самым коренным образом расходится с нашими научными представлениями об истории Европы в античности и раннем средневековье (это признают и защитники ВК, но утверждают, что именно в этом состоит ее ценность). Речь пойдет сейчас о другом. Даже допустив, что ВК излагает действительную историю «русичей», и полностью доверившись этому сомнительному источнику, мы все равно встретимся с неразрешимыми

противоречиями. Историографической концепции у создателя ВК собственно нет: он предлагает ряд взаимоисключающих версий, изложенных при этом крайне невнятно. ВК поражает своей убожеством: ничтожным количеством сведений, конкретных фактов, обилием повторов одних и тех же коллизий, которые уже при самой осторожной проверке обнаруживают свою полную псевдоисторичность. Поэтому стоит рассмотреть подробнее историографическую концепцию ВК саму по себе, без сопоставления с традиционными историографическими представлениями. Уже на этом пути мы обнаружим полную научную несостоятельность нашего «источника».

Начнем с того, что восхитившая поклонников ВК история Богумира и его детей, от которых будто бы произошли древнерусские племена - древляне, поляне, кривичи, северяне и русы,⁶⁶ история, которую считали легендарной даже С. Лесной⁶⁷ и Миролюбов, по сути дела оставлена как непригодная даже в самой ВК: на дощечке 10 потомком Богумира назван один Орь, от которого пошли «три рода» (см. дощечку 4г). Какие это роды или племена, понять трудно: с одной стороны, говорится, что Орь «отец» русов и борусов (см. дощечку 6а; эти племена упоминаются в ВК неоднократно), с другой - выясняется, что у Оря были три сына: Кий, Пашек (Щеко) и Горовато (Хорев) - об этом говорится на дощечках 4г и 36а, причем имена двух сыновей, как видим, варьируются. Из дощечки 36а следует, что Пашек-Щеко - праотец чехов, а Горовато-Хорев - хорватов. Это ставит нас перед трудноразрешимой дилеммой. Если все же считать, что все древнерусские племена, просуществовавшие вплоть до IX-X вв., произошли от Богумира, то окажется, что от них - древних русичей - произошли и другие славянские народы, в частности чехи и хорваты (ведь Орь - потомок Богумира!). Абсурдность такого допущения очевидна. Неясно также, откуда ведут происхождение русколяны, сурожцы, «ильмерцы», неоднократно упоминаемые в той же ВК. Откуда, наконец, взялся род Кисека (см. о нем дощечки 17в, 35а, 35б)? Словом, «изобретая» свою фантастическую генеалогию, создатель ВК не дал себе труда продумать даже основные ее посылки.

Но продолжим наш анализ. Древляне и поляне, история именованья которых так предельно просто изложена на дощечке 9а, упоминаются в ВК и в дальнейшем. Но там энтонимам дается совершенно иное объяснение. Через десять веков (после Богумира? После Ория?) русичи жили особыми племенами», при этом одних называли поляне, а других древляне (дощечка 4б). А на дощечке 7а уже третья версия: «наш(?) род» когда-то жил в Карпатах, и там русичи именовались карпами, а когда жили в лесах, то получали имя «древичи» (древляне), «а на полях наше имя было поляне». В отличие от некоторых наших легковерных журналистов создатель ВК сам поспешил отказаться от наивной легенды о праотце Богумире.

Попытаемся теперь наложить историю славян, какой она предстает перед нами на страницах ВК, на хронологическую сетку. Речь пойдет опять не о том, что данные ВК абсолютно противоречат данным современной науки,⁶⁸ а лишь о том, что, даже доверившись ВК, мы столкнемся, с неразрешимыми противоречиями. Желая потрясти воображение читателя, автор ВК оперирует, как правило, огромными временными масштабами в 1500 лет (дощечки 5а и 7б), 1300 лет (дощечки 7г и 9а), 1000 лет (дощечки 4б, 7в, 8), 500 лет (дощечки 5а и 17а). Совершенно загадочен счет времени «темами». Слово «тьма» в славянских языках имело значение или «бесчисленное множество» или «десять тысяч». ВК употребляет его именно во втором значении, когда сообщает «за двіе teme до суть» (дощечка 2а; ср. также дощечку 2б), а на дощечке 4а мы встретим слова: «а тако за двадесентэ тысянцэ лэтэ».

Совершенно непонятно указание «после второго тысячелетия» (дощечка 4б): от какой же исходной точки начинается в ВК отсчет лет? Известно, что во всех хронологических системах античности и средневековья отсчет времени ведется от древнейшего события (основания Рима, первой олимпиады, «сотворения мира» и т. д.) к последующим. В ВК, напротив, мы находим отсчет лет от последующего события к предыдущему: «за 1500 лэт до Дира», «за 1300 лет до Германариха» и т. д. Укажем еще на некоторые странные временные определения: «и были эти славные деяния от приходу словенских людей на Русь десентеста третьего лета» (перевод дощечки 4б), «а десенте сто третьего лет году.от исхода Карпатского» (перевод дощечки 6д). Думается, в хронологических выкладках создатель ВК руководствовался тем же нехитрым правилом, что и в изобретении языковых форм - чем менее понятно, тем больше похоже на «древность».

Приняв версию, что ВК излагает историю русичей за 1800 лет, мы не можем не заметить, что у ее создателя явно не хватило выдумки заполнить событиями столь огромный временной диапазон, и фактически он сообщает сведения лишь о двух периодах - IX-VIII вв. до н. э. и времени начиная с III в. н. э. - времени прихода в Причерноморье готов.⁶⁹ Действительно: Богумир был за 1300 лет до Германариха. Готский вождь Эрманарих погиб в 375 г. и. э., следовательно, время Богумира - IX в. до н. э. На дощечке 6в, в дополнении, читающемся лишь в машинописи Миролюбова, сказано: «. . .от оца Ореа а до Диру бяста тысенц пятьсенто лято». Если принять за «время Дира» IX в. н. э., - Орь, потомок Богумира, жил в VI в. до н. э. Как явствует из дощечки 5а, за 1500 лет до Дира наши прадеды поселились на Карпатах, где прожили 500 лет, а на дощечке 7г сказано, что от времени «исходу» от Карпат до Аскольда, которого традиционно считают современником Дира, прошло 1300 лет.⁷⁰ Сопоставив все эти расчеты, мы увидим, что они противоречат элементарной арифметике. Перед нами всего-навсего результат небрежности составителя ВК, не удосужившегося проверить точность своих

хронологических выкладок, причем некоторые из них (например, упоминание сроков в двадцать тысяч лет) производят впечатление издевательской ловушки для невнимательных читателей.

Увы, обе попытки связать ВК хоть самым произвольным образом с действительной историей начисто разрушаются безапелляционным заявлением ВК, что Орь жил за 1500 лет «до Дира», что не позволяет принять допущение С. Лесного, что «Орь жил в первые века нашей эры» (Влесова книга, с. XII).

В заключение обратим внимание на следующую особенность ВК, также раскрывающую «методику» ее создания. Говоря о длившихся сотнями лет битвах русичей с готами, гуннами, римлянами, греками, автор ВК умудряется избежать всякой конкретности: не назван по имени ни один римский и византийский император или полководец, ни один вождь гуннов, а из готских вождей упоминаются лишь Германарих (дощечки 5б, 6д, 9а, 14, 23, 27), имя которого хорошо известно по разным источникам, и Галарех (?), которого комментаторы ВК отождествляли с вестготским королем Аларихом (ок. 370-конец 410).

Сведения о войнах с Римом и Византией в ВК отсутствуют, и, видимо, не случайно: история этих стран слишком хорошо известна, и любая конкретизация событий грозила немедленным разоблачением фальсификата. Поэтому автор ВК ограничивается лишь общими ссылками на «римлян» и «греков», а из географических ориентиров упоминает лишь хорошо известную по русским летописям и византийским источникам Корсунь (Херсонес), город Сурож (упомянув его в той огласовке, в какой византийская колония Сугдея впервые поименована в «Слове о полку Игореве»), да неведомую «землю Трояню», которую, однако, никак не локализует.

Мы не комментируем такие загадочные сведения ВК, как сообщение об участиях в битвах иранской конницы (дощечка 4а), в то время, когда на Русь одновременно (!) нападали хазары, готы и варяги (дощечки 4а и 4б), как сведения о Набусоре (см. дощечку 6в), как упоминание на той же дощечке «египетского солнцепека», как появление в IX в. до н. э. китайских торговцев, направляющихся к фрягам (т. е. итальянцам!), о чем говорится на дощечке 9а, как упоминание гор Иранских и земли Сирийской (дощечка 15а) и т. д. Можно было бы думать, что все эти неожиданные историографические мотивы - всего лишь результат неверного перевода весьма сложного текста, но мы увидим далее, что эти упоминания могут все же найти свое объяснение.

Итак, перед нами сочинение крайне примитивное, свидетельствующее не только об ограниченности знаний его создателя, но и об отсутствии у него даже литературной фантазии: не случайно в ВК встречаются постоянные возвращения к одним и тем же коллизиям, к одним и тем же именам и «фактам», без каких-либо попыток представить более конкретную картину событий, охарактеризовать - пусть в типичных для средневековой историографии традиционных «портретах» - исторических деятелей и т. д. Трудно найти среди средневековых хроник и летописей даже самого низкого уровня произведение столь же убогое по мысли, с таким же отсутствием логики повествования, столь же бедное при обращении к конкретным фактам, столь же «безлюдное», столь же лишенное топонимических ориентиров. Словом, и анализ «историографии» ВК говорит о том, что перед нами неудачно смонтированный фальсификат.

Источники «Влесовой книги»

Защищая подлинность ВК, ее сторонники выдвигают, как им кажется, неотразимый аргумент: если автор - фальсификатор, вопрошает С. Лесной, то откуда он мог почерпнуть столько сведений? Он «должен был написать целую историю народа в его отношениях с добрым десятком иных народов: греками, римлянами, готами (годью), гуннами, аланами, костобоками, берендеями, ягами, осами, хазарами, дасунами, варягами и т. д. Он также описал взаимоотношения между рядом славянских племен: русами, хорватами, борусами, карпами, киянами, ильмерами, антами, русколунами и т. д.»⁷¹

Мы уже видели, что история этих отношений изложена невнятно, некоторые народы упоминаются всего раз-другой в крайне «темном» контексте, но тем не менее на источниках ВК стоит специально остановиться, ибо экзотические этнонимы и упоминания о неведомых историкам деяниях наших предков завораживающе действуют на иных читателей.

Основные исторические коллизии ВК суть отражение разного рода домыслов и фантазий на темы праистории славян, выдвигавшихся еще в XIX в. и особенно распространенных в кругу русских эмигрантов в 20-50-х гг. нашего века. Ю. П. Миролюбов в своих сочинениях (о которых речь пойдет далее) ссылается на книги и статьи, посвященные этой тематике, в заглавиях которых постоянным спутником слова «история» являются определения «истинная», «неизвращенная», «подлинная» и т. п., иначе говоря, - отличающаяся от научной, документально обоснованной истории славян. Источником некоторых сюжетов ВК могли служить, например, сочинения популярного в прошлом веке, но весьма несерьезного историка Д. Иловайского. В ВК наши предки выступают под именами русколанов или борусков. И у Иловайского мы найдем пространные рассуждения о тождестве роксолан, упоминаемых в греческих и римских источниках со славянами, отождествление роксалан с антами и прямые указания типа «роксаланское или русское племя», «роксаланский или русский народ» и т. д. У него мы найдем упоминания о битвах роксолан-русичей с готами и гуннами, а также с римлянами, найдем объяснения

названия Пруссия как «Порусье» и связь этого названия с этнонимом «боруски».⁷² Мы можем прочитать у него, например, что «в течение восьми веков (с I по IX в. - *О. Т.*) . . . роксоланский или русский народ пережил, конечно, много испытаний и много перемен. Он выдержал напоры разных народов и отстоял свою землю и свою самобытность, хотя и не раз подвергался временной зависимости, например, от готов, гуннов и отчасти от авар». Далее говорится, что роксоланский народ «построил себе крепкие города и положил начало государственному быту с помощью своих родовых князей, из которых возвысился над другими род киевский».⁷³

Составителями ВК были использованы и серьезные исторические источники, однако невдумчиво прочтенные и недобросовестно использованные. Так, из древнейшей русской летописи «Повесть временных лет» взяты имена князей (Аскольда, Дира, Кия, Щека, Хорива и сестры их Лыбедь, превращенной в приемника Кия - Лебедяна), отсюда же взяты названия племен (древляне, поляне, дулебы и др.), скудные сведения о нашествии хазар. Что же касается некоторых этнонимов, упомянутых в ВК и производящих впечатление на неискушенного читателя своей экзотичностью, то отыскать их не стоило особого труда. Такие этнонимы, как скифы, анты, роксоланы (обратившиеся под пером авторов ВК в «русолань»), борусы, языги, костобоки, карпы (так, согласно ВК, назывались русичи в то время, когда обитали в Карпатах), восходят в большинстве своем к античным источникам, в частности к «Географии» Клавдия Птолемея (III в.), и постоянно упоминаются во всех сочинениях, посвященных проблемам происхождения славян, начиная от знаменитых «Славянских древностей» П. И. Шафарика. Там, например, говорится о роксоланах, языгах, костобоках, карпах, борусках, причем все эти племена упоминаются неоднократно.⁷⁴

Одним из источников ВК было также «Слово о полку Игореве». Русичи в ВК неоднократно именуется «Дажь-Божьими внуками» (см. дощечки 1, 3а, 7б, 7в). Если в «Слове» говорится: «Встала Обида въ силахъ Дажь-Божа внука, вступила дэвою на землю Трояню», то в ВК есть фразы: «зме (т. е. землю. - *О. Т.*) Трояню сме не дахом сен ромиема а да не встане обиденосще Дажбовем внуцем» (дощечка 7б). При этом здесь не просто упоминание сходных риторических фигур или словесных формул, как предполагал С. Лесной, обративший внимание на сходство «Слова» и ВК,⁷⁵ а именно внутренне не мотивированное совпадение нескольких лексем: *встать, обида, земля Трояня, Дажьбожь внук*. Такой же параллелизм связывает фразу «Слова»: «часто врани граяхуть, трупия себэ дэлячи, а галици свою рэчь говоряхуть, хотять полетэти на уедие» и фразу ВК: «то галиця и врани од яди летяй» (дощечка 5б). Если в «Слове» жены сетуют, что им своих мужей «ни думою сдумати, ни мыслию смыслити», то в ВК «жены решут: благвие утратитихом о разумство наше»; если в «Слове» «ветри, Стрибожи внуци веють съ моря», то в ВК «стрибы свищашуте во стпиях» (дощечка 5б); если в «Слове» «готския красныя дэвы вспэша на брезэ синему морю», то в ВК «у сине море стяша до берзе (вм. березе, брезе? - *О. Т.*) годь (готы. - *О. Т.*). . . одержаша на нь побэдену пісне» (дощечка 7б). Каждая из приведенных параллелей, взятая сама по себе, могла бы показаться случайным совпадением, но само число таких совпадений говорит о несомненной связи памятников. Если в «Слове» мы встретим «века Трояни», «тропу Трояню», «землю Трояню», то в ВК также «земля Трояня» (дощечки 7б, 7в) и «троянов вал» (дощечка 7ж), без какой-либо попытки их локализации. Есть в ВК также «внук Троян(ов)» (дощечка 3б) и «век Троянов» (дощечки 3б и 7ж). Мы встретим в ВК и такие обороты, как «жале плакаться» (дощечка 1), «жале вел(и)ка с карину» (дощечка 8), встречается редкий этноним «русичи» (дощечки 8 (2), 8 (3), 14, 21), эпитет «харалужный» (дощечка 17в), есть имя Горислав (дощечка 25); коней ВК обычно называет «комони»; встретим мы там и такие обороты, как «воины испияше воде живе» (дощечка 7д), «слава тіекошетъ по русіем» (дощечка 24), «туга велика» (дощечка 14). В ВК упоминается не только Калка (при этом она раздвоилась на Калку Великую и Калку Малую), но и Каяла: «мимоиде Каялэ иде ду эпрэ» (дощечка 38а).

Возможно допустить, что упоминание в ВК Сурожи также подсказано «Словом»: именно в этом памятнике мы встречаем самое раннее по времени это название города, именовавшегося в византийских источниках Сугдея.

Когда и зачем была создана «Влесова книга»?

В запасе у защитников ВК есть еще один аргумент. «Если мы представим, что "Влесова книга" - фальсификация, - писал С. Лесной, - мы не можем найти ни малейшего объяснения для ее создания в наши времена, даже если это время рассматривать очень широко, хотя бы в пределах двух столетий».⁷⁶ О том же писал и И. Кобзев: «С какой целью стал бы кто-то заниматься столь кропотливым и изощренным трудом подделки древней книги, если никому она не принесла за долгие годы ни славы, ни доходов, ни другой своекорыстной выгоды?»⁷⁷ Даже отклонив соображения меркантильного характера, мы все равно останемся перед вопросом: зачем было создано это огромное сочинение?

Некоторые данные для ответа на этот вопрос мы найдем в сочинениях Ю. П. Миролубова, вышедших в 1975-1984 гг. в Мюнхене уже после смерти автора (он умер в 1970 г.). Первые три тома содержат рассказы, стихи и этнографические зарисовки об обрядах и религиозных праздниках в русской деревне. Остальные шесть томов посвящены «праистории» славян и религии древних «руссов». Нет смысла подробно характеризовать эти крайне дилетантские штудии, но стоит упомянуть основные

выводы автора. Миролубов утверждает, что «славяно-русы. . . являются древнейшими людьми на Земле» (Т. 9. С. 125), что «прародина их находится между Сумером (Шумером? - О. Т.), Ираном и Северной Индией», откуда «около пяти тысяч лет тому назад» славяне двинулись «в Иран, в Загрос, где более полувека разводили боевых коней», затем «ринулись конницей на деспотию Двуречья, разгромили их, захватили Сирию и Палестину и ворвались в Египет» (Т. 7. С. 186-187). В Европу, согласно Миролубову, славяне вступили в VIII в. до н. э., составляя авангард ассирийской армии: «. . . ассирийцы подчинили все тогдашние монархии Ближнего Востока, в том числе и Персидскую, а персы были хозяевами Северных земель до Камы. Ничего нет удивительного, если предположить, что славяне были в авангарде ассирийцев, оторвались от главных сил и захватили земли, которые им нравились» (Т. 4. С. 160-161). Поэтому, признается Ю. П. Миролубов, «придется поворачивать всю историю» (Т. 7. С. 187). Легкость, с какой он обращается со всемирной историей, говорит сама за себя, и думается, не нужно пояснять, что никаких серьезных научных доказательств в книге мы не найдем. Об источниках этих сенсационных сведений мы скажем чуть позже. Читатель уже, вероятно, заметил переключку историографической «концепции» Миролубова с некоторыми намеками, содержащимися в ВК (приход русов с востока, упоминание иранцев, «египетского солнцепека», гор сирийских и т. д.).

Вторая, не менее «значительная» идея Миролубова состоит в том, что религия древних славян - это «испорченный временем, обстоятельствами, событиями и переменой местожительства ведизм». После того как предки славян покинули прародину, их «жречество огрубело, забыло ведический язык», который «стал быстро меняться», и «скоро уже было невозможно записать по-санскритски сказанное по-славянски» (Т. 4. С. 92-93). Другой вывод Ю. П. Миролубова заключается в том, что языческая религия древних славян будто бы оказалась созвучной. . . христианству. «Трудно сказать, что вышло бы из славяно-русского язычества, если бы не было насильственно введено византийское христианство. . . Мало того, христианство только потому и привилось, что было облечено на Руси в языческие формы и совпало идеологически с ними» (Т. 7. С. 89). Миролубов считает, что «славяне должны были обладать, хотя бы вначале, своей письменностью. Не могло ведь быть, чтобы, выйдя из арийских степей, зная и даже сохраняя ведизм, славяне не знали бы письменности, на которой веда была писана!» (Т. 4. С. 177). Таким образом, важный вывод основан лишь на ничем не доказанном отождествлении древних славян с древними индийцами.⁷⁸ Все интересы и пристрастия Миролубова обращены в самое отдаленное прошлое. Даже от древнерусской литературы, хорошо известной и изученной, он попросту отмахивается как от несуществующей: «Русский языческий эпос исчез. . . есть у нас только "Слово о полку Игореве", "Задонщина"» и какое-то языческое сочинение («Книга о князем утерпении»), которое, по словам Миролубова, его родители видели в прошлом веке, да еще «христианский эпос»: «Голубиная книга» и «Хождение богородицы по мукам» (Т. 6. С. 244). Едва ли требует серьезного рассмотрения и этот вывод Миролубова, настолько он идет вразрез с нашими представлениями, основанными на богатейшем фактическом материале.

Поэтому мы с нетерпением жаждем узнать об источниках, на основании которых Миролубов переворачивает мировую историю и историю отечественной культуры. Читая его сочинения, мы видим немалое число совпадений с ВК: это и рассказ о праотце Ории, и утверждение, что русичи всегда мыслили о себе как о «Дажь-Божьих внуках», и сведения о битвах с готами и костобоками и многое другое. Особенно сближают «концепцию» Миролубова и ВК сведения о древнерусском язычестве, причем стоит подчеркнуть, что это сходство проявилось не только в упоминании основных мифологических персонажей (Перуна, Стрибога, Велеса, Сварога и др.), что совершенно естественно, но и в совпадении имен и понятий, которые известны нам лишь из ВК и сочинений Миролубова. Так, он неоднократно пишет о «Яви», «Прави» и «Нави», тут же подчеркивая при этом, что, «несмотря на все усилия, автору этой статьи не удалось разыскать даже следов подобных верований в народе. . . Позже только в "Дощках Изенбека" удалось найти упоминание о "Яви, Прави, Нави". . .»⁷⁹

Нагляден и другой пример. Миролубов, ссылаясь на «Традицию», отмеченную им в народных верованиях, утверждает, что у «Деда Лесовика есть помощники», среди которых поименованы, в частности, Кустич, Листич, Травник, Стеблич, Кветич, Ягодич, Грибнич (Т. 5. С. 42); в другом контексте также упоминаются Травич, Сенич, Цветич, Стеблич, Листич (Т. 6. С. 201). Искусственность этих именовании несомненна, но в то же время все они встречаются, в ряду других, в ВК, на дощечке 15б. Перечисляя божества, соотносимые с месяцами года, Миролубов называет их (в порядке месяцев, начиная с января): Крышний, Лютый, Ярила, Ладо, Купала, Дажьбо, Рудый, Радогощ, Овсень, Сывый, Святовид, Коляда (Т. 7. С. 111-112). Перечисление это совпадает с тем, которое читается на дощечке 11б (хотя и с иным соотношением) - мы встретим там имена: Радгощ, Колендо, Крышень, Сивый Яр, Дажьбо, Ладо, Купала, Овсенич. Если в «Сказе», якобы записанном Миролубовым, говорится: «. . . а оттуду до самого Сонечка закату, там, где ложится обо в кроватку златую» (Т. 6. С. 131), то в ВК мы находим совершенно аналогичный образ: «до крае чюдня іже іесте о захждене суне (солнца. - О. Т.), і та суне спіе о одре златіе» (дощечка 26). В «Сказах» и в ВК упоминаются древние «цари» Криворог, Белояр, Орей и его сыновья - Кий, Щек и Хорив и т. д.

Но, к нашему изумлению, в большинстве случаев, рассказывая историю древних славян или реконструируя древнерусскую (древнеславянскую) мифологию, Миролубов ссылается не на ВК, а на

совершенно иные источники. Сведения о языческом пантеоне он получил якобы не только «в народе», но и от «старой Прабки Варвары, то есть от няни, воспитательницы отца» (Т. 6. С. 13). Именно Прабка (так! - О. Т.) Варвара поименно вспоминает все языческие божества: «Огника, Огнебога, Индру, Сему и Ряглу, Дажба (так!)» и «всех Сварожичей» (Т. 3. С. 51). Миролюбов специально подчеркивает: «Мы не делаем никаких ссылок, потому что все эти объяснения слышали от Прабы Варвары, которая - одна - стоила целого факультета истории и фольклора» (Т. 3. С. 65). Сведения о праистории славян-русичей Миролюбов почерпнул от другой старушки, обитавшей у них «на летней кухне» в 1913 г., - Захарихи.

Таким образом, реконструкция славянской истории и мифологии основана у Миролюбова на рассказах двух старушек да на наблюдениях за обычаями жителей трех сел - Юрьевки, Антоновки и Анновки. Видимо, и сам Миролюбов чувствовал ненадежность этих источников для решения поставленных им грандиозных научных задач, чувствовал и попытался «научно» обосновать их достоверность. Объясняя, как и почему языческие традиции сохранились в селе Юрьевке, Миролюбов пишет: «Думается, оттого, что ближайшая станция железной дороги была верстах в ста, а Днепр с его пароходами находился в пятидесяти верстах, если не больше. Городская "культура". . . юрьевцев не коснулась. Они остались вне ее влияния, как бы застыв на целую тысячу лет в своих традициях» (Т. 4. С. 138). Не стоит недоумевать, как может **тысячелетняя** традиция сохраниться в украинском селе, столь удаленном, впрочем, от железной дороги и реки, сам Миролюбов в другом месте говорит, что село это находилось на Днепре, вблизи Кобеляк (Т. 9. С. 22), верстах в десяти от железной дороги. С пафосом предъявленное «научное» обоснование оказывается не только безграмотным, но и лживым.

Но, размышляя над источниками, на которых строит свои концепции Миролюбов, мы не можем не задать вопрос: а разве ВК, посвященная тем же самым проблемам и неоднократно текстуально перекликающаяся с его «фольклорными источниками», не была использована им как источник первостепенного значения, более надежный хотя бы уже потому, что автор ВК старше Прабы Варвары и Захарихи по крайней мере на 1100 лет? И вот тут начинаются загадки.

Сочинение «Ригведа и язычество», завершенное в октябре 1952 г., заканчивается следующей знаменательной фразой: «Большого о славянах мы не знаем и считаем пока нашу тему законченной. Может быть, новые данные и заставят нас к ней вернуться, но пока мы этот труд заканчиваем, так как лишены источников, могущих нам служить в этом вопросе» (Т. 4. С. 251). А ВК, разве она не явилась таким источником? Этот вопрос тем более имеет основания, что некоторый материал этого сочинения прямо перекликается с ВК. Мы встретим здесь объяснение религиозных представлений о «прави» и «яви», о которых говорится и в ВК (С. 55), упоминание «живой воды» (С. 56, 62); кони здесь называются только «комони» (С. 61 и др.); упоминается племя «борусков» (С. 93), легенда о «зеленом крае», а обо всем этом постоянно говорится в ВК. Миролюбов подчеркивает, что славяне всегда (!) рассматривали себя как «внуков Дажь-Божьих» (С. 177), и это постоянный образ ВК. Говорится что человеческие жертвоприношения принесены на Русь варягами (С. 179), и это одна из главных «идей» ВК. А когда Миролюбов рассуждает о происхождении славянской грамоты, то тут мы видим как бы подготовку к «обретению» ВК. Он пишет: «Мы утверждаем, что такая грамота (предшествующая кириллице. - О. Т.) была и что она, может быть, будет даже однажды найдена! И значит, заранее говорим, что крики критиков окажутся совершенно лишними» (С. 178). И, наконец, последнее: на единственной фотографии «дощечки» обращало на себя внимание, что буквы написаны не на строке, а «подвешены» к горизонтальной черте, как в алфавите деванагри.⁸⁰ В рассматриваемой книге мы находим этому объяснение. «Однажды старый дед на хуторе к северу от Екатеринослава нас уверял: "В старовину люди грамоте знали! Другой грамоте, чем теперь, а писали ее крючками, вели черту богами, а под нее крючки лепили и читать по ней знали!"» (С. 134), и далее следует рассуждение о том, что древнейшая славянская грамота была сходна с санскритским письмом. Напомним, забегаая вперед, что о зависимости графики ВК от «санскрита» Миролюбов будет говорить неоднократно.⁸¹

Итак, можно заключить, что в 1952 г. ВК еще не существовала, но уже велась, вероятно, подготовка к ее созданию: продумывалось ее содержание, а вопрос о типе письма был уже решен - оно должно было включать элементы «санскритского» письма. С этой задачей создатели ВК не справились, но следом этого является написание букв под горизонтальной чертой на дощечке 16 (см. рис. 1).

В сочинении «Русский языческий фольклор: Очерки быта и нравов», законченном, вероятно, до конца 1953 г., есть любопытные сведения. Во-первых, это ссылка на лекцию г. Куренкова о старинных русских письменах, впоследствии «оставленных» «из религиозных и политических соображений» (Т. 5. С. 20, 23), затем рассуждение о том, что древний новгородский язык «был близок к старо-чешскому», и примеры написаний: *ензык, голомбь, ляд*, т. е. либо совпадающих с ВК, либо близких к ее написаниям (С. 21). Затем находим припоминание о виденной до первой мировой войны книге со славянскими «руническими надписями» (С. 24) и, наконец, первое сообщение о ВК, которое приведем полностью: у русичей «письмены были тоже разными, так как единства в них могло и не быть из-за различных условий торговых центров. В одних из них могли пойти в основу знаки готской письменности, а в других ведической. Мы ничего точного об этом не знаем, но логика стоит за это. Впоследствии нам выпало большое счастье видеть "дошки" из коллекции художника Изенбека, числом 37, с выжженным текстом. Частью буквы напоминали греческие заглавные буквы, а частью походили на санскритские.

Текст был слит. Содержание трудно поддавалось разбору, но по смыслу отдельных слов это были моления Перуну, который назывался временами „Паруном“, временами "Впаруной", а Дажьбог назывался "Дажбо" и "Даже". Текст содержал еще описание, как "Велс учил деда земе рати". На одной из них было написано о "Купе-бози", вероятно Купале, и об очищении "омовением" в бане и жертвой "Роду рожаницу", "иже ест Дедо свенту". Были строки, посвященные "Стрибу, кий же дыха яко хще", а также о "Вышен-бг, иже ест хранищ живот наших". Подробный разбор "дошек", которые нам удалось прочесть до их исчезновения, будет нами дан отдельно.

"Дошки" эти были подобраны Изенбеком во время гражданской войны в разгромленной библиотеке князей Задонских или Донских, точно нам неизвестно, да Изенбек и сам не знал точного имени хозяев разгромленного имения» (С. 25).

Итак, во время написания этой книги Миролюбов вдруг вспомнил о виденных им дощечках - том самом источнике, на отсутствие которого он жаловался за год до этого!

Но вот что примечательно.

Во-первых, история знакомства с дощечками представлена иначе: нет ни слова о том, что Миролюбов в течение 15 лет тщательно копировал огромный и трудный текст, - здесь всего лишь воспоминание о выпавшем «счастье видеть» и смутное обещание дать подробный разбор тех дощечек, «которые. . . удалось прочесть». Значит, история переписки и обработки текста была сочинена Миролюбовым позднее. Во-вторых, содержание дощечек определено как «моления Перуну», и, судя по цитатам, далее приведенным, в «этих» дощечках, возможно, были лишь тексты молитвенного или во всяком случае религиозного содержания.

В 1954 г. Миролюбов работает над книгой «Русский христианский фольклор. Православные легенды», вошедшей в 8-й том его сочинений. Здесь он обращается к ВК дважды. Первый раз - в связи с гипотезой о времени создания славянской письменности. Как и в других случаях, ценнейшим «источником» для него оказывается народное предание. Старуха рассказывала сказку: «Наши пращуры умели писать по-нашему раньше всякой грамоты» (Т. 8. С. 167). Это дает основание Миролюбову вспомнить о «русских письменах», будто бы виденных Кириллом в Корсуни, и сформулировать вопрос следующим образом: если в древности не было письменности, то как же «записывал свои торговые счета Новгород? Он ведь греческих букв не знал». Далее читаем: «На этот вопрос дают ответ брюссельские (странное определение! - О. Т.) "Дошки Изенбека". Грамота действительно существовала, и была она основана на смеси готических, греческих и ведических знаков». Эта грамота («ранняя») была «сродни грамоте "Дошек"» (С. 167).

Мы найдем в этом томе и еще одно обращение к ВК, также касающееся вопросов графики. Миролюбов пишет об алфавите дощечек, настаивая на наличии в его составе готских (рунических) букв и букв «санскритских».⁸² «Откуда они попали в эти "Дошки", нас не интересует, - продолжает он. - Мы их видели лично, до исчезновения „Дошек“, и читали тексты, видимо, писанные жрецом, как думает проф. А. Кур» (С. 235). Далее говорится, что в дощечках, «как в санскрите», имеется «общая черта, под которой написаны каленым железом, видимо, буквы слитно и без разделения на фразы». Итак, снова подчеркнута, что «дощечки» писаны жрецом, что близко к версии о молитвенных текстах, в них будто бы содержащихся. Важно, что Миролюбов говорит здесь о выжженном тексте, тогда как в письме к С. Лесному от 11 ноября 1957 г. он говорит уже, что текст был «нацарапан шилом» (см. выше, с. 178). И наконец, любопытное заключение: «Так как эти "Дошки" были обнаружены нами в "Жар-птице" (Сан-Франциско, Америка), то этика требует, чтобы мы воздержались от их изучения или построения наших догадок, теорий и т. д. Мы говорим о них в данной книге лишь вскользь. Остальное мы предоставляем г. А. Кур, кому, по его специальности, надлежит о них знать больше, чем всем остальным» (С. 236). Но почему же Миролюбов столь ценный для его темы материал по истории русов и их религии предпочитает черпать из иных источников - рассказов Прабы Варвары, конюха Михаила и Захарихи, «большая часть сказов» которой «представляет собой описание войн, нашествий и случаев из скотоводческого периода жизни славяно-русов», как подчеркивает он позднее (Т. 9. С. 123)? Ведь все эти темы раскрываются и в ВК. Почему же Миролюбов передоверяет дальнейшее исследование источника, якобы им найденного, переписанного и изученного, А. А. Куру? Ответ мы находим, возможно, в кратком замечании, следующем сразу же за описанием того, как выглядели в дощечке буквы *a* и *b* (и только они!): «Эти буквы взволновали мнение славистов. Одни из них утверждают, что такие буквы - "выдумка", а другие - что, они относятся к V в.! Кто прав? Мы думаем, что нельзя заранее отрицать, как нельзя и утверждать, без тщательного изучения текстов. Архаичность языка, однако, вполне подтверждает догадку, что это самостоятельно выработанный нами алфавит» (С. 236). Вероятно, публикации прорисей в статьях А. Кура и Ю. П. Миролюбова (фотография дощечки будет опубликована лишь в феврале 1955 г.) вызвала обвинения в фальсификации. А так как Миролюбову важны были не столько сами дощечки, сколько содержащиеся в них сведения, необходимые для построения его новых концепций, то, чтобы спасти эти сведения (им же самим изобретенные), он жертвует дощечками, отсылая интересующихся ими к А. Куру, а своим источником делает уже не дощечки Изенбека, а сказы Захарихи и припоминания Прабы Варвары, проверить которые не представлялось никакой возможности.

Именно поэтому и в сочинении «Русская мифология. Очерки и материалы», завершеном в августе 1954 г., Миролюбов также ссылается на своих информантов-старушек.⁸³ ВК упоминается лишь вскользь (С. 175), приводятся две цитаты из нее, которые нам не удалось обнаружить в известных текстах (С. 185-186), затем новая ссылка на дощечки: «Последние мы считаем столь же подлинным документом, как и всякий документ, относящийся к той отдаленной эпохе. То есть в нем есть и подлинное, и неподлинное. Одно - из Предания, а другое - от автора» (С. 214-215). Речь идет, однако, не столько о подлинности дощечек, сколько о достоверности сведений в них.

Таким образом, утверждает Миролюбов, «сказы Захарихи - единственное, что мы знаем из этих преданий прошлого» (С. 277). После этого решительного вывода, не оставляющего, казалось бы, места среди источников для ВК, вдруг появляется специальная глава «Еще о дощках Изенбека», которую приводим почти полностью. Миролюбов пишет: «Нами не раз были упомянуты в этом труде "Дощки Изенбека". Мы не касаемся их определения, ни характера их языка, который сильно отличается от всех известных нам записей X-го и других веков, но мы можем сказать наверно, что текст содержит учение язычества, воспоминания минувших особенно ярких событий нашего народа, имена его вождей и призывает на защиту земли Русской всех, кто считает себя потомками Русколани, государства, бывшего, где-то на Севере. . . Есть в "Дощках Изенбека" и некоторые мифы, которых мы нарочно не касались в наших трудах, считая, что ими должны заниматься другие, а не мы. Мы вообще не хотели публиковать текста "Дощечек Изенбека", потому что такие публикации всегда вызывают дружное возмущение тех, кто даже "Слово о полку Игореве" считает подделкой. Критиков мы боялись, потому что обладаем незапятнанным именем, и не желали его делать нарицательным в устах невежественных людей. Не желали мы публикации текстов и из политических соображений, ибо наличие этих текстов может быть использовано нашими политическими врагами, большевиками. Однако судьба решила иначе, и тексты будут опубликованы А. А. Кур, который сопровождает их своими объяснениями. . . Серьезное изучение как языка "Дощек", так и их содержания, исторического значения, или религиозного, вероятно, придет значительно позже, когда улягутся "страсти".

Этим мы хотим сказать, что никаких слишком радикальных выводов из текстов мы лично не делаем и считаем, что сделать их можно будет лишь значительно позднее, когда ученые привыкнут к документу.

Это отнюдь не является отрицанием "Дощек", ибо мы уверены, что они будут в будущем признаны весьма важными, но мы хотим лишь заявить, что их содержание нами не изучено, и никаких теорий на их основании мы не строим» (С. 279).

В 1967 г., как явствует из сказанного на с. 47 и 48, Миролюбов работает над очередным сочинением - «Материалы к праистории Русов», вошедшим в 7-й том собрания его сочинений. Это столь же дилетантское творение, что и другие сочинения Миролюбова.⁸⁴ ВК упоминается здесь, лишь по одному поводу. Пересказывая легенду о Богумире (Миролюбов рассматривает ее как легенду, не более), он противопоставляет ВК и «сказы» Захарихи, причем оказывается, что Захариха точнее воспроизводит древний арийский миф, чем ВК (С. 78).

В работе, написанной в конце 60-х гг., в книге «Славяно-русский фольклор», составившей 9-й том его сочинений, Миролюбов также занимает весьма осторожную позицию. Он по-прежнему опирается в основном на «сказы» Захарихи и лишь после этого пишет: «Позже судьба свела нас уже за границей с покойным художником Али Изенбеком, как его звали бельгийцы в Брюсселе. У него оказалась рукопись (? - О. Т.) "Дощки Изенбека". Этот документ мы изучали, переписывали и, хотя "Дощки Изенбека" пропали во время смерти художника (полковника артиллерии, командира Марковского дивизиона), или, может быть Гестапо вместе с 600 его картин» (фраза читается именно так. - О. Т.). Миролюбов оправдывается перед С. Лесным, упрекавшим его в том, что он не смог сберечь дощечек, тем, что спас хоть «тень» их «в виде их копии от руки». И далее Миролюбов пишет: «Мы не занимаемся вопросами "подлинности", разборами, выписками из "авторитетов" с указанием страниц. Мы считаемся лишь с содержанием "Дощек Изенбека" и Сказов Захарихи. Содержание же таково, что независимо от того, подлинные они или нет (??? - О. Т.), оно должно быть изучено. Записывая в этой небольшой книге Традицию, свидетелями которой мы были (имеются в виду пересказанные Миролюбовым предания, легенды и обычаи. - О. Т.), мы можем сказать, что ни Сказы Захарихи, ни „Дощки Изенбека" ей не противоречат. Наоборот, есть как бы взаимодополнение между всеми этими документами» (С. 123-124).

Итак, предложим свое объяснение тому, как возникла ВК. В 1952 г., когда Ю. П. Миролюбов работал над своим сочинением «Ригведа и язычество», ВК еще не существовала (ему мог быть известен лишь «образец» для будущей книги, о чем ниже). Но идея о желательности подобной «находки» уже возникла. Поэтому Миролюбов, с одной стороны, сетует на то, что он «лишен источников», а с другой - не только утверждает, что была древнейшая письменность, которую впоследствии «забыли», но и высказывает уверенность, что «она будет однажды найдена», предвкусывая посрамление «критиков». В 1954 г. работа уже ведется, и Миролюбов невольно «проговаривается» об этом в своих сочинениях. Так, допуская, что древнейшая письменность славян использовала готские и «санскритские» («ведические») буквы, он пишет: «Мы ничего точного об этом не знаем, но логика стоит за это» (Т. 5. С. 25), а сразу

после цитируемой фразы говорит о дощечках. При чем же логические допущения, если дощечки с древнейшей письменностью он уже видел? Напомним, что в единственной «сфотографированной» дощечке есть и характерная черта графики деванагри - текст написан под строкой, и «ведическая» (в действительности же - мнимая) буква «а». ВК создавалась в течение нескольких лет, но Миролюбов и Кур поспешили объявить об этом еще до того, как окончательно отработали все элементы своей версии. И поэтому мы встречаем в сообщениях о ВК много противоречий: то говорится, что текст на дощечках был выжжен или написан каленым железом, то, что он был «выцарапан шилом»; сначала Миролюбов упоминает о «выпавшем счастье видеть» и «прочесть» дощечки, в которых многое ему было трудно понять и разобрать, а спустя два года утверждает уже (в письме к Лесному), что он в течение 15 лет переписывал текст ВК и изучал его. О содержании ВК сначала говорится весьма неопределенно, подчеркивается религиозный характер текстов («моления Перуну»), а затем оказывается, что в переписанной Миролюбовым обширной книге содержится история русов за почти что две тысячи лет.

Первоначально создатели ВК предполагали, для вящей убедительности, воспроизвести фотографии дощечек. Но публикации «прориси» с «дощечки» в 1954 г. и «фотостата» в 1955 г., видимо, вызвали критику. И тогда Миролюбов и Кур были вынуждены отступить: Миролюбов заявляет, что фотографии потерялись, а сообщение о том, что все же три фотографии были сделаны, так и не было подкреплено их публикацией. Текст сочинялся с трудом. Вот почему, объявив о находке дощечек в 1953 г., Миролюбов и Кур приступили к их планомерной публикации лишь с марта 1957 г., а до этого публиковались лишь фрагменты. Нам остались неизвестными статьи Кура с этими фрагментами из ВК (статьи публиковались в журнале «Жар-птица»), но цитаты из ВК, приведенные в сочинениях Миролюбова, в большей своей части не найдены в известном нам тексте ВК. Значит, эти «заготовки» в дальнейшем в дело не пошли.

Критика сенсационной находки испугала Миролюбова. Ему важно было спасти те идеи и «факты», которые были включены в ВК и нужны ему для обоснования своих историографических и религиозно-ведических «концепций». И чтобы спасти концепции, он предал дощечки. Именно поэтому он ссылается в основном на своих информантов - Прабу Варвару и Захариху, а также на собственные этнографические наблюдения (их проверить было уже невозможно), а о дощечках говорит вскользь, препоручает их изучение и защиту их подлинности Куру и даже утверждает, что ценность их лишь в том, что они «не противоречат Традиции», которая лучше всего сохранена в сказах Захарихи и обычаях Прабы Варвары.

Так постепенно затухает ярко вспыхнувшая в 1953 г. сенсация даже в сочинениях одного из основных ее создателей - Миролюбова. Но любопытно отметить и диаметрально противоположную метаморфозу во взглядах на ВК С. Лесного. В 10-м выпуске своей «Истории "русов" в неизвращенном виде» (Париж, 1960) Лесной буквально подводит к выводу о фальсификате: он подчеркивает, что Миролюбов и Кур упорно не допускают к текстам ученых, что странно прервалась публикация ВК, что «все попытки выяснения подробностей пресекаются»; он требует передать «Русскому музею» в Сан-Франциско текст ВК и фотокопии, довести до конца публикацию и т. д. (С. 1162-1165). Но, видимо, Миролюбов сумел переубедить Лесного. Во всяком случае, последний уже в 1963 г. намеревался выступить с докладом о ВК на Съезде славистов, в 1964 г. посвятил ей большой раздел в своей книге «Русь, откуда ты?», а два года спустя вышла в свет его работа «Влесова книга». Однако нам неизвестно, чтобы ВК заинтересовала кого-либо из европейских или американских ученых: Лесной, как и Миролюбов, работал в изоляции от специалистов.

И все же, повторим наш вопрос: зачем создавали ВК? Трудно предположить, чтобы стимулом для этого трудоемкого предприятия стали чисто научные интересы к истории славян или языческой религии в ее связях с «ведизмом»: маловероятно, что создавали фальсификат, чтобы на его же основе заниматься научными разысканиями. Ведь самые смелые домыслы дилетантов основываются, как правило, на вольном истолковании подлинных источников. Нельзя ли предположить, что сыграли свою роль чисто идеологические мотивы? Миролюбов писал: чтобы найти силы для борьбы с советским строем, «явлением демоническим и антихристианским», нужно «таить в себе божественное начало» (Т. 3. С. 110- 111), нужно помнить, что «в русской душе - источник мистического прозрения прошлого вечного» (Там же). И поэтому задачу «редакции "Жар-птицы"» он формулирует как «изучение славянского прошлого, возможно более далекого» и заявляет, что он и его единомышленники хотели бы это прошлое «разыскать» (Т. 9. С. 9). Разыскать «нужное» прошлое не удалось, и его пришлось создавать самим. Не в этом ли разгадка истории «Влесовой книги»?

Но если создание ВК действительно преследовало чисто идеологические задачи, то необходимо решительно отделить от создателей ВК тех любителей отечественной истории, которых ввела в заблуждение мистификация Миролюбова и Кура. Они, эти любители, на основе безответственных публикаций надеялись увидеть в ВК ценнейший исторический источник, который позволяет проникнуть в такие глубинные пласты нашей истории, о которых не сообщают ни летописи, ни свидетельства европейских историков-современников. Этим поклонников ВК подвели доверчивость и ограниченные знания сложнейших проблем этногенеза, истории античности и средневековья, истории, языка, истории религиозных воззрений и философии.

Другое дело - те журналисты и писатели, которые, выступая в защиту ВК, не только не обратились за консультацией, к специалистам, но, напротив, открыто критиковали науку, обвиняя ученых в предвзятости, чрезмерном скептицизме и даже отсутствии патриотизма. Такая позиция тем более недостойна, так как опиралась на неточную, а в ряде случаев откровенно искаженную информацию. История ВК, думается, напечалит всем о том, что в погоне за сенсацией не следует пренебрегать элементарными правилами научных исследований и научной этики.

Вместо эпилога

Итак, я попытался доказать, что та «Влесова книга», о которой спорили в нашей печати в 70-х гг., вовсе не бесценный исторический источник, а мистификация, при этом созданная в весьма близкое от нас время.

Но как же быть с теми оговорками и противоречиями в высказываниях Ю. П. Миролюбова, которые дают основание допускать, что какие-то дощечки (с молитвенными текстами, выжженными железом, а не процарапанными ножом) он все же видел? Не восходит ли к их числу та единственная дощечка (напомним: она значительно отличается по объему содержащегося на ней текста от остальных), фотографию которой он решил опубликовать?

Еще в 1960 г., задумываясь над возможным образчиком подделки, Л. П. Жуковская назвала в этой связи имя А. И. Сулакадзева.⁸⁵

Коллекционер и собиратель А. И. Сулакадзев (умер в 1830 г.) был известен не только своим собранием рукописей и раритетов (среди которых были и такие, как дубинка Добрыни, камень с Куликова поля, на котором будто бы отдыхал Дмитрий Донской и под.), но прежде всего своими подложными приписками, с помощью которых он придавал подлинным рукописям особую ценность, искусственно их удревяя или привнося в них уникальные известия.⁸⁶ Не чужд был Сулакадзев и изготовления поддельных рукописей. Его подделки смутили даже престарелого Г. Р. Державина, опубликовавшего фрагменты из них с факсимильным воспроизведением текста (вероятно, с рисованной копии) и со своим поэтическим переводом.⁸⁷

Археограф и библиограф Е. Болховитинов упоминает эти сулакадзевские подделки в своем «Словаре»: «Некоторые и у нас хвалились также находкой якобы древних славено-русских рунических письмен разного рода, коими написан Боянов гимн и несколько провещаний новгородских языческих жрецов, будто бы пятого века. Руны сии очень похожи на испорченные словенские буквы».⁸⁸ В статье «Боян», вошедшей в «Биографии российских писателей», Е. Болховитинов также упоминает сочинения Сулакадзева: «Недавно появился был найденный целый древле-славянский гимн Боянов князю Летиславу, писанный на пергаментном свитке красными чернилами, буквами руническими, донныне у нас бывшими в неизвестности. (Мнимый подлинник сего гимна и еще целая книга нескольких древних оракулов новгородских, писанных также на пергаменте, находятся у г. Сулакадзева. - *Примеч. Е. Болховитинова*). В сем гимне довольно подробно сам Боян о себе рассказывает, что он потомок Славенов. . . что отец его был Бус. . . что старый Словен лично видывал его и проч., но гимн сей в свет еще не издан и критикою не удостоверен, а потому за историческое доказательство принят быть не может».⁸⁹ Но если Е. Болховитинов словно бы колеблется в вынесении окончательного приговора, то выдающийся лингвист А. Х. Востоков совершенно безапелляционен в своем суждении о языке одного из сочинений Сулакадзева: «исполненное небывалых слов, непонятных слово-сокращений, бессмыслицы, чтоб казалось древнее».⁹⁰ Характеризуя язык сочинений и приписок Сулакадзева, М. Н. Сперанский также писал, что «они часто представляют бессвязный набор слов, показывающий бессилие автора справиться с самыми простыми оборотами старинной речи».⁹¹

Как видим, язык сулакадзевских подделок напоминает нам по своему характеру язык ВК. Но их сближает не только это. И у Сулакадзева, и у создателей ВК тот же интерес к языческой древности, те же псевдославянские имена,⁹² та же переключка со «Словом о полку Игореве», тот же изобретенный алфавит, будто бы сходный с рунами (именно «рунический» алфавит, как помним, неоднократно упоминал Миролюбов), тот же характер написания слов с пропуском гласных букв (ср. во фрагментах, опубликованных Г. Р. Державиным: *плъ, блгъ, слвы, злымъ, жрцу* и т. д.). Но самое любопытное, что написания букв в рукописи Сулакадзева, как можно судить по публикации Г. Р. Державина (приведшего, видимо, клише с копии), чрезвычайно близки к написаниям на фотографии дощечки, опубликованной Миролюбовым. Особенно велико сходство необычайной по начертанию буквы, которая у Сулакадзева означала букву *в*, а у Миролюбова - *б*.

Но нас ждет еще одно любопытное совпадение. Не все раритеты Сулакадзева были написаны на пергамене. В каталоге своей библиотеки, перечисляя «исполненные или пока только задуманные подделки», как скажет о них А. Н. Пыпин,⁹³ Сулакадзев назовет и такие: «Патриарси. Вся вырезана на буковых досках числом 45» или «О Китоврасе; басни и кощуны», с примечанием: «На буковых досках вырезано и связаны кольцами железными, числом 143 доски, 5 века на славенском».⁹⁴

Весьма вероятно, что подделки Сулакадзева (если они действительно были не только задуманы, но и исполнены и дошли до современников Миролюбова) или описания их (у Державина, Болховитинова, Пыпина) помогли Миролюбову в создании описания «Влесовой книги» и ее графики,

натолкнули и на саму идею «деревянной книги». Наконец, допустимо, что А. Ф. Изенбек или кто иной показывал Миролубову какую-то поддельную дощечку с текстом псевдоязыческих пророчеств. О том, что такие тексты Сулакадзе сочинял, свидетельствуют его современники.

Но этот вопрос требует еще дальнейших разысканий.

- ¹ См.: Шарлемань Н. В. Сергей Парамонов о «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1960, Т. 16. С. 611.
- ² Лесной С. «Влесова книга» - языческая летопись доолеговской Руси: (История находки, текст и комментарий). Виннипег, 1966. Вып. 1. Далее: Влесова книга.
- ³ Изенбек якобы не помнил точно ни фамилию владельцев усадьбы, ни ее местонахождение. Впоследствии Б. А. Ребиндер высказал предположение, что это была усадьба Задонских Великий Бурлук (ныне это селение в западной части Харьковской области). См.: Rebinder Boris. Vie et religion des slaves le livre de Vles. Paris, 1980. P. 15 - 19 (далее: Ребиндер).
- ⁴ Влесова книга. С. 23.
- ⁵ Там же. С. 8.
- ⁶ Там же. С. 25.
- ⁷ Текст воспроизводится по изданию: Влес книга: Літопис дохристиянської Русі - України. Ч. 6. Лондон; Гага, 1972. С. 27.
- ⁸ Издатель журнала «Жар-птица» А. Кур - это эмигрант, генерал А. Куренков. С. Лесной утверждает, что А. Кур - «ассиролог», и сожалеет, что в эмиграции он не имел условия для серьезной научной работы. Упоминается его сочинение, опубликованное в № 5-7 того же журнала за 1957 г. под названием «Отрывочная, но истинная история наших предков». Б. А. Ребиндер (с. 10) указывает, что А. Кур был секретарем Музея русского искусства в Сан-Франциско.
- ⁹ Влес книга: Літопис... Ч. 6. С. 27.
- ¹⁰ Влесова книга. С. 10.
- ¹¹ См.: Жуковская Л. П. Поддельная докириллическая рукопись: (К вопросу о методе определения подделок) // Вопр. языкознания. 1960. № 2. С. 143.
- ¹² Тезисы С. Лесного «О "Влесовой книге"» были опубликованы в кн.: Славянска филология. Т. 4: Доклады, сообщения и статьи по литературознанию. София, 1963. С. 321-323. Том был подписан к печати в июне 1963 г., за три месяца до съезда.
- ¹³ См.: Славянска филология. Т. 6: Отчетни материалы. София, 1965.
- ¹⁴ Ребиндер. P. 14.
- ¹⁵ Жуковская Л. П. Поддельная докириллическая рукопись. С. 144.
- ¹⁶ Влесова книга. С. 36.
- ¹⁷ Кобзев И. О любви и нелюбви // Рус. речь. 1970. № 3. С. 49.
- ¹⁸ Скурлатов В., Николаев Н. Таинственная летопись: Гипотеза на проверку. «Влесова книга» - подделка или бесценный памятник мировой культуры. // Неделя. 1976. № 18. С. 10.
- ¹⁹ См., например, последние обобщающие работы: Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1972; Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979; Рыбаков Б. А. Новая концепция предыстории Киевской Руси (Тезисы) // История СССР. М., 1981. № 1. С. 55-75; № 2. С. 40-59.
- ²⁰ Подробное о концепции «евразийцев» см.: Шушарин В. П. Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964. С. 199-202, 260-264 и др; Миронов Б. Н. Некоторые схемы истории СССР в современной англо-американской буржуазной историографии // Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1976. С. 58-60.
- ²¹ Документ или подделка // Неделя. 1976. № 33. С. 7.
- ²² Буганов В. И., Жуковская Л. П., Рыбаков Б. А. Мнимая «Древнейшая летопись» // Вопр. истории. 1977. № 6. С. 202-205
- ²³ Жуков Д. Тысячелетие русской литературы // Огонек. 1977 №13. С. 29.
- ²⁴ Кобзев И. Где прочитать «Влесову книгу»: Письмо в редакцию // Лит. Россия. 1977. № 49. С. 19.
- ²⁵ Скурлатова О. Загадки «Влесовой книги» // Техника - молодежи. 1979. № 12. С. 55-59. Эта статья вошла также в сборник «Тайны веков» (М., 1983. Вып. 3. С. 26-33)
- ²⁶ Техника - молодежи. 1979. № 12. С. 55.
- ²⁷ Там же. С. 57.
- ²⁸ Жуков Д. Из глубины тысячелетий // Новый мир. 1979. № 4. С. 281.
- ²⁹ Жуковская Л. П., Филин Ф. П. «Влесова книга...» Почему не Влесова? (Об одной подделке) // Рус. речь. 1980. № 4. С. 117.
- ³⁰ Осокин В. Что же такое «Влесова книга»? // В мире книг. 1981. № 10 С. 70-73.

- ³¹ Неверно утверждение о существовании фотокопий ВК; неверно, что она охватывает историю древних славян с V в. до н. э. по VI-VII вв. н. э.; неверно, что «Влесовой книгой» назвал дощечки А. Кур, и мн. др.
- ³² Осокин В. Что же такое «Влесова книга»? С. 71; см. также: Кобзев И. Где прочитать «Влесову книгу»... С. 19.
- ³³ Осокин В. Что же такое «Влесова книга»? С. 71.
- ³⁴ Кобзев И. Где нашли «Влесову книгу» // В мире книг. 1984. № 3.
- ³⁵ См.: Дико Н., Сучков А. Расшифрована тайна бога света? II Моск. новости. 1984. № 6. С. 10. Развернутую критику предположений Л. Сотниковой см.: Миротворцев В. Н. Еще раз о так называемой «Влесовой книге» // Рус. речь 1984. № 5. С. 110-117.
- ³⁶ Творогов О. В. Что стоит за «Влесовой книгой»? // Лит. газ. 1986 16 июля. С. 5.
- ³⁷ Человек без корней, как дерево, засыхает // Кн. обозрение. 1987. 2 окт. С. 14.
- ³⁸ Сергеев Ю. Становой хребет. М., 1987. С. 142-143; ср. также с. 456-460.
- ³⁹ Влесова книга. С. 23-24.
- ⁴⁰ Там же. С. 25.
- ⁴¹ Б. А. Ребиндер сообщает, что в дощечке 8 (1) было 45 строк (эта дощечка опубликована на с. 14 6-й части «Влес книги»), дощечка 8 (2) содержала 40, 8 (3) - 43 строки.
- ⁴² Напомним, что эти публикации воспроизведены в 6-й части издания «Влес книга».
- ⁴³ Эти материалы известны нам по фотокопии их машинописных текстов, воспроизведенных в 6-й части издания «Влес книга».
- ⁴⁴ Этот текст воспроизведен в 7-й части издания «Влес книга».
- ⁴⁵ Это следующие дощечки: 8(2), 8(3), 14, 19, 21, 22, 23, 25-33. Их машинописный текст опубликован, как сказано выше, в 6-й части издания «Влес книга».
- ⁴⁶ Влес книга. Ч. 7. С. 1.
- ⁴⁷ Мы воспроизводим заголовки со всеми особенностями публикации, позволяя себе лишь постановку точки перед следующим словом с прописной буквы. Обращает на себя внимание многословие и нелепость примечаний и их оформления (например, пристрастие к скобкам). Отметим, что буквенные обозначения (2а, 3б и т. д.) во всех случаях вписаны чернилами как в Ж, так и в М.
- ⁴⁸ Все пометы внутри текста принадлежат издателям, мы лишь выделяем эти слова курсивом.
- ⁴⁹ Странно, как может выцвести текст, процарапанный на доске острым предметом!
- ⁵⁰ После указания номера дощечки в скобках приписано: 1 - 28.
- ⁵¹ См.: Влес книга. Ч. 6. С. 29.
- ⁵² Мы не обсуждаем здесь еще такой вопрос: количество строк на дощечках очень колеблется, и если среди опубликованных дощечек есть только дощечки-недомерки по 9, 10, 13 и т. д. строк, то среди дощечек не публиковавшихся (и, следовательно, не «подогнанных» издателями) есть дощечки-гиганты. Не этой ли «подгонкой» объясняется то, что текст дощечек 7а-7е, 7э, 7ж; 11а, 11б; 15а, 15б; 17а-17в; 18а, 18б и др.) в машинописи расчленен знаком абзаца на фрагменты, соответствующие публикации, причем этот знак, как правило, приходится на середину строки, значит текст М печатался без ориентации на реальные дощечки!
- ⁵³ Характерно, что в Ж нередко оказывается пропущенным текст, заключенный между одинаковыми или сходными словами (см. дощечки 7э, 7ж, 15б). Это типичная юшибка невнимательного переписчика. Она могла бы остаться незамеченной только в тексте, не деленном на строки.
- ⁵⁴ В скобках - номер дощечки.
- ⁵⁵ См.: Успенский сборник XII-XIII вв. М., 1971.
- ⁵⁶ Жуковская Л. П. Поддельная докириллическая рукопись. С. 144.
- ⁵⁷ Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева. М., 1977. Вып. 4. С. 28.
- ⁵⁸ Филин Ф. П., Жуковская Л. П. «Влесова книга. . .» Почему не Велесова? С. 115.
- ⁵⁹ Лесной С. Влесова книга. С. XX.
- ⁶⁰ Ср. обстоятельное описание грамматической системы общеславянского языка в классическом труде А. Мейе «Общеславянский язык» (М., 1951).
- ⁶¹ Эта форма могла бы, согласно орфографии ВК, появиться вместо *рѣба* или *рѣба*, но не вместо *рыба*.
- ⁶² Влесова книга. С. 29.
- ⁶³ Ребиндер. Р. 14.
- ⁶⁴ Перед каждым фрагментом перевода в скобках приводим соответствующий ему текст дощечки. В данном случае в машинописи отсутствуют слова «а боусі», которые есть в публикации и отразились в переводе.

- ⁶⁵ В переводе мы опускаем фрагмент, которому в тексте соответствует отрывок: «тако вшыко еже есе. . . о щас а слву рэкста».
- ⁶⁶ Убедительную критику этого построения с точки зрения принципов средневековых представлений об эпонимах см.: Миротворцев В.Н. Еще раз о так называемой Влесовой книге. С. 114.
- ⁶⁷ Лесной С. Русь, откуда ты? Основные проблемы истории Древней Руси. Виннипег, 1964. С. 262.
- ⁶⁸ Достаточно вспомнить, что в начале I тысячелетия до н. э. славяне обитали в Центральной Европе, а не за Волгой, что готы появились в Северном Причерноморье в начале III в. н. э., а не за несколько веков до нашей эры, как утверждает ВК, что гунны на своем движении из Азии на запад «задержались» в Северном Причерноморье не более чем на несколько десятилетий, что воевать с Римом славяне не могли тысячу лет, так как непосредственные контакты их с империей не превышали двух веков, и т. д.
- ⁶⁹ Впрочем, создается впечатление, что автор ВК относит появление готов в Причерноморье к временам Богумира и, вопреки авторитетным историческим источникам, заставляет их прийти туда не с севера Европы, а из «зеленого края» - заволжских степей (см. дощечки 9а и 9б). В то же время (согласно, например, «Гетике» Иордана) готы обитали в Швеции, откуда, переплыв Балтийское море, отправились в район устья Вислы и далее на юг.
- ⁷⁰ Точнее здесь сказано, что Аскольд жил за 1300 лет «до исхода из Карпат». Но, вероятно, это случайный недосмотр создателя ВК, и он хотел сказать - «после».
- ⁷¹ Влесова книга. С. 30.
- ⁷² Иловайский Д. Разыскания о начале Руси. М., 1876. С. 336-337.
- ⁷³ Там же. С. 109-110.
- ⁷⁴ Славянские древности: Сочинение П. И. Шафарика / Пер. с чеш. И. Бодянского. М., 1837. Т. 1, кн. 2. С. 41, 43, 47, 51, 52, 59-61, 124, 125 и др.
- ⁷⁵ Он писал: «Нет ничего удивительного, что автор "Слова", явно недалеко ушедший от язычества, употреблял выражения древних времен. . . Очевидно, от "Влескниги" шла какая-то традиция, "Слово" не могло возникнуть на голом месте, оно несомненно опиралось на века письменной культуры» (Лесной С. Русь, откуда ты? С. 272).
- ⁷⁶ Лесной С. Влесова книга. С. 32.
- ⁷⁷ Кобзев И. Где прочитать «Влесову книгу»? С. 19.
- ⁷⁸ Заметим попутно, что веды в течение веков бытовали в устной форме.
- ⁷⁹ Миролюбов объясняет эти понятия так: «Явь» - действительность, реальность, видимый мир; «Правь» - невидимый «костяк» реальности, на которой та держится; «Навь» - потусторонняя, лишенная «Прави» «Явь» (Т. 9. С. 31).
- ⁸⁰ Любопытно, что Миролюбов постоянно говорит о «ведическом» письме и о санскрите как языке, имеющем свою письменность. Это не так: деванагри - система письма, используемая для записи санскритских текстов - возникла в начале второго тысячелетия нашей эры. Веды были созданы 1000-1200 лет до н. э., а записывать их начали несколькими веками позднее, используя для этого разные системы письма.
- ⁸¹ См. в его письме С. Лесному от 26 сентября 1953 г.: «. . . это были греческо-готские буквы. . . среди коих были и буквы санскритские»; об этом же Миролюбов пишет и в своих сочинениях (Т. 5. С. 25; Т. 8. С. 236).
- ⁸² Приводимые Миролюбовым начертания букв не имеют ни малейшего сходства с графикой деванагри.
- ⁸³ Трудно удержаться и не привести «научного аргумента» в пользу достоверности сказов: «Их нельзя отнести за счет ее (Захарихи. - О. Т.) собственной фантазии, так как она утверждала, что сама научилась им от древней старухи, когда была еще девчонкой», к тому же, продолжает Миролюбов, в сказах упоминаются «всякие такие вещи и события, которых Захариха, простая женщина, придумать сама не могла» (С. 106).
- ⁸⁴ Здесь мы встретим, со ссылкой на рассказ реестрового казака Л. Т. Махнушки, рассуждение о существовании в древности великанов (С. 15-16), мысль о том, что сказочные драконы - это не образы фантазии, а «прямые воспоминания физического вида примитивных созданий глубокой древности» (С. 17), очень любопытное рассуждение о ценности гадания (!) как средства прогнозирования жизни общества: «Если жизнь людей управляется Большими Числами, вернее законами этих чисел, то сейчас же возникает вопрос о благоприятных и неблагоприятных периодах. Отыскание благоприятного периода и есть цель гадания» (С. 53) и т. д.
- ⁸⁵ Жуковская Л. П. Поддельная докириллическая рукопись. С. 144.
- ⁸⁶ См. о нем: Пыпин А. Н. Подделки рукописей и народных песен. СПб., 1898; Сперанский М. Н. Русские подделки рукописей в начале XIX века: (Бардин и Сулакадзев) // Проблемы источниковедения. М., 1956. С. 62-74, 90-101.
- ⁸⁷ Державин Г. Р. О лирической поэзии // Чтения в Беседе любителей русского слова. СПб., 1812. Кн. 6.

С. 5.

- ⁸⁸ [Болховитинов Е.]. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. СПб., 1827. Т. 2. С. 59.
- ⁸⁹ [Болховитинов В.]. Биографии российских писателей // Сын отечества. СПб., 1821. Ч. 70. С. 174-175.
- ⁹⁰ Переписка А. Х. Востокова // Сб. ОРЯС. СПб., 1873. Т. 5, вып. 2. С. 392,
- ⁹¹ Сперанский М. Н. Русские подделки. С. 71.
- ⁹² Приведем в качестве примера заголовок одной из рукописей Сулакадзева: «Перуна и Велеса вещания в киевских капищах жрецам Мовеславу, Древославу и прочим», повествующей якобы «о событиях V или VI века», как считал Сулакадзева.
- ⁹³ Пыпин А. Н. Подделки рукописей. . . С. 10.
- ⁹⁴ Там же. С. 11, 13.

Алексеев А.А.

Опять о "Велесовой книге"

Что думают ученые о "Велесовой книге". - С. 94-108.

Проблемы истории и культуры славян в доисторический период, т. е. в период до появления собственных письменных исторических источников, вызывают постоянный и большой интерес в различных кругах нашего общества. Один из путей решения этих проблем некоторые наши современники видят в «Велесовой книге», ее новое издание стало доступно читателю.

В книге полностью издан текст и перевод «священного писания древних славян» в сопровождении исследования и комментариев, а также разного рода иллюстративного материала. По-видимому, издатель рассматривает «священное писание» как непреходящий жанр средневековой письменности рядом с хронографией, эпическими песнями, сказочным и песенным фольклором, полагая, что всякий народ и всякая культура должны обладать «священным писанием» своего собственного сочинения. Взгляд этот можно признать далеко не традиционным, так что читатели останутся не удовлетворены лаконизмом, с которым освещен этот вопрос на с. 192. Ведь от установления жанровой природы «Велесовой книги» зависит оценка многих конкретных ее особенностей.

«Священный текст» набран особым шрифтом, воспроизводящим формы того оригинального письма, которое якобы было использовано новгородскими волхвами IX века при нанесении текста раскаленным железным писалом на буковые доски. Этот шрифт – «велесовица» – представляет собою кириллицу с резкими углами, что объясняется характером письма – процарапыванием букв; несколько букв своим начертанием восходят то ли к скандинавским рунам, то ли к индийскому письму деванагари. Как и кириллица, этот шрифт полностью воспроизводит греческое унциальное письмо, которому подражает и в орфографии, например употреблением диграфа *ou* и буквы *ϕ*. Поэтому предположения и намеки на его независимое происхождение, разбросанные тут и там в комментарии (с. 226–232), не заслуживают серьезного внимания.

Едва ли воспроизведение текста сделано вполне корректно: нередко встречаются опечатки – вроде *высоцѣ ѣ* (с. 30) вместо *высоцѣхъ*, одно и то же слово появляется в разных видах – вроде *хона* и *хорна* (с. 64, правильно последнее). При изобилии нестандартных грамматических форм читатель лишен возможности контролировать правильность воспроизведения текста. Издатель отказался от обычного способа подачи текстовых вариантов в критическом аппарате, вместо этого он вводит их в текст в разного рода скобках, что еще более затрудняет прочтение и открывает пути новым искажениям.

Перевод, сопровождающий текст *en regard*, является весьма свободным, нередко он далеко расходится с оригиналом. В переводе встречаются ошибки. Например, на с. 26

текста говорится о подсечном земледелии, которым не было нужды заниматься «борусичам», пока они жили в Туранских степях, однако выражение «палити дубы о поля» (т. е. «сжигать деревья для полей») оригинала переведено «сжигать дубы и поля», что показывает незнание переводчика с данной исторической реалией. В рассказе о языческих вакханалиях упоминаются «листы зелены а мокошаны» (с. 32), т. е. зеленые листья, связанные как-то с богиней Мокошью, что понято переводчиком «листы зеленые и водоросли». В списке языческих богов на с. 302–304 имя Мокоши (как бы славянской Афродиты) отсутствует. Фраза «Се души пращуры наша од Иру срящети на ны» (с. 72), конечно, не может быть точно передана, потому что в ней искажены славянские формы согласований, но все же ясно, что речь идет о том, что «души предков встречают нас», в переводе же предлагается неоправданное истолкование «сияют» (с. 73). Такого рода примеры легко умножить.

Тематически «Велесова книга» распадается на две части: гимны языческим богам и исторические повествования, описывающие перемещения народа по лицу земли и сражения с соседями за свободу и за собственный удел. Легко заметить отсутствие сколько-нибудь ярких деталей, содержательной информации в этом обширном сочинении. Общая тональность не эпическая, а лиро-драматическая, в языке полностью отсутствует формульность, являющаяся непременным признаком всякой эпики, даже книжной эпики вроде «Энеиды». Описания сражений бедны и не детализованы. Крайне мало этиологических легенд (т. е. сказаний о происхождении того или иного названия), которые столь характерны для всякого фольклора.

Славянское язычество предстает как сентиментальный парафраз «естественной религии», воспетой Мэтьюреном в «Мельмоте-скитальце» и практиковавшейся в конце XVIII века в благонамеренных ложах розенкрейцеров Шварца и Новикова. Человеческие жертвоприношения, о которых упоминает наша летопись, объяснены в историческом отделе «Велесовой книги» влиянием кровожадных варягов; подобно Каину (Быт. 4:3), славяне-язычники приносили жертвы от плодов земных (с. 102, 156). Отметим попутно, что А. Асов склонен видеть в киевлянах потомков Каина (с. 271–272). Греков-язычников «Велесова книга» упрекает в том, что у них боги антропоморфны и вырезаны из камня, «а наше бозие соуте выразе» (с. 90), т. е. «образы». Заключительные гимны, помещенные в третьей части книги (с. 180–188), делают решительный шаг в сторону монотеизма. Славяне не являются даже огнепоклонниками, а рассматривают огонь как своего рода духовную жертву Богу, здесь же утверждается, что «бог е един и множествен» (с. 188), что совпадает с христианским учением о Троице.

Исторические сюжеты книги находятся в согласии со средними школьными представлениями о прародине индоевропейцев, они основаны на свидетельствах византийских историков о их номадических соседях I тысячелетия н. э. Не отмечено ни одного события, которое обогатило бы наши сведения по истории тех народов, с которыми славяне вступали в контакты. Нет ни датировок, ни локализации тех бесконечных военных стычек, которые якобы не прекращались у славян с соседями. Диапазон хаотических перемещений народа непомерно широк, он охватывает Сирию и Египет, что может быть уместно ватаге странствующих искателей наживы, но едва ли союзу кочевых племен. Восторженные упоминания Семиречья связывают эту историософскую утопию с «туранской идеей», разрабатывавшейся в 20-е годы евразийцами, а назойливые восхваления мифического предка Ария и ведических коров – с «арийскими теориями», получившими в ту же эпоху популярность в Германии.

Исторические противоречия с русской летописью легко объясняются задачами «Велесовой книги» создать национальный эпос. Поэтому здесь фигурирует представление о руси как о славянском племени, берущем начало от прародителя Руса. Между тем известно, что источники X века (Константин Багрянородный, договоры с греками) называют русью варягов и лишь в эпоху после Крещения это название постепенно переносится на все славянское население Киевского государства. Представления об эпохе формирования наций являются здесь в анахронистическом виде.

Согласно «Велесовой книге», русское национальное самосознание восходит к индоевропейским временам. Комментатор разделяет такого рода идеи, он отождествляет участников варяжских дружин с представителями современных народов – норвежцев, шведов, датчан, финнов и др. (с. 296).

Лингвистические особенности «Велесовой книги», неизвестные другим славянским источникам, ее издатель возводит к особому жреческому языку, которым книга якобы написана (с. 233). Такое объяснение сталкивает нас с новыми трудностями. Язычество обычно обходится без священного текста, потому не нуждается в специальном языке, хотя может применять некоторые термины и технические выражения при исполнении ритуала. Если славянское язычество было единым для всех славян, то уместен вопрос, что представлял собою тот жреческий наддиалект, которым могли пользоваться жрецы от Новгорода до Дубровника, т. е. в какой мере входили в него лингвистические элементы из разных диалектов. Если ритуал, описанный в «Велесовой книге», был новгородского бытования, то с какой стати в нем так много южнославянских и польских черт? Кое-что из общеславянской языческой терминологии нам известно – это слова *Бог, рай, черт*, вероятно, *див*, а также имена некоторых божеств. То, что известно о славянском язычестве из независимых от «Велесовой книги» источников, не предполагает наличия текстов, чтение которых должно было бы сопровождать исполнение ритуала. Впрочем, «Велесова книга» ни в коей мере и не может быть основой ритуала, потому что ее историческая часть для богослужения непригодна, а гимны по их благопристойному содержанию больше подходят для хоров гимназисток, чем для воинов и работорговцев, прибавших щит на врата Царьграда, или для сельскохозяйственных тружеников «зоны рискованного земледелия», или для жителей лесов, занятых охотой и бортничеством.

«Жреческий язык» не позволяет составить сколько-нибудь благоприятное мнение о новгородских волхвах, которые им якобы пользовались.

Прежде всего бросается в глаза ограниченность лексического запаса, особенно религиозной и социальной терминологии, однообразие применяемых синтаксических средств. Возможно, будущие исследователи «Велесовой книги» потрудятся составить словарь, чтобы точнее оценить эту вопиющую бедность. Комментатор признается, что написал грамматику языка «Велесовой книги» (с. 233), но поверить в это трудно, поскольку он считает, что волхвы неплохо справлялись с формами глагола (с. 252), в действительности глагол оказался их ахиллесовой пятой (см. ниже).

При чтении «священного писания новгородских жрецов» мне удалось найти лишь одно место, которое можно оценить как сентенцию, афоризм, притчу, паремию, – короче, как высказывание с признаками коллективной или индивидуальной мудрости, что так характерно для других произведений этого немаловажного в социальном плане жанра – «священного писания». Приведу эту притчу в качестве образца оформления мудрой мысли: «Муж прав ходяй до мове несть, иже реком есте ходящет прав быти, но есь иже слъвеси го а вершена до це съвпадашет. Тому рщено есь о стара, абосьмы творяли бяхом лиепая, яко дяды наши» (с. 142). Понимать эту мудрость следует так: «Не тот справедлив, кто исправно ходит в мовницу, а тот, у кого не расходятся слова с делами. Потому и сказано прежде, чтобы мы поступали хорошо, как предки наши». Поистине полезное и приличное поучение пай-мальчикам! Подробный разбор форм этого аграмматичного текста превратился бы в школьную работу над ошибками, но стоит обратить внимание на присутствие поздних украинско-польских элементов, особенно в образовании сослагательного наклонения.

Как видно из этой притчи и подтверждается другими местами «Велесовой книги», омовениям (очевидно, в новгородской бане – «мовнице») придается высокое ритуальное значение. Здесь «новгородские волхвы» явно оказались под обаянием попавшей в Начальную летопись киевской легенды об апостоле Андрее, в которой саркастически описаны новгородские бани. Читатель может вспомнить также о языческой антропологии, изложенной в летописи под 1071 годом, согласно которой Бог, моясь в

«мовнице», бросил на землю мочалку, из которой и возник человек. Итак, можно уверенно заключить, что наши предки были *банепоклонниками*.

Язык «Велесовой книги» дает поразительные свидетельства сильной сарматофильской (полонофильской) тенденции «новгородских волхвов», что видно и в вышеприведенном отрывке. Вот еще примеры полонизмов: *ляты* (с. 50) = лѣта, *крєвь* (с. 46) = кровь, *менжо* (с. 24) = муж или мѣжъ, *жещуть* (с. 26) = рекуть, *гренде* (с. 32) = гради, *пребендеть* (с. 36) = пре-будетѣ или прѣбѣдетѣ и даже *пшебенде* (с. 16) с тем же значением, *узржехом* (с. 12) = узрѣхом, *пшелетла* (с. 16) = прелетѣла. Как известно, переход смягченного *р* в *ж/ш* в польском языке отмечается лишь с XV века.¹ Сарматофильство «новгородских волхвов» простирается так далеко, что они вставляют носовые гласные там, где их никогда не было и быть не могло: *до стєнны* (с. 20) = до степи, *о венце* (с. 24) = о вѣцѣ, *ренце рєнбы пѣлнѣ на* (с. 22) = рѣкы рыбы плѣны, *згенбель* (с. 60) = гибель и т. п.

Издатель и сам заметил этот крен в «польцизму» и объяснил его наличием в Новгороде «переселенцев из западнославянских земель» (с. 233). Но возникают новые вопросы. Что это за движение западных славян в Новгород в IX веке, каковы его причины? Почему переселенцы заняли такое важное место в жреческой среде, тогда как в новгородских церковных рукописях XI века западнославянское участие не отразилось? Почему эти западные славяне допускали грубые ошибки в своем родном наречии, решительно не зная, где звуки носовые и где нет? Почему весь «жреческий кодекс» оказался написан в IX веке в Новгороде и не несет в себе более ранних языковых и литературных пластов? В ответ на критику таких написаний, где неправильно употреблены носовые, А. Асов отвечает, что, по наблюдениям Л. П. Жуковской, уже в ранних славянских рукописях наблюдается мена *ѣ* и *ѧ* (с. 246). Действительно в некоторых флексиях на месте старославянского малого юса (А) русские тексты дают ять (*ѣ*), например, *овьцѧ*: *овьцѣ* (именит. падеж множ. числа). Но в корнях известны лишь орфографические колебания между йотированным *а* и ятем (я, *ѣ*) благодаря неразличению этих звуков в диалекте солунских славян. Слависты такого рода, как «новгородские волхвы», авторы «Велесовой книги», убеждены, что орфографическая неустойчивость славянских рукописных текстов имеет лишь количественные, а не качественные характеристики, поэтому они позволяют себе заменять что угодно чем попало.

Эти же «волхвы», испытывая слабость и к церковнославянским формам, создают их следующим путем: они пишут *щасъ* вместо *часъ*, *вещерь* (с. 18) вместо *вечер*, *травы злѧцне* (с. 32) вместо *злѧчны*, *всящєстии* (с. 30) вместо *вѣсѧчьскѧи* (всяческий) и т. п. Им удалось заметить закономерность типа *ночь* : *нощъ*, *свєча* : *свєщѧ*, но, не зная исторической грамматики славянских языков, они решили, что всякому русскому *ч* соответствует церковнославянское *щ*. Пришедшие на Русь после ее Крещения христианские тексты написаны были на церковнославянском языке, особенностью которого было преобладание южнославянских лингвистических форм. Не ясно только, чем эти формы могли привлечь симпатии «волхвов». Конечно, А. Асов и тут берет их под защиту, указывая, что в новгородской берестяной грамоте № 67 на месте *ч* тоже написано *щ*: *щєсти* (с. 251). В действительности в этой грамоте написано *Жирославъ бѣщєсти*, второе слово издатель грамоты предлагает понимать как предложно-именную форму «бес чести»,² хотя лучше видеть здесь глагол «бесчестит».³ Передача звукового сочетания *с + ч* буквой *щ* представляет собою нормальное явление русской и церковнославянской орфографии, мы и сегодня произносим в этих случаях звук *щ* (ср. *счастьє*, *бєсчислєнный* и т. п.).

Раз грамматики «волхвы» не знали, сочинение их демонстрирует совершенное неведение форм славянского глагола. Не стоит удивляться, что они допускают обычную

для всех дилетантов ошибку смешения форм глагола-связки *быти*. Чаще всего употребляется форма *есе*, неизвестная другим источникам, но вот более интересные примеры: «тые два есва удържаны» (с. 8) – должно быть *еста*, тогда как *есва* 1-е лицо мн. числа; «якожде руште соуть, а себе славу имяхомъ» (с. 44) – должно быть 1-е лицо мн. числа *есмы*, тогда как *соуть* 3-го лица; «град бяста велик» (с. 56), где глагол оказался в двойственном числе.

Злополучные «волхвы» сочинили личные глагольные формы на основе плохо им знакомых причастных суффиксов и суффиксов имперфекта. На каждой странице встречаются монстры такого вида: *пьящехомъ* (с. 6) = поемъ (?), *убрежешет* (с. 8) = уберезет, *тецехомсте* (с. 8) = текохомъ, *одевѣзе-щеши* (с. 10) = отверзеши, *одѣлящешеть* (с. 10) = отдѣляетъ, *одсенщехом* (с. 14) = отсѣкохомъ, *обитващехом* (с. 33) = обитахомъ, *се биящехом* (с. 22) = бихомъ ся, *се оурадогщехомся* (с. 24) = радуемся, *поражешете* (с. 24) = поражати или поразите, *даяшуть* (с. 26) = даяху, *не имоша* (с. 28) = не имѣша, *пребендіехом* (с. 38) = пребываем, *вѣдяшуть* (с. 46) = вѣдяху, *рекохуть* (с. 46) = рекут, *текошуть* (с. 82) = текут и т. д. В переводе г. Асова глагольные формы текста трактуются произвольно, ни время, ни лицо не соотнесены с грамматикой, в большинстве случаев этот «жреческий имперфект на -щехом» передается настоящим временем.

Заметной чертой текста «Велесовой книги» являются формы с *i* на месте старого ятя (ѣ): *місто* (с. 14), *сіно* (с. 56), *біда* (с. 130) и т. д. Как известно, исчезновение ятя в украинском произошло не ранее XIII века.⁴ Из других украинизмов приведем: *спѣвати* (с. 18 и др.), *ищо* = що (что) (с. 20), *стип* или *стенн* – употребляется постоянно с твердым конечным согласным, как в украинском. Нередко попадаются целые пассажи, которые звучат почти по-украински, например: «Мъленя утврша телесы ядымо, а иде-мо до поле наши трудяатисе, яко бѣзе велеша вс(я)ку мужу, иже чінен есь трудитсе ся на хлеб свуй» (с. 182).

Наконец, следует отметить в этом языке и кое-какие лексико-семантические анахронизмы, т. е. явления, не соответствующие предполагаемой эпохе IX века и нехристианской культуре. Так, «волхв», написавший «се бо тайна велика есе» (с. 8), невольно процитировал крылатые слова апостола Павла (Ефес. 5, 32). Неоднократно упоминаемая в «Велесовой книге» живая вода (с. 16, 34 и др.) известна русским волшебным сказкам, но также и Библии (см. книгу пророка Захарии – 14, 8; Евангелие от Иоанна – 4, 10–11). Библейское происхождение имеет образ земли, текущей медом и млеко (с. 40) (см.: Исход, 3, 8; 13, 5; 33, 3; Левит, 20, 24; Числа, 13, 28; Лб, 13 и др.), фольклору известна лишь молочная река с кисельными берегами. Встречается пародийное использование христианских литургических формул, например: «Бонде благслвен, вожды, нынѣ а прене о веку а до веку» (с. 62).

Среди языческих праздников упоминаются русалии (с. 30, 102), однако нужно иметь в виду, что название восходит к латинскому *rosalia*, которым обозначался масленичный карнавал, и пришло оно на Русь из Средиземноморья через южных славян уже в христианскую эпоху. Невинное, казалось бы, слово *царь* (в форме *сар*, с. 78) для IX века тоже является анахронизмом: оно зафиксировано только с XIII века – до тех пор в употреблении находилась исключительно форма *цесарь* (цесарь).⁵ Странное изобретение «волхвов» *скотиводиаи* (с. 22) тоже не представляется удачным – образования типа *скотовод*, *скотоводство* и т. п. впервые появляются в русском языке лишь в XVIII веке у Третьяковского и Радищева.⁶ Слово *степь*, столь важное для туранской идеи, очень часто встречается на страницах «Велесовой книги» (нередко оно приводится в причудливых написаниях вроде *стенн*, с. 20, или *ступ*, с. 30). Нужно, однако, иметь в виду, что древней письменности оно неизвестно, в летописи степь называется *полем*. При своем появлении слово *степь* означало, как кажется, то, что мы теперь называем пустыней, поэтому не могут не вызвать улыбки *райские степы* (с. 36) наших «волхвов».

Нужно подчеркнуть, что в языке «Велесовой книги» нет никаких лингвистических архаизмов, которые бы оправдали ее датировку IX веком. Но датировать ее по языку можно: писавшие ее «жрецы» знали только современную русскую грамматику и некоторые украинские диалектные явления.

Речь «новгородских волхвов» обладает внутренним родством с офенской «отверницкой говоркой», в которой нарочито искажаются слова, чтобы затемнить смысл высказывания. Например, прибавляется лишний слог (*лето : кулето*), заменяется первый слог (*товар : шивар*), вставляются отдельные звуки (*знать : знахтить, плакать : плаксырить*), изменяются окончания (*сласть : сластим*), переставляются слоги (*солома : масола, стакан налит : скандалит*). Существуют также такие формы комического жаргона, как «разговор по шицы», где фраза «пора домой» звучит *ширапоцы шимойдоцы*, или «разговор по херам», где та же фраза будет звучать *ширахерпоцы шимойхердоцы*.⁷ «Новгородские волхвы» применением сходных приемов речи (например, в глагольном формообразовании) создают в «Велесовой книге» резкий контраст между языковой формой и содержанием, чем достигают определенного комического эффекта, скорее всего ненамеренного.

«Велесова книга» уже обсуждалась в научных изданиях, а в 1990 году удостоилась большого исследования О. В. Творогова.⁸ В обстоятельном разборе было вполне убедительно показано, что текст представляет собой творение недавнего прошлого, что автором его следует считать плодовитого литератора русской эмиграции Ю. П. Миролюбова. Издатель «Велесовой книги» А. Асов посвятил несколько страниц научной полемике, он вступил в дискуссию по некоторым мелким лингвистическим замечаниям О. В. Творогова, обойдя молчанием аргументацию относительно авторства Ю. П. Миролюбова. Возражения А. Асова, два из которых были разобраны выше, дают ясные *testimonia raupertatis*. Слишком очевидно незнакомство издателя «Велесовой книги» с другими письменными текстами Древней Руси и славянского Юга, незнание истории славянских языков, непонимание веса и значимости тех лингвистических фактов, о которых ему приходится говорить. Нельзя *успешно* изучать единственный текст и не ведать ничего о других. А. Асову приятно думать, что начитанность, профессионализм являются помехой при рассмотрении столь сложного явления, как «Велесова книга» (с. 242), в действительности именно они предохраняют от наивных заблуждений и позволяют высказывать здравые суждения. Голос издателя звучит гораздо увереннее, когда, оставив зыбкую почву лингвистических мелочей, он пускает в ход свои самые сильные доводы: «Главное же подтверждение подлинности невозможно точно выразить словами. Оно исходит из личного духовного опыта. О подлинности говорит сам дух „Велесовой книги“. Ее мистериальная тайна, великая магия слова» (с. 240).

Защитники «Велесовой книги» не догадываются, что как раз на них лежит тяжесть доказательства (*onus probandi*) подлинности текста, что от них ожидается нечто большее, чем случайная реакция на замечания критики. В свое время великий востоковед акад. Н. Я. Марр под влиянием потери своего душевного дела – раскопок древней Айни – углубился в лингвистические мечтания и создал «новое учение» о языке. Сегодня оно забыто, никому не понадобилось доказывать несостоятельность этой странной теории. Напротив, именно сторонники подлинности «Слова о полку Игореве» породили громадную научную литературу, посвященную этому произведению, которое по необычности своей литературной формы нередко вызывало сомнения в подлинности. Выступления лингвистов и литературоведов против подлинности «Велесовой книги» не всех уберегли от соблазна. Впрочем, и в среде специалистов находятся такие, кто благоволит фантазерам, в данном случае учеными-рецензентами издания оказались профессора И. В. Левочкин (Москва), Ю. К. Бегунов (Санкт-Петербург) и Р. Мароевич (Белград).

Между прочим, сам О. В. Творогов своим сближением Ю. П. Миролюбова с известным мистификатором и фальсификатором первой половины XIX века А. И. Сулакадзевым открыл новые перспективы исторической критики г. Асова. Оказывается,

так оно и было, и либо эти дощечки, либо какие-то другие сходные хранились у Сулакадзева (с. 208–211). Не исключено, что будут предприняты попытки доказать, что Сулакадзев и сочинил «Велесову книгу». Сама по себе такая возможность существует, ведь Сулакадзев принадлежит той эпохе национального романтизма, когда фальсификация была нормальной формой литературного творчества, находя себе воплощение то песнями западных славян Проспера Мериме, то Оссиановыми песнями Джеймса Макферсона, то Краледворской рукописью Вацлава Ганки. Дощечки – эти или другие – видел А. Х. Востоков, «без сомнения крупный ученый», но в отличие от А. Асова не смог прочесть: «Главной причиной, конечно, было то, что А. Х. Востоков... многое сделавший для русской православной культуры, был узкоконфессионально ориентирован. Для него русское язычество, как культура, не существовало», – разъясняет А. Асов (с. 210). Знай он, что А. Х. Востоков похоронен на Волковском лютеранском кладбище в Санкт-Петербурге, что в 1802 году он написал поэму «Певислад и Зора», построенную на славянской языческой мифологии, –

Пастырь Велесу овна несет,

Чтобы стадо было в целости, –

он выразился бы осторожнее. А. Х. Востоков был литературным предтечей А. Асова, но духовной связи между ними нет.

В конце книги приложен список организаций, которые сотрудничают с издательством в деле распространения книги. Это Международное общество Рерихов, Всемирный Русский Собор, Национальный клуб древнерусских ратоборств, Община триверов-сварожичей, Славянская ведическая община в Коломне, Ведическая община в Обнинске, Нижегородская областная языческая община и т. п. Само издательство «Менеджер» и А. Асов располагаются при журнале «Наука и религия», и это обстоятельство может навести на мысль, что враждебное отношение к православию унаследовано ими от старой традиции воинствующего атеизма. Совсем недавно нормой нашей культурной жизни было подозрительное, отравленное идеологией отношение к фактам, полученным путем положительного научного исследования, это именовалось «буржуазной наукой». Сегодня новым жрецам язычества неубедительными кажутся выводы «христианской науки». Но наука едина, она не делится по конфессиям и партиям, по национальной и государственной принадлежности.

Опубликованное в недавние годы Собрание сочинений Ю. П. Миролубова является лучшим комментарием к «Велесовой книге»: те же мысли, то же понимание славянского язычества, истории и языка; некоторые совпадения в свое время отметил О. В. Творогов. Но возникают сомнения в искренности А. Асова как защитника подлинности этого языческого опуса: слишком мало он использует сочинения Ю. П. Миролубова для своих комментариев, словно боится сказать слишком много. Из сочинений Миролубова приведу лишь одну выписку, которая проливает свет на лингвистическую позицию «новгородских волхвов»: «Известно, что в Нове-Городе язык был близок к старочешскому. Так, слово „язык" произносилось „ензык", „голубь" – „голомбь", „дед" – „дяд", „свет" – „свят", „белый" – „бялый", „вера" – „вяра" и т. д. Буква „ять" была в действительности „ятью", ибо произносилась как „я". Относительно особенностей тогдашнего произношения спора нет, так как с этим согласны многочисленные авторы по славяноведению». Все приведенные языковые формы являются, конечно, не старочешскими, а современными польскими, их-то, как мы видим, и предпочитали «новгородские волхвы». Они, конечно, разделяли и ностальгические симпатии Миролубова, проведенного годы молодости в Чехии. Ссылка в данном случае на авторитет славистики, разумеется, совершенно безосновательна, равным образом ни о какой близости языка древнего Новгорода к чешскому говорить не приходится.

Собрание сочинений Ю. П. Миролубова вполне объясняет его как личность; из того, что мы знаем об условиях его труда и жизни, становятся понятны причины, по которым он занимался этой фальсификацией. Как православный, он «подтягивал» славянское язычество к православию. В его поступках нет ничего злонамеренного,

наивность дилетанта и духовное одиночество вызывают к сочувствию и снисхождению.

Для России нового времени характерно напряженное и ревнивое отношение к Европе, иногда оно принимает форму низкопоклонства, иногда форму заносчивого нигилизма. Такое отношение нередко распространяется и на русских за рубежом: мы их бичуем или боготворим. В любом случае их влияние на культурную жизнь России поразительно сильно, хотя не всегда отвечает реальной значимости выдвигаемых ими идей.

Распространение у нас в последнее время национально-патриотических лозунгов в немалой степени связано с влиянием русской зарубежной среды. Там они выступают как порождение эмигрантского быта, они складываются в замкнутой группе, которая, часто ощущая свою ущемленность, компенсирует ее на уровне мифа. Этому социально-психологическому феномену дал в статье «О расизме» (1935) убедительное объяснение надежный и квалифицированный свидетель – Н. С. Трубецкой.¹⁰ Для русской культуры в пределах России не характерно острое восприятие национальных проблем, скорее равнодушие к ним. Это обусловлено и количественно-пространственным фактором русской жизни, и аристократизмом русской культуры, ибо аристократизм – космополитичен. Как формула здесь удобна самохарактеристика Н. А. Бердяева: «Мой универсализм, моя вражда к национализму – русская черта».¹¹

Возможно, новые жрецы язычества движимы горячим сознанием национальной полноценности или даже исключительности, в этом случае их привлекает в «Велесовой книге» миф о глубоком прошлом славян и русского народа. Тогда им следует помнить, что нация – это творение совсем недавнего прошлого (о чем уже упомянуто выше). Старые оседлые народы Европы не сохранили воспоминаний и легенд о кочевой праистории. Это вовсе не потому, что их историческая память коротка: народ, перешедший к оседлой жизни, очень скоро теряет самоотождествление с предыдущей стадией своего бытия. Подумайте сами: будет ли зажиточный крестьянин мечтать о шатре и скрипучей цыганской колымаге? Такая карьера соблазнит разве что бобыля. По всей видимости, и этническое самоотождествление, и формы языка, и формы народной словесности приобрели свой исторически засвидетельствованный вид уже в период оседлой жизни народа, иными словами, славяне стали славянами лишь на новом месте своего постоянного обитания. Это место современная этнография называет прародиной и ищет его для славян либо в Полесье, либо на Лабее (Эльбе).

Но возможно, новые жрецы движимы той религиозной идеей, на которую недвусмысленно указывают названия их союзов. Сколь ни странными могут казаться сегодня языческие верования, убеждения и веру должно уважать, не станем превращать наш спор в религиозный диспут. Скажу лишь, что в культурной апологии славянского язычества есть смысл.

Увлеченные идеями прогресса, мы часто закрываем глаза на то, что, как всякая социальная революция, Крещение Руси принесло не только приобретения, но и потери. Крещение Руси открыло исторический период и наглухо закрыло доисторический, поэтому так бедна оказалась наша «доисторическая» память. Если на языческой Руси и была письменность, то применение ее было ограничено торговлей и финансами, редкими дипломатическими казусами вроде договоров с греками, какими-то хроникальными заметками. Произведения народной словесности, например былины, не записывались, языческий культ не нуждался в текстах. Бесписьменную культуру нельзя оценивать только отрицательно и нельзя воображать, что всякая развитая культура обязательно письменная. Мы знаем, что Сократ не пользовался письмом, что изоцрненные ведические и буддийские трактаты в Индии столетиями сохраняли свою стабильность в устной форме. Широкое применение письменности на Руси началось лишь с приходом христианства, потому что рецитация (чтение вслух) довольно значительного корпуса текстов является непременным условием христианского богослужения. Но в новых условиях письменная фиксация дохристианской словесности оказалась невозможна. Христианский перевод Св. Писания появился на таком языке, который мало отличался от

обиходной речи. Этот язык стал языком всей письменности, в результате церковнославянскому влиянию подвергались и такие внехристианские произведения, как «Русская Правда» и грамоты. У христианских народов Европы чтение Св. Писания и церковная литургия осуществлялись на латыни, это давало свободу местным обиходным языкам в области народной словесности. Так, оказались записаны в XII–XIII веках «Песнь о Роланде», «Песнь о моем Сиде», «Нибелунги», скандинавские саги. У нас случайно спасся лишь фрагмент эпоса – «Слово о полку Игореве».

Драма и трагедия – спутники человеческой истории, их не видит близорукий мечтатель-историософ. Жаль потерь, но нельзя отказаться от своего исторического прошлого, сочинить себе других родителей, другое происхождение. Сознавая потери, не будем принимать детские погрешности за утраченные ценности.

* Велесова книга / Перевод и комментарии Александра Асова. М.: Менеджер, 1994. 320 с.

¹ *Klemensiewicz: Z. Historia języka polskiego. Warszawa, 1974. S. 57.*

² *Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954. С. 68.*

³ *Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. С. 187.*

⁴ *Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907. С. 73.*

⁵ Там же. С. 111.

⁶ См.: *Алексеев А. А. Старое и новое в языке Радищева/XVIII век. Сб. 12. Л., 1977. С. 104, примеч. 22.*

⁷ Примеры заимствованы из статьи Д. С. Лихачева «Арготические слова профессиональной речи» (1938). См.: *Лихачев Д. Статьи ранних лет. Тверь, 1993. С. 120–121.*

⁸ *Творогов О. В. «Велесова книга» // ТОДРЛ. 1990. Т. 43. С. 170–254.*

⁹ *Миролюбов Ю. Собр. соч. München, 1982. Т. 5. С. 21.*

¹⁰ Статья перепечатана в кн.: *N. S. Trubetzkoy's Letters and Notes / Prepared for publication by R. Jakobson. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton, 1985. P. 467–474.*

¹¹ *Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1990. С. 10.*

Данилевский И. Н.

Попытки "улучшить" прошлое: "Велесова книга" и псевдоистории

Что думают ученые о "Велесовой книге". - С. 109-127.

В 1960 г. в Советский славянский комитет АН СССР поступила фотография дощечки с вырезанными письменами. Ее прислал биолог С. Парамонов, более известный под псевдонимом С. Лесной. Несколько лет он занимался изучением удивительного памятника письменности – так называемой «Велесовой книги». Фрагмент ее и был направлен на экспертизу в Славянский комитет.

Судя по сопроводительным материалам «книга» эта представляла собой дощечки с письменами на них. Они были обнаружены в 1919 г. полковником Белой армии А. Ф. Изенбеком в разграбленном имении где-то на Украине (предположительно в Харьковской губернии).

В холщовом мешке, куда они были собраны денщиком А. Ф. Изенбека, дощечки совершили путешествие в Бельгию. Там в 1925 г. Изенбек познакомил с ними своего нового приятеля, Ю. П. Миролюбова. Как пишет О. В. Творогов:

«...инженер-химик по образованию, Ю. П. Миролюбов не был чужд литературных занятий: он писал стихи и прозу, но большую часть его сочинений (посмертно опубликованных в Мюнхене) составляют разыскания в области религии древних славян и русского фольклора. Миролюбов поделился с Изенбеком своим замыслом написать поэму на исторический сюжет, но посетовал на отсутствие материала. В ответ Изенбек указал ему на лежащий на полу мешок с дощечками («Вон, там в углу, видишь мешок? Морской мешок? Там что-то есть»). «В мешке я нашел, – вспоминает Миролюбов, –

„дощечки“, связанные ремнем, пропущенным в отверстия»). И с той поры Ю. П. Миролюбов в течение пятнадцати лет занимается переписыванием текста с дощечек. Изенбек не разрешает выносить дощечки, и Миролюбов переписывает их либо в присутствии хозяина, либо оставаясь в его „ателье“ (Изенбек разрисовывал ткани) запертым на ключ. Миролюбов переписывал, с трудом разбирая текст и, по его словам, реставрируя пострадавшие дощечки («стал приводить в порядок, склеивать, склеивать...»), – вспоминает Миролюбов). Он вспоминал также: „Я смутно предчувствовал, что я их как-то лишусь, больше не увижу, что тексты могут потеряться, а это будет урон для истории... Я ждал не того! Я ждал более или менее точной хронологии, описания точных событий, имен, совпадающих со смежной эпохой других народов, описания династий князей и всякого такого материала исторического, какого в них не оказалось“. Какую часть текста В[лесовой] К[ниги] Миролюбов переписал, С. Лесной установить не смог. В 1941 г. Изенбек умирает, и дальнейшая судьба дощечек неизвестна»¹.

Рассказ о знакомстве Ю. П. Миролюбова с сокровищем А. Ф. Изенбека удивительно напоминает другую историю:

«Старик извлек из своей набедренной повязки грязный, потрепанный парусиновый мешочек. Из него он вытащил нечто похожее на спутанный клубок бечевки, сплошь в узлах. Но это были не настоящие бечевки, а какие-то косички из древесной коры, столь ветхие, что, казалось, они вот-вот рассыплются от одного прикосновения; и в самом деле, когда старик дотронулся до них, из-под пальцев его посыпалась труха.

– Письмо узелками – это древняя письменность майя, но теперь никто их языка не знает, – тихо произнес Генри.

– Клубок был вручен Френсису, и все с любопытством склонились над ним. Он был похож на кисть, неумело связанную из множества бечевки, сплошь покрытых большими и маленькими узелками. Бечевки тоже были не одинаковые: одни – потолще, другие – потоньше, одни – длинные, другие – короткие. Старик пробежал по ним пальцами, бормоча себе под нос что-то непонятное.

– Он читает! – торжественно воскликнул пеон. – Узлы – это наш древний язык, и он читает по ним, как по книге».²

Настораживает совпадение деталей в этих историях: речь идет о холщовом мешке, в котором хранятся связки старинных писем, и сегодня никто не может прочитать, но все знают, что в них рассказывается о древнейшей истории народа. Судя по всему, это не случайно. Ю. П. Миролюбов просто хорошо знал творчество Джека Лондона. И, когда фантазия ему отказала, использовал готовые образы.

Вернемся, однако, к «официальной» версии.

Содержание текстов, прочтенных Ю. П. Миролюбовым, оказалось просто потрясающим. Дощечки рассказывали историю славянских племен начиная с IX в. до н. э. («за 1300 лет до Германариха», готского вождя, погибшего в 375 г.) вплоть до «времени Дира», т. е. приблизительно до IX в. Итак, в распоряжение Ю. П. Миролюбова попал совершенно уникальный источник, повествовавший чуть ли не о двухтысячелетней истории русичей, заполненной бесконечными войнами с готами, гуннами, римлянами, греками, варягами и другими народами.

На таком фоне вовсе не кажется преувеличением, что дощечки были названы «колоссальной исторической сенсацией». Под таким заголовком в ноябре 1953 г. сообщение о чудесной находке было опубликовано в журнале «Жар-птица», который ротاپринтным способом выходил в Сан-Франциско. Однако его издатель, русский эмигрант А. Кур (генерал А. Куренков), явно не спешил приступить к публикации текстов дощечек. За следующие три года увидели свет лишь его собственные статьи, содержавшие не более сотни строк из «Деревянной книги». И только в марте 1957 г. в той же «Жар-птице» начали воспроизводить полные тексты отдельных дощечек. В 1959 г. журнал прекратил свое существование, и публикация их не была завершена.

Тем не менее С. Лесной продолжал изучать «Влесову книгу»: ее материалы вошли в последние пять выпусков его «Истории руссов в неизвращенном виде» (Париж; Мюнхен, 1953–1960) и монографию «Русь, откуда ты? Основные проблемы истории Древней Руси» (Виннипег, 1964). Им же было предпринято специальное исследование, посвященное дощечкам А. Ф. Изенбека: «„Влесова книга“ – языческая летопись доолеговой Руси: История находки, текст и комментарий» (Виннипег, 1966. Вып. 1). С. Лесной и прислал в Москву, видимо, единственный имевшийся в его распоряжении «фотостат» одной из дощечек (условный номер – 16).

Экспертиза фотографии была поручена одному из самых авторитетных специалистов в области языковедения и палеографии Л. П. Жуковской. Итоги анализа были разочаровывающими. Во-первых, оказалось, что фотография сделана не с самой таблички, а с рисунка, изображавшего дощечку с письменами. Во-вторых, буквы, которыми была сделана «надпись», вызвали серьезные сомнения в подлинности. Они, хотя и имели довольно архаичный вид, отдаленно напоминали систему письма деванагари, с помощью которой с начала второй половины второго тысячелетия нашей эры записывались санскритские тексты. В-третьих (и это – главное), данные языка, на котором был написан текст, однозначно говорили о подделке: в нем сочетались разновременные явления различных славянских диалектов, чего не могло быть ни в одном реальном славянском языке.

Итак, фотография была фальсификатом.

Но, может быть, поддельна только фотография? Вопрос как будто должен был разрешиться на V Международном съезде славистов, проходившем в Софии в 1963 г. На нем С. Лесной собирался выступить с сообщением о «Влесовой книге». Доклад, к сожалению, не состоялся, поскольку докладчик в Софию так и не приехал. Но тезисы были опубликованы в материалах съезда.

После смерти С. Лесного интерес к «Влесовой книге» как в нашей стране, так и за рубежом угас. Оснований для сколько-нибудь серьезных оценок этого памятника было явно недостаточно. Тем не менее в единственной публикации, появившейся в период временного «затишья», таблички А. Ф. Изенбека были названы «выдающимся памятником письменности» (И. Кобзев).

С новой силой ажиотаж поднялся в середине 70-х годов, когда, как полагают, ряду отечественных литераторов и журналистов стали доступны вышедшие незадолго до того на Западе публикации текста «Влесовой книги» и его переложения, подготовленные С. Лесным. В многочисленных статьях, появившихся в «Огоньке» и «Новом мире», «Неделе» и «Литературной России», «Технике молодежи» и «В мире книг», усиленно популяризировалась идея о том, что ученые намеренно замалчивают поразительные данные уникального источника, в корне расходящиеся с общепринятыми в научном мире представлениями о древнейших судьбах славянских племен. При этом выдвигалось требование *«полностью напечатать эту любопытную, хотя и не бесспорную рукопись»* и провести ее обсуждение с *«привлечением широкой общественности»*.

Мнение специалистов, продолжавших утверждать, что в данном случае мы имеем дело с низкопробной фальсификацией, игнорировалось. Объяснялось это, с одной стороны, тем, что советские историческая и филологическая науки в какой-то степени скомпрометировали себя излишней политизированностью, заданностью выводов, подчиненностью их сиюминутным потребностям партии и правительства. С другой стороны, без ответа оставался самый, пожалуй, главный вопрос: *«Почему не печатается это заинтересовавшее многих сочинение?»*

Ларчик же открывался просто: ученые не имели возможности ознакомиться с полным текстом копий Ю. П. Миролюбова. Лишь любезность инженера из французского города Руаяя Б. А. Ребиндера (кстати, тоже русского эмигранта) позволила прорвать «информационную блокаду». Он прислал в Институт русской литературы АН СССР свою работу «Влесова книга», в которой был предложен новый перевод текстов Ю. П. Миролюбова, сделанный с *учетом всех их изданий* и прежних переводов. Однако полное

представление о «Влесовой книге» ученые смогли получить только после завершения в 1984 г. многотомной посмертной мюнхенской публикации сочинений самого Ю. П. Миролубова.

По этим материалам один из крупнейших отечественных текстологов О. В. Творогов написал уникальную в своем роде работу. Она увидела свет в 1990 г. в 43-м томе «Трудов Отдела древнерусской литературы». Здесь, наконец-таки, был полностью опубликован текст «Деревянной книги» (со всеми вариантами, сохранившимися в рабочих записях Ю. П. Миролубова), а также его подробнейшее и всестороннее исследование. Эту публикацию О. В. Творогов сопроводил частью перевода «книги» Б. А. Ребиндера – безусловного сторонника ее древности. Это представлялось тем более необходимым, что, по мнению О. В. Творогова (с которым, кстати, трудно не согласиться), точный перевод данного текста *«вообще невозможен»*.

Для того чтобы дальнейший разговор о «Влесовой книге» был более предметным, приведу в качестве образца текст двух «дощк» Ю. П. Миролубова с подстрочным переводом Б. А. Ребиндера, расшифровку С. Лесного, а также фрагмент поэтического переложения, предложенный неутомимым популяризатором идеи не только подлинности, но и гениальности «Влесовой книги», поэтом И. Кобзевым.

Тексты

Дощечка 7а:

«слва бзем нашэм имемо исту віру якова не потребуе чловэненска жертва а тая се дзе о ворязи кїи убо вѣжды жряли ю іменоваше перунапаркуна а тому жряша мы же сме хом польна жретва даяте а одо труды наше просо млека а туц то бо покрпишем о коляді ягнчем а о русаліех в день яров такожде а красна гура ту бо то дяехомо во споминь гуре карпенсте а тонщас се іменова род наше карпене яко же стахом сме бяще во лэсэх то імэмо назов древище а да полі сме бяшехом імено имахом полены ятакo вшыко еже есе грѣце ущекашеті нане иже сме чловенкожравцове а то лужева рэншь есь яко нэсте бо тако во іста а имеяхом іна повыке на тоть кі же хоцашеть увранжидете іна реще злая а тому глоупен не се боре а тако есь а іна рэкоста такожде.

долзе се правихом родьмы а староцове венска рода ідша соудяті родице о перунь древы а такожде имяй тон ден игриштїя пренд очесы старще а силу юну указанше? юнаще ходяй борзе спэвай і плясавай о то і тон ден огнищаны идяшете о міслеву а прнашеща діщену строцем кїи діеляще туіу о пренче люды і волсві жрятву дэяй бозем хваленице а слву рэкстаѡ о щасе же годе а оявене воріягу избрящете сен кнезе вутцове а тыі юнаще веденша до сэце зуре то бо роміе ны поглендаще а замыстлящете злая нань і пршедша со возе све а желзвэна броне а утце наны а тому бранихомсе долзе о нех а отрщахом».³

Дощечка 7 б:

«сме тая од земе наше а роміе венде яко дрзі сме о животе нашем а понехъша на то. тако грѣціе хотяй одеренете ны о хорсуне а прящехомсе зуре протиборства нашіего а бя Боріа а пря велка трдесенте ляты а та понехъшія сен о ны тем бо грѣціе ідша о тржища наше а рекоста намо омэнете краве наше на масть а србло то во потребуе на жены а дете а тако сме мэнехомсе скоро до днес неды последеще грѣціе іскашете да ослаби ны а то іскашаше одерень взенте а тому не ослабихомсе а не дахом сме земле нше іако зме трояню сме не дахом сен роміема а да не встане обіденосзе дажбовем внуцем кіе же во арузех вразі дбаша а тако днесь не по хуле семо такожде оци неаше.

себе у сине море стятша до Берзе годь туіу а одержаша нань побэдену пісне хвалы а матыря спэващет оя красна птыція яква несе пращурем нашем огонь до домы я а такожде ягнаице прездремо до тодь а боло сте на ны одержеша сылу а імахом врязі

ростятешете а гоньбу псину има нехате то глендь народе мое яков есе обезпещен а нардев а того не ошібещесе од раны твоая а не вржещесе до рядь або-сте сме вразема погонеле а біду сен дозбавязе а жітне інако імате бо сме бйшехом ста грда а неоделегла од е а тягчае поразе бенде по ны а сме по тем тысенщ пентесет ляты яко сме се хом многая борія а пря імяхом а такожде сме живе діеке жретве юндщя а вевонце».⁴

Переводы и переложения

Перевод Б. Ребиндера

Дошечка 7а:

«Слава нашим богам. У нас вера правая, которая не требует человеческих жертв. А это делается у варягов, которые издавна приносили жертвы, именуя Перуна Пер-куном, и ему жертвовали. Мы же смеем давать жертвы полевые от трудов наших: просо, молоко, жиры и на Коляду подкреплять ягненком, а также на Русалии, день весны, и на Красную горку. Это делаем в память нашего исходу от Карпат. В те времена наш род назывался карпами. Потому что от страха мы жили в лесах, наше название древичи, а на полях наше имя было поляне (...) А во времена Готов и появление варягов избирался Князь в вожди, и тот вел юношей в злой бой, и тут римляне, поглядев на нас, замыслили злое на них, и пришли с колесницами и со своими железными бронями, и напали на нас, и потому мы долго оборонялись от них, а отрщяхомсме (отбились?)».⁵

Дошечка 7б:

«И римляне знали, как мы дорожим жизнями нашими, и оставили нас. И тогда греки захотели отобрать у нас Хорсунь, и мы сражались, чтобы не попасть в рабство. И борьба эта и сраженья великие продолжались тридцать лет, и они оставили нас (...)

И не отдадим землю нашу, как мы не отдали землю Троянову, и мы не дадимся римлянам, чтобы не посетила обида Дажьбоговым внукам, которые с оружием поджидали врагов, так и сегодня мы не заслуживаем хулы, как и отцы наши, которые, загнав готов к берегу моря, одержали там победу над ними. Песни хвалы и мать (сва) поет, и эта прекрасная птица, которая несет пращурам нашим огонь в дома их».⁶

ДОЩЕЧКА № 7 А

(связка дощечекъ)

1-ая дощечка. Лицевая сторона:

1. слва бозем нашем імемо істу віру іакова не потребуе чловеченска жртва
2. а таіа се дэе о вріазе ніе убо вьждоі жріалі іу іменоваше перуна перку-
3. на а тому жріаша моі же смехом польна жртва даіате а одо трудоі наше
4. прсо млека туці то бо покрпішем о коліаді іагнчем а о русаліех в день
5. іаров такожде а красна гура ту бо то діаехомо во спомінь гуре карпенс-
6. те а тоншас се іменова род наше карпене іако же страхом сме біаше в л-
7. сэх то імено назов древіще а на полі сме біашехом імено поленоі тако в-
8. шіако еже есе гръце ушекашеті на не іже сме чловенкожравцове а то луж-
9. ева рэньщ есь іако несте бо тако во іста а імеяхом і на повоіке на то-
10. ть кіже хоцашеть увранжідете іна реще злаіа а тому глоупен не се боре
11. а тако есь а іна рэкоста а такожде долзе се правіхом родьмоі а староц-
12. ве венска рода ідша соудіаті родіце о перунь древоі а такожде іміаі т-
13. он ден ігріштіа пренд очесоі старще а сілоу іуну указенше іунаше ходіа
14. і борзе спэваіа і пліасаваі о то і тон ден огіщаноі ідіашете о міслеву
15. прнашеца діщену строцем кії діеліаше туіу о пренче ліудоі і волсві жрі

16. атву дэліаі бозем хваленіце а слву рэкоста о щасе же годе а оіавене во-
17. ріагу ізбріашете сен кнезе вутцове а тоіі іунаше веденша до сэще зуре
18. то бо роміе ноі поглендаще а замстліащете злаіа на нь і прошедша со в-
19. озе све а желзвена броне а утце на ноі а тому браніхомсе долзе о нех а отршахом

Обратная сторона: 7 Б

1. сме таіа од земе наше а роме венде іако дрзі сме о жівоте нашем а поне
2. хьша ноі на то тако грьціе хотіаі одеренете ноі о хорсуне а пріащехомс-
3. е зуре протібрства вашіего а біа боріа а пріа влка трдесенте ліатоі а
4. та понехьшіа сен о ноі тем бо грьціе ідша о тржіща наше а рекоста нам
5. о оменете краве наше на масть а стрібло то бо потребуще на женоі а де-
6. теа тако сме менехомсе скоро до днес недоі последеще грьціе ісащете
7. да ослабі ноі а то іскащаше одерень взенте а тому не ослабіхомсе а не
8. дахом сме земе наше іако зме троіаніу сме не дахом сен роміена а да не
9. встане обіденосще дажбовем внцем кіе же во арузех врзі дбаша а тако дн-
10. есь не по хуле семо такожде оце неаше себо у море стіатца до берзе го
11. дь туіу а одержаща нань победену песне хвалоі а матоіріа слеващет о
12. іа крсна птоіціа іакве несе пращурем нашем огнь до домоі іа а такожде
13. іагніце прездремо до тодь а боло сте на ноі одержеща соілоу а іміахом
14. врзі ростіатешете а гоньбу псіну іма нехате то глендь народе мое іако
15. ве се обезпечен а нардев а того не ошібецесе од раноі твоіа а не врже-
16. щесе до ріадь абосте сме врзема погонеле абіду сен позбіаваце а жітне
17. інако імате бо сме біашехом ста града а ме оделегла од е а тіагчае по-
18. разе бенде по ноі а сме по тем тоісенщ пентесет дэтоі сме сехом многа
19. іа боріа а пріа іміахом а такожде сме жіве діеке жретве іунаше а вевонце

А. Курт.

Публикация «Влесовой книги» в журнале «Жар-птица»

«Расшифровка» С. Лесного:

«Боги русов не берут жертв людских и ни животными, единственно – плоды, овощи, цветы, зерна, молоко, сырное питье (сыворотку), на травах настоенные, и мед, и никогда живую птицу и рыбу, а что варяги и аланы богам дают жертву иную – страшную, человеческую, этого мы не можем делать, ибо мы Даждьбоговы внуки и не можем идти чужими стопами.

И вот грядет с силами многими Даждьбог на помощь людям своим, и так страха не имейте, поскольку, как в древности, так и теперь, оные (боги) заботятся... И вот был город Воронзенц, город, в котором уселись готы, и... русы бились, и тот город был мал, и также окрестности того были сожжены, и прах и пепел тех развеяли ветрами на обе стороны и место это оставлено... земля та русская... не забудьте ее – там ведь кровь отцов наших проливалась...».⁷

Поэтическое переложение И. Кобзева:

«Птица Матырьсва снова крылами бьет: злая рать браман рыщет по степи. Сквозь любую щель городских ворот все слышнее гул вражьей поступи! Черным дымом в небо плывут дома. Жаль вопит, обрекая мыкаться. До своих богов, коих скрыла тьма, скорбный голос спешит докликаться. И бог Влес, кто огонь очагам дает, нам идет подмогнуть в сражении! И дрожит браманский и готский род, вождь Гематрих бежит в смятении. Малой Калки брег их уводит вон, чтоб потом за Великой Калкою по иным степям, где струится Дон, кочевать им порою жаркою... Там навек рубеж промеж нас

пройдет, даль укроет края последние. Лет четыреста будет драчливый гот разорять племена соседние. Ну, а наше дело – поля пахать, скот да шкуры, да тук выменивать, в городах с аланами торговать, чужеземный товар примеривать. Да к себе домой серебро свозить, брать колечки червонозлатые, да богов премудрых благодарить за такие лета богатые... Одолеть нам дает любую рать трех святых отцов сила властная: те святые – Ярь, да еще Колядь, да еще потом – Горка Красная. С ними в ряд – Овсень, с волосами ржи, да с глазами насквозь веселыми. Словно странники божьи сии мужи городами бредут и селами. И где тот хоровод пройдет, – словно вдруг от молвы пророческой, – затихают войны и мир грядет по чужой земле и по отческой».⁸

Знакомство с оригиналом явно свидетельствует, что мнение О. В. Творогова, будто текст «Книги» крайне неясен и невразумителен, а перевод его вряд ли возможен, имеет чрезвычайно веские основания. Высказывания же о том, что

«в дощечках Изенбека все оригинально и непохоже на нам уже известное»,
причем

«все это облечено в яркую словесную форму, изобилует метафорическими речениями, способными стать пословицей или поговоркой»,

представляется некоторым преувеличением. Достаточно вспомнить несколько строк из «Слова о полку Игореве», чтобы убедиться во «второй свежести» и формы, и содержания «Деревянной книги»:

«уже бо, братие, невеселая година вьстала. уже пустыни силу прикрыла!

Вьстала обида вь силахъ Дажьбожа внука,

вступила девою на землю Трояню,

вьсплескала лебедиными крылы на синемь море у Дону;

плещуци, упуди жирня времена».⁹

Итоги научного анализа «Влесовой книги» не оставляют никаких иллюзий. Все, начиная с внешнего вида «источника», первых противоречивых сообщений о его существовании и кончая редакциями текста в рабочих тетрадях Ю. П. Миролюбова, свидетельствовало об одном: перед нами крайне примитивная фальсификация, созданная самим первым исследователем «книги».

Казалось бы, тема подлинности (не говоря уже о достоверности сведений) «Влесовой книги» окончательно закрыта. Все точки над *i* расставлены. Однако, видимо, «идейные» мотивы, заставившие в свое время Ю. П. Миролюбова пойти на грубую подделку, живы и сегодня. Конечно, приятно думать, что «славяно-русы... являются древнейшими людьми на Земле» (как писал Ю. П. Миролюбов), или что «история начинается... в Сибири» (как это делал В. Чивилихин). Беда лишь в том, что для доказательства таких заявлений приходится прибегать к фальсифицированным источникам. А потому и после публикации О. В. Творогова не прекращаются обвинения ученых, доказывающих (к сожалению, чаще всего в специальных изданиях, к которым непрофессионал обращается редко) очевидные вещи, в отсутствии патриотизма. Некий Бус Кресень (который тут же спешит сообщить, что его зовут Александром Игоревичем Асовым) издает «реконструированную» «Влесову книгу» в качестве подлинного источника, сохранившего истинную историю славяно-русов, а журнал «Молодая гвардия» готовит публикацию уже упоминавшейся «Истории руссов в неизвращенном виде» С. Лесного, рекомендуя ее как исследование, опирающееся на «новейшие материалы». Массовым тиражом (100 000 экз.) опубликованы в Саратове «Мифы древних славян», в которых «Влесова книга» (с предисловием академика Ю. К. Бегунова) занимает почетное место. Сей скорбный список можно продолжить.

Впрочем, фальсификация источников – не единственный способ «удревнить» историю своего народа. Можно использовать с этой целью и источники подлинные. Тогда, однако, задача усложняется: подлинные источники, как правило, хорошо известны и изучены. Кроме того, к ним можно обратиться, чтобы проверить новую

интерпретацию. Соответственно возрастает опасность быть, что называется, пойманным за руку. Попробуй в таких условиях «открыть» что-нибудь сенсационное, отбрасывающее начало истории этноса на тысячу-другую лет назад! Да и кое-какая квалификация для подобных «подвигов» требуется, чтобы не попасть в заведомо глупое положение. Именно поэтому немногие отваживаются на подобные эксперименты. И все-таки время от времени такие люди находятся.

Примером может служить книга Г. С. Гриневича, посвященная «праславянской» письменности. Автор ее, судя по его собственным словам, профессиональный геолог. Что касается филологической подготовки, то лучше всего о ней свидетельствует заявление Г. С. Гриневича:

«В дореволюционной России Ъ знак (!) употреблялся, можно сказать, к месту и не к месту».¹⁰

Подтверждается это совершенно сногшибательным для лингвистического исследования аргументом:

«Все, наверное, видели старые вывески, на которых даже (! – И. Д.) фамилии владельцев каких-либо заведений кончались на Ъ знак: БАГРОВЪ, ФИЛИПОВЪ, СМИРНОВЪ и др.»¹¹

Другими словами, автор «Праславянской письменности», видимо, даже не подозревает, что до реформы 1918 г. Ъ являлся не «знаком», а буквой, имевшей название («ер»), которой, в соответствии с правилами орфографии того времени, обязательно должно было заканчиваться на письме слово с «нулевым» окончанием (т. е. с согласным звуком на конце). После этого как нельзя более своевременным кажется тезис Г. С. Гриневича о том, что обычно «псевдодешифровщиками» неизвестных систем письменности являются не профаны (к коим, очевидно, совершенно справедливо относит себя автор данного трактата), а «заслуженные ученые, почтенные эрудиты».

Как бы то ни было, Г. С. Гриневич задается целью доказать, что праславянский язык – древнейший письменный язык на Земле, а не «вторичный» (?!), т. е. берущий начало из какого-то более древнего языка. Для этого были собраны чуть ли не все известные на сей день нерасшифрованные или не до конца ясные надписи, происходящие из самых разных концов Евразии – от долины Инда до Италии – и относящиеся к самому разному времени, начиная с V тыс. до н. э. В один ряд оказались поставленными знаменитый Фестский диск, надписи из Троицкого городища, критские тексты, написанные линейным письмом А и линейным письмом Б, этрусские и протоиндийские надписи, «и протчая, и протчая, и протчая», не исключая, естественно, и «образца книжного дела IX века» – «Влесовой книги».

Не повезло, кажется, только «кохау ронго-ронго» – таинственным письменам острова Пасхи. Да и то, скорее всего, лишь потому, что Г. С. Гриневич не знаком с трудами Питера Бака (Те Ранги Хироа), который, в отличие от Тура Хейердала, считает, что о-в Пасхи был заселен не с американского, а с азиатского побережья Тихого океана. Только это спасло знаменитых каменных гигантов от родства с «праславянами» Г. С. Гриневи-ча. Ведь графическое сходство письменностей острова Пасхи и протоиндийской культуры давно уже отмечалось специалистами (чего нельзя сказать, к примеру, о знаках Фестского диска).

При «прочтении» текстов, правда, возникают довольно любопытные и – для «неподготовленного» читателя – несколько странные замены вполне ясных текстов невнятным набором «звуков». Надо обладать недюжинной фантазией, чтобы за сочетанием:

«...Йу аподавья (е) давиаирежеще айурожере тья (е)»

увидеть:

«Теперь, надежда вчерашняя. Давит воздух(ом) все немилосерднее. Аура приносит себя в жертву».¹²

Хотя и «переведенный» текст, признаться, остается не менее загадочным, чем

«оригинал». И это все – вместо совершенно ясно читаемых на соответствующей иллюстрации имен изображенных на этрусском зеркале персонажей: «Атланта» и «Мелеагр». Кстати, сочетание этих действующих лиц вовсе не случайно, о чем знает всякий, кто знаком с античной мифологией и слышал о каледонской охоте.

Что же движет людьми, не жалеющими сил и времени для создания липовой «книги» или туманного прочтения ясного (или, наоборот, вовсе нечитаемого) текста? Зачем они занимаются фальсификацией исторических источников (а мы имеем дело именно с таким феноменом)? Судя по всему для того, чтобы «отыскать» в них информацию, в которой нуждаются их исторические построения или представления, не подтверждаемые источниками «нормальными».

Давайте почитаем, что они пишут о ранней истории славян.

Ю. П. Миролюбов утверждает, что *«славяно-русы... являются древнейшими людьми на Земле»*,¹³ причем *«прародина их находится между Сумером (Шумером? – И. Д.), Ираном и Северной Индией»*, откуда *«около пяти тысяч лет тому назад»* славяне двинулись *«в Иран, в Загрос, где более полувека разводили боевых коней»*, затем *«ринулись конницей на деспотию Двуречья, разгромили их, захватили Сирию и Палестину и ворвались в Египет»*.¹⁴

В Европу, согласно Ю. П. Миролюбову, славяне вступили в VIII в. до н. э., составляя авангард ассирийской армии. Он пишет:

«...ассирийцы подчинили все тогдашние монархии Ближнего Востока, в т. ч. и Персидскую, а персы были хозяевами Северных земель до Камы. Ничего нет удивительного, если предположить, что славяне были в авангарде ассирийцев, оторвались от главных сил и захватили земли, которые им нравились».¹⁵

Поэтому, признается Ю. П. Миролюбов,
*«придется поворачивать всю историю»*¹⁶.

Итак, рычаг был обнаружен. Оставалось отыскать точку опоры. И она была «найдена».

«Влесова книга» появилась в поле зрения научной общественности после того, как была написана большая часть процитированных строк. А ведь Ю. П. Миролюбов уже должен был знать о ней, когда рассказывал о похождениях предков основателей Древнерусского государства, но ни разу на нее не сослался.

А вот результат исторических штудий Г. С. Гриневича. Оказывается,

«славянские племена населяли обширные пространства Подунавья на юго-востоке Европы»

еще в V тыс. до н. э. На рубеже следующего тысячелетия произошли *«значительные подвижки славян»*. Часть из них двинулась в Двуречье. С тех пор

«останки наших предков лежат в основании холма „Эль-Убайд“, вокруг и поодаль которого вырастут со временем города Шумера и Вавилона. И мы обязаны помнить тех, кто научил строить эти города».

Вторая славянская «волна» двинулась на восток, и...

«в III тысячелетии до н. э. почти все Подунавье–По-днепровье будет охвачено высокоразвитой трипольской культурой».

Отсюда славяне отправятся на юг и там, в Пенджабе и долине Инда,

«создадут одну из трех величайших культур Древнего Востока – протоиндийскую культуру, на которой затем поднимется культура Древней Индии».¹⁷

Однако к 1800 г. до н. э. протоиндийская культура Харап-пы и Мохенджо-Даро внезапно прекратила свое существование. Г. С. Гриневич связывает это с тем, что примерно тогда трипольцы были вытеснены «восточными племенами» из Среднего Поднепровья. Отсюда славяне

«устремятся на юг, на Балканы, а затем далее – в Эгеиду».

Сюда же, но уже через Малую Азию пришли и «их соплеменники», «оставив свои

города у подножий Гималаев».

«Все вместе, – считает Г. С. Гриневич, – на острове Крит они создадут могучую Критскую державу, искусство которой станет предтечей великого искусства Древней Греции».¹⁸

А после извержения вулкана на острове Санторин около 1450 г. до н. э. они покинут Крит и под именем этрусков поселятся в Италии.

Здесь, правда, фантазия покидает автора, и он вынужден признать, что дальнейшая история славян до того момента, когда они «в конце концов... вернутся на свои исконные земли», остается ему неизвестной. Но дату этого «конца концов» он называет (хоть и без каких-либо обоснований) – «не раньше IV–III в. до н. э.».

Неясны автору и причины столь грандиозных перемещений. Единственное объяснение, которое кажется ему достаточно серьезным, – это «охота к перемене мест».¹⁹

И вся описанная «историческая» картина нарисована на основании текстов, не более «прозрачных», чем цитировавшаяся «надежда вчерашняя».

Однако продолжим. Оказывается, у праславян на Крите удалось «обнаружить» следующую технику:

«наземные аппараты, по форме аналогичные современным вертолетам»,

а также

«летательные аппараты, аналогичные по форме и размерам (!) современным ракетам»,

и автомобили, двигавшиеся со скоростью 200–300 км/ч,

«что вполне может отвечать скорости наземного аппарата с реактивным двигателем»».²⁰

При всех расхождениях – а они весьма существенны – точек зрения Ю. П. Миролюбова и Г. С. Гриневича есть, пожалуй, черта, которая роднит их. Оба они стремятся во что бы то ни стало доказать, что МЫ не только не хуже, но гораздо лучше ИХ. Все ИХ достижения – это НАША заслуга, и главная из них – МЫ древнее ИХ.

С точки зрения здравого смысла, правда, представляется несущественным «паспортный» возраст этноса. В конце концов, государства, располагающиеся на территориях, где зародились древнейшие цивилизации на нашей планете, вовсе не являются по этому случаю самыми влиятельными или уважаемыми в мире. Дело тут в другом.

Вот какими строчками завершает свой труд Г. С. Гриневич:

«...в новые места славяне несли культуру, в частности культуру письма, [поэтому] особый „склад характера“ славян приобретает особенную особость (!). И здесь, может быть, к месту будет вспомнить о „загадочной славянской душе“, хотя книга совсем не об этом... Однако за словом и его смыслом всегда стоит нечто большее, то, что будит в каждом из нас не один только научный интерес, но и дает священное право славянину любить все славянское...».²¹

Значит, дело – в праве на любовь к своим предкам, которое, по мысли Г. С. Гриневича, можно получить (интересно, у кого?) только при одном условии: если удастся доказать, что наши предки – самые «древние». При этом цель оправдывает средства.

Полагаю, однако, что право на «любовь к отеческим гробам» никто и ничто не может дать или не дать. Оно просто есть. И не только у славян. Наши же авторы просто-напросто пытаются «улучшить» свою историю, чтобы получить право любить ее. Мысль эта, к сожалению, не нова.

С распадом СССР, а вместе с ним и «новой исторической общности, советского народа», начался невероятно болезненный, поскольку он касается лично каждого, процесс становления национального самосознания. Человек не может существовать без

определения того, что представляет собою «мы», частью которого он является. А для этого необходимо, в частности, знать свое прошлое. Но именно реальное прошлое, а не тот миф (каким оно *должно было быть*), который давался в официальных установках. Наверное, поэтому на страницах книг, о которых шел разговор, то и дело мелькают фамилии историков, прославившихся своей официозностью. Они занимались не грубой фальсификацией источников, но искусной идеологической манипуляцией общественным сознанием, доказывая, например, что Киев был основан 1500 лет назад, в то время как археологические находки подтверждают существование здесь города «лишь» на протяжении 1000 лет, что, впрочем, тоже немало.

1 Творогов О. В. «Влесова книга» // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 171.

2 Лондон Дж. Сердца трех // Лондон Дж. Соч. М., 1956. Т. 8 (доп.). С. 171.

3 Творогов О. В. «Влесова книга». С. 194–195.

4 Творогов О. В. «Влесова книга». С. 236–237.

5 Новые рубежи. 1985. 12.09.

6 Там же.

7 Лесной С. «Влесова книга» – языческая летопись доолеговой Руси: история находки, текст и комментарий. Виннипег, 1966. Вып. 1. С. 29.

8 Кобзев И. Что же делать с «Влесовой книгой» // Новые рубежи. 1985.12.09.

9 Слово о полку Игореве: Древнерусский текст и переводы. М., 1981. С. 96–97. (Сокровища древнерусской литературы).

10 Гриневич С. Г. Праславянская письменность: Результаты дешифровки. М., 1993.

11 Там же. С. 79 (сохранена авторская орфография).

12 Там же. С. 194, 302.

13 Миролюбов Ю. П. Сочинения. Т. 9. С. 125.

14 Там же. Т. 7. С. 186–187.

15 Там же. Т. 4. С. 160–161.

16 Там же. Т. 7. С. 187.

17 Гриневич Г. С. Праславянская письменность. С. 255.

18 Там же. С. 256.

19 Там же. С. 257.

20 Там же. С. 134–135.

21 Там же. С. 257.

Алексеев А.А.

Книга Велеса: анализ и диагноз

Что думают ученые о "Влесовой книге". - С. 128-147.

В свое время мне пришлось писать о книге Велеса, и к этому вопросу, казалось бы, можно было не возвращаться, но обилие все новых публикаций этого произведения, его растущая, как кажется, популярность, доходящая до того, что предлагается включить книгу Велеса и в школьное, и в университетское преподавание, заставляют говорить о ней вновь.¹ К тому же в своей защите этой грубой подделки А. И. Асов, ее постоянный популяризатор, выступает с крайне резкими нападками на О. В. Творогова и доходит до того, что вообще отвергает компетенцию этого специалиста в решении вопросов о времени происхождения произведений древнерусской письменности. Поскольку именно О. В. Творогов является сегодня самым крупным и плодовитым исследователем и издателем памятников древнерусской литературы, защита его авторитета становится защитой науки от вторжения довольно темных сил, т. е. приобретает большое общественное значение. Я не оговорился, употребив выражение «темные силы». Издательская группа «Гранд-Фаир» (в переводе с английского «большой базар»), выпустившая на рынок одно из главных сочинений А. Асова «Атланты, арии, славяне. История и вера» (М., 2000), предлагает также покупателю в переводе с английского

творение П. Д. Успенского «Новая модель вселенной», представляющее собою «энциклопедию оккультных знаний», труд Э. Маккой «Автоматическое письмо для начинающих», т. е. «искусство вступать в контакт с иным разумом с помощью ручки и листа бумаги, эффективный инструмент гадания и самопознания», рассказы Р. Вебстера, «специалиста по паранормальным явлениям» о том, как «как человек может покинуть физическую оболочку и устремиться в неизвестные дали, презрев пространство и время», наконец, труд Г. Гурджиева (правильнее: Гюрджиева. – А. А.) в переводе с английского «Жизнь реальна только тогда, когда Я есть». Эта книга обращена «к современному человеку, ... чувствующему себя изолированным и ведущим бессмысленную жизнь. Перед читателем открывается метод действия Учителя, который своим присутствием обязывает прийти к окончательному решению, обязывает знать, чего человек хочет». В согласии с этими аннотациями находится и капитальный труд А. И. Асова «Книга Велеса», выпущенный издательством «Политехника» (СПб., 2000) в качестве «научного издания» со следующим издательским пояснением: «Книга Велеса – первый полный канонический перевод на русский язык священных текстов новгородских волхвов VIII–IX веков н. э., в которых отражена вера и история многих европейских и азиатских народов Евразии с XX тысячелетия до нашей эры по IX век нашей эры». Мы уже не удивляемся тому, что каждая рекламная газетенка публикует сегодня астрологические прогнозы и сообщения знахарей, колдунов и гадателей, предлагающих свое искусство, что издается немало книг такого рода, ибо должны признать, что то сравнительно свободное общество, в каком мы сегодня живем, позволяет зарабатывать на жизнь любым способом, какой не запрещен законом. У людей различны способности и возможности, поэтому один во всеоружии новейшей техники производит шунтирование сердечной аорты, тогда как другой борется за свое место под солнцем с помощью молитв и эффективных пассов.

Темой нашего обсуждения может быть только одно: подлинность текста, который называют «Велесовой книгой». Но приходится и еще придется отвлекаться на вопросы околонучной публицистики, к которым так привержен А. И. Асов, потому что необходимо говорить и о той системе ценностей, которая заставляет его отстаивать подлинность «Велесовой книги». Итак, из многочисленных трудов А. И. Асова, посвященных «Велесовой книге» (сокращенно ВК), мы выбрали два последних по времени: уже упомянутую «Книгу Велеса», далее сокращенно «Книга» и «Тайны Книги Велеса» (М.: «АиФ-Принт», 2001), далее сокращенно «Тайны». При обсуждении текста ВК придется также использовать одну из предшествующих публикаций – «Велесова книга. Перевод и комментарии А. Асова», которая двумя изданиями вышла в Москве 1994 и 1995 гг.²

«Книга» имеет следующую структуру: вначале помещен текст ВК с переводом, затем рассмотрены богословское содержание ВК, место ВК в истории и среди мировых религий, история ВК, комментарии к тексту и переводу (во многом совпадающие с названной выше книгой «Атланты, арии, славяне»). «Тайны» содержат длинную историю «деревянных дощечек», на которых якобы написана ВК, и апологию подобной же фальсификации славянского фольклора, опубликованной болгарским фольклористом С. Верковичем в 1881 г.

Вопрос о подлинности «Велесовой книги» решается просто и однозначно: это примитивная подделка.³ В защиту ее подлинности *нет ни одного аргумента*, против ее подлинности приведено множество аргументов, которые мы здесь перечислим довольно бегло, поскольку о каждом из них уже было многое сказано.⁴

1) Никаких доказательств реального существования досок, на которых якобы была написана ВК, не существует. Две известные фотографии воспроизводят не доски, а рисунок на бумаге (что показала Л. П. Жуковская⁵). Вообще использование дощечек размером 38 на 22 см и толщиной в 0.5 см для письма представляется невероятным: в отсутствие пил они сложны для изготовления, при разлиновке и письме они могут легко раскалываться (письмо на двух сторонах!), хранение их и перемещение нелегко

осуществить. Открытие берестяных грамот показывает, что при необходимости достаточно прочные и долговечные свитки могли бы быть сделаны именно из бересты. Придумывая свою книгу из досок, соединенных шнуром, Ю. П. Миролубов не знал еще берестяных грамот и имел в виду рукописи на пальмовых листьях, имевших в древности употребление в Индии и соединявшихся подобным образом. По всей вероятности, ему не были известны вощаные дощечки, называемые *вощечки* и *церы*, которые использовались для черновиков, обучения письму и деловым записям, не подлежащим долгому хранению. Широко применявшиеся в Европе начиная с римской античности, они изготовлялись размером 11 на 9 см при толщине 1 см и соединялись друг с другом шнурами.⁶ Запись, однако, делалась не на древесной поверхности, а на вощаном покрытии, что предохраняло дощечки от раскалывания. В недавние годы их стали обнаруживать и при археологических раскопках на русских землях. В одной из находок, привлечших особое внимание, дощечки имеют размер 19 на 15 см,⁷ но от этого еще очень далеко до того, который показался возможным Миролубову.

2) Алфавит «велесовица» является вторичным по отношению к кириллице, поскольку и в начертании букв, и в принципах орфографии зависит от нее. Это видно, в частности, по написанию гласного звука [и] с помощью двух букв «оу», что восходит к греческой графике. В алфавите, будь он подлинный, ожидалось бы больше сходства с германским руническим письмом. Характеру письма, которое осуществлялось царапанием по дереву, противоречит наличие округлой линии в букве «о». Буква «ч» похожа на греческую «пси» с двумя округлыми элементами.⁸ По утверждению Ю. П. Миролубова, буквы были подвешены к горизонтальной черте (это видно и на фотографии «дощечки»), как это принято в индийском письме деванагари. Но если в письме деванагари сплошная черта представляет собою соединение верхних горизонтальных элементов отдельных согласных букв, то буквы «велесовицы» не имеют, за немногим исключением, верхнего горизонтального элемента, так что сплошная горизонтальная черта не могла возникнуть при этом типе алфавита. Проводить же на дереве глубокую горизонтальную черту в качестве разлиновки небезопасно для целостности древесного материала, к тому же это существенно сокращает поверхность, отведенную для письма. Таким образом, этот элемент письма отражает тенденцию Ю. П. Миролубова связать ВК с мифическими индоарийскими истоками.

3) Датировка «Велесовой книги» VIII–IX вв. ничем не подкреплена. При доступности дощечек мог бы быть проведен радиоуглеродный анализ, который дает надежные результаты. Графика, воспроизведенная на фотографии, не имеет никаких датирующих признаков. Лингвистика текста не содержит никаких признаков указанной эпохи. Носовые гласные, возможно, сохранялись еще VII–VIII вв., но тут полностью отсутствуют; редуцированные гласные неизвестны языку ВК, между тем у восточных славян они сохранялись до XIII в.; некоторые черты польской фонетики, представленные в тексте (переход мягкого [г] в [s] и [z]), возникли лишь в XV в.⁹ В лексике заметно систематическое присутствие южнославянского элемента, понятного на Руси лишь после ее крещения в конце X в.; встречаются лексемы, возникшие лишь в XVIII в. (*скотовод*). Никаких «архаизмов», о которых любят говорить защитники ВК, в тексте нет.¹⁰

4) Лингвистические особенности текста очень выразительно свидетельствуют против его подлинности. Бросается в глаза беспринципное и беспорядочное смешение польских, украинских, реже чешских лингвистических черт с придуманными и невероятными грамматическими формами, каких нет и не было ни в одном славянском языке.¹¹ Этот волапюк находится в согласии с лингвистическими представлениями Ю. П. Миролубова, как он высказывал их в своих сочинениях, с его дилетантскими работами в области фольклора и этнографии. А. И. Асов совсем не использует в своих комментариях сочинений Ю. П. Миролубова, чтобы не демонстрировать широкому читателю тождество стиля и мысли текста ВК с прочими творениями Ю. П. Миролубова, написанными еще до издания ВК. Замечательно, однако, что во многих публикациях, посвященных ВК, от Ю. П. Миролубова до А. И. Асова включительно, фигурирует

странное название деревянных пластин, на которых якобы был написан текст, – *дощьки* и в род. падеже мн. числа совершенно немыслимая для русской орфографии форма *дощьек* (допустимо только *дъщькъ* или *дощек*). Слово фигурирует в качестве подлинного названия соответствующих предметов, но его нет в ВК. Это не единственный, но совершенно очевидный пример саморазоблачения Ю. П. Миролубова.

5) Жанрово-литературные особенности ВК находятся в противоречии с тем, что характерно для произведений столь древней эпохи. Для «священного писания» у ВК не хватает пророческого элемента, какой бы то ни было внешней или внутренней связи с высшими силами. Остается историческая часть и что-то вроде гимнов и молитв. В последних крайне слабо выражены поэтические формы: нет звуковых повторов (аллитераций), грамматической рифмы, расплывчаты ритмические построения, беден метафорический язык. Историческое повествование ведется от первого лица мн. числа, так что полностью лишено всякого эпического начала. Стоит лишь привести в переводе А. И. Асова один пример этой безвкусной исторической прозы: «И забрали мы свои стада и бросились к северу, и спасли наши души. И так, если мы будем хранимы Богами, не утратим мы своих сынов, дочерей, а также жен, и будем мы просто передавать им наследство. И не будем мы сметены, потому что не пойдем впереди рати. И дань будет наша. Мы не псы, а потомки славян. И воинами мы сами быть можем, и не будем беречь себя» (с. 69). Убожество нравственной и социальной мысли, столь отчетливо видимое в этих строках, объяснимо из личности ее создателя Ю. П. Миролубова, который обладал ограниченными познаниями в славянском фольклоре, но не в истории или религии.

Исторический раздел ВК более всего напоминает книгу Мормона, сочиненную в 1820–1830 гг. основателем известного религиозного движения И. Смитом, где повествование местами ведется от первого лица мн. числа. В отличие от И. Смита Ю. П. Миролубов не планировал создания религиозной общины на основе ВК, поэтому не позаботился о пророческом элементе.

Между тем жанрово-литературная природа текста дает крайне много для его понимания, литературный жанр придает последовательности слов характер произведения словесности. Именно известная жанровая изолированность «Слова о полку Игореве» в кругу произведений древнерусской литературы всегда служила почвой для сомнения в его подлинности и это, несмотря на его лингвистическую и историческую достоверность.

6) Недостоверности жанра ВК соответствует и хронологическая система, на которой зиждется ее историческое повествование. Ее автор воспитан и мыслит теми временными категориями, которые выработаны в современном обществе, но отсутствуют в произведениях древней историографии. В эти хронологические расчеты не положены ни сотворение мира, ни какие-либо иные исторические или мифологические события, нет счета лет и по царствующим династиям. Ср. примеры таких хронологических выкладок (цитирую лишь переводы А. И. Асова): «Как только Бус оставил нас, была сеча великая много месяцев» (Книга, 19); «И так дошли мы до сего места и поселились огнищанами на Земле Русской. И так прошли две тьмы (двадцать тысяч лет)» (там же); «Мы были принуждены укрыться в лесах... Там мы пережили одну тьму (десять тысяч лет)» (там же); «После другой тьмы (десяти тысяч лет) был великий холод» (там же). Издатель полагает, что речь идет о похолодании, которое было за 5000 лет до н. э. (Книга, 320). Следовательно, хронологические расчеты начинаются за 45 000 лет до н. э. Как они выполнены, почему в современной хронологической системе, мы не знаем. Иногда применяются хронологические методы современной науки: «И было это после тысячи трехсот лет от Карпатского исхода» (Книга, 197); «Подробнее о начале нашем мы расскажем так. За 1500 лет до Дира прадеды наши дошли до Карпатской горы» (85), т. е. отсчет лет от какого-либо события в ту или другую сторону.

7) Наконец, и само содержание ВК свидетельствует против ее подлинности. Она не предлагает ни новых исторических фактов, ни исторических подробностей, ни органической религиозной концепции. Если в ее основе лежит устное историческое

предание, ей не хватает запоминающихся сюжетных построений и соответствующих литературных приемов изложения (таких, какими богаты, например, былины); если в ее основе лежат исторические архивы воображаемых жрецов, ей не достаёт точности и фактов. Ее идеология легко объясняется из предвоенной обстановки, в которой происходило духовное формирование Ю. П. Миролубова: позднее евроазиатство, индо-арийские теории прародин, популярные в Германии в ту эпоху, набор славянских и индийских языческих персонажей без ясных функций, ставших достоянием европейской культуры еще в XIX в. и с тех пор неизменно выполняющих псевдорелигиозное назначение в полурелигиозной внецерковной среде. О. В. Творогов высказал обоснованный взгляд на Миролубова как автора ВК, и с этим взглядом полностью согласуются все особенности произведения и его короткой истории.

Теперь обратимся к А. И. Асову как издателю и комментатору «Велесовой книги».

Нам уже пришлось отметить, что А. И. Асов не всегда правильно понимает издаваемый им текст. Некоторые из указанных нами ошибок издания 1994–1995 гг. он исправил, о чем мы еще скажем, другие, и в очень немалом количестве, все еще остаются. Например, для текста «а сме стахом на мисть его а пряхомста суре, а бенде паднемо се славою [= со славою], тамо идьме, яко овь» предлагается следующий перевод: «Мы стояли на месте своем и с врагами бились сурово, а когда мы пали со славою, то пошли сюда, как и те» (Книга, с. 12–13). Не обращая внимания на безграмотность переводимого оригинала, отметим лишь, что во втором предложении заключено сослагательное наклонение, т. е. оно значит: «а если падем со славою, туда пойдем, как те».¹²

В «Книге» текст произведения существенно изменен по сравнению с изданиями 1994–1995 гг. Издательская процедура отчасти описана А. И. Асовым на с. 299–300 «Книги» и выглядит как пародия на филологическую работу. Вот ее положения в сопровождении наших комментариев.

(а) ВК сохранилась в четырех копиях, поэтому издатель сравнивал их между собою и «выбирал тексты, наиболее точно отражающие протограф». Этого, конечно, недостаточно. Нет указания на объем каждой из сохранившихся копий (ни одна из них не является полной), нет объяснения принципа выявления первоначального чтения (т. е. чтения протографа), нет никакой характеристики протографа. Последнее необходимо потому, что в зависимости от того, каким мы себе представляем «протограф» (т. е. первоначальный текст), мы оцениваем достоверность источников в том случае, если они расходятся между собою. Короче говоря, А. И. Асов ставит точку там, где только начинается нормальная филологическая работа. Кажется, ни сам Миролубов и никто из его «научных» последователей не объяснили, почему произведение датируется VIII–IX вв. Они полагали, что и сами «доски» возникли в это время, т. е. Ю. П. Миролубову был непосредственно доступен оригинальный текст ВК. Именно для дилетантов и фальсификаторов характерно убеждение, что можно найти оригиналы древних текстов, а не то, с чем наука почти всегда имеет дело, – копии несохранившихся оригиналов. Впрочем, после исчезновения «досок» и А. И. Асов попал в типичное для филолога положение, но оказался недостаточно подготовлен к нему.

В одном месте издатель неожиданно высказывает мнение, что «тексты записывались в разные времена и носителями разных говоров древнеславянского языка» (Книга, 300). Значит, уже не «новгородскими волхвами», а кем-то еще? Не в VIII–IX вв., но и в иное время? Понятно, что к такому признанию его вынуждает именно та лингвистическая мешанина, на которую указала критика. И все же характер этой мешанины остается тождествен на всем протяжении ВК, так что в другом месте по этому вопросу предлагается иное суждение: «Ныне мы можем определенно сказать, что никаких позднейших „слов" ни в языке, ни в идеях и сведениях, которые можно было бы относить к более поздним временам, в самом памятнике нет... Сам же памятник создан именно в IX веке» (Тайна, 45–46). Значит, автор IX в. некто «Ягайло Ган смерд» (имя придумано в свое время А. И. Сулакадзевым и охотно подобрано А. И. Асовым,

правда, без «смерда»), то ли сам сочинил все это на основании устных преданий, то ли объединил записанное другими. И та и другая возможность требует обоснованного доказательства, но наличный материал не согласен ни с той, ни с другой.

Кстати сказать, введение автора в виде Ягайлы призвано решить некоторые проблемы текста, но вместо этого создает новые трудности. Он выходец из Польши, почему в языке ВК присутствуют полонизмы (Тайна, 21), на которые обращала внимание критика. Не объясняется, однако, почему Ягайла так плохо знает польские носовые, что вставляет их не к месту,¹³ и почему А. И. Асов старается устранить из текста эти полонизмы (см. ниже). Дата его рождения 791 г. устанавливается следующим образом: каждые 532 г.¹⁴ регулярно рождается «великий Учитель Мира», а «таковым Учителем мы вправе признать творца ВК» (Тайна, 23–24). Предыдущей фигурой такого уровня был Бус Белояр, который родился 20 апреля 295 г. (Книга, 113). Правда, эти два события разделяет 496 лет, но на мелочи внимание не обращается. Около 811 г. Ягайла участвовал в походе на Сурож и произносил проповеди, «обратившись с призывом к единению всех славянских родов» (Тайна, 30). Оставшись в Крыму, он стал свидетелем миссионерской деятельности Кирилла (которого вывел под именем *Иларе*¹⁵), а в 864 г. «с семьей» возвратился в Новгород, чтобы бежать оттуда в Киев в 874 г. Смерти Рюрика в 879 г. Ягайло не описал, почему следует, что он умер раньше (Тайна, 33–34). Остается, однако, неизвестно, почему А. И. Асов знает, что заключительные слова ВК «крещена Русь сегодня» относятся к какому-то событию 876 г., а не к крещению Руси 988 г. «Биография» Ягайлы Гана смерда показывает, с какой легкостью А. И. Асов заменяет исторические факты собственной фантазией.

(б) А. И. Асов существенно исправил орфографию ВК, полагая, что это позволительно при научном издании. Он использовал графические знаки (буквы), отсутствующие на «досках», причем два из них представляют собою букву «малый юс»: одна из них поменьше, другая чуть побольше, так что различить их почти невозможно, и вторая призвана передавать значение славянской буквы «большой юс». Складывается впечатление, что А. И. Асов не знает, что две славянские буквы в действительности отличаются не столько размерами, сколько очертаниями. Далее он более или менее последовательно заменяет в тексте сочетание «ен» на малый юс, т. е. вместо *пенть* в значении числительного 5 появляется написание *ПАТЬ*. Новое написание соответствует норме древнерусского письма, но расходится с нормой ВК и представлениями Ю. П. Миролюбова, который именно первый тип написания считал истинно новгородским.¹⁶ Поправки А. И. Асова учитывают критику, высказанную лингвистами на первые издания ВК, и показывают, что издатель слишком легко позволяет себе творческое участие в этом тексте.

(в) Равным образом А. И. Асов исправил и еще одну особенность ВК – пропуск гласных, так что вместо *бг* стало *бог*, вместо *влкоу* стало *великоу*. Этого рода исправления также вызваны критикой. Они сближают текст ВК иногда с нормами древнерусской орфографии, но чаще с нормами современного русского языка. Именно в результате таких поправок, например, первоначальная *Влесова книга* стала *Велесовой*. Выполненные механически, исправления эти вносят также и ошибки в текст. Например, «и тако самыме со оце наша не едине саме» (Книга, с. 14), что значит что-то вроде «так что мы есть с отцами нашими, не одни есть». Глагольные формы у Ю. П. Миролюбова были «смьме» и «сме»,¹⁷ что отражает современное польск. *jestesmy* «мы есть». Своими поправками А. И. Асов вносит еще большую неразбериху в малограмотное творение предшественника. Нужно заметить, что пропуск гласных у Миролюбова был не «лингвистического», так сказать, характера, но идеологического: это был еще один элемент подражания индийскому письму деванагари. Это письмо восходит к арамейской письменности и в основном было слоговым, т. е. не обозначало гласных. В угоду лингвистической критике А. И. Асов разрушил один из «арийских» элементов ВК, чем так дорожил ее создатель.

(г) В новом издании А. И. Асов решил заменять по своему усмотрению «а» и ѣ

(ять), «е» и ѣ (ять), «о» и ъ, «ь» и ѣ, «ц» и «ч». Действительно, чередования такого рода встречаются в русских средневековых рукописях, но в филологическом издании следует воспроизводить то, что в рукописи находится, а не то, что издателю нравится. А. И. Асов почему-то считает, что смешение этих букв является особенностью только берестяных грамот и служит, кроме того, доказательством подлинности «дощечек».

В своих «правилах» А. И. Асов, впрочем, назвал вовсе не все замены, какие он произвел в тексте. Так, он старается систематически устранить еще один полонизм ВК, который с полной очевидностью выдает фальсификацию, а именно «ш» или «ж» на месте мягкого «р». Таким образом, прежнее *пшебенде* стало *пребжде* (Книга, 14) и т. п. Наконец, знаменитую фразу «Муж прав ыходяй до мове несть» издатель, чтобы защитить религиозную возвышенность ВК, ничтоже сумняся изменил на «Муж прав ходяй до омовенець» (Книга, 112) с переводом «Муж Правый восходил на амьвеницу».¹⁸ Оказалось, что тут скрыта квинтэссенция науки Старого Буса о том, как идти «Путем Прави», а произнесена она между 265 и 368 гг. «Амьвеница» же, или «омовеница», происходит от греч. *амвон* и обозначает «возвышенное место в храме, с коего произносятся проповеди. Это слово не только греческое, но и славянское по происхождению (от «мовь», что значит «речь»))» (Книга, 390).

Палеография, историческая лингвистика, этимология, грамматика относятся к числу точных наук, они опираются на факты, на документы, на фонетические законы. Слово 'αμβων засвидетельствовано впервые в греческой письменности в 347 г. в Деяниях Лаодикийского собора,¹⁹ оно не могло быть известно славянским язычникам до проникновения к ним христианства и соответственно устроенных церквей. Греческое слово, обозначающее возвышение, образовано от глагола 'αναβαίνω «восходить». Слав. *мовь* могло бы быть поздней диалектной формой от *молва*, но оно, как кажется, не отмечено в диалектах, и уж, конечно, оно не могло быть основой словообразования в III–IV вв., когда славянское слово звучало *mluva* или *mulva* и, следовательно, не было условий для выпадения звука [1]; это произошло только после падения редуцированных в XII–XIII вв. Издатель, который произвольно или в угоду своей концепции меняет чтение древнего текста, совершает подлог, фальсификацию. Единственным утешением может быть то, что в данном случае фальсификации подвергается фальсификат.

Таким образом, исправления в общем и целом служат тому, чтобы устранить те ошибки Ю. П. Миролюбова, на которые указывала критика. А. И. Асов и сам присоединяется к голосу критики и объявляет о том, что Ю. П. Миролюбов имел «своеобразные и туманные представления о языке» (Тайна, 181), что копировал текст с досок он без всякой точности (там же, 183), хотя Ю. П. Миролюбов и жаловался, что иногда копирование одной дощечки отнимало у него месяц (там же, 184). К тому же, как выясняется теперь, Ф. А. Изенбек, впервые обнаруживший дощечки, страдал наркоманией и алкоголизмом (Тайна, 174, 177–178, 183), и в его «походах в кабаки» вольно или невольно участвовал и Ю. П. Миролюбов, сам страдавший запоями именно в период копирования дощечек (Тайна, 186–187, 189). Способ издания текста путем исправлений и способ объяснения его несовершенств, разумеется, лишь компрометируют и сочинителя текста, и его сегодняшнего издателя.

Издатель, однако, пошел так далеко, что дополнил ВК отсутствовавшими в ней частями – Гимном Бояна и надписью на монументе князя Буса.

Гимн Бояна обретен в архиве Г. Р. Державина, первое сообщение о нем в свое время было сделано Ю. М. Лотманом.²⁰ Это довольно странное сочинение все того же А. И. Сулакадзева, написанное письменами, напоминающими скандинавские руны; в действительности, большей частью это так или иначе переделанные славянские и русские буквы. «Рунический» текст сопровождается переводом, который издал Ю. М. Лотман. Свою первую публикацию гимна А. И. Асов осуществил в журнале «Наука и религия» (1995, № 4), где воспроизвел «рунический» текст и снабдил его собственным переводом, вовсе не упомянув о переводе А. И. Сулакадзева; тогда он не знал еще о

публикации Ю. М. Лотмана. Между двумя переводами разница столь велика, что они не могут быть отражением одного и того же оригинала. Вот для примера первые четыре стиха гимна (слева перевод Сулакадзева):

Отличный самовидец сражений Пьющие мед в гостиных палатах
Для ради престарелого Славена роды князя Словена Старого,
И ты возлюбленный те, что изгнали лютую мглу
новопоселенец от Непры-реки,
Подлаживай без противности слушайте песнь Бояна!
слушателям

Действительно, оригиналы тоже различаются. Первый из них, записанный у А. И. Сулакадзева «руническим» письмом, транскрибирован Ю. М. Лотманом (помещаем слева), второй – транскрибирован собственноручно А. И. Асовым в «Книге», а также в названной журнальной публикации и в его же книге «Славянские руны и „Боянов гимн"» (М.: «Вече», 2000), о которой еще придется сказать:

метня видом косте зратаивъ мѣтень отвѣдающе гості зьдаи
ряду деля славенся стру вы, родовъля словена стару,
оже мыль мнѣ изгоив иже мгляны изгънвы люти
ладиме не переч послухъ от нѣпре рече, послухы

Как видно, и оба оригинала, и оба перевода отличаются безудержной фантазией, но если творение А. И. Сулакадзева скромно хранилось почти два столетия в пыли архива, тоopus А. И. Асова или его анонимного соавтора распубликован в десятках тысяч копий. Это новоиспеченное творение А. И. Асов смело датирует IV в., благодаря чему устанавливает дату рождения Буса: в свой перевод гимна он вставил слово *чигирь*,²¹ которое в некоторых русских диалектах обозначает утреннюю Венеру, а затем без долгих сомнений отождествил это светило с кометой Галлея при ее появлении в 295 г. Известно, что комета оказывается вблизи Земли каждые 76 лет, так что приходится гадать, почему именно этот ее приход был избран А. И. Асовым, равно как и дата 20 апреля, избранная для рождения славянского героя, ибо при своих приближениях комета бывает видна месяц или два. Понятно, что перевод А. И. Сулакадзева, представляющий собою довольно осторожную стилизацию под «Слово о полку Игореве» и скандинавские саги, не мог удовлетворить А. И. Асова полным отсутствием арийской тематики. В пользу гимна можно заметить, что в отличие от ВК ему чужды дикие глагольные формы, в которых соединены суффиксы причастий с суффиксами аориста и имперфекта вроде *пьящехом*,²² и злосчастные полонизмы, хотя его грамматическая структура столь же нелепа, как всей ВК, как это можно видеть и из приведенного выше четверостишия.

Надпись на монументе Бояна А. И. Асов нашел прямо в Государственном историческом музее. Она представляет собою индуистский гимн с повторением священного слога *Ом* (Книга, 122). Интересно, что датировка на монументе дана от сотворения мира (5875 г., т. е. 368 г. от РХ) в согласии с иудейско-христианской хронологией. Известно, что абсолютной хронологией от сотворения мира в Византии в IV в. еще не пользовались, она появляется лишь в VI в. в хронографиях христианских монахов, тогда как в светской письменности еще долго применялся счет времени по правителям. Датировка обозначена буквами «велесовицы», которым приписаны именно те числовые значения, какими обладают буквы кириллицы, точно воспроизводящие греческий образец, но не глаголицы, которые сохраняют своеобразие славянского алфавита (так, цифра 5 обозначена буквой Е, а не буквой Д, как ожидалось бы). Не обошлось и без других странностей. Цифра 700 обозначена почему-то вариантом буквы И, тогда как вместо 30 стоит 3 (буква Г). В комментарии утверждается, что еще до 368 г. Бус произвел реформу славянского календаря, и православная Церковь в России до сих пор именно им и пользуется (Книга, 382–383).

Примеры филологической некомпетентности А. И. Асова встречаются на каждом шагу. Здесь и простая неграмотность, которая сказывается в употреблении слова *оранжировка* (Тайна, с. 334 дважды) или формы *языцами* (Книга, 85, в собственном

переводе), здесь и непонимание текста или даже порча его при желании «исправить», о чем только что говорилось. Из наиболее зияющих ляпсусов можно указать на то, что причастие мн. числа *крыженцие* автор характеризует как аорист 3 л. ед. ч. (Книга, 393).

Показательны комментарии к гимну Бояна. В порядке исключения форма *текосте* характеризуется правильно как сигматический аорист 2 л. мн. ч., но за этим следует утверждение, открывающее крайне превратные представления автора о деле, за которое он взялся: «Приведен в праславянской форме. В старославянском языке, в том числе и в языке ВК, «кс» уже перешло в «ч». Вновь мы видим древнюю форму, восстанавливаемую только благодаря сравнительному языкознанию. Во времена Сулакадзева сей науки не было» (Книга, 392). Форма *текосте* не является древней, это новый тип аориста, который преобладает в памятниках древнерусской письменности, так что не нуждается в «реконструкции». Говоря о переходе «кс» в «ч», который к данному случаю, как легко видеть, не имеет никакого отношения, да и вообще никогда не был известен, А. И. Асов реагирует, вероятно, на замечание О. В. Творогова о том, что праслав. **кесо* дало рус. *чась* (критике О. В. Творогова подверглись придуманные Ю. П. Миролюбовым формы вроде *щас* вместо *час*).²³ Хотя в гимне Бояна и имеются правильные глагольные формы, способ их употребления и интерпретации вновь выдает руку невежественного фальсификатора. Строчка 20-я гимна читается «Гамь Боянь пель и текосте вы» с переводом «Гимны Боян запел и потекли сотни воинов» (Книга, 118–119). Что рус. *гам* может означать «гимн», догадался уже А. И. Сулакадзев в своей подделке, которой снабдил доверчивого Г. Р. Державина;²⁴ но почему А. И. Асов считает, что это мн. число? Форма *пель* для IV в. удивительна во всех отношениях: писаться она должна через ять (ѣ) и не могла употребляться отдельно без глагола-связки. При глаголе *текосте* недопустимо употребление местоимения, ибо сама глагольная форма содержит в себе ту информацию, которая сегодня при упрощении нашей глагольной системы передается местоимением. Кстати сказать, это самая яркая черта, выдающая фальсификацию, – постоянное и не к месту употребление личных местоимений, которых почти не было в древних текстах. Фальсификатор еще может с грехом пополам найти по справочнику нужные грамматические формы, но для верного их употребления необходима начитанность в текстах определенного периода. Невзирая на правильно установленное 2-е лицо, А. И. Асов переводит глагол 3-м лицом, не придавая значения таким мелочам. Несколько раньше в этом гимне говорится «молвихомъ радимичи», где правильная по сути глагольная форма 1 л. мн. числа стоит на месте 3 л. мн. числа «молвяху» или «молвиша», что должно значить «сказали радимичи». Но перевод еще неожиданнее: «Ты, князь, промолвил радимичам».

Еще обильнее комментарий к «Боянову гимну» содержит книга А. И. Асова «Славянские руны». Здесь можно найти много такого, чего не видывала до сих пор русская научная литература. Например: слово *послух* «свидетель» в род. падеже имеет окончание *-си*, т. е. *послухси* (с. 250–252); в выражении «Слова о полку Игореве» *по замышлению Бояню* форма *Бояню* – род. пад. существительного (с. 253), тогда как это дат. пад. прилагательного; слово *злу* значит *златогору* (с. 257); *врзу* значит *Сварогу* (с. 259); слово *метень* значит *мед*, его окончание *-ен* произошло из конечного носового звука (!), а глухое *-т-* отражает оглушение на конце (с. 261), ибо А. И. Асов не знает, что глухие согласные появились на месте звонких лишь в XIII в. после падения редуцированных; форма *послухъ* – глагол (!) со значением «слушайте!» (с. 269), форма *будесва* повелит, наклонение буд. времени (!) со значением «будем своих» (с. 271), и т. д. и т. п. Особенно нелепы попытки обобщения грамматических явлений текста. Автор утверждает, например, что «флексии мн. числа в аористе и повелит, наклонении глаголов праславянского языка образовывались от местоимения *вы*, а не *те*, как в старославянском», или что «имперфект в 3-м лице может исполнять роль возвратного глагола» (с. 347). По сути всякое суждение А. И. Асова из области лингвистики или ложно, или неуместно.

Такого же уровня «этимологические» суждения А. И. Асова: *зрек* и *грех* – слова

однокоренные (Книга, 263), равно как *истина* и *источник* (Книга, 392), *чародей* производится от *чары* «рюмки» (Книга, 251); этим способом этимологических фантазий производятся все этнонимы, которых и в самой ВК, и в комментариях великое множество. Конечно, он не знает, что слав. *крест* происходит от греч. *christos* «Христос, помазанник», и воображает, что замена «столба» крестом в иконографии Распятия произошла под влиянием «славяно-скифской традиции» (Книга, 386).

Если в изданиях середины 90-х гг. подлинные причины интереса А. И. Асова к ВК нужно было угадывать, то теперь положение дел приобрело полную ясность. ВК является то ли свидетелем, то ли источником того языческого исповедания, какому издатель предан. В комментариях к тексту выступает полный набор славянских языческих богов с их атрибутами и функциями, раздел «Богословие ВК» (Книга, 221–251) раскрывает суть этого исповедания. Как все языческие верования, эта религия носит племенной, родовой или национальный характер, т. е. ограничивается одной этнической группой, поэтому ее истоки должны быть, вероятно, своего, автохтонного происхождения. Но поскольку религия эта находится в несомненной связи с индо-арийской или индийской культурой, не остается другого, как верить в то, что славяне или русские столь же древни по своему происхождению, как народы Индостана или даже несравненно древнее, если их историческая память начинается за 45 тысячелетий до РХ (на что уже указано выше). А. И. Асов сочувственно цитирует слова своей единомышленницы О. В. Скурлатовой: «Не Припятские болота, куда пытаются нас загнать некоторые археологи, а огромный простор евразийских степей вплоть до Амура – вот наша истинная прародина» (Тайна, 299), но в установлении этих границ идет гораздо дальше: от Туле, острова блаженных в Арктике, до Эвереста. Отсюда открывается шовинистический взгляд на историю, которого А. И. Асов отнюдь не чужд,²⁵ но религиозные предпосылки его творчества гораздо значительнее. Эпоха религиозных диспутов миновала, и сегодня было бы странно и неприлично разбирать чьи бы то ни было религиозные убеждения, опровергать их или подвергать научному суду. Ошибка А. И. Асова состоит в том, что он пытается основать религиозную доктрину на почве историко-филологического изучения случайно попавшего ему в руки текста. Но к этой работе он профессионально не готов, как не был готов и Ю. П. Миролюбов, составивший ВК. Религиозные убеждения не могут и не должны быть подтверждены или опровергнуты исторической грамматикой русского языка. Это вполне очевидно, и случай А. И. Асова служит тому лишним свидетельством. Так, подлинный текст книги Мормона, процарапанный на золотых пластинах, исчез, доступным является лишь его перевод, поэтому последователям учения нет необходимости сражаться с мировой наукой, которая наверняка нашла бы в «оригинале» ошибки лингвистического характера. Неудачным для А. И. Асова образом его религиозная доктрина оказалась связана с чуждой ему сферой знаний.

Спор о подлинности историко-летописного сочинения, составленного якобы в VIII–IX вв. новгородскими жрецами, направлен исключительно на выяснение лишь этого вопроса, по видимости одинаково важного обеим спорящим сторонам, и как всякий научный спор не может (во всяком случае, не должен) порождать личных обид и обвинений. На деле,²⁶ однако, А. И. Асов сам направляет крайне оскорбительные упреки своим оппонентам и болезненно переносит возражения. Он признается: «Жаль, что много сил уходит на борьбу с лиходеями (это о критиках! – А. А.). Но это неизбежно. Главной бедой таких людей я считаю „пещерный атеизм“: они не понимают, что нельзя *без веры вторгаться в сию область* (выделено мною. – А. А.), превращать богословские и научные споры в идеологические» (Книга, 298). Красноречивое признание! История русского языка и русской литературы представляет собою область положительных знаний, которые до сих пор никому не были даны откровенным путем и не являются предметом веры. Мне пришлось назвать некоторые из многих ошибок А. И. Асова в этой области вовсе не для того, чтобы ославить его, целью было показать, что для научного спора он не созрел и не должен принимать на себя ответственность в вопросе о

подлинности ВК. Едва ли он сознает, что та эквилибристика, которой он посвятил десятки и сотни страниц в своих книгах, крайне далека от научной дискуссии и научного исследования. Чтобы доказать подлинность ВК, нужно последовательно опровергнуть большую часть достижений историко-филологической науки за два последние столетия,²⁷ но я думаю, что для богословской позиции А. И. Асова в этом нет необходимости, а в обсуждение ее мы не входим. Защита профессионального подхода к специальным вопросам продиктована не цеховой узостью и корпоративным эгоизмом, это защита нормальной социальной организации против хаоса и хищничества. Для благополучия всего общества должны существовать институты, которые несут ответственность за профессиональные сферы вне всякой связи с религиозными или безрелигиозными убеждениями. Именно как профессионал в той области, куда случайно занесло незадачливого язычника, я утверждаю, что дом свой он строит на песке (Мф 7, 26–27).

- 1 Только что украинский специалист по древней письменности восточных славян Б. И. Яценко (см. о нем: Энциклопедия «Слова о полку Игореве». 1995. Т. 5. С. 300–302) опубликовал новое издание этого произведения под заглавием: «Велесова книга. Збірка праукраїнських пам'яток I тис. до нової доби–I тис. нової доби» [Київ, 2001]. Изданы текст «Велесовой книги», набранный современным гражданским письмом, украинский и русский переводы, исследование, список разночтений между разными копиями текста, словарь собственных имен и некоторых трудных слов. Привычная академическая форма издания способствует внедрению этого произведения в культурный обиход и школьное образование.
- 2 Рецензию на нее см.: *Алексеев А. А.* Опять о «Велесовой книге» // *Русская литература.* 1995. № 2. С. 248–264; см. наст. изд., с. 94–108.
- 3 Для непосвященного читателя сообщаем, что «Велесову книгу» обнаружил русский эмигрант, журналист и фольклорист, Ю. П. Миролюбов. После того как он скопировал текст, деревянные доски VIII–IX вв., на которых она была написана, исчезли. Ее первое издание осуществлено за границей в 1950-е гг.
- 4 См.: *Творогов О. В.* 1) Что же такое «Велесова книга»? // *Русская литература.* 1988. № 2. С. 77–102; 2) «Велесова книга» // *ТОДРЛ.* 1990. Т. 43. С. 170–254 с изложением литературы вопроса.
- 5 *Жуковская Л. П.* Поддельная докириллическая рукопись (К вопросу о методе определения подделок) // *Вопросы языкознания.* 1960. № 2. С. 144; см. наст. изд. с. 32–33.
- 6 См.: *Добиаш-Рождественская О. А.* История письма в средние века. 3-е изд. М, 1987. С. 25–29.
- 7 См.: *Зализняк А. А., Янин В. Л.* Новгородский кодекс первой четверти XI в. – древнейшая книга Руси // *Вопросы языкознания.* 2001. № 5. С. 3–25.
- 8 По данным Б. И. Яценко (с. 234), подобная форма буквы отмечена в «славянских рукописях Причерноморья и в надписях о Кипра». Нам ничего не известно об этих источниках.
- 9 См. в названной рецензии Алексеева: наст. изд., с. 100.
- 10 По мнению Б. И. Яценко (с. 237), доски, с которыми имел дело Ю. П. Миролюбов, написаны на Украине в XVII в., оригинал же принадлежал XIV в. Что же в этом случае относится к IX в.?
- 11 Б. И. Яценко в своем лингвистическом анализе книги вообще не затронул вопросов грамматики.
- 12 Большой перечень ошибок А. И. Асова в переводе составил Б. И. Яценко (с. 283–287). Этот раздел книги Б. И. Яценко выразительно назван «Не переклад, а беллетристика».
- 13 См. рецензию Алексеева.: наст. изд., с. 99.
- 14 532 года составляют так называемый великий индиктион, т. е. период, после которого фазы луны приходятся на те же дни недели солнечного года. Эти совпадения важны для расчета наступления православной Пасхи. Счет индиктионов идет от «сотворения мира», т. е. от 5508 г. до РХ. Таким образом, в 345 г. наступил 12-й индиктион, в 877 г. – 13-й, в 1409 г. – 14-й, в 1941 г. – 15-й. Как видим, важные для А. И. Асова события с этим счетом связи не имеют.
- 15 Так в изданиях 1994–1995 гг., с. 95. В «Книге» (с. 78) это исправлено на нечто не менее странное – *Кирилл*. Фантазерство Миролюбова и Асова оказывает им здесь плохую службу: в Крыму Кирилл был известен под своим мирским именем Константина, тогда как монашеское имя Кирилла было принято им в Риме лишь в 869 г.
- 16 См. в рецензии Алексеева.: наст. изд., с. 105.
- 17 Так они переданы в изданиях 1994–1995 гг.
- 18 Перевод Б. И. Яценко делает упор на семейно-нравственные отношения: «Муж, идя домой, не прав, если лишь заявляет о правах» (с. 150).

- 19 *Sophocles E. A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine periods (from B. C 146 to A. D. 1100)*. Boston, 1870, s. v.
- 20 *Лотман Ю. М.* «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII–начала XIX в. // Слово о полку Игореве – памятник XII века. М., 1962. С. 396–404. Место хранения гимна: Рукописное собрание РНБ, Архив Г. Р. Державина, № 39. Л. 172–174.
- 21 В переводе А. И. Асова «Он пел, как Чегирь-звезда летела в огне драконом, сияя светом зеленым» (в его транскрипции «якъ огла онъ чегирь иде овъ че-гирь угрь иже зелень», откуда идет у Асова неверная орфография в названии звезды). В переводе А. И. Сулакадзева: «Как обруч согнутой, как ветвь круглы оне, чары исчезнут, не бось ничего» (в рунах «око глва огни чегрить ово уче круга иже селнь»). Фотоснимок рукописи А. И. Сулакадзева опубликован А. И. Асовым в книге «Славянские руны» (с. 317–321). Он воспроизведен также еще в одной книге: *Куликов А. А.* Космическая мифология древних славян. СПб.: «Лексикон», 2001. С. 137–141. Эта последняя работа также преимущественно посвящена ВК. Автор колеблется: признать ли ее вполне поддельной или поддельной лишь отчасти.
- 22 См. в рецензии Алексеева: наст. изд., с. 101.
- 23 *Творогов О. В.* «Влесова книга» // ТОДРЛ. 1993 С. 229–230.
- 24 См. Сочинения Г. Р. Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. 1872. Т. 7. С. 586–587.
- 25 В этом он не одинок. См., например: *Юшин В. И.* Русь от патриархов до апокалипсиса. М.: Фэри-В, 2001. ВК находит себе почетное место на страницах этой книги, где Св. Писание перемешано с политикой. В другом подобном труде использованы, в частности, фольклорные фантазии Ю. П. Миролубова и А. И. Асова: «Русская Хазария. Новый взгляд на историю» (М: Метагалактика, 2001; составитель Ю. Д. Петухов). В книге есть еще серийный подзаголовок «Подлинная история русского народа». Дилетанты упорно подозревают профессионалов в несостоятельности и непригодности. Кажется, что от исторической науки они ждут того же, что от желтой прессы, – сенсаций, приятных забав и щекотания нервов. Труд Б. И. Яценко на Украине также выполняет «национальный заказ». Он издан на средства И. Г. Кислюка, биография которого вместе с портретом завершают издание. Здесь сообщается, что меценат считает ВК «священной для нашего народу» и что «Іван Кісьлюк та його однодумці вперто по-ширjøють національні ідеї та надбання серед разбурханого моря низькопробної іноземщини» (с. 328).
- 26 С глубоким сожалением приходится признавать, что в дискуссии А. И. Асов проявляет грубость, раздражительность и изворотливость. Чтобы опровергнуть его выпады против А. Х. Востокова, А. Н. Пыпина, М. Шефтеля или О. В. Творогова, их пришлось бы повторить, но это неприлично.
- 27 Увы, А. И. Асов на это готов: «До тех пор, пока свое отношение к памятнику не выскажут директора и заведующие соответствующими кафедрами всех крупнейших российских университетов и профессиональных НИИ (в частности, Института русского языка, Института языкознания, Института славяноведения и балканистики), мы даже не будем знать, в курсе ли они данной проблемы (подлинности ВК. –А. А.). Причем свое отношение в этом случае просто необходимо высказать в печати, и подробно. Уверен, памятник сего заслуживает хотя бы потому, что в его защиту уже высказались крупнейшие славяноведы ряда стран. В противном случае нам останется считать, что отечественного славяноведения не существует. Есть лишь вывески на зданиях, которые свободны от присутствия ученых. Но будем все же надеяться, что ситуация переломится» (Тайна, 320–321).

Козлов В.П.

"Дощечки Изенбека", или умершая "Жар-птица"

Что думают ученые о "Велесовой книге". - С. 148-175.

"Дощечки Изенбека", ныне больше известные с легкой руки одного из их исследователей С.Лесного (Парамонова) под названием "Влесовой книги" (ВК), – один из наиболее скандальных подлогов середины XX в. письменных исторических источников, связанных с историей России и славянских народов.

Читающая публика впервые узнала об этом сочинении из небольшого сообщения в малотиражном журнале "Жар-птица", издававшемся в Сан-Франциско российскими эмигрантами. В ноябрьском номере этого журнала за 1953 г. под заголовком "Колоссальнейшая историческая сенсация" было сообщено о том, что "отыскались в Европе древние деревянные "дошки" V века с ценнейшими на них историческими

письменами о древней Руси"¹. С января 1954 г. в том же журнале началась публикация отрывков найденных текстов. Она продолжалась с перерывами до декабря 1959 г., когда журнал прекратил существование.

Публикация осуществлялась одним из издателей журнала, ученым-этимологом, специалистом по ассирийской истории А.А.Куром (Куренковым) по материалам, присылавшимся из Брюсселя российским литератором-эмигрантом Ю.П.Миролюбовым. Сам Миролюбов в своих статьях и переписке с коллегами следующим образом представил историю обнаружения памятника.

В 1919 г. полковник Белой гвардии, в прошлом художник и археолог, Ф.А.Изенбек вместе со своей артиллерийской батареей попал в разграбленную усадьбу "на курском или орловском направлении", принадлежавшую некоей княжеской семье Задонских, Донских, Донцовых или Куракиных (точной фамилии Изенбек, со слов которого передавал рассказ о находке Миролюбов, не помнил). Среди поломанных вещей и разорванных бумаг Изенбек обнаружил разбросанные дощечки. "Дощьки" (так пишет Миролюбов – В.К.) были побиты, поломаны, а уцелели только некоторые, и тут Изенбек увидел прочерченные письма. Он подобрал их и все время возил с собой, полагая, что "это какая-либо старина, но, конечно, никогда не думал, что старина эта чуть ли не до нашей эры"². Мешок с дощечками вместе с Изенбеком затем оказались в Брюсселе, где дощечки попали на глаза Миролюбову. В течение 15 лет, не вынося их из дома Изенбека, Миролюбов, по его словам, "разбирал "сплошняк" архаического текста". Он свидетельствовал, что ему частично удалось переписать текст до того, как после смерти Изенбека в 1941 г. они исчезли. "Так как доски были разрознены, – пишет Миролюбов, – да и сам Изенбек спас лишь часть их, то и текст оказался тоже разрозненным; но он, вероятно, представляет из себя хроники, записи родовых дел, молитвы Перуну, Велесу, Дажьбогу и т.д."³ Копии Миролюбова, таким образом, превратились в первоисточник, ныне доступный всем⁴.

Публикация в "Жар-птице" текстов дощечек Изенбека осуществлялась Куром фактически совместно с Миролюбовым. Она сопровождалась их историческими и текстологическими комментариями, даже целыми рассуждениями о готах, славянах, славянской религии и мифологии. Но, конечно, первостепенное значение представлял публикуемый текст ВК. И первые издатели памятника, и его последующие исследователи дружно отметили его непонятность. Предпринятые переводы на современный язык обнаружили его деформированность, несвязанность, наличие противоречивых, взаимоисключающих версий. В качестве примера приведем образчик текста по переводу, осуществленному на свой страх и риск одним из сторонников подлинности ВК Б.А. Ребиндером: "О подробности о том, как мы начинались в окрестностях (?), скажем так: за тысячу пятьсот лет до Дира пошли наши прадеды к горам Карпатским, и там уселись, и жили кладно (спокойно). Потому что роды управлялись Отцами родов, а старшим в роде был щeko од ориан, он воевал (?), ибо Паркуй нами благопочитался, и мы здесь очутились, и так нам жилось 500 лет. И тогда мы ушли к восходу солнца к Непре (Днепру). А эта река течет в море, и мы на ней уселись на севере, которая называлась Припять Днепра, и там поселились и управлялись вечем 500 лет. И так были охраняемы богами от многих, называемых языгами. Там было много ильмерцев, которые там осели крестьянами. И так мы разводили скот в степи, и там были хранимы богами, и можно так сказать, как сказал Орь – "Отдохни и получай деньги и много злата" – и жилось богато". Мы привели образчик далеко не самого непонятого текста, но и из него видно, насколько сложно проникнуть в смысл его содержания.

Следующий пример демонстрирует это в еще большей степени: "Наша мета умножилась, но мы не собираемся, и так за 1300 лет до исхода из Карпат злой Аскольд напал на нас, и тут был изгнан народ мой, и юноши добровольно пошли под стяги наши, а то их забирали враги на Руси. Могуч Сварог наш и не боги иные, а просто Сварог, и ничего для нас, кроме смерти"⁵.

И все же, продираясь сквозь подобные словонагромождения, споря с самим собой относительно толкования того или иного выражения, можно в общих чертах понять некоторые опорные сюжеты ВК. При этом следует иметь в виду, что упоминаний о конкретных исторических фактах, вообще о фактах, в ВК ничтожно мало: автор предпочитает общие рассуждения несвязного характера и редчайшие упоминания имен. Можно понять, что ВК зафиксировала историю славянского народа с IX в. до н.э. по IX в. н.э., т.е. ни больше ни меньше как за 1800 лет. В ней упоминается некий Богумир и его дети, ставшие прародителями древнерусских племен, известных из летописи. Однако другие тексты ВК вносят не столько коррективы, сколько еще большую неясность в эту генеалогию, иногда прямо противореча ей. Далее ВК повествует о постоянных, длившихся едва ли не столетия битвах славян-русичей с гуннами, римлянами, греками, готами. Никаких конкретных сведений мы здесь не найдем: упоминается лишь готский вождь Германарих и некий Галарех. Чрезвычайно запутана и не поддается сколько-нибудь однозначному пониманию и хронология ВК. Столь же неопределенна и ее география. Помимо хорошо понятных топонимов типа "Днепр", "Карпатские горы", "Корсунь", "Сурож", локализация которых ясна, в то же время можно встретить топонимы типа "тропы Трояна", "земля Трояна", известные из "Слова о полку Игореве", но местонахождение которых до сих пор вызывает споры. Локализовать их и по ВК невозможно.

Несколько более понятны мифология ВК и отраженные в ней религиозные верования древних славян. Здесь упоминается обширный языческий пантеон, говорится об отсутствии у древних славян традиции человеческих жертвоприношений, сквозь все тексты проходит образ славян как "внуков Дажь-Божьих" и т.д.

Наконец, при большом напряжении внимания мы обнаружим в ВК некоторые данные об общественном строе славян-русичей: княжеской власти, вечевых сходах, занятиях земледелием и скотоводством, податях князьям и др.

Публикация в "Жар-птице", вероятно, оставалась бы известной лишь достаточно узкому кругу читателей журнала, если бы в 1957 г. в 6 выпуске своей "Истории русов в неизвращенном виде" ученый-эмигрант С.Лесной (Парамонов) не посвятил ВК специальный раздел⁶. Лесной заявил о подлинности ВК, попытался определить ее историческое значение, на основе собственного перевода специально разобрал отрывки о Кие, Щеке, Хориве, Богумире и даже (по изданию Кура) привел фотокопию отрывка ВК. Это была уже солидная заявка на право существования открытого памятника как исторического источника. Правда, в 10 выпуске своей "Истории" Лесной обрушился на Миролюбива и Кура с критикой, обвиняя их в том, что они отказываются сообщить подробности о ВК и не позволяют ученым ознакомиться с ее полным текстом⁷. Одновременно Лесной направил фотокопию фрагмента текста ВК, опубликованного в "Жар-птице" (10 строк), в Советский славянский комитет с просьбой дать заключение. Известный языковед и палеограф Л.П.Жуковская, проводившая экспертизу, пришла к выводу о том, что присланная фотография сделана не с дощечки, а с прориси текста дощечки. Признавая, что палеографические данные прориси не позволяют утверждать однозначно о том, что памятник является подделкой, Жуковская тем не менее категорически заявила о фальсифицированном характере текста на основе анализа его языка. Еще до публикации заключения Жуковской в советской печати⁸ оно было направлено Лесному, который организовал полемику с ней в "Жар-птице". По его мнению, оппонент просто не знает языка, на котором написана ВК⁹.

Публикация заключения Жуковской способствовала тому, что интерес к ВК в СССР исчез, фактически даже как следует не проявившись. В то же время за рубежом обсуждение вопросов, связанных с подлинностью памятника, прежде всего благодаря работам Лесного, продолжалось достаточно активно. В 1964 г. Лесной опубликовал книгу "Русь, откуда ты?", посвятив ВК несколько десятков страниц¹⁰, а с 1966 г. стал публиковать в виде отдельных выпусков подлинный текст, перевод ВК и комментарии к ней¹¹. Последняя работа Лесного является одним из наиболее фундаментальных и

завершенных сводов аргументов сторонников подлинности ВК и интерпретации ее текста. Поэтому остановимся на ней подробнее.

Признавая, что сомнение является необходимым условием любого научного исследования, Лесной постарался с этих позиций подойти и к дощечкам Изенбека, т.е. допустить их фальсифицированный характер. По мнению Лесного, логика размышлений в этом направлении доказывает обратное. У самого Изенбека не обнаруживается никаких видимых причин для фальсификации: он не пытался продать свою находку, стремясь получить тем самым материальную выгоду, не снискал с помощью "дощечек" для себя славы, храня их "почти в тайне", не продемонстрировал с их помощью желания подшутить над современниками. Лесной называет и другое логическое предположение, а именно, что "дощечки" попали к Изенбеку уже будучи фальсификацией. Но почему тогда прежние владельцы не обнародовали их? – задается неожиданно риторическим вопросом автор и далее дает, по его мнению, наиболее правдоподобное объяснение. Оно сводится к тому, что "дощечки сохранялись в родовом архиве от поколения к поколению, но никто не понимал их истинного значения и фактически о них ничего не знал, только разгром библиотеки выбросил их на пол, и они были замечены Изенбеком"¹².

Главное доказательство подлинности "дощечек Изенбека" Лесной видит в их принципиальной непохожести на все известные в мире памятники письменности. Эту непохожесть он обнаруживает по меньшей мере в десяти признаках. Материал памятника – деревянные дощечки – неизвестен науке как носитель письменной информации. Фальсификатор поэтому должен был обладать немислимой дерзостью, пренебрегая возможностью быть изобличенным по этой причине. Алфавитная система, употребленная в ВК, очень своеобразна, хотя и близка к кириллической. Поскольку неизвестен ни один памятник, написанный такой системой, его подлинность также должна была вызвать немедленное подозрение. Лесной признает неповторимость языка ВК – "совершенно неизвестный славянский язык", объединивший архаизмы и кажущиеся новыми языковые формы, однако именно в этой неповторимости он также видит один из признаков подлинности. Большой объем ВК, по мнению Лесного, также говорит в пользу ее подлинности, ибо фальсификатору не было смысла тратить на это уйму времени и труда. В ВК Лесной обнаруживает ряд подробностей, известных из очень редких источников, которые демонстрируют тончайшее знание автором древней истории. "При таких знаниях, – пишет Лесной, – проще быть известным исследователем, чем зачем-то неизвестным фальсификатором"¹³.

О подлинности ВК, по мнению Лесного, говорит и ее содержание. Среди всех необычностей последнего он особо обращает внимание на три. Первая – это апологетика язычества и критика христианства. Вторая – сосредоточенность повествования памятника на древнейшей истории юга Руси, "о которой мы ровно ничего не знаем", по словам Лесного, из других источников. Третью необычность содержания Лесной видит в том, что повествование ВК представляет собой скупой, безличный рассказ, наполненный жалобами на раздоры славянских племен. "Это не панегирик, которого можно было ожидать, а скорее увещевание и даже отчитка", – заключает автор.

Приведенные доказательства подлинности ВК Лесной называет "логическими". Нетрудно заметить, что как раз никакой логики в них нет, кроме достаточно общих, противоречивых, а главное, обходящих все иные, сколько-нибудь допустимые, варианты рассуждений. Его общая посылка о подлинности ВК в силу оригинальности ее изготовления, содержания и бытования легко опровергается равным допущением того, что фальсификатор, чтобы придать большую видимость подлинности своему изделию именно и стремился сознательно к тому, чтобы сделать его непохожим на все известные памятники.

Только полное незнание истории фальсификаций исторических источников позволило Лесному глубокомысленно заявить, что при той эрудиции, которую продемонстрировал автор ВК, проще быть известным ученым, чем неизвестным фальсификатором. История подделок источников свидетельствует как раз об обратном:

автор подлога всегда полагает, что лучше остаться неизвестным фальсификатором и быть известным первооткрывателем подлога, выдавая его за подлинный исторический источник. С этой точки зрения абсолютно схоластичны, искусственны и все другие рассуждения Лесного. Например, он не видит оснований считать, что сам Изенбек мог изготовить подлог. Действительно, приводимые Лесным факты, основанные на показаниях Миролюбова, не позволяют даже и предположить это: достаточно вспомнить, что Изенбек плохо знал даже русский язык. Однако это рассуждение становится пустым звуком, как только под подозрение попадут рассказы Миролюбова. В самом деле, они не подкреплены абсолютно ничем, кроме одного – факта существования Изенбека. С этой позиции подозрения в достоверности рассказа Миролюбова об истории находки ВК неизбежно заставляют поставить вопрос о мотиве его вымысла. И логически этот мотив можно связать только с одним: фальсификатор ВК Миролюбов был заинтересован в создании легенды, связанной с бытованием ВК.

Впрочем, Миролюбов еще станет предметом нашего внимания ниже. Сейчас мы вернемся к Лесному, который в дополнение к "логическим" доказательствам подлинности ВК указывает и на "одно фактическое". Его он видит в решительном отрицании в ВК бытования у древних славян-русичей кумирен и человеческих жертвоприношений. По мнению Лесного, внимательное чтение Начальной летописи подтверждает это: летопись говорит, что человеческие жертвоприношения на Руси были заимствованы Владимиром Великим от варягов в 980 г. и просуществовали лишь около 10 лет. Столь смелое историческое заключение, разумеется, не соответствует действительности.

Можно было бы и дальше продолжать анализ беспомощных доказательств подлинности ВК, предпринятых Лесным. Но и из сказанного очевидно: автор не смог привести ни одного сколько-нибудь серьезного логического и фактического аргумента, опровергающего скепсис в отношении этого памятника. Работа Лесного о ВК замечательна другим. Она может считаться образцом искренней или неискренней (об этом мы поговорим ниже) попытки непрофессиональных размышлений о подлогах исторических источников и доказательствах их подлинности. Лесной продемонстрировал пример подмены накопленных наукой общепризнанных приемов критики исторических источников поверхностными и внешне привлекательно-немудреными рассуждениями, исходившими в конечном счете из тезиса о безусловной подлинности ВК.

Тем не менее именно книга Лесного, изданная тиражом в тысячу экземпляров, сыграла свою роль в пропаганде ВК. Слухи о ней достигли и СССР. В 1970 г. именно по этим слухам в советской печати о ВК как о подлинном памятнике впервые упомянул поэт и художник И. Кобзев¹⁴. Автор этих строк помнит, как во второй половине 70-х годов он однажды оказался на выставке картин Кобзева, основанных на сюжетах ВК. Поклонников этих картин, уверовавших в подлинность памятника, давшего творческий импульс Кобзеву, оказалось немало...

С этого времени в советской печати началась настоящая полемическая дуэль вокруг ВК. Важно отметить, что она разворачивалась на фоне дискуссии по вопросу о подлинности "Слова о полку Игореве", инициированной профессором А.А.Зиминым. Дискуссия стала одним из самых заметных событий в советской историографии 60-х годов. Административное вмешательство в научный спор не позволило объективно обсудить и оценить гипотезу Зимины о создании "Слова о полку Игореве" в XVIII в. Однако в 70-е годы ему удалось в ряде провинциальных и центральных изданий опубликовать серию статей с обоснованием своей точки зрения, встретившую ответные полемические выступления. Как увидим ниже, спор с Зиминым по поводу подлинности "Слова о полку Игореве" придавал особую пикантность полемике вокруг ВК, поскольку она привела к расколу внутри лагеря защитников "Слова".

Начало полемики в СССР вокруг ВК было положено статьей В. Скурлатова и Н. Николаева, опубликованной в популярном еженедельнике¹⁵. Вслед за Лесным авторы

были склонны полагать, что необычность содержания ВК является главным доказательством ее подлинности. По их словам, эта "таинственная летопись" позволяет по-новому поставить вопрос о времени возникновения славянской письменности, внести кардинальные изменения в современные научные представления об этногенезе славян, их уровне общественного развития, мифологии. "Придумать такое, – писали они, – вряд ли под силу какому-либо заурядному фальсификатору". В том же 1976 г. газета "Неделя" поместила уже целую подборку восторженных отзывов о ВК, среди которых все отчетливее зазвучало обвинение против тех, кто якобы стремился "замалчиванием отстранять" читателей и писателей от этого выдающегося произведения¹⁶.

Это было мощное наступление, участники которого взяли себе на вооружение формальные результаты завершившейся дискуссии вокруг "Слова о полку Игореве". С их точки зрения получалось, что совсем недавно патриоты отечественного прошлого одержали победу над ниспровергателями его духовного наследия. Но эта победа казалась им частичной, поскольку другой древний памятник – ВК – все еще оставался под сомнением и даже запретом в СССР. Однако как бы мы ни отнеслись к подобным обвинениям сторонников подлинности ВК, важно отметить, что в одном они были абсолютно правы – в своем требовании немедленно издать это сочинение. Выполнить же это требование в условиях господства тогдашней идеологии было практически невозможно: отпугивала целая когорта эмигрантов, с именами которых оказался связан этот памятник и которые при комментировании его не щадили советскую власть. Вместе с тем и "замалчивание" ВК также грозило идеологическим устоям, неизбежно порождая элементы подозрительности в отношении его причин. Кроме того, после неуклюже организованной дискуссии о "Слове о полку Игореве", которой не удалось придать блеска академизма, было важно продемонстрировать хотя бы внешне объективность советской историко-филологической науки. Пересечение всех этих интересов и обеспечило возможность появления статьи исследователей Б.А. Рыбакова, Л.П. Жуковской и В.И. Буганова, два первых из которых были решительными защитниками подлинности "Слова о полку Игореве"¹⁷. Это была безупречная в анализе палеографических, лингвистических, исторических особенностей ВК статья, показавшая фальсифицированный характер памятника.

Ответ на нее последовал немедленно. Его автором стал известный писатель В. Жуков, попытавшийся представить критику Рыбаковым, Жуковской и Бугановым работ о ВК Миролубова, Кура, Лесного "предметом научных споров"¹⁸. Выступление Жукова нашло поддержку в ряде других массовых изданий, где восторженные отзывы о ВК поместили Кобзев, Скурлатова и вновь сам Жуков¹⁹. Интересно обратить внимание на те аргументы, которыми пользовались названные авторы. Они оказались на редкость однообразны, но в своей основе восходили к попыткам подменить вопрос о подлинности "дощечек Изенбека" вопросом о сложности прочтения их текстов, скрывающих еще не разгаданные тайны далекого прошлого.

Отклик на серию этих выступлений оказался традиционным. Статья Ф.П. Филина и Жуковской излагала результаты лингвистического анализа ВК и на его основе квалифицировала памятник как "явную и грубую" подделку²⁰.

Однако и этот отклик не остался без ответа. В. Осокин, литератор и журналист, по странному причудам своих интересов и характера почему-то питающий особую склонность к пропаганде подделок, не обошел своей защитой и ВК. С традиционно присущей ему небрежностью и умением сознательно исказить факты, он в специальной статье охарактеризовал памятник как ценнейший исторический источник, игнорируемый лишь отдельными учеными. Согласно Осокину, существовали уже фотокопии всех "дощечек Изенбека", несостоявшийся доклад С.Лесного о ВК на V Международном съезде славистов, оказывается, вызвал "большой интерес" и до такой степени взволновал его участников, что они едва ли не приняли решение приступить к подробному изучению памятника²¹.

Можно было бы продолжать перечисление других письменных и устных

выступлений сторонников подлинности ВК²². Но это не прибавит что-либо нового к тем аргументам, о которых мы рассказали выше. Главный же результат этих выступлений следует выделить: вокруг ВК был создан ореол непознанной таинственной рукописи. Знаменательно, что первая серьезная статья, опубликованная в широко читаемом издании и показавшая фальсифицированный характер ВК²³, осталась мало замеченной и фактически была проигнорирована теми, кто настаивал на подлинности памятника.

Параллельно с дискуссией в советской печати все больше и больше усиливалась кампания в защиту подлинности ВК за рубежом. Внешне она, правда, выглядела более академической. Уже к середине 70-х годов существовало по крайней мере пять переводов памятника на современные языки: два – на русский, два – на украинский и один – на английский²⁴. С 1972 г. начинает печатать текст ВК с комментариями известный славист Н.Ф. Скрипник²⁵. Он первый решил сравнить тексты памятника, опубликованные в "Жар-птице" (далее – Ж), присланные Миролюбивым Куру (далее – М) (они находились в Сан-Франциско в архиве Кура), сохранившиеся в архиве Миролюбова в Аахене, а также изданные С.Лесным. Сравнение обнаружило, по словам Скрипника, "странные и удручающие" расхождения текстов. Во-первых, в архиве Миролюбова обнаружились тексты 16 нигде не публиковавшихся дощечек. Во-вторых, в архиве Миролюбова отсутствовали тексты нескольких дощечек, опубликованных в "Жар-птице" и С.Лесным. В-третьих, что являлось самым главным, сравнение текстов ВК, помещенных в "Жар-птице", с текстами, присланными Миролюбивым Куру, выявило, по свидетельству Скрипника, "сотни различий, какие никак нельзя объяснить обычной редакционной правкой...". Хотя Скрипник, добросовестно изложив эти наблюдения, не рискнул сделать из них каких-либо категорических выводов, они фактически означали, что в распоряжении исследователей не имеется не только "подлинного" текста ВК, но и текста, снятого Миролюбивым с "дощечек Изенбека". Тем не менее посмертная публикация сочинений Миролюбова в 1977–1984 гг. с подробными рассказами о его находке "дощечек Изенбека" и работе с ними еще раз как бы подтверждала подлинность ВК и ее непреходящее историческое значение²⁶.

К концу 80-х годов сложились условия и появились возможности для капитального издания и окончательного анализа ВК и в советской печати. Эта фундаментальная работа была проделана О.В. Твороговым, вероятно, в рамках плановой работы Пушкинского Дома. Сначала малотиражным изданием²⁷, а затем в пользующихся мировой известностью "Трудах Отдела древнерусской литературы" появилась его работа, посвященная анализу истории открытия ВК, ее изучению в зарубежной и советской литературе, исследованию ее источников и автора и доказывающая фальсифицированный характер памятника. Здесь же помещен и сводный текст ВК с привлечением всех сохранившихся материалов.

Поскольку работа Творогова представляет собой наиболее заверченный анализ ВК, основанный на почти всей совокупности дошедших источников, мы ограничимся пересказом его выводов с добавлением собственных наблюдений, имеющих важное отношение именно к теме нашей книги.

Вслед за Скрипником, сопоставляя тексты Ж и М, Творогов обнаружил ряд новых важных деталей. Во-первых, до публикации М в Ж текст ВК существовал в виде отдельных фрагментов, пронумерованных Миролюбивым в определенном порядке. Ж представляет собой уже попытку расположить фрагменты М в некоей хронологической последовательности, причем с пропуском ряда текстов М. Во-вторых, разные фрагменты текста Ж опубликованы по разным правилам: здесь можно встретить передачу фрагментов текстов без разбивки на слова, попытки внести в сплошное написание текстов пробелов и, наконец, наряду со слитным написанием разделить тексты на слова. Разными оказались и правила передачи орфографии памятника.

Удивительными оказались и другие детали. В М не были обозначены границы строк, тогда как Ж тщательно воспроизводит их. Ж систематически отмечает дефекты текстов "дощечек Изенбека" маргиналиями типа "текст сколот", "текст разрушен" и т.д.,

в местах, которые в М прекрасно читаются. Между тем сам Миролюбов, пересылая в октябре 1953 г. Куру текст М, писал: "Как и в прежних переписках текстов, в данном случае я строго придерживался копии, сделанной в тридцать седьмом году у художника Изенбека, и ни слова не прибавил или не убавил, но, видя трудности чтения, оставил без изменения текст, дабы кто-либо более удачливый, нежели Ваш слуга, смог бы разобрать и объяснить неясное мне самому"²⁸. Из всего этого вытекает неизбежный вывод о том, что Кур, публикуя М, сознательно и широко его фальсифицировал. Но почему тогда такая фальсификация не встретила протеста со стороны Миролюбова? Ответ может быть только один: Миролюбов, по крайней мере, соглашался с исправлениями своего текста Куrom, если не включил его в соавторы.

Не оставляет никаких шансов Творогов сторонникам подлинности ВК и на основе анализа ее языка. Хотя Лесной утверждал, что язык памятника неизвестен науке, ясно, что его лексика все же славянская. В противном случае было бы просто невозможно так или иначе понимать содержание ВК. Ее география связана с территорией восточно-славянских языков. А это значит, что есть все основания анализировать язык памятника в соответствии с известными закономерностями развития именно славянских языков. "А этот анализ, – пишет Творогов, – приводит нас к совершенно определенному выводу: перед нами искусственный язык, причем "изобретенный" лицом, с историей славянских языков не знакомым и не сумевшим создать свою, последовательно продуманную, языковую систему"²⁹.

Творогов выделяет несколько особенностей языка ВК, резко расходящихся с процессами, характерными для развития различных групп славянских языков из общеславянского. Известно, что развитию славянских языков присуща утрата редуцированных гласных. В ВК все наоборот: там, где такие гласные должны быть, они отсутствуют, в случаях же, когда гласные полного образования просто необходимы, они заменены редуцированными. Важное наблюдение было сделано Твороговым относительно обозначения звука "е" в ВК. Оказывается, в одних и тех же словах в Ж и М обнаруживаются взаимные замены букв, обозначающих этот звук, что можно объяснить только произвольным выбором, по крайней мере, все того же Кура с молчаливого согласия Миролюбова. Творогов обнаружил и искусственность образования ряда языковых форм ВК, которые не могли существовать ни в одном славянском языке, например, "щас", "щасе", "щисту", "до вщере" вместо "час", "часе", "чисту", "до вечера", – в данном случае автор ВК не знал, что праславянский звук "щ" в древнерусском превратился в звук "ч", а в старославянском – в "щ". Однако он наблюдал это расхождение и, не понимая его, ставил "щ" там, где такое написание восходило не к "щ", а к совершенно иным праславянским звукам.

Творогов привел и другие немыслимые особенности фонетической системы ВК, однозначно показывающие, что они были искусственно изобретены фальсификатором.

Об этом же свидетельствует и целый ряд грамматических форм языка памятника: невозможные глагольные формы ("бьяшехом", "грм грыщает", "победяте врази"), неверное управление ("зовенхом... вутце наше"), отсутствие согласования у прилагательного с определяемым им существительным ("вендле троянь валу", "о седме рецех") и т.д. В языке ВК неожиданно и невозможно появление современных сербских, чешских, польских, украинских слов, а не их древних вариантов.

"Иными словами, – заключает Творогов, – анализ языка "Влесовой книги" не оставляет ни малейших сомнений в том, что перед нами искусственно и крайне неумело сконструированный "язык", создатель которого руководствовался, видимо, лишь одним правилом – чем больше несуразностей окажется в тексте, тем архаичнее он будет выглядеть"³⁰. Как мы помним, этот прием использовался при фальсификации исторических источников в России в более раннее время, например, А.И. Сулакадзевым³¹.

Казалось бы, что после работ О.В. Творогова вопрос о подлинности "Влесовой книги" можно было считать окончательно закрытым. Наверное, так бы и случилось, по

крайней мере, в нашей стране, оставайся она такой, какой была до 1985 г. Но постепенная эрозия прежней идеологии, ослабление, а затем и ликвидация идеологической и политической цензуры создали условия для свободного обсуждения вопроса о ВК. Сторонники ее подлинности, которые когда-то отправляли свои опусы в Отделение истории Академии наук СССР с просьбой немедленно опубликовать их, теперь получили возможность публично излагать свои взгляды. Члены некоего общества, украсившие название существовавшего до 1917 г. авторитетнейшего Русского исторического общества, выпустили текст этого сочинения с обширным предисловием В.В. Грицкова³², затем в сокращенном виде опубликованное в журнале "Наука и религия"³³. Вскоре в альманахе "Русская старина" появилась статья директора общественного музея "Слова о полку Игореве" Г.С. Беляковой о ВК³⁴, затем серия статей А.И. Асова и его же переводы этого источника³⁵. Суть всех этих выступлений – признание безусловной подлинности ВК и несогласие с лингвистическими и историческими доказательствами О.В. Творогова.

Наиболее пространно и концентрированно позиция сторонников подлинности ВК недавно изложена в специальной книге А.И. Асова "Влесова книга", опубликованной тиражом в 10000 экз.³⁶ С выходом в свет этой книги можно считать реализованной давнее стремление Кобзева и его единомышленников сделать известным для российского читателя текст памятника. Но дело не только в известности. Книге попытались придать научный авторитет. На ее титуле в качестве официальных рецензентов значатся: доктор исторических наук, заведующий сектором славянорусских рукописных книг Отдела рукописей Российской государственной библиотеки, председатель Московского отделения Русского исторического общества И.В. Левочкин; доктор филологических наук России и Болгарии, академик Международной славянской, Петровской и Русской академий наук Ю.К. Бегунов; доктор филологических наук Югославии, профессор Белградского университета, президент Сербского фонда славянской письменности и славянских культур, академик Международной славянской академии наук, образования и культуры Р. Мароевич. Читатель, наверное, устал от громких титулов. Мы посочувствуем ему, а заодно пожалеем те академии и общества, в которых значатся названные ученые, освятившие своим авторитетом сочинение Асова.

Разберем его сочинение более подробно. Оно включает текст ВК на "влесовом алфавите", реконструированный автором, его перевод на современный русский язык, обширные комментарии и примечания. Отметим сразу же категоричность и едва прикрытые передергивания Асова в суждениях и изложении достоверно известных фактов.

Приведем всего лишь несколько примеров этого. ВК, пишет он, "была вырезана на буковых досках новгородскими жрецами в IX веке н.э." – утверждение, не имеющее под собой никаких оснований, поскольку в источниках нигде не говорится, что доски были букowymi, а текст на них написан новгородскими жрецами. Понятно, для чего Асову потребовались именно "буковые доски" и "новгородские жрецы": от них он тянет ниточку к знаменитому собранию А.И. Сулакадзева, в описи которого значился некий подложный памятник под названием "Патриарси" на 45 буковых дощечках. Тем самым уже к XIX в. относится бытование ВК.

Собранию Сулакадзева и личности его владельца Асов уделяет особое внимание. Под его пером этот один из самых известных российских фальсификаторов исторических источников³⁷ становится незаслуженно оклеветанным национальным героем, владельцем уникальных утраченных письменных памятников, включая разоблаченные еще в XIX в. как подлоги "Песнь Бояну", "Оповедь" и другие фантастические произведения Сулакадзева.

Для характеристики уровня логического мышления Асова примечателен и следующий пример. Высказывая гипотезу о том, что около 991 г. ВК была передана на хранение греку Иоакиму, ставшему впоследствии первым новгородским епископом, автор далее пишет, что "косвенным подтверждением того, что он имел Влесову книгу,

можно считать наличие цитат из нее в Иоакимовской летописи"³⁸. Иоакимовская летопись – известный, однако спорный памятник летописания, впервые использованный В.Н. Татищевым. Но в данном случае важно отметить, что с равным основанием можно говорить не только о том, что Иоаким использовал в X в. ВК, но и о том, что Иоакимовская летопись послужила источником для ее изготовления. В этом случае все построение Асова немедленно рушится.

Асов сам признает, что многие его выводы и наблюдения являются "не более чем фантазией"³⁹. Но эти фантазии весьма своеобразны. Они вырастают как бы из двух корней: признания подлинности ВК и своеобразной трактовки ее содержания. В первом случае, в конце концов, автор был вынужден признать: "Главное же подтверждение подлинности невозможно точно выразить словами. Оно исходит из личного духовного опыта. О подлинности говорит сам дух Влесовой книги. Ее мистериальная тайна, великая магия слова"⁴⁰. Трудно добавить что-либо к этим словам, поскольку процесс добывания подлинных знаний они подменяют мистическим созерцанием и верой. Видимо, понимая это, автор, отказываясь от каких-либо доказательств, неожиданно выдвигает новую конструкцию. По его мнению, текст ВК – истинный, т.е. подлинный. Что же касается самих "дощечек", хранившихся у Изенбека, то они могли иметь позднее происхождение, являлись копиями, полностью воспроизводившими графику ВК. После этого просто уже невозможно разобраться в полетах фантазии Асова, щедро предлагающего читателю ворох не связанных друг с другом противоречивых соображений и выводов.

Решив подобным образом проблему подлинности ВК, Асов далее считает себя свободным в исторических и лингвистических построениях. Памятник провозглашается им жреческой книгой, зафиксировавшей "древнейшую традицию Европы" в книжности и разрешающей спор о происхождении славян. Азбука, которой написан текст, объявляется им независимой от кириллицы и много древнее ее. Кириллица же, как христианская славянская азбука, провозглашается зависимой от "велесовицы". Язык ВК объявляется новгородским, близким или даже совпадающим с языком новгородских берестяных грамот, "многие славянские племена" возводятся по своему происхождению к Арию – сыну одного из героев греческой мифологии Аполлона и т.д. Трудно уследить за изгибами и высотами парения мысли автора, оперирующего то "реставрированными песнями птицы Гамаюн", то ригведийскими гимнами об Индре и Валу, то "самыми последними открытиями скифологии и славяноведения". С его фантазиями невозможно спорить, как невозможно выиграть шахматную партию у человека, игнорирующего правила шахматной игры.

Оставим Асова и, переведя дух, признаем все же, что ВК существует. Кто и для чего решился на такой многословный подлог древнего памятника?

В поисках ответов на эти вопросы приглядимся внимательнее к Миролубову, с именем которого оказалось связано введение ВК в общественный оборот. Умерший в 1970 г., он оставил после себя многотомное собрание поэтических, прозаических, этнографических и исторических сочинений. Последние представляют для нас первостепенный интерес, поскольку они имеют непосредственное отношение к ВК.

Главный и основной интерес Миролубова – древняя история славян, их общественное устройство, религия, мифология. Этим вопросам, помимо многочисленных статей, он посвятил несколько больших специальных сочинений: "Ригведа и язычество" (закончено в 1952 г.), "Русский языческий фольклор. Очерки быта и нравов" (закончено в 1953 г.), "Русский христианский фольклор. Православные легенды" (закончено в августе 1954 г.), "Материалы к праистории русов" (работа 1967 г.), "Славяно-русский фольклор" (работа конца 60-х гг.) и др. В них Миролубов изложил свои весьма специфические представления о славянской истории⁴¹. Но прежде чем охарактеризовать их, отметим, что этому автору присущ не просто дилетантизм, но дилетантизм принципиальный – сознательно вызывающее игнорирование всех накопленных наукой знаний. Вопреки даже абсолютно непреложным историческим

фактам, Миролюбов создал собственную фантастическую картину этногенеза и истории славян. Выражаясь его собственными словами, скажем, что он решил "поворачивать всю историю". С циничной легкостью и самоуверенностью Миролюбов нарисовал новое полотно российского исторического процесса.

Изобретенный Миролюбивым народ "славяно-росов" он делает "древнейшими людьми на Земле". Их прародину Миролюбов обнаруживает в районе между Шумером, Ираном и Северной Индией. Отсюда приблизительно за три тысячи лет до начала нашей эры "славяно-росы" начали свое продвижение, захватили территорию теперешнего Ирана, а затем "ринулись конницей на деспотии Двуречья, разгромили их, захватили Сирию и Палестину и ворвались в Египет". Приблизительно в VIII в. до н.э., по концепции Миролюбова, "славяно-росы" ворвались уже в Европу, идя в авангарде почему-то ассирийского войска, и захватили "земли, которые им нравились".

Отождествляя древних "славяно-росов" с древними индийцами, Миролюбов пишет, что религией первых являлся ведизм. Она долгое время сохранялась благодаря особой письменности, сходной с санскритским письмом. Однако со временем славянское жречество "огрубело, забыло ведический язык", и "скоро уже было невозможно записать по-санскритски сказанное по-славянски". Новая языческая религия "славяно-росов" предвосхитила христианство, позже во многом оказалась созвучной ему, идеологически "совпала" с христианским вероучением.

В основу своих построений Миролюбов положил несколько источников. Он упоминает "Книгу о князем утерпении" как остатке древнего русского языческого эпоса, которую его родители видели (!) в прошлом веке, "припоминает" виденную им самим до Первой мировой войны книгу со славянскими "руническим надписями" (!), наконец, ссылается на реально существующие памятники литературы и письменности: "Слово о полку Игореве", "Задонщину", "Голубиную книгу", "Хождение Богородицы по мукам". Оставим без комментариев показание Миролюбова о виденных им и его родителями "раритетах". Заметим лишь, что подавляющую часть древнерусских и древнеславянских подлинных произведений и рукописей он попросту игнорирует.

Зато основным источником своих научных упражнений Миролюбов делает собственные наблюдения "в народе" – за жителями украинских сел Юрьевки, Антоновки, Анновки, а также рассказы няни его отца – бабки Варвары – и еще одной старушки – Захарихи. Они были посвящены, по словам Миролюбова, "описанию войн, нашествий и случаев из скотоводческого периода жизни славян". Достоверность и точность рассказов старушек Миролюбов обосновывает тем, что эти люди жили вдалеке от городов и "железнодорожных станций", благодаря чему, по его словам, их жизнь "как бы застыла на целую тысячу лет в своих традициях". Мы оставляем читателям возможность самим поразмышлять над тем, насколько возможно сохранение сведений о событиях тысячелетней давности и тысячелетних традиций в Украине. Заметим только, что в сочинениях Миролюбова часто речь идет не просто о традициях, но и о таких народных знаниях, которые, выражаясь языком Миролюбова, стоили "целого факультета истории и фольклора". Так, например, бабка Варвара вспоминает ему весь пантеон языческих богов: Огника, Огнебога, Сему, Ряглу, Дажба, "всех Сваро-жичей". Старый дед на хуторе под Екатеринославлем уверенно поучал его: "В старину люди грамоте знали! Другой грамоте, чем теперь, а писали ее крючками, вели черту богами, а под нее крючки лепили и читать по ней знали!" То же самое сообщает Миролюбову и еще одна старуха: "Наши пращуры умели писать по-нашему раньше всякой грамоты"⁴².

Несмотря на самоуверенность и апломб, которыми пронизаны сочинения Миролюбова, в 1952 г. он скромно заметил, что источников о древней истории "славяно-росов" в его распоряжении недостаточно. Однако примечательно, что уже тогда Миролюбов не был лишен оптимизма. Говоря о предшествующем кириллице славянском алфавите, он предупреждал: "Мы утверждаем, что такая грамота была и что она, может быть, будет даже однажды найдена! И, значит, заранее говорим, что критики критиков окажутся совершенно лишними"⁴³. В 1953 г. в сочинении "Русский языческий фольклор"

Миролюбов впервые упоминает ВК. "Впоследствии, – пишет он, – нам выпало большое счастье видеть "дошки" из коллекции художника Изенбека, число 37, с выжженным текстом. Частью буквы напоминали греческие заглавные буквы, а частью походили на санскритские, текст был слит. Содержание трудно поддавалось разбору, но по смыслу отдельных слов это были моления Перуну... Подробный разбор "дошек", которые нам удалось прочесть до их исчезновения, будет нами дан отдельно"⁴⁴.

В 1955 г. в книге "Русский христианский фольклор" Миролюбов вновь упоминает о ВК. Говоря о славянской письменности, существовавшей до кириллицы, он со ссылкой на ВК пишет, что такая письменность была и представляла собой смесь "готических, греческих и ведических знаков". Далее в характеристике дощечек Изенбека появляются новые элементы: в них имеется "общая черта, под которой написаны [тексты] каленым железом, видно, буквы слитно и без разделения на фразы"⁴⁵.

В сочинении "Русская мифология" (1954 г.) Миролюбов уже прямо откликается на вспыхнувшую вокруг ВК после начала ее публикации Куром полемику. "Дощечки, – пишет он, – мы считаем столь же подлинным документом, как и всякий документ, относящийся к той отдаленной эпохе. То есть в нем есть и подлинное, и неподлинное. Одно – из предания, другое – от автора"⁴⁶. Иначе говоря, вопрос о подлинности дощечек Изенбека Миролюбов пытался подменить вопросом о достоверности содержащихся в них сведений – прием, уже хорошо известный нам из истории фальсификаций исторических источников. Далее Миролюбов сделал неожиданное, на первый взгляд, заявление. По его словам, содержание дощечек Изенбека еще "нами не изучено, и никаких теорий на их основании мы не строим".

Действительно, во всех своих сочинениях Миролюбов ссылается не столько на ВК, сколько на уже охарактеризованные выше собственные наблюдения "в народе" и "сказы" двух старушек, ограничиваясь замечанием о том, что они и ВК "взаимодополняют" друг друга.

Однако, несмотря на заявления Миролюбова, несмотря на внешне отсутствующие у него прямые заимствования или ссылки на ВК, именно она являлась основным источником всех его сочинений. Это нашло свое отражение прежде всего в совпадении целого ряда принципиально значимых для исторической конструкции Миролюбова деталей. И в сочинениях Миролюбова, и в ВК имеются сюжеты о жертвоприношениях на Руси, "русичи" представлены как "внуки Дажь-Божьи", содержатся рассказы о праотце Ории, битвах "славяно-росов" с готами, кособоками, другими на- родами. И там, и здесь тексты наполнены общими именами и понятиями – Явь, Правь, Навь, Кустич, Листич, Травник, Стеблич, Кветич, Ягодич. Совпадают целые образные выражения, фразеология. Но как раз все эти параллели своих сочинений Миролюбов объясняет не заимствованиями из ВК, а рассказами старушек и собственными наблюдениями. Это обнаруживает именно в нем автора фальсификации, которую он постарался не выделять в своих сочинениях как источник исторических сведений.

Из сказанного выше становится известен и один из мотивов, которым руководствовался Миролюбов, задумывая подлог. Своим фантастическим историко-этнографическим построениям он искал подтверждения. Но документальных фактов для этого в природе не существовало. Поэтому Миролюбов придумывает сначала загадочные древние рукописи, затем рассказы бабок и стариков. Но, знакомый с научной литературой, Миролюбов, конечно, понимал, что подобные "источники" не вызовут доверия у специалистов. И тогда ему пришла в голову мысль специально изобрести письменный памятник. Идея едва ли не с самого начала носила универсальный характер. Фальсификатор задумал изготовить не только текст, но и его "носитель" в виде дощечек, на которых текст представлен на неизвестном языке и с помощью неизвестной системы письма. Такая универсальность позволяла фальсификатору продемонстрировать доказательства целой системы его взглядов, связанных со славянской историей.

Но именно эта универсальность создавала известные трудности при легализации подлога, ибо предполагала предъявление "дощечек", которые были бы немедленно

разоблачены. Так возникает легенда о "дощечках Изенбека", которая со временем уточнялась и дополнялась противоречивыми рассказами о снятых с них фотографиях и изготовленных прорисях.

Нам вряд ли представится возможность определить, был ли в замысел Миролюбова сразу же посвящен Кур или это произошло после того, как тот начал публикацию ВК. Однако причастность его к подлогу несомненна, хотя бы из приведенных выше примеров переработки списка М в списке Ж. Более того, мы склонны полагать, что и Лесной, если не участвовал в фальсификации, то был посвящен в нее. Его вначале внешне скептическое отношение к ВК, сменившееся затем безусловным восторженным признанием ее подлинности, выглядит не чем иным, как ловким тактическим приемом, призванным продемонстрировать читающей публике, как процесс углубленного изучения памятника приводит к возникновению убеждения в его подлинности. Весь тон, вся система доказательств подлинности ВК, изложенная в специальной книге Лесного, заставляют сомневаться в искренности автора и включить его в число лиц, по крайней мере, посвященных в подлог.

Но и после сказанного невольно возникает еще один, может быть, самый главный вопрос. Для чего Миролюбову и его коллегам потребовалось придумать столь фантастическую картину древней истории славян, чтобы затем изобрести доказательство ее истинности в виде ВК? И в ответе на этот вопрос, может быть, и скрывается главный мотив изготовления подлога, который долгие годы препятствовал широкой дискуссии о ВК в советской печати. Свои сочинения о славянской истории Миролюбов рассматривал как вклад в борьбу с советской системой и коммунизмом. По словам Миролюбива, побороть их можно, только накапливая в себе "божественное начало" христианской религии. Но, видимо, современное христианство его не удовлетворяло: он не принимал всерьез ту ручную Православную Церковь, которая существовала на его Родине, и не питал особых чувств и уважения к зарубежной Русской Православной Церкви. Истинное христианство он искал в глубокой древности: не случайно его "славяно-росы" оказываются в Палестине и других регионах, связанных с зарождением исторического христианства. Именно сугубо политические и идеологические искания самого Миролюбова подтолкнули его к своеобразным историческим выводам, а те – вынудили пойти на подлог.

В основу методологии подлога ВК Миролюбов положил принцип неповторимости, необычности языка, графики, содержания задуманной им фальшивки. Это избавляло автора от излишнего труда изучения действительных закономерностей развития славянских языков и письменности с целью их использования в своем изделии. В то же время в глазах Миролюбива и его коллег это выглядело как аргумент в пользу подлинности сочинения: вспомним, что аналогичным приемом пользовался и Сулакадзев при фабрикации своих подлогов.

И все же подлог Миролюбова мы ни в коей мере не можем считать оригинальным. Более того, история с ВК может рассматриваться как концентрированное выражение всех основных методов и приемов изготовления, легализации и защиты фальсифицированного исторического источника. В этом смысле мы можем назвать ее классическим подлогом. Оригинальность языка, содержания, легенды открытия ВК прекрасно корреспондируются с фальсификацией Д.И.Минаевым "Сказания о Руси и вещем Олеге"⁴⁷. Складывается впечатление, что это сочинение лежало на столе у Миролюбова: в ВК обнаруживаются прямые параллели со "Сказанием" в сюжетах, языке и выражениях. Не был оригинален Миролюбов и в легендировании своей фальшивки. Ее "носитель" – дощечки – был изобретен еще в XIX в. А.И.Сулакадзевым. Утрата оригинала дощечек – типичный случай в истории фальсификаций. Использование промежуточного лица в легализации подлога также не является оригинальным ходом: именно так поступил все тот же Минаев, передав свой подлог журналисту Н.С. Курочкину. Кстати говоря, как и Минаев, Миролюбов с помощью подлога пытался обосновать собственные исторические конструкции. Не пошел дальше Миролюбов и в

использовании исторических источников в своей фальсификации. "Слово о полку Игореве" словно магнит притягивало его взор, и он не удержался от классических для истории фальсификаций заимствований из этого памятника, связанных, прежде всего, с его "темными местами" и спорными в литературе топонимами и именами собственными.

Типичным для истории фальсификаций оказалось и бытование ВК. Ее появление немедленно вызвало критику. Ее трудно было опровергать, приходилось просто игнорировать, замалчивать, либо бесстыдно извращать в глазах не посвященной в тонкости науки публики. ВК оказалась предметом восхищения и поклонения очень узкой группы неспециалистов и умерла как подлинный исторический документ вместе с их смертью.

И все же как подлог ВК в некоторых отношениях – явление примечательное. Поражает размах фальсификации и попыток ее реанимации. Достаточно заметить, что тезисы Лесного о подлинности этого сочинения опубликованы в подготовительных материалах к съезду славистов. Объем фальсификации несопоставим с объемами других подложных источников по древнерусской истории: он намного больше их. Для ее окончательного разоблачения пришлось писать серьезный научный трактат, во много раз превышающий по объему текст самой ВК.

Словно молния, ВК прочертила след на небосводе мировой и отечественной славистики. Не поразив выбранную цель, она тихо погасила свой фальшивый заряд и умерла ошипанной жар-птицей примитивного изобретательства своих авторов. Пусть будет мир над ее разбросанными в разных изданиях и архивах перьями.

-
- 1 Цит. по: *Творогов О.В.* "Влесова книга" // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1990. Т. 43. С. 171.
 - 2 *Лесной С.* "Влесова книга" – языческая летопись доолеговой Руси (История находки, текст и комментарий). Виннипег, 1966. Вып. 1. С. 8 – 25.
 - 3 Там же. С. 9.
 - 4 *Творогов О.В.* "Влесова книга". С. 180.
 - 5 Там же. С. 235, 237.
 - 6 *Лесной С.* История руссов в неизвращенном виде. Мюнхен, 1957. Вып. 6. С. 607-630.
 - 7 Там же. Вып. 10. С. 1115-1116.
 - 8 *Жуковская Л.П.* Поддельная докириллическая рукопись (К вопросу о методе определения подделок) // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 141 – 144.
 - 9 *Лесной С.* "Влесова книга". С. 20 – 21.
 - 10 *Он же.* Русь, откуда ты? Основные проблемы истории Древней Руси. Виннипег, 1964. С. 227-294.
 - 11 *Он же.* "Влесова книга".
 - 12 Там же. С. 28.
 - 13 Там же. С. 30.
 - 14 *Кобзев И.* О любви и нелюбви // Русская речь. 1970. № 3. С. 49.
 - 15 *Скурлатов В., Николаев Н.* Таинственная летопись: гипотеза на проверке. "Влесова книга" – подделка или бесценный памятник мировой культуры? // Неделя. 1976. № 18. С. 10.
 - 16 Документ или подделка? // Там же. № 33. С. 7.
 - 17 *Буганов В.И., Жуковская Л.П., Рыбаков Б.А.* Мнимая "Древнейшая летопись" // Вопросы истории. 1977. № 6. С. 202 – 205.
 - 18 *Жуков Д.* Тысячелетие русской литературы // Огонек. 1977. № 13. С. 29.
 - 19 *Кобзев И.* Где прочитать "Влесову книгу": Письмо в редакцию // Литературная Россия. 1977. № 49. С. 19; *Скурлатова О.* Загадки "Влесовой книги" // Техника молодежи. 1979. № 12. С. 55 – 59; *Жуков Д.* Из глубины тысячелетий // Новый мир. 1979. № 4. С. 281.
 - 20 *Жуковская Л.П., Филин Ф.П.* "Влесова книга...": Почему не Велесова? (Об одной подделке) // Русская речь. 1980. № 4. С. 117.
 - 21 *Осокин В.* Что же такое "Влесова книга"? // В мире книг. 1981. № 10. С. 70-73.
 - 22 Подробную библиографию см. в: *Творогов О.В.* "Влесова книга". С. 173-178.
 - 23 *Творогов О.В.* Что стоит за "Влесовой книгой"? // Литературная газета. 1986. 16 июля. С. 5.
 - 24 *Он же.* "Влесова книга". С. 172.

- 25 Используется по: *Творогов О.В.* "Влесова книга".
- 26 Там же.
- 27 *Творогов О.В.* Когда была написана "Влесова книга"? // *Философско-эстетические проблемы древнерусской культуры: Сборник статей.* М., 1988. Ч. 2. С. 144-195.
- 28 Цит. по: *Творогов О.В.* "Влесова книга". С. 222.
- 29 Там же. С. 228.
- 30 Там же. С. 232.
- 31 *Козлов В.П.* Тайны фальсификации. М., 1996. С. 155 – 185.
- 32 *Грицков В.В.* Сказания русов. М., 1992. Ч. 1. Влесова книга.
- 33 *Он же.* Тайна "Влесовой книги" // *Наука и религия.* 1993. № 7.
- 34 *Белякова Г. С.* О "Влесовой книге" и славянских древностях ("Влесова книга" – реальность или мистификация?) // *Русская Старина.* 1990. Вып. 1. С. 184-191.
- 35 *Асов А.И.* Комментарии к "Влесовой книге" // *Русские веды.* М., 1992. См. также: *Наука и религия.* 1992. № 10; 1993. № 3, 4, 10. См. также, очевидно, его же публикацию с предисловием "академика" Ю.К. Бегунова: *Бус Кресень. Влесова книга. Мифы древних славян.* Саратов, 1993. С. 247-307.
- 36 *Влесова книга: Перевод и комментарий Александра Асова.* М., 1995.
- 37 *Козлов В.П.* Тайны фальсификации. С. 155 – 185.
- 38 *Влесова книга.* С. 208.
- 39 Там же. С. 215.
- 40 Там же. С. 240.
- 41 Здесь и далее они воссоздаются по работе: *Творогов О.В.* "Влесова книга".
- 42 Цит. по: *Творогов О.В.* "Влесова книга". С. 247.
- 43 Там же.
- 44 Там же.
- 45 Там же. С. 248.
- 46 Там же. С. 249.
- 47 Подробнее см.: *Козлов В.П.* Тайны фальсификации, С. 208 – 220.

Соболев Н.А.

Проблема изданий-фальсификаторов

Что думают ученые о "Влесовой книге". - С. 176-198.

В современном издательском репертуаре, книготорговом ассортименте и библиотечных фондах особое место заняли «издания-фальсификаты», объектом фальсификации в которых являются не титульные и выходные сведения (как у традиционно известных псевдоизданий, псевдотипов) и не публикуемые тексты, а такие части справочного аппарата издания, как аннотация, комментарии, примечания, указатели, приложения. Также широко распространилось издание произведений, базирующихся на фальсификатах (например, «Влесовой книге»), принимаемых авторами этих произведений за достоверные источники.

Индустриальный характер производства и распространения таких изданий, их пропаганда и реклама в средствах массовой информации способствуют экспансии в общественное сознание заведомо ложных фактов и псевдоисторических концепций, облаченных в наукообразную форму. Такое недопустимое в обществе явление требует комплексного (учитывающего теоретические и практические знания, аккумулированные в ряде научных дисциплин) изучения и осмысления в качестве историко-культурного феномена современности.

Среди книг, которые, ввиду достаточно широкого круга потребителей, оказывают сильнейшее воздействие на общественное сознание, выделяется массив изданий-фальсификатов, созданных на базе поддельной «Влесовой книги», являющийся, по нашему мнению, способом существования и целенаправленного продвижения недостоверной информации в общество.

Прежние подлоги исторических текстов были уделом отдельных фальсификаторов

или групп лиц, которые вручную или кустарно осуществляли подделки. В настоящее время на примере «Влесовой книги» видно, насколько принципиально изменился подход к производству книжных фальсификатов, которое поставлено на индустриальные рельсы, с участием нескольких отраслей, в первую очередь издательской и книготорговой.

Нами предлагается следующее определение таких изданий. Издание-фальсификат – тиражное произведение (книга, материал в сборнике, журнале, газете, интернет-издании и др.), прошедшее редакционно-издательскую обработку и оформленное полиграфически либо представленное на магнитном, электронном и других носителях, предназначенное для распространения содержащейся в нем подложной информации.

Нами выявлены два уровня влияния псевдоисторических изданий-фальсификатов на общественное сознание.

Первый уровень, связанный с процессом публикации псевдоисторической литературы в виде моноизданий, сборников, публикаций в СМИ и на сайтах Интернета, сравнительно неуправляемый.

Второй уровень, связанный с влиянием на образовательный и научно-исследовательский процесс (в средней, средней специальной, высшей школе и системе РАН) путем создания учебной и методической литературы, включающей псевдоисторические произведения или рекомендующей их к изучению в качестве подлинных памятников, можно охарактеризовать как управляемый.

Историография «Влесовой книги» весьма обширна и разнообразна, она включает любительские и научные академические исследования, разоблачительные и апологетические произведения, различные публикации и воспроизведения (научно-археографические и крайне сомнительные с профессиональной точки зрения), а также их всевозможные интерпретации и «переводы». Удивительно широка география распространения этой историографии. Велико жанровое и типовое разнообразие историографии: научные монографии и статьи, информационные материалы и периодика, полемические заметки и учебные пособия, тезисы выступлений и переводы, комментарии и письма, экспертные заключения и атрибуции. Язык историографии преимущественно русский, а также украинский и французский. Недостаточно изучен вопрос об особенностях и свойствах удивительной популярности «Влесовой книги» в разных слоях современного общества, главным образом славянского этноса или славяноговорящего населения, живущего во всем мире.

Казалось бы, после публикации работ целого ряда крупнейших историков и филологов вопрос о подлинности «Влесовой книги» можно считать окончательно закрытым, но, несмотря на убедительные доказательства поддельности «Влесовой книги» со стороны специалистов, эксплуатация этого фальсификата в качестве «бесценного» исторического источника продолжается до сих пор.

Нет ни одного серьезного специалиста, который бы рассматривал «Влесову книгу» как подлинный источник, однако же ее публикаторы ссылаются на якобы положительные отзывы ученых об этом «памятнике». Это тоже является фальсификацией. Например, к сторонникам подлинности этой «книги» был причислен даже академик Б. А. Рыбаков, который работал в составе группы ученых Академии наук СССР, рассматривавшей вопрос о подлинности «Влесовой книги» и сделавшей однозначный вывод о ее поддельности.

Заведующий сектором рукописных книг Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки доктор исторических наук И. В. Левочкин, который также критически относится к «Влесовой книге», но, в силу стремления к объективности и особенностей научного изложения, допустил некоторые модальные обороты, использованные А. И. Асовым как возможные сомнения в неподлинности «Влесовой книги», был назван в качестве рецензента двух изданий этой подделки (Велесова книга. М., 1994, 1995) и сторонника ее подлинности.

Существует целый ряд примеров использования «Влесовой книги» в качестве достоверного исторического источника: это и «Праславянская письменность» Г. С. Гриневича (Т. 1. М., 1993; Т. 2. 1999), и «Истоки русской геральдики» архитектора А. Г. Силаева (М., 2002), и публикации Э. Адрианкина и его «соратников», действующих от имени «отдела теоретических проблем РАН» (см.: Данилов В. В., Мочалова И. В. Сварожий круг. М., 1998), и поиск «реликта общечеловеческого ритуально-медитационного протоязыка» писателем Е. В. Курдаковым («Влесова книга» как реликт русской мифологии // Русская цивилизация. М., 2000).

Появляются новые «свидетельства» в пользу подлинности «Влесовой книги», при этом делаются попытки связать ее содержание со «Словом о полку Игореве». Одна из таких попыток была предпринята дальневосточным геологом А. Е. Ковешниковым в его «исследовании» (в трех частях) под названием «Велесова книга», или «Спевы Тыя», где делается попытка доказать древнее «украинское» происхождение «Влесовой книги» и ее связь со «Словом о полку Игореве» (Томск, 2001). Хотелось бы отметить, что даже если подобная связь может быть выявлена, то она объяснима, в первую очередь, знакомством фальсификатора со «Словом», которое указывалось О. В. Твороговым в качестве одного из возможных источников «Влесовой книги».¹

Подобные книги и статьи стали возможны в результате ослабления требовательности к публикациям на научные темы, в том числе о «Влесовой книге».

Секретарь Московского отделения Русского исторического общества В. В. Грицков в статьях «Тайна „Влесовой книги“» и «„Велесова книга“: подделка или отзвуки далекого прошлого», а также в своей книге «Сказания русов»² сводит глубоко научный, беспристрастный анализ «Влесовой книги» О. В. Творогова к якобы принципиальному неприятию ученым «Влесовой книги» «как памятника культуры древних славян» в ее несоответствии (?) «концепции Нестора». При этом В. В. Грицков, по-видимому, не учитывает, что в современной науке мало значения имеет «голая» привлекательность идей, изложенных в источнике, и тем более личность первооткрывателя. Главным в ней является профессиональное умение исследователя правильно проанализировать памятник, что требует определенной историко-филологической и источниковедческой подготовки. В. В. Грицков полемизирует с О. В. Твороговым по вопросу сохранения древнего оригинала, считая возможным, что он время от времени обновлялся, приобретая языковые наслоения следующих эпох. Но как раз таких поздних наслоений, как установили ученые-филологи, во «Влесовой книге» нет. Ни о какой достоверности и подлинности в данном случае говорить не приходится, тем более что лингвистические и палеографические особенности «Влесовой книги», как установлено специалистами, противоречат всей истории кириллического письма. О виде письма «Влесовой книги» мы можем более или менее достоверно судить по фотографии прориси «дощечки № 16». Ведущими учеными доказано, что это – видоизмененная кириллица, снабженная элементами других древних алфавитов, появление такого вида письма – результат недостаточно грамотного освоения графики фальсификатором. Помимо этого, мы сталкиваемся с искусственной «подгонкой» шрифта под «рунику», используемой в книгах А. И. Асова для обоснования его собственных псевдоисторических умопостроений. Критику этот подход к графике «Влесовой книги» вызывает даже у апологетов ее подлинности. Так, например, Н. В. Слатин (исследователь-дилетант из Омска) критикует А. И. Асова и предлагает для воспроизведения текста «Влесовой книги» два собственных компьютерных шрифта на основе графики «дощечки № 16».³

Однако данный факт никак не влияет на продолжение издательской деятельности, основанной на «руническом» варианте шрифта «Влесовой книги». Более того, в 2002 г. были выпущены «Славянские руны», сопровождаемые «Кратким руководством по искусству гадания и предсказания» (автор проекта А. И. Асов. М., 2002. 32 с).

В. П. Козловым в один ряд с крайне негативно оцениваемыми публикациями В. В. Грицкова ставятся статья директора общественного музея «Слова о полку Игореве» кандидата филологических наук Г. С. Беляковой в альманахе «Русская старина»,⁴ а также

серия статей А. И. Асова, сопровождаемых его же переводами фрагментов «Влесовой книги». По утверждению В. П. Козлова, «суть всех этих выступлений – признание безусловной подлинности ВК и несогласие с лингвистическими и историческими доказательствами О. В. Творогова».⁵ Относительно статьи Г. С. Беляковой мы считаем необходимым отметить, что, хотя в ней и содержится несогласие с некоторыми доводами Л. П. Жуковской и Ф. П. Филина, главной идеей данной публикации является именно доказательство подделки «Влесовой книги» Ю. П. Миролюбовым и другими «первооткрывателями» этого памятника. Критика же в адрес О. В. Творогова в данной статье отсутствует, возможно, автор просто не успела к тому времени ознакомиться с его исследованиями. Незнакомством Г. С. Беляковой с исследованиями О. В. Творогова, возможно, объясняется и некоторая непоследовательность в изложении ее позиции. Однако такое отношение к «Влесовой книге» только вдохновило ее апологетов, так как любые сомнения или колебания относительно поддельности «Влесовой книги» тут же истолковываются ее адептами как подтверждение подлинности.

Г. С. Белякова представила развернутую аргументацию версии, согласно которой, вероятнее всего, написал эту якобы «древнюю летопись» и придумал всю историю с находкой «дощечек Изенбека» Ю. П. Миролюбов. Причем сделал он это после того, как А. Изенбек уже скончался и ничего опровергнуть не мог. Поэтому, создавая вокруг себя всевозможные легенды, при сочинении «Влесовой книги» он использовал материал вполне достоверный и, по его мнению, всецело принадлежащий русской истории.

Рассматривая Ю. П. Миролюбова в качестве возможного фальсификатора, Г. С. Белякова приводит следующие сведения о нем. Ю. П. Миролюбов, уроженец Косова (населенного пункта в Ивано-Франковской области Украины, с 1939 г. имеющего статус города)⁶ – древнейшего культурного центра гуцулов (этнографической группы украинцев, живущих в Карпатах)⁷ – с детства впитал в себя гуцульские предания и фольклор. Тогда же он, видимо, узнал о древнейшем гуцульском способе письма на деревянных дощечках. Учась в медицинском институте в Киеве, он одновременно занимался русской историей, диалектологией, позже изучал санскрит, интересуясь связями славянского языка с этим древним языком. Кроме того, Ю. П. Миролюбов собирался написать поэму о великом князе киевском Святославе Игоревиче.

Г. С. Беляковой было сделано предположение, что одно из задуманных им историко-литературных сочинений было оформлено в виде дощечек, при этом использовались вполне достоверные источники.

В качестве мотива подделки Г. С. Белякова высказывает предположение, что Ю. П. Миролюбов пытался привлечь внимание общественности как на Западе, так и в России к той части славянской истории, которая, на его взгляд, так мало была разработана современной ему исторической наукой.

А. И. Асовым были реанимированы и изданы «Влесова книга» и несколько заведомых подделок А. И. Сулакадзева. Известный коллекционер и фальсификатор начала XIX в. А. И. Сулакадзев в своем «Книгореке» – своеобразном библиографическом пособии, отражавшем как реально существовавшие и, возможно, находившиеся в его коллекции, так и фальсифицированные или замышленные к фальсификации книги и рукописи, неоднократно упоминал и произведения, выполненные на буковых досках.

«Замысел» А. И. Сулакадзева в XX в. воплотился в «дощечках Изенбека», впоследствии названных «Влесова книга». Правда, в данном случае дощечки опять же не были представлены для анализа ученых, а фотография якобы одной из них оказалась фальшивкой. Если даже действительно существовали какие-то реальные дощечки, то, скорее всего, речь может идти о сохранившемся фрагменте одной из подделок А. И. Сулакадзева, если он таковые осуществил, или Ю. П. Миролюбова – одного из «первооткрывателей» «Влесовой книги».

В 1993 г. была изготовлена столяром из города Кузнецка А. Х. Бикмуллиним, а в 1997 г. показана по телевидению деревянная псевдореконструкция «Влесовой книги»,⁸ которую современные адепты этого «памятника» предусмотрительно называют

«Велесовой книгой» или «Книгой Велеса», что делается, по-видимому, с учетом критики Л. П. Жуковской и Ф. П. Филина, указывавших на форму «Влесова» как на один из признаков неподлинности.⁹

Кроме того, в современных изданиях «Велесовой книги» (М., 1994, 1995) среди названий глав встречаются такие, которые, скорее всего, заимствованы у А. И. Сулакадзева (например, «Патриархи», «Оповедь» и т. п.), что свидетельствует о преемственности в книжной подделке, актуализирующейся в наше время в виде грандиозной издательско-книготорговой фальсификации, охватывающей книгоиздание и СМИ и оказывающей деструктивное влияние на общественное сознание.

С одной стороны, это связано с недостаточным изданием научно подготовленной литературы по древнерусской мифологии, с другой – с появлением массы религиозно-философских обществ и организаций, часто националистического толка, ориентированных на неоязычество либо произвольное смешение языческих и православных мотивов. Причем произвольная трактовка и язычества, и православия зависит от личного восприятия участников подобных объединений. В этой связи хотелось бы привести следующую цитату из умопостроений А. И. Асова: «И как может противоречить русская „языческая“, точнее „ведическая“, идея, православной, если в Древней Руси славил Правь, жили по Правде? Это значит, что и в то время русские люди были православными».¹⁰

И в XIX веке, и сейчас, как правило, адептами подобных общественных течений становятся люди, получившие определенное образование, но не являющиеся глубоко профессиональными историками или филологами. Судя по современным публикациям значительную гуманитарно-околонаучную активность проявляют представители естественнонаучной и технической интеллигенции (геологи, физики, химики, математики и др.). Отчасти это объясняется дефицитом гуманитарного образования в нашей стране. Не получив фундаментальных знаний по истории и филологии, технический интеллект при попытке реконструировать языческие традиции руководствуется красочно оформленными изданиями А. И. Асова, которые в силу огромных тиражей широко представлены на книжных прилавках. После знакомства с идеей о существовании целого ряда памятников – свидетельств – фантастической древности русского народа, в качестве которых предлагаются «Влесова книга» и ряд подделок А. И. Сулакадзева, такой человек «загорается» ею, начинает делать смелые обобщения, не отдавая себе отчета в том, что имеет дело лишь с необоснованно популяризируемым и пропагандируемым историческим курьезом. Иногда к числу почитателей сомнительных исторических памятников примыкает творческая интеллигенция. Познание реальности этими людьми происходит не на основе научных доказательств, получения новых знаний, а через уверование в тот или иной (часто – вымышленный) факт. Такой подход не имеет с наукой ничего общего. Не чувствуется при этом и четкой грани между художественным произведением и научным. Иногда имеет место недопонимание того, что размывание этой грани ведет к дискредитации творчества автора такого произведения.

Весьма удобным для современных фальсификаторов представляется непонятность текста «дощечек», способствующая произвольной интерпретации содержания, романтизированная история их обретения и утраты, «сенсационное» значение «находки». Ниже мы даем характеристику ряда отечественных изданий «Влесовой книги», посредством которых была произведена реанимация этого фальсификата и обеспечено его дальнейшее бытование на новом качественном уровне.

Сборник «Русские Веды» (М., 1992) явился своеобразным экспериментом над обществом, показавшим наличие спроса на подобную литературу.

Одним из подтверждений деструктивного влияния на общественное сознание подобных изданий может служить то, что фрагменты книги А. И. Асова «Русские Веды» оказались включенными, как минимум, в три школьные программы по литературе (под редакциями Т. Ф. Курдюмовой, В. Я. Коровиной, М. Б. Ладыгина) и соответственно

учебники по литературе для 5-го класса средней школы, а также в соответствующий сборник упражнений по литературе.¹¹ При этом, если в учебнике по программе В. Я. Коровиной¹² указывается: «Славянские мифы не сохранились. Существуют они в записях отдельных исследователей, художественных произведениях некоторых писателей» (Ч. 1. С. 7), что позволяет воспринимать отрывок «Сотворение Земли» из книги Буса Кресеня (он же –

А. И. Асов, настоящая фамилия – Барашков) «Русские Веды» как авторское произведение или пересказ подобного мифа, хотя существовали и существуют и более достойные для включения в учебник художественные произведения, основанные на реальной, а не вымышленной славянской мифологии.¹³ В учебнике же Т. Ф. Курдюмовой этот отрывок сопровождается следующим предисловием: «Славянские мифы о сотворении мира, как и мифы других народов, не дошли до нас целиком. По крупицам собирают их исследователи. Вот так недавно были представлены наши мифы о сотворении Земли и всего живого в книге «Русские веды» («Веды» – священная книга древних славян)».¹⁴ Таким образом, здесь идет речь об авторском произведении Буса Кресеня (по сути – его подделке под древний миф) как о достоверной реконструкции. В действительности данное авторское произведение относится к концу XX в. Оно не может служить иллюстрацией мифологических представлений древнейших славян.

Тем не менее сборник «Русские Веды» попал и в список литературы, рекомендуемой программой под редакцией М. Б. Ладыгина для самостоятельного чтения в 6-м классе (для школ и классов с углубленным изучением литературы, гимназий и лицеев гуманитарного профиля).¹⁵

Мы не можем быть уверены, что это же произведение фальсификатора А. И. Асова не войдет и в новые учебные программы (что на наш взгляд ничем не оправдано), так как проект Образовательного стандарта основного общего образования по литературе требует включения мифа о сотворении мира и 2–3 мифов древних славян, но не уточняет источников, на которые следует опираться при отборе материала.¹⁶

Еще одним изстораживающих составляющих списка, предлагаемого программой под редакцией М. Б. Ладыгина, являются «Мифы древних славян». Правда, в данном случае вообще невозможно понять, какое именно издание имели в виду авторы программы: библиографические описания отсутствуют, вследствие чего неясно, идет ли речь об отдельном издании, серии или произведениях.

В 1993 г. в Саратове увидел свет сборник «Мифы древних славян», который мы считаем своим долгом рассмотреть подробнее. По целевому назначению весь сборник в целом можно отнести к виду научно-популярных изданий: в него вошли изданные в 1804–1810 гг. «Славянская и российская мифология» А. С. Кайсарова и «Древняя религия славян» Г. А. Глинки, глава «Рождение богов и богинь» из книги Б. А. Рыбакова «Язычество древних славян» и статья «Были и небылицы о Древней Руси» Л. Н. Рыжкова.

Помимо этого, сборник «Мифы древних славян» (Саратов, 1993) содержит литературную интерпретацию «Велесовой книги» с комментарием Буса Кресеня и вступительным словом Ю. К. Бегунова.¹⁷

Никаких особенных новшеств по сравнению с изданием текста «Велесовой книги», вошедшим в «Русские Веды» (М., 1992), сборник не несет, кроме того, что труд Буса Кресеня заявлен в аннотации как «дохристианская летопись Руси», которая «позволяет сопоставить мифологические сюжеты с реальными событиями II тысячелетия до н. э. – I тысячелетия н. э.».¹⁸ Другими словами, можно понять, что, по мнению составителей сборника, «впервые издающаяся в провинции» «Велесова книга» является документальным подтверждением работ А. С. Кайсарова (1782–1813), Г. А. Глинки (1776–1818) и даже академика Б. А. Рыбакова!

Создается впечатление, что намерения издателей были связаны с обеспечением коммерческого успеха книге. Сборник издан огромным тиражом (100 000 экз.) и рекламируется в аннотации авторами-составителями А. И. Баженовой и В. И.

Вардугиным в качестве «незаменимого справочного издания»! Таковым он, разумеется, не является, поскольку справочным по целевому назначению называется «издание, содержащее краткие сведения научного или прикладного характера, расположенные в порядке, удобном для их быстрого отыскания, не предназначенное для сплошного чтения».¹⁹ Пожалуй, ни одному из вышеперечисленных требований анализируемое издание не отвечает. Часть значимого материала, связанная с «Влесовой книгой», в нем фальсифицирована; требующие серьезного комментария во многом устаревшие работы популяризаторов XIX в. А. С. Кайсарова и Г. А. Глинки не воспринимаются в современной историографии как научные, а отсутствие погодных статей в тексте «Влесовой книги» никак не позволяет назвать ее летописью.

Влияние «Влесовой книги» как фальсификата на общественное сознание не исследовано. Оно на рубеже XX и XXI вв. осуществляется не только через средства массовой информации (газеты, журналы, радио, телевидение, Интернет), но и через книгу.

В заголовок одной из статей, посвященных «Влесовой книге», вынесено следующее противопоставление: «Документ или подделка?»²⁰, которое представляется нам не совсем корректным. Любая подделка – это документ. В первую очередь документ эпохи своего реального создания. «Подделка – это такой же памятник, как и всякий другой, но сделанный с особыми целями», – писал Д. С. Лихачев.²¹ Однако авторы и инициаторы «Влесовой книги» (Ю. П. Миролюбов, А. Кур и др., тем более автор аналогичных по замыслу фальсификаций XIX в. А. И. Сулакадзев) едва ли могли предполагать, что результаты их деятельности приобретут столь широкую пространственно-временную сферу бытования.

М. Н. Сперанский в статье «Русские подделки рукописей в начале XIX века (Бардин и Сулакадзев)»²² писал, что работа наиболее известных фальсификаторов XIX в. проходила «в двух главных центрах» – Москве (А. И. Бардин) и Санкт-Петербурге (А. И. Сулакадзев), где собирались материалы для изучения нашего прошлого, и ставила своей целью введение фальсификатов в научный оборот, что по сравнению с XVIII в. было новшеством, так как до того времени подделки, как правило, служили обоснованием имущественных или политических притязаний.

Если А. И. Бардин не производил, как правило, ничего нового, копируя «с печатного издания механически», то А. И. Сулакадзев, как отмечено М. Н. Сперанским в книге «Рукописные сборники XVIII в.» (М., 1963), действовал под влиянием «обще-европейского романтизма». В этой связи М. Н. Сперанским был введен термин «антикварный романтизм».

Член-корреспондент РАН В. П. Козлов развивает исследования А. Н. Пыпина, М. Н. Сперанского, Л. П. Жуковской и других ученых о фальсификаторской деятельности А. И. Сулакадзева, при этом рассматривает вновь и дает оценку с позиций современных научных достижений многим архивным источникам, связанным с ними.

В своей книге «Российская археография конца XVIII– первой четверти XIX века» (М., 1999) В. П. Козлов отмечает, что в подделках источников этого периода отразились представления об историческом источнике как «редкости, предмете любопытства» (изделия А. И. Бардина), «остатке просвещения» («Повесть о Мстиславе» П. Ю. Львова, «Гимн Бояну»

А. И. Сулакадзева), «доказательстве и свидетельстве», или «припасе» – совокупности свидетельств о прошлом («Оповедь» А. И. Сулакадзева, «Сказание о Руси и о вечем Олзе» Д. И. Минаева и др.).

«Романтизация» сомнительных исторических источников в современной России отразилась в деятельности неких неоязыческих общин. Естественно, у них имеются свои цели. Тут есть и своя идеология, и чисто экономические соображения, которые постепенно становятся преобладающими. Если первое издание «Влесовой книги» было подготовлено в 1992 г. по заказу Нижегородской областной языческой общины, то последнее выпустили «Аргументы и факты».

Уважаемая газета организовала собственную книгоиздательскую фирму. Началось с рекламы изданий подобного толка, выпущенных в других издательствах, в рубрике «Лучшие книги для подписчиков АиФ», потом ими была издана книга А. И. Асова «Атлантида и Древняя Русь». Теперь – «Тайны Книги Велеса». Издатели постарались как можно больше закамуфлировать идеологические моменты. А. И. Асов в последнем издании отмежевывается от националистов, утверждает, что они самовольно пользуются в своей печати его псевдонимом. Возможно. Однако и здесь та же самая «Влесова книга» лежит в основе, она живет в обществе. И все больше романтизация, иногда даже сакрализация подделки трансформируется в ее коммерческую эксплуатацию. Тиражирование подделки стало прибыльным бизнесом.

На вопрос, чем обусловлен коммерческий успех книг псевдонаучного, а иногда и просто нелепо-фантастического содержания, однозначный ответ дать затруднительно. Но можно попытаться указать основные причины этого явления:

- 1) псевдосенсационность содержания;
- 2) дефицит на книжном рынке научно-популярных изданий;
- 3) наличие читательского интереса к произведениям, посвященным древнейшей истории Руси;
- 4) последовательная рекламно-пропагандистская кампания в периодической печати;
- 5) маскировка в ряде случаев под научные, учебные, справочные издания.

Выше мы рассмотрели сборник «Мифы древних славян» (Саратов, 1993), который можно охарактеризовать как «псевдосправочное» издание.

Еще одним примером издания-фальсификата может служить «Словарь славянской мифологии» (Н. Новгород, 1995), формально отвечающий по целевому назначению требованиям, предъявляемым к справочным изданиям, и с этой точки зрения не являющийся подделкой. Однако словарь содержит недостоверную информацию, а также имеет ряд признаков, позволяющих в данном случае говорить о его квалификации как «псевдоучебного» издания.

Возьмем статью «Влесова книга» («Велесова книга»)²³. Здесь умалчивается факт, что многие ученые сомневаются в подлинности этого исторического источника, а другие считают его явной фальсификацией. Более того, многие статьи, судя по всему, основаны на указываемом в разделе «Библиография»²⁴ вышеупомянутом издании «Мифы древних славян», причем это не только глава, заимствованная из работ Б. А. Рыбакова, но все тот же псевдонаучный материал А. И. Асова и во многом устаревшие с точки зрения современной науки работы А. С. Кайсарова и Г. А. Глинки. В данном случае налицо не критическое отношение к материалу, который к тому же безответственно предлагается учащимся, поскольку на титульном листе «Словаря славянской мифологии» указано, что он рекомендован в качестве учебного пособия для средних школ и высших учебных заведений. Однако нигде не говорится, какая именно организация дала такую рекомендацию. Поэтому якобы специальный рекомендательный гриф можно расценивать как присущее этому изданию свойство подделки, которое маскирует фальсификат под учебное издание.

Подобным свойством подделки представляется и явный «перебор» рецензентов (четверо), способствующий приданию видимой научности, между тем как в научных изданиях обычно указываются один-два рецензента (что, кстати, обеспечивает возможность контроля: в случае четырех рецензентов сводится на нет ответственность – не с кого спросить). Более того, явно ошибочно приведены должности некоторых рецензентов: и Н. А. Бенедиктов, и Л. Е. Шапошников указаны в качестве заведующих кафедрой философии Нижегородского педагогического университета.

Такое отношение к материалу, предлагаемому для использования в учебных целях, мы наблюдали при включении вымышленного исторического лица (мифического подьячего Крякутного с его воздушным шаром) в книгу для внеклассного чтения

школьников уже после установления факта вымысла (книга вышла в 1964 г., а разоблачение этой подделки было сделано в 1958 г.). Развенчанию этой весьма «живучей» подделки в наше время способствовало, например, включение вопроса о ней в конкурс подписчиков еженедельной газеты «Литература» издательского дома «Первое сентября»,²⁵ что представляется нам одним из положительных примеров противостояния деструкции общественного сознания, происходящей посредством внедрения поддельных исторических источников в образовательные программы.

Внимание непритязательного любителя отечественной истории привлекает броский заголовок, а то и просто яркий переплет издания, не отвечающего по своему содержанию достижениям современной науки, но способствующего психологическому принципу возбуждения внимания («хватательному рефлексу»). Аннотация такого издания обычно интригует рассказом о небывалых, таинственных открытиях, сведения о которых к тому же, как правило, долгое время якобы были под запретом властей. Псевдосенсационность содержания часто помогает сбывать некачественную в научном отношении продукцию, привлекая все новых энтузиастов.

Содержание издания не всегда совпадает с заявленным в аннотации (что, впрочем, характерно вообще для современных отечественных изданий), однако, как правило, представляет собой синтез подлинных научных фактов, известных читателю со школьной скамьи, и поразительных «открытий», часто весьма сомнительных, а иногда и откровенно фантастических.

Подобные приемы наряду с упрощенным языком и стилем повествования превращают исторический фальсификат в доступное чтение.

Что касается пропаганды и рекламы такого рода изданий, то ярким примером этого могут служить публикации, посвященные «Велесовой книге» – «литературному переводу» сфальсифицированной «Влесовой книги», сделанному А. И. Асовым, а также его собственные сочинения: «Песни птицы Гамаюн» (представляется автором в качестве реконструкции несуществующего узелкового письма древних славян), «Звездная книга коляды» (относится автором к каким-то неопределенным «народным книгам», состоящим из рассказов его бабушки, собственных фантазий и т. п.), «Златая цепь: Мифы и легенды древних славян» (продолжает фантастические измышления или выдумки Ю. П. Миролюбова в области поиска несуществующих связей между русским язычеством и своеобразно понимаемой им ведической культурой).

Публикации А. И. Асова на тему «Влесовой книги» в журнале «Наука и религия» начинаются примерно с 1992 г. Тогда автор еще иногда обходился без псевдонимов, но «Велесова книга» им уже упоминается (в сноске, в качестве примера «использования докирилловской азбуки»)²⁶. Публикации продолжаются в №№ 6/7, 8 и 9, а в №№ 10 и 11 дается отрывок из «Влесовой книги». Параллельно публикуются объявления о том, что в редакции журнала можно приобрести сборник «Русские Веды», в том числе и на дискетах для IBM-совместимых компьютеров. Позднее в том же журнале появляется рассмотренная выше статья В. Грицкова, которая сопровождается публикацией отрывка из «Влесовой книги».

Интерес представляет такой вариант фальсификаций, когда в публикациях используются сведения, не вызывавшие сомнений в прошлом, но опровергнутые современной наукой. Так, например, А. Платов в статье «Магия талисманов»²⁷ характеризует глаголицу как алфавит, «созданный в IV веке от Р. Х. св. Иеронимом», хотя ныне известно, что это миф: изобретение глаголицы св. Иерониму приписано хорватским духовенством, стремившимся добиться от римской курии позволения на употребление глаголического письма. «В этих условиях для созданного Константином-Кириллом письма утвердилось нейтральное (с точки зрения авторства) название „глаголица“».²⁸ «Собственно глаголица – это не специальное название; в дословном переводе на современный язык глаголица значит буквница, система букв (или звуков). Поэтому глаголицей можно назвать любую азбуку».²⁹

Устаревшие (по характеру подхода к научным фактам) сведения прослеживаются и

в книге А. Платова «Руническая магия».³⁰

Впрочем, в том же самом сборнике В. Грицковым публикуется фрагмент «Гимна Бояну», еще с XIX в. известного в качестве подделки А. И. Сулакадзева. В статье, сопровождающей публикацию, В. Грицков и А. Платов кратко излагают историю легализации и бытования произведения, отмечая доказанную его подложность, но воздерживаясь от собственной оценки и датировки памятника. Проблема подлинности не имеет для них существенного значения, содержанию же придается неоправданная важность. Таким образом, при публикации автоматически принижается значение одного из базовых критериев исторической оценки (подлинности).

Пожалуй, самой доступной из числа псевдонаучно-популярных публикаций о «Влесовой книге» можно назвать статью А. Гореславского.³¹ Она не претендует на высокую научность и в первую очередь рассчитана на массового читателя (преимущественно молодого), который не располагает информацией для самостоятельной оценки того или иного исторического материала. За основу в ней принято видение проблемы, характерное для публикаций А. И. Асова.

В 1997 г. А. И. Асов систематически публикуется в газете «Оракул»,³² причем все его статьи, так или иначе основанные на материалах таких неизвестных науке или заведомо фальшивых «священных книг Древней Руси», как «Книга Коляды», «Книга Велеса» и «Гимн Бояну», фактически пропагандируют эти подложные произведения и их издания.

Безусловно, каждый автор имеет право на собственную точку зрения, однако если мы сталкиваемся с ложной информацией, то самый эффективный способ ее нейтрализации – как можно более широкое освещение достижений современной исторической науки, популяризация работы ученых, издание и переиздание достоверных памятников письменности и книжности, снабженных необходимым историческим и литературоведческим комментарием.

Казалось бы, проникновение исторических фальсификатов (подделок) в общество должно само собой приостановиться. Напротив, экспансия «Русских Вед», этого курьеза, как охарактеризовал издание д. и. н. И. В. Левочкин, продолжается. Уже даже автор сборника А. И. Асов отказался от своего труда образца 1992 г., заявив в печати: «Запрещено издание и цитирование устаревших переводов из книг: «Русские Веды» (М., 1992), «Мифы древних славян» (Саратов, 1993), «Велесова книга» (М., 1994, 1995), «Русь, откуда ты?» (Ростов-на-Дону, 1995)».³³ Данный «автозапрет» относится к тексту «Влесовой книги», однако поскольку те же издания продолжают распространяться после указанной запретительной декларации, то она может быть расценена как очередной рекламный прием.

Деструктивное влияние фальсификатов распространилось и на высшую школу. Сведения о псевдоисторических «Русских Ведах» вошли в учебное изложение для вузов в издании: Культурология. История мировой культуры: Учебник для вузов / Под ред. проф. А. Н. Марковой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1998, имеющем гриф Министерства общего и профессионального образования РФ. В этом учебнике глава 9 частично построена на некритическом использовании «Русских Вед» (М., 1992). Этот же учебник без видимых изменений в содержании (изменен только год издания) был издан в 2001 г. Подобный прием восходит к коммерческой фальсификации XIX в., одной из разновидностей которой была замена старого титульного листа (обложки) на новый с другими выходными сведениями.³⁴

Особенностораживает то, что автор главы, кандидат исторических наук Е. М. Скворцова, пишет: «В отечественной исторической науке даже то немногое, что осталось – Велесову книгу, предположительно написанную новгородскими жрецами не позже IX в., считают подделкой».³⁵ Параграф 9.1 полностью посвящен «Влесовой книге» (здесь – «Велесовой»), причем содержит единственную ссылку на «Русские Веды» (М., 1992). При этом она не полемизирует с критиками о достоверности «Влесовой книги» и даже не ссылается на научную историографию. Получается, что автор намеренно опирается на

заведомо ложные сведения по истории славян вместо того, чтобы их разоблачать, как наносящие вред изучению исторического прошлого.

«Влесову книгу» издавать и изучать необходимо, но лишь как произведение новейшего времени, как факт современной культуры и пример чрезвычайно «живучей» подделки. Феномен «Влесовой книги» как предмет изучения исторической науки и книговедения сравним, пожалуй, с появлением компьютерных вирусов, изучаемых информатикой и кибернетикой. В этом контексте он и должен войти в учебники.

Историко-книговедческий анализ показывает, что произведения о «Влесовой книге» и ее издания имеют высокое полиграфическое качество и расходятся большими тиражами. Это говорит о значительной коммерческой выгоде для издателей и книгопродавцев от публикации сочинений, посвященных «Влесовой книге». Именно эти издания лежат в основе материалов в средствах массовой информации, которые поддерживают неослабевающий интерес к фальшивке. Ложные данные о «Влесовой книге» как «подлинном», якобы самом раннем древнерусском историческом тексте IX в. проникли в учебные издания для средней школы и даже для вузов.

Одним из признаков индустриально-издательского фальсификата является агрессивное продвижение через него в общественное сознание заведомо ложной информации. В этом индустриальные подделки сродни «черному пиару», в основе которого лежит заведомая ложь об идеологическом, политическом, коммерческом (а с учетом рассматриваемых подделок – и научном) оппоненте с целью его опорочения к выгоде (в конечном счете финансовой) инициатора фальсификации.

В наиболее ярком виде это выражено в «Книге Велеса» (М., 1997), которая примечательна тем, что в ней содержатся шокирующие измышления, язвительные по тону и лживые по содержанию. Цель их – опорочить в глазах читателей ученых, отрицающих подлинность «Влесовой книги» и в их лице историческую науку вообще. В главе «Публикации в России» А. И. Асов бездоказательно обвиняет О. В. Творогова в «дилетантстве», называет академика Д. С. Лихачева «псевдоученым» и «сотрудником ГПУ», относительно И. В. Левочкина пишет, что последний сначала дал якобы положительную рецензию (что неверно) на рукопись «Влесовой книги» (М., 1994, 1995), а затем изменил точку зрения, вследствие чего «пошел на повышение» (что не соответствует истине).

Действительно, издание научного вида, а именно под такое издание стремился подделать свое произведение А. И. Асов, предполагает наличие рецензирования текста. Один из рецензентов, доктор исторических наук, заведующий сектором рукописных книг Научно-исследовательского отдела рукописей РГБ И. В. Левочкин, любезно предоставил нам из личного архива экземпляр своего отзыва на рукопись, предложенную ему А. И. Асовым. В нем, в частности, говорится: «В целом подготовленная к изданию книга отвечает требованиям, предъявляемым к научному изданию. Необходимо отметить, что есть специалисты (Л. П. Жуковская, О. В. Творогов и другие), которые считают „Влесову книгу“ фальсификацией. Я же не могу в настоящий момент считать „Влесову книгу“ ни подлинником IX века, ни заведомой фальсификацией, так как не располагаю бесспорными источниками, относящимися к истории появления текста „Влесовой книги“. Нет таких источников и в распоряжении других специалистов, включая А. И. Асова.

Споры вокруг „Влесовой книги“ будут продолжаться до тех пор, пока ученые не получат бесспорные материалы, в которых бы имелись однозначные свидетельства о подлинности или неподлинности текстов „Влесовой книги“. В любом случае, подготовленное к печати издание „Влесовой книги“ заслуживает быть напечатанным, хотя бы для того, чтобы привлечь к ней более пристальное внимание как научной общественности, так и всех заинтересованных в проблематике, возникшей в связи с имеющимися публикациями по данной теме».³⁶

Преследуя свои неблагоприятные цели, А. И. Асов приписывает И. В. Левочкину следующую фразу, которая якобы содержалась в его отзыве: «является научным трудом,

необходимым как для специалистов, занимающихся изучением культуры и истории Древней Руси – для историков, археологов, этнографов, фольклористов, палеографов, лингвистов, так и читателям, обращающимся к истокам русской духовности».³⁷

Помимо прямой фальсификации текста А. И. Асов впоследствии обрушился на И. В. Левочкина, Д. С. Лихачева и других ученых – противников подлинности «Влесовой книги» с целым рядом обвинений, ничем не обоснованных, но стремящихся ввести в заблуждение читателей. Фактически он прибегнул к неприемлемым в научной полемике методам «черного пиара», о чем будет сказано ниже.

Более резко И. В. Левочкин охарактеризовал «Велесову книгу» в интервью газете «Солидарность», что, возможно, объясняется стилистической разницей между языком официального документа и газетной публикации. По мнению ученого, существующие массивы источников (текстовые, фольклорные, вещественные) и языковые данные «совершенно не согласуются со сведениями, имеющимися в „Велесовой книге“. Все это позволяет мне усомниться в подлинности „Велесовой книги“. Кроме того, мы вообще не располагаем ни одним деревянным предметом, датированным IX веком нашей эры. Такова уж природа дерева: это не очень долговечный материал».³⁸

Помимо откровенных нападок на оппонентов, в этом же ряду находятся получившие распространение ложные аннотации в книгах и заказные рецензии, в которых даются приукрашенные сведения о содержании произведений с целью улучшения их реализации.

Из историографии и практики явствует, что издательская подделка совершенствовалась параллельно с развитием информационных, полиграфических и книготорговых технологий. В недавно увидевшей свет книге «Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия» авторами отмечается, что технические достижения XX в. предоставляют качественно новые возможности для применения манипулятивных технологий как способа управления сознанием, обуславливающим поведение людей.³⁹ Одним из проявлений манипулирования общественным сознанием, безусловно, является экспансия поддельных исторических источников в научно-исследовательский и учебный процесс, которой необходимо всемерно противостоять.

В наш век новейших информационных технологий нельзя признать достаточным использование в научной и учебной работе только традиционных источников и историографии. Сегодня, в XXI веке, за счет возможностей компьютерной техники идет расширение историографической базы материалами электронных публикаций, в том числе глобальной сети «Интернет».

Известный итальянский ученый и писатель Умберто Эко, автор заглавного теоретического доклада на международном конгрессе «Фальсификации в средние века»,⁴⁰ в одном из интервью сказал, что есть целый ряд книг, которые ничего не значат и которые никому не стоит давать читать. Что касается проблемы обилия в Интернете недостоверной информации, У. Эко также видит ее решение исключительно в развитии интеллекта пользователей, но никак не в создании фильтрующего программного обеспечения.⁴¹

Сегодня проблема «экологического» загрязнения общественного сознания, связанная с распространением и совершенствованием манипулятивных технологий, требует скорейшей выработки форм защиты от информационно-психологического воздействия, одним из орудий которого стало книгоиздание, а издания-фальсификаты становятся деструктивным фактором, нарушающим структуру процесса познания реальности.

На наш взгляд, с фальсификациями индустриального уровня, как печатными, так и электронными, необходимо решительно бороться в общегосударственном масштабе, так как они несут прямую угрозу национальной информационной безопасности. В качестве современных методов борьбы в первую очередь, безусловно, следует понимать просвещение читателей – потенциальных покупателей и потребителей фальсификатов,

репертуар которых расширяется с каждым годом как за счет издания самих подделок (в 2000 г. вновь вышел «Гимн Бояну»⁴²), так и за счет множества публикаций в печати и на страницах Интернета, являющих собой отклики на эти издания.

Представляется также необходимым проведение тематических встреч историков и филологов с читателями, транслируемых по радио и телевидению, в которых приводилось бы аргументированное обоснование поддельности «Влесовой книги» и других активно тиражируемых исторических фальсификатов. «Влесова книга» как подделка, на наш взгляд, могла бы стать хорошей темой для обсуждения на НТВ. Целесообразно было бы ввести соответствующие рубрики в изданиях и передачах для потребителей, таких как журнал «Спрос» и программа «Экспертиза», так как ложная информация по сути является недоброкачественным товаром. Определенный положительный результат может принести выпуск социальной рекламы, направленной на разоблачение фальсификатов и пропаганду новейших научных достижений.

Естественно, необходима корректировка учебных программ с целью исключения не критической подачи произведений, основанных на «Влесовой книге» и других подделках. В качестве путей противодействия манипулятивному влиянию изданий-фальсификатов необходимо включение в образовательные программы соответствующих гуманитарных дисциплин специальных разделов, создание курсов, посвященных проблемам подлинности и достоверности произведений письменности, печати и других источников информации, пропаганда подлинных научных достижений и подробное критическое осмысление существующих псевдонаучных концепций, способствующее развитию у школьников, учащихся средних специальных учебных заведений и студентов вузов культуры понимания ценности книжного памятника и правильного подхода к источникам информации.

Особое внимание следует уделить учебной и методической литературе, периодическим изданиям для преподавателей дисциплин гуманитарного цикла.

Помимо этого, представляется необходимой подготовка специального пособия, снабженного аннотированным библиографическим списком изданий фальсификата – «Влесовой книги», адресованного в первую очередь школьным учителям и библиотекарям, так как именно среднее образование оказывается наименее защищенным от экспансии фальсифицированных сведений. Это происходило и в советское время (вспомним хотя бы вымышленного «первого воздухоплавателя» Крякутного), но сегодня проблема обострилась в связи с отсутствием единой школьной программы и недостатком учебников и учебных пособий, заменяемых в некоторых регионах изданиями-фальсификатами.

1 Творогов О. В. Что стоит за «Влесовой книгой»? // Лит. газ. 1986, 16 июля. С. 5.

2 См.: Грицков В. В. Сказания русов. М., 1992. Ч. 1. Влесова книга; Грицков В. Влесова книга: подделка или отзвуки далекого прошлого // Мифы и магия индоевропейцев. М., 1996. Вып. 3. С. 167–171. (Магия и мифы); Грицков В. Тайна «Влесовой книги» // Наука и религия. 1993. № 7. С. 32–36.

3 Слатин Н. В. Влескнига 1. Омск, 2000. С. 212.

4 Белякова Г. О «Влесовой книге» и славянских древностях: («Влесова книга» – реальность или мистификация?) // Русская старина: Лит.-ист. альманах. М., 1990. Вып. 1. С. 184–191.

5 Козлов В. П. Обманутая, но торжествующая Клио. М., 2001. С. 98.

6 Советский энциклопедический словарь / Редкол.: А. М. Прохоров (гл. ред.). 2-е изд. М., 1983. С. 637.

7 Там же. С. 352.

8 Изображение данной «копии» «Книги Велеса» см.: Асов А. И. Златая цепь. Мифы и легенды древних славян. М., 1998. С. 12.

9 Жуковская Л. П., Филин Ф. П. «Влесова книга»... Почему же не Влесова?: (Об одной подделке) // Русская речь. 1980 № 4. С. 116.

10 Асов А. И. Атланты, арии, славяне: История и вера. М., 2001. С. 7.

11 Калганова Т. А. Литература. 5 кл.: Сб. упражнений. М., 2002.

12 Литература. 5-й класс. Учебник-хрестоматия для общеобразовательных учреждений: В 2 ч. / Авторы-составители В. Я. Коровина, В. П. Журавлёв,

- В. И. Коровин. М.: Просвещение, АО «Московские учебники», 2000; Просвещение, 2001.
- 13 Положительным примером в этой связи может служить издание: *Шуклин В. В.* Мифы русского народа. Учебное пособие. Екатеринбург, 1995. 336 с, где в качестве приложений даны произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. А. Фета, В. Я. Брюсова, К. Д. Бальмонта и др.
- 14 Литература. 5-й класс. Учебная хрестоматия для общеобразовательных учреждений: В 2 ч. / Автор-составитель Т. Ф. Курдюмова. М.: Просвещение, АО «Московские учебники», 1996. СП.
- 15 См. Программно-методические материалы. Литература. 5–11 кл. / Сост. Т. А. Калганова. М., 1998. С. 177.
- 16 Проект образовательного стандарта основного общего образования по литературе // Литература. 2002. № 33. С. 10.
- 17 Мифы древних славян: Велесова книга / Сост. А. И. Баженова, В. И. Вардугин. Саратов, 1993. С. 245–307.
- 18 Там же. С. 2.
- 19 ГОСТ 7. 60 – 90: Издания. Основные виды: Термины и определения. М., 1990. С. 3.
- 20 *Старостин В.* Документ или подделка? // Неделя. 1976. № 33.
- 21 Цит. по: *Белоусов Р. С.* Рассказы старых переплетов. М, 1985. С. 136.
- 22 Проблемы источниковедения. 1956. Вып. 5. С. 74–93.
- 23 *Грушко Е. А., Медведев Ю. М.* Словарь славянской мифологии. Н. Новгород, 1995. С. 33–34.
- 24 Там же. С. 366–367.
- 25 Конкурс подписчиков «Литературы» // Литература. 2002. № 20. С. 12.
- 26 См. *Барашков А.* Узелковое письмо древних славян // Наука и религия. 1992. № 4/5. С. 28.
- 27 Мифы и магия индоевропейцев / Под ред. А. Платова. М., 1995. Вып. 1. С. 166.
- 28 Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер., коммент. Б. Н. Флори. М., 1981. С. 61.
- 29 *Хабургаев Г. А.* Старославянский язык: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М, 1986. С. 29.
- 30 *Платов А.* Руническая магия. М., 1995. 144 с. («Магия и мифы»).
- 31 *Гореславский А.* История России начинается в прошлом тысячелетии: Записи древних жрецов открывают свои тайны // Моск. комсомолец. 1996, 25 июля.
- 32 *Асов А.* Коловрат встречает восход // Оракул. 1997. № 6. С. 7; *Асов А.* Легенда о Богумире // Оракул. 1997. № 9. С. 8; *Асов А.* Путь в волшебную Русь // Оракул. 1997. № 5. С. 3.
- 33 См.: Книга Велеса / Пер. и коммент. А. И. Асова. М.: Наука и религия, 1997. С. 2.
- 34 См.: Русский библиофил. 1911. № 2; *Сопиков В. С.* Опыт Российской библиографии. Т. 2. СПб., 1814. С. III–IV. *Тараканова О. Л.* Антикварная книга. М., 1996. С. 231.
- 35 Культурология. История мировой культуры: Учебник для вузов / Под ред. проф. А. Н. Марковой. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998, 2001. С. 132.
- 36 *Левочкин И. В.* Отзыв на рукопись (текст, вступительная статья и комментарии) «Велесова книга», подготовленную к изданию, М., 1993, 20 авт. л. [Личный архив И. В. Левочкина. 19.10.1993].
- 37 Книга Велеса / Пер. и коммент. А. И. Асова. М., 1997. С. 154.
- 38 *Фокс И.* Велесова книга. История одной фальсификации // Солидарность. 1995. №3(100). С. 16–17.
- 39 *Грачев Г. В., Мельник И. К.* Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М., 1999. С. 215.
- 40 См.: *Каиштанов С. М.* К вопросу о типологии фальсификаций источников эпохи Средневековья [Ч. 1] // Археогр. ежегодник за 1988 г. М., 1989. С. 25–30; То же (часть вторая) / АЕ за 1989 г. М., 1990. С. 50–54; То же (часть третья) // АЕ за 1990 г. М., 1992. С. 34–40.
- 41 Да здравствует анархия системы! Интервью с У. Эко, для журналов *Tel'ema* и *Wire Works*, взятое Полом Клессоном и Кевином Виллинггарстом // Домашний компьютер. 1999. № 2. С. J2–14.
- 42 *Асов А. И.* Славянские руны и «Боянов гимн». М.: Вече, 2000. 416 с. («Великие тайны»), 10 000 экз.

Приложение

Козлов В.П.

Хлестаков отечественной "археологии", или три жизни А.И. Сулакадзева

Что думают ученые о "Велесовой книге". - С. 199-236.

Ты у него увидишь груды
Старинных лат, мечей, посуды...

Тут шлемы старые, гребенки,
Два телескопа,
Горшки для каши и солонки
Времен потопа.

Р. Бернс

Есть умы столь лживые, что
даже истина, высказанная ими,
становится ложью.

П. Я. Чаадаев. Отрывки и афоризмы

Александр Иванович Сулакадзев – наиболее известный отечественный фальсификатор исторических источников, «творчеству» которого посвящен не один десяток специальных работ.¹ К этому необходимо добавить, что он наиболее масштабный фабрикант подделок. По меньшей мере три обстоятельства дают основания для такого заключения: непостижимая дерзость в изготовлении и пропаганде фальшивок, размах и «жанровое» или видовое разнообразие изделий, вышедших из-под его пера.

В случае с Сулакадзевым исследователь фальсификаций неизбежно вынужден не только обратить внимание на мотивы, технику изготовления подделок, но и попытаться пристально всмотреться в личность их автора, по-своему неординарную, которой были присущи погоня за знаниями, бессистемная любознательность, романтическое фантазерство и в то же время дилетантизм, стремление выдавать желаемое за действительное, решение проблем не столько с помощью знаний, сколько самоуверенным напором и остроумными выдумками.

Если верить автобиографическим записям Сулакадзева, он был потомком грузинского князя Г. М. Сулакадзе. Его отец, уже обрусевший грузин И. Г. Сулакадзев (1741–1821), воспитывался в одной из гимназий при Московском университете, занимал ряд канцелярских должностей, а с 1782 г. (до увольнения в 1808 г. в чине титулярного советника) служил рязанским губернским архитектором и, как не без гордости сообщал Сулакадзев, «весь город перестроил и даже в уездах многое».² В 1771 г. И. Г. Сулакадзев женился на дочери рязанского полицмейстера С. М. Боголепова – Е. С. Боголеповой. В том же 1771 г. у молодых супругов в их небольшом сельце Пехлеце Ряжской округи Рязанской губернии и родился сын – А. И. Сулакадзев.

У Сулакадзева, видимо, были хорошие возможности для самообразования (о том, где он учился, нам неизвестно). Его дед по матери вел, по свидетельству внука, «записки своей жизни, кои весьма драгоценны, о царствованиях и происшествиях».³ Эти «записки» до нас не дошли, но, как увидим ниже, они повлияли на творчество и интересы Сулакадзева. Любопытна и личность отца. Он имел значительную библиотеку рукописей и печатных книг, о чем свидетельствуют штампы на дошедших до нас книгах и рукописях: «Сулакадзев. 1771».⁴

Рано овдовев, отец Сулакадзева в 1778 г. вновь женился на некоей Е. Д. Сахновской. Сам Сулакадзев какое-то время служил в гвардии, был женат на С. Шредер и с начала XIX в. обосновался в Петербурге, где и умер в 1832 г.

От отца и деда Сулакадзев унаследовал неумную жажду познания и интерес к различным областям науки. Вслед за дедом он, например, занялся сбором сведений о «воздушных полетах» в России и других странах. Продолжая увлечения отца, Сулакадзев активно пополнял библиотеку печатными книгами и рукописями. В течение многих лет он кропотливо и систематически вел дневник, а затем «Летописец» наиболее интересных современных происшествий. Сохранившиеся фрагменты за 20-е гг. XIX в. позволяют говорить о них как о примечательных, во многом уникальных документах эпохи. Так, ознакомившись уже в 1826 г. с «Горем от ума» А. С. Грибоедова, он записал: «Притом есть и колкости», а далее мстительно вспоминает: «Разные случаи неблагодарности, против меня разных званий людьми оказанные».⁵ Впрочем, здесь не много записей о личной жизни автора, зато содержатся тщательные, скрупулезные выписки из газет и журналов (русских и иностранных) о политических событиях в стране

и мире, известия об открытиях в астрономии, химии, физике, мореплавании, воздухоплавании, сведения о ремеслах, театре, музыке, живописи, книгопечатании. Кажется, нет ни одной области знаний и искусств, которые бы не интересовали Сулакадзева.

Среди многочисленных увлечений Сулакадзева особо следует отметить его фанатический интерес к театральному искусству. Дневники Сулакадзева пестрят записями о новостях театральной жизни Москвы, Парижа, Берлина, Петербурга. Их автор и сам пробовал свое перо в драматургии. Известны три пьесы, написанные Сулакадзевым в 1804–1805 гг. Одна из них – «Чародей-жид», где в качестве действующих лиц фигурируют Астролог, Анфан Лев, волшебник Эллим, куманская старуха Сивилла и т. д. Герои другой пьесы – «Волшебная опера Карачун» – волхв Карачун, чародей Полкан, молодая славянская волшебница Лада, ее соперница Мода, Кикимора, варяжский рыцарь Преал и др. Герои обеих пьес действуют в мире колдовства и романтической любви. Третья пьеса Сулакадзева была написана им на тему русской истории. Это была драма «Московский воевода Иоанн».⁶

Специалистам в области истории театрального искусства еще предстоит, очевидно, профессионально оценить эти ранее неизвестные произведения Сулакадзева. Мы же заметим со своей стороны, что историческая драма Сулакадзева «Московский воевода Иоанн» является таковой лишь по названию. Ее герои живут и действуют все в том же мифическом мире, однако в пьесе легко просматриваются и бытовые реалии начала XIX в. Для нас же важно другое: склонность Сулакадзева к театральным эффектам явно связана с его другими увлечениями, в том числе и с фальсификациями исторических источников.

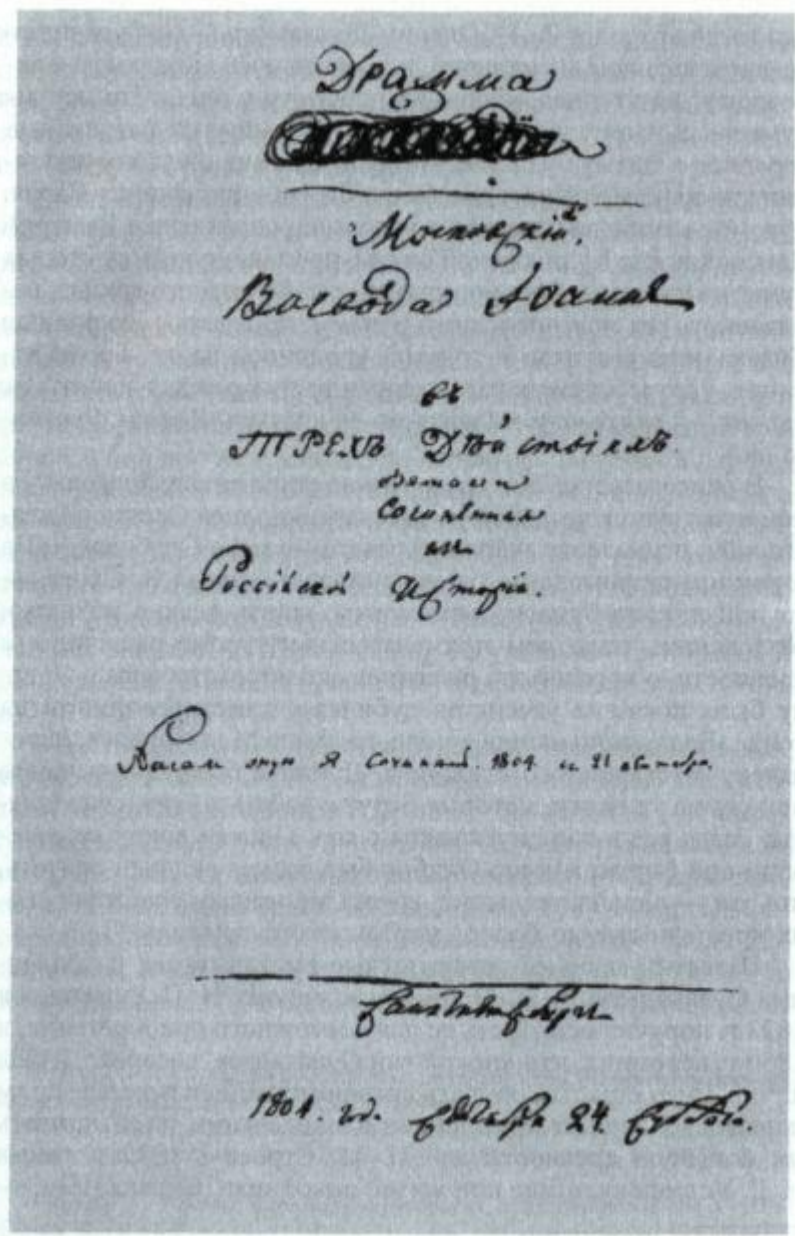
Пытался постичь Сулакадзев и сферу политики. Вот образец его размышлений по этому поводу, зафиксированных в дневнике за 1825 г.: «И я вернейшим чту, что Россия овладеет Константинополем и всюю европейскою частию (доколе можно) (далее неразборчиво. –В. К.) или восстановит правление независимое..., а потом, усилясь, овладеет всем возможным.

Ее сила возрастает, и когда она остановит рост свой – тогда страсть укрепляться будет, но слабость будет вера...».

Но вместе с тем уже из дневника и «Летописца» видно, что увлечения Сулакадзева неизменно несли на себе печать дилетантизма. Им руководило не столько желание разобраться в сути явлений и событий, сколько стремление к чему-то таинственному, загадочному, от чего он получал какое-то восторженное удовольствие. Тщательно записывая сведения об открытиях в самых различных областях естествознания, Сулакадзев тут же серьезно рассуждает о смысле увиденных им снов, хиромантии; он верит в колдовство, восхищается графом Калиостро. Сулакадзева можно видеть в кругу известных, просвещенных людей его времени, среди членов научных обществ, но в то же время один из современников вспоминает: «В Петербурге было одно, но очень благородное общество, члены которого, пользуясь общею, господствовавшею тогда склонностью к чудесному и таинственному, сами составляли под именем *белой магии* различные сочинения, выдумывали очистительные обряды, способы вызывать духов, писали аптекарские рецепты курений и т. п. Одним из главных был тут некто Салакидзи, у которого бывали собрания, и в доме его в одной комнате висел на потолке большой крокодил».⁷

Итак, перед нами мистик и хиромант, сумевший достать для отправления магических действий даже такой экзотический для России начала XIX в. предмет, как чучело крокодила. Это была одна жизнь Сулакадзева. Но не следует впадать в предубеждение относительно личности этого человека. Помимо занятий хиромантией и магией у Сулакадзева было много других интересов. Они составляли как бы еще две его жизни.

Титульный лист рукописи драмы А. И. Сулакадзева «Московский воевода Иоанн»

И одна из них была в высшей степени благородной. Как и отец, Сулакадзев был страстным коллекционером, или, как тогда нередко говорили, «археологом» – собирателем всевозможных древностей. Среди современников о коллекции Сулакадзева ходили самые невероятные слухи. По словам С. П. Жихарева, в марте 1807 г. Г. Р. Державин сообщил в кругу своих друзей, что у Сулакадзева «находится большое собрание русских древностей, между прочим, новгородские руны и костыль Иоанна Грозного». ⁸ «Мне давно говорили, – возразил тогда археолог А. Н. Оленин Державину, – о Сулакадзеве, как о великом антиквари, и я, признаюсь, по страсти к археологии не утерпел, чтобы не побывать у него. Что же, вы думаете, я нашел у этого человека? Целый угол наваленных черепков и битых бутылок, которые выдавал он за посуду татарских ханов, отысканную будто бы им в развалинах Сарая; обломок камня, на котором, по его мнению,

отдыхал Дмитрий Донской после Куликовской битвы, престранную кипу старых бумаг из какого-нибудь уничтоженного богемского архива, называемого им новгородскими рунами; но главное сокровище Сулакадзева состояло в толстой уродливой палке, вроде дубинок, употребляемых кавказскими пастухами для защиты от волков, – эту палку выдавал он за костыль Иоанна Грозного...» ⁹

В свидетельстве Жихарева можно усомниться, поскольку в нем чувствуется воздействие рассказа Вальтера Скотта «Антикварий», стремление найти «русского мистера Олдбока». («На огромном старомодном дубовом столе, – писал В. Скотт, – грудой лежали бумаги, пергаменты, книги, всякие мелочи и безделушки, мало чем примечательные, кроме ржавчины и древности, о которой эта ржавчина свидетельствовала... Доведу была показана увесистая дубинка с железным шипом на конце. Ее недавно нашли в поле, на земле Монкбарнаса, неподалеку от старинного кладбища. Дубинка была чрезвычайно похожа на те палки, которые берут с собой гайлэндские жнецы, когда раз в год спускаются с гор. Однако ввиду ее своеобразной формы мистер Олдбок был весьма склонен считать, что это – одна из тех палиц, которыми монахи снабжали своих крестьян вместо более смертоносного оружия». ¹⁰)

Известны и более авторитетные высказывания о коллекции Сулакадзева. А. Х. Востоков, которому Н. П. Румянцев в 1823 г. поручил осмотреть ее для возможного приобретения, в 1850 г. вспомнил, что «покойный Сулакадзев, которого я знал лично, имел страсть собирать древние рукописи и вместе с тем портить их своими приписками и подделками, чтоб придать им большую древность...» ¹¹ П. М. Строев в 1832 г. писал Н. Г.

Устрялову: «Еще при жизни покойника (Сулакадзева. – В. К.) я рассматривал книжные его сокровища, кои граф Толстой намеревался тогда купить. Не припомню там списка Курбского, но подделки и приправки, впрочем, весьма неискусные, на большей части рукописей и теперь еще мне памяты. Тогда не трудно было морочить».¹²

Столь суровые, скептически-уничижительные оценки коллекции Сулакадзева тем не менее далеко не во всем оказались справедливыми. За годы своей жизни он сумел собрать действительно большую и ценную коллекцию печатных и рукописных материалов. Основу ее, как уже говорилось, составили библиотека и рукописное собрание деда и отца. В дальнейшем она пополнялась покупками, дарениями, а возможно, и изъятиями при подходящих случаях из церковных и государственных хранилищ и библиотек. Сулакадзев, например, получил в дар ряд книг и рукописей из библиотеки своего, как он пишет, «приятеля» – писателя, публициста, путешественника Ф. В. Каржавина, а затем, после смерти того, приобрел всю или большую часть его библиотеки.¹³ Загадочным путем в его коллекцию попали уникальные документы – реестры рукописей, присланных в конце XVIII в. в Синод по указанию Екатерины II (до начала XIX в. они хранились в делопроизводстве Синода).¹⁴

В настоящее время известна рукопись, числившаяся в коллекции под номером 4967, что говорит о минимуме письменных и печатных материалов собрания.¹⁵ На одной из рукописей Сулакадзев записал, что у него «более 2 тысяч рукописей всякого рода, окромя писанных на баргаментях».¹⁶ Трудно проверить в настоящее время достоверность этих свидетельств: сохранившиеся каталоги библиотеки называют от 62 до 294 славянских и западноевропейских рукописей, в том числе до 12 пергаменных.¹⁷ Сегодня известно местонахождение более 100 рукописей, принадлежавших Сулакадзеву. Их состояние заставляет с сомнением отнестись к приведенному выше сообщению Жихарева о небрежном отношении владельца к своим раритетам. Наоборот, Сулакадзев явно не жалел времени и средств на то, чтобы привести их в порядок. Он составлял сборники из разных рукописей, тщательно переплетал их, ставил своеобразный «экслибрис» («Ма[нускрипт] бу[мажный]») и обязательно номер по каталогу. Многие рукописи испещрены многочисленными библиографическими справками, всевозможными заметками владельца с оценкой их содержания, демонстрирующими несомненную его любознательность и широкую начитанность. Так, в одном из сборников, озаглавленном самим владельцем «Источником», он сделал характерные записи: «О вампирах-кровососах – умелое сочинение и любопытное», «Письмо китайского императора 1712 г. – любопытное», «Грозного Курбскому письмо 1564 единственно любопытное», «Стихи Масленнице 1746 глупо-забавные». Здесь же мы можем встретить его выписки о ведьмах, свод известий об истории изобретения пороха и оружия и т. д.¹⁸

Рукописно-книжное собрание Сулакадзева, к сожалению, постигла участь многих коллекций его времени: оно было распылено после смерти владельца, а значительная часть, по-видимому, вообще оказалась утраченной. Немалую роль в этом сыграл сам Сулакадзев, отпугнувший коллекционеров своими фальсификациями, а также убедивший жену, наследовавшую рукописи и книги, в их огромной ценности. В 1832 г., после смерти владельца, Устрялов с нескрываемым изумлением писал Строеву: «Я был у вдовы его с К. М. Бороздиным..., хочет, чтобы купили все ее книги, и притом за 25 тысяч рублей».¹⁹ Непреклонность наследницы, видимо, сыграла свою печальную роль: и петербургские, и московские коллекционеры, поначалу проявившие живой интерес к коллекции Сулакадзева, вскоре объявили вдове едва ли не бойкот. Наследнице не удалось продать полностью рукописи и книги. Часть их была приобретена известными петербургскими коллекционерами П. Я. Актовым и А. Н. Кастериным (последний распродал их еще в 1847 г.).²⁰ О печальной судьбе другой, по-видимому большей, части рукописей и книг в 1887 г. рассказал библиограф Я. Ф. Березин-Ширяев. В декабре 1870 г. на Апраксином дворе в Петербурге в книжной лавке он увидел «множество книг, лежавших в нескольких кулях и на полу. Почти все книги были в старинных кожаных

переплетах, а многие из них даже в белой бараньей коже... На следующий день я узнал, что книги, виденные мною в лавке Шапкина, принадлежали известному библиофилу Сулакадзеву, они сохранялись несколько лет, сложенные в кулях где-то в сарае или на чердаке, и куплены Шапкиным за дешевую цену. В числе этих книг было много брошюр и рукописей, которым Шапкин, вероятно, не придавал особой ценности, и продал их на вес в соседнюю бумажную лавку».²¹ По свидетельству Березина-Ширяева, в этой лавке ему удалось купить несколько рукописей, в том числе дневник Сулакадзева за 1822–1824 и 1828 гг., несколько латинских, французских рукописей, а у купца Шапкина – «все иностранные книги, которых было более ста томов, а также часть и русских», в том числе издания сочинений Раймонда Люли 1566 г., Генриха Корнелия Агриппы 1567 г. и др., ряд рукописей.²² Как пишет Березин-Ширяев, незадолго до его покупок часть коллекции (по меньшей мере 70 номеров рукописей) приобрел профессор математики Н. П. Дуров (ширяевские и дуровские рукописи собрания Сулакадзева сохранились полностью).

В настоящее время «осколки» рукописного собрания Сулакадзева находятся более чем в двадцати пяти коллекциях, разбросанных в разных хранилищах страны и за рубежом. Среди спасенных материалов Сулакадзева много рукописей исторического содержания. Это «История о Казанском царстве» в списке XVII в., Хронографическая Палея XVI в., Сказание А. Палицына, Хронограф южно-русской редакции, отрывок Никоновской летописи в списке XVII в., сборники, списки переводов исторических сочинений Вебера («Переменившаяся Россия»), Вольтера («История России при Петре I» – перевод с местами, исключенными в печатном издании цензурой), Страленберга, труды русских историков (А. И. Манкиева, М. В. Ломоносова и др.), сборник материалов XVIII в. о Е. И. Пугачеве. Из коллекции Сулакадзева сохранились публицистические сочинения С. Яворского, С. Полоцкого, В. Н. Татищева.

Известны коллекции рукописей литературного содержания: список «Горя от ума» Грибоедова, три сборника пародийных стихотворных произведений XVIII в., в том числе знаменитый «Сборник Ржевского», переводы «Потерянного рая» Мильтона, «Орлеанской девы» Вольтера, языковые словари.

Среди рукописей широко представлены мистические, масонские, каббалистические сочинения.

Сохранилось не менее десяти рукописных книг по домоводству, сельскому хозяйству, фортификации, навигации, геодезии, пиротехнике.

Наконец, известно несколько памятников церковно-славянской и русской письменности – уставы, евангелия, жития святых, патерики, молитвенники в списках XIII–XVI вв., в том числе пергаменные.

Собрание включало, если верить библиографическим запискам Сулакадзева на дошедших до нас рукописях, большую и ценную коллекцию печатных книг по истории, естественным наукам, литературе, запрещенные издания, едва ли не полную подборку «Санкт-Петербургских ведомостей», в том числе петровского времени (материалы из нее печатались Сулакадзевым в журналах начала XIX в.²³).

И по объему, и по ценности рукописных и печатных материалов коллекция Сулакадзева в его время была одной из наиболее заметных в России. Даже несмотря на ее трагическую судьбу после смерти владельца, она могла бы принести ему истинную славу. Можно сказать, что, если бы Сулакадзев не занимался фальсификацией исторических источников, его с благодарностью вспоминали бы сейчас как известного коллекционера, немало сделавшего для собирания и сохранения рукописно-книжных богатств.

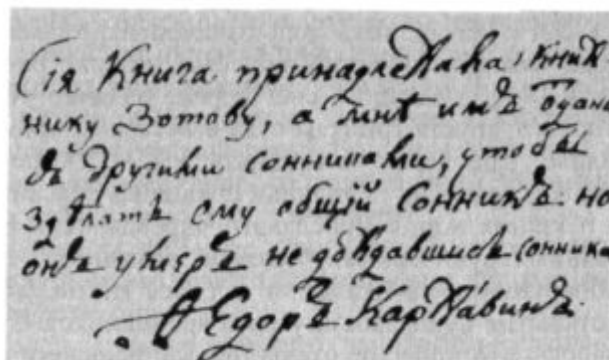
Но Сулакадзев одновременно с увлечением коллекционированием выбрал и еще одно занятие – изготовление и «открытие» фальшивых, никогда не существовавших памятников письменности, безудержное, прямо-таки маниакальное «исправление» подлинных памятников, фабрикацию своеобразных реестров, описей, каталогов исторических материалов по отечественной и всемирной истории.

Корни этой «страсти» (или третьей жизни) Сулакадзева следует искать в общественной и научной атмосфере первых десятилетий XIX в. Начало века было ознаменовано замечательными открытиями в славянской и русской литературе и письменности: в 1800 г. вышло в свет первое издание «Слова о полку Игореве», спустя три года стал известен Сборник Кирши Данилова, еще через четыре-пять лет – Остромирово Евангелие. На страницах периодики появились сенсационные известия о книгах Анны Ярославны, «древлянских рукописях», писанных руническими буквами, славянском кодексе VIII в., обнаруженном в Италии, и т. д. Все эти подлинные и мнимые открытия будоражили умы современников Сулакадзева. Казалось, что прошлое отечества, все больше и больше отодвигаясь в глубь веков, начинает щедро приоткрывать свои тайны. Энтузиазм первооткрывательства неизвестных источников поддерживался оптимизмом, надеждой и даже уверенностью, что от взора исследователей скрыто еще немало памятников, способных перевернуть все исторические знания.

Несомненно, и Сулакадзев испытывал энтузиазм и оптимизм первооткрывателя. Его записи на сохранившихся рукописях коллекции говорят, что их владелец серьезно увлекался поисками заинтересовавших его памятников, проявляя при этом немало энергии и деловитости. Он с жадностью ловил каждый, в том числе и невероятный, слух о находках в области древней письменности. В дневнике за 1825 г. Сулакадзев, например, записал сенсационную, но далекую от действительности новость: «25 января слышал от Гр[игория] Ивановича] Лисенки, что в Москве в Сергиевом монастыре найден до 13 века на пергаменте летописец Несторов, хотя не оригинал, но близкий к тому веку и весьма любопытный, найденный монахом в ризнице Троицкого Сергиева монастыря в забитом шкафике, и свитки найдены любопытные и номоканоны древние необыкновенно».²⁴ А попавшие к нему реестры рукописей, присланные в конце XVIII в. по указу Екатерины II в Синод, он не случайно озаглавил «Где есть рукописи». В этих реестрах он увидел надежное справочное пособие по розыску древних памятников.

Но с неменьшим энтузиазмом Сулакадзев использовал свою энергию и для фальсификации исторических источников. Как фальсификатор Сулакадзев, судя по воспоминаниям Жихарева, становится известным в Петербурге около 1807 г., когда он сообщил Державину об имевшихся у него «новгородских рунах». Спустя три года тому же Державину, работавшему в это время над «Рассуждением о лирической поэзии», он предъявил выписки из якобы найденной им «Бояновой песни Славену», или «Гимна Бояну», а также известие о «Перуна и Велеса вещаниях», или «Произречениях новгородских жрецов». Отрывки из первого сочинения были даже опубликованы Державиным в 1812 г. в его собственном переводе.²⁵

Запись Ф. В. Каржавина в Соннике нач. XIX в.

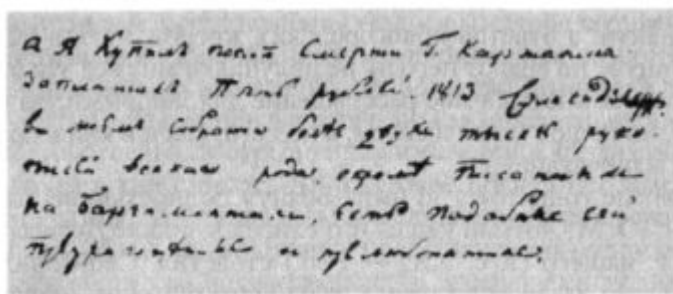
Сия книга принадлежала князь
нику Зотову, а был им в бздан
в дружини сонниками, что был
здант сну общий сонникъ. но
онъ у насъ не добывшии сонника
А Егоръ Каржавинъ.

Еще до этой публикации Державин поделился известием о находках Сулакадзева с А. Н. Олениным и Евгением Болховитиновым. Оба тотчас выразили сомнение в их подлинности. «Вы ездили, – писал Оленин К. М. Бороздину и А. И. Ермолаеву, – по белу свету отыскивать разные материалы к российской палеографии и едва нашли остатки какого-нибудь XI-го, а может быть, только и XII века. А мы здесь нашли человека, который имеет свиток, написанный во времена дяди и тетки Олега и приписанный Владимиром первым, что доказывает существование с приписью подьячих с самых

отдаленных веков Российского царства... Если же вам этого мало, то у нас нашелся подлинник Бояновой песни...».²⁶ Болховитинов же написал Державину: «Славянорунный свиток и *провещания новгородских жрецов* лучше снести на конец, в обозрение русских лириков. Весьма желательно, чтобы вы напечатали сполна весь сей гимн и все провещания жрецов. Это для нас любопытнее китайской поэзии. Сулакадзев или не скоро, или совсем не решится издать их, ибо ему много будет противоречников. А вы как сторонний и как бы мимоходом познакомите нас с сею диковинкою, хотя древность ее и очень сомнительна. Особливо не надо вам уверять читателя о принадлежности ее к I-му или V-му веку».²⁷ В письме к одному из своих приятелей в январе 1811г. Болховитинов еще более решительно высказался на этот счет: «Сообщаю вам при сем петербургскую литературную новость. Тамошние палеофилы или древностелюбцы отыскиали где-то целую песнь древнего славянорусского песнопевца Бояна, упоминаемого в Песни о полку Игореву, и еще оракулы древних новгородских жрецов. Все сии памятники писаны на пергаменте древними славяноруническими буквами задолго якобы до христианства».²⁸ В 1812 г. Болховитинов сообщил присланную ему Державиным выписку из «Гимна Бояну» Н. М. Карамзину в разгар работы того над «Историей государства Российского». Заинтригованный открытием, Карамзин немедленно просил своего корреспондента объяснить: «Кто имеет оригинал, на пергаменте писанный, как сказано? Где найти и давно ли известно? Кто переводил?» – а заодно выражал желание получить «верную копию с Гимна Боянова, действительного или мнимого».²⁹

В 1816 г., готовя второе издание своего «Рассуждения», Державин просил писателя В. В. Капниста обратиться к Сулакадзеву и взять у него «окончание песни Бояновой Одины»: «Скажи ему от меня, что я его прошу убедительно еще ссудить меня списком с той песни и с ответов новгородских жрецов, ибо та песнь у меня между бумагами моими завалилась, что не могу найти; а ответов новгородских жрецов, хотя и обещал мне список, но еще от него их не получал, и мне все эти редкости хочется внести в мое рассуждение для любопытства охотников, но не под моим именем, а под его, как и в книжках „Беседы“ напечатано».³⁰

Запись А. И. Сулакадзева в Соннике, продолжающая запись Ф. В. Каржавина

Многие годы текст «Гимна Бояну» полностью не был известен. Ю. М. Лотман нашел его список в архиве Державина в 60-х гг. нашего (т. е. XX. – *Ред.*) столетия. Свой оригинал Сулакадзев здесь описывает следующим образом: «Рукопись свитком на пергаменте, писана вся красными чернилами, буквы рунические и самые древние греческие». Список разделен на два столбца: левый заполнен «руническими письменами», а правый содержит перевод «рунического» текста. Весьма показательна приписка Сулакадзева: ссылаясь на отсутствие «древних лексиконов», он сообщает читателю, что его перевод «может быть и неверен».

Воспользуемся примером, приведенным Лотманом, который дает возможность получить представление о «подлинном» тексте «Гимна Бояну» и его переводе.

Меня видоч косте зратаивъ Отличный самовидец сражений
Ряду деля славенся стру Для ради престарелого Славена
Оже мьль мне изгоив И ты возлюбленный новопоселенец
Ладиме не переч послухъ Подлаживай, без противности слушателям.³¹

Данный образец «рунического» текста красноречиво показывает, что в нагроможденных здесь псевдоанахронизмах, образованных от корней славянских слов,

бесполезно искать какой-либо смысл. «Рунический» текст, по замыслу Сулакадзева, должен был подтвердить древность «Гимна Бояну» – чем темнее, непонятнее такой текст, чем больше в нем заумных слов, искусственных архаизмов («удычь», «кон уряд умыч кипня», «Очи вды кнен клу точи» и т. д.), тем более древним должен представляться источник. По словам Лотмана, древность памятника, в понимании Сулакадзева, состояла не просто в непонятности его текста для читателя нового времени, а в *принципиальной непонятности*.

Но если «рунический» текст, написанный к тому же изобретенными самим Сулакадзевым буквами, отразил достаточно примитивные представления фальсификатора о признаках древности славянских письменных памятников, то его перевод «Гимна Бояну» вызывает куда больший интерес. Как отметил Лотман, это «произведение, не имеющее сюжета, а состоящее из отдельных отрывочных изречений». С этим можно согласиться в том смысле, что в «Гимне Бояну» нет действия. Однако краткие изречения явно объединяет фигура древнерусского певца Бояна. «Гимн Бояну» представлен как чудом сохранившийся «остаток» «песнотворений» древнерусского поэта и певца. Не случайно фальсификатор озаглавил его: «Песнь, свидетельствующая Бояновы прославления престарелому Славену и младому Умилу, и злому Волхву врагу». В этой песне рассыпаны многочисленные исторические реалии «седой древности», как они представлялись Сулакадзеву. Здесь фигурируют князь Славен и его старшины, мужественные воины, прославившие в сражениях свои мечи еще до легендарного князя Кия, упоминаются некие «Сигеевы дела», Валаам (с ним мы еще не раз встретимся), который «злато хранит», и т. д.

И вместе с тем «Гимн Бояну» содержит еще один, пожалуй основной, пласт информации. Он раскрывает загадочную фигуру «песнотворца Бояна», к которой было приковано общественное внимание России начала XIX в. в связи с очень неясным и единственным упоминанием о нем в поэме «Слово о полку Игореве». Прежде всего в «Гимне Бояну» подробно представлено родословное древо певца. Оказывается, Боян – «Славенов потомок», внук певца Злогора, память о котором «волхвы истребили», сын Буса, «охранителя младого Волхва». Одновременно рассказано и о самом Бояне. Это – старый воин, очевидец многих сражений, едва не погибший от «дальних народов», человек, потерявший в битвах слух, не раз тонувший, а теперь воспевающий «Сигеевы дела».

Иначе говоря, «перевод» «Гимна Бояну», несмотря на свою бессюжетность, представлял известную цельность. Подделка вводила в общественный оборот образец творчества реально существовавшего, но малоизвестного и загадочного исторического лица, содержала вымышленные факты его биографии, рассказывала о событиях древней истории. Более того, «Гимн Бояну» знакомил еще с одним, даже более древним поэтом и певцом – Злогором. Несмотря на отсутствие в «Гимне Бояну» хронологии событий, очевидно, что повествование ведется о глубокой древности. Подделка пропагандировала идею высокого уровня развития славянского народа, к которому принадлежал Боян: в обществе, описанном здесь, существовали суды, славившиеся своей справедливостью, развитые денежные отношения (оплачивался даже труд стихотворца), были высокая письменная культура и «песнотворчество». На первый взгляд перед нами – пример бессознательной модернизации фальсификатором общественных отношений древности, а также плод «оссианического поветрия», охватившего Европу после известных подлогов Д. Макферсона. Однако дело вряд ли сводилось только к этому. Смутные представления Сулакадзева, почерпнутые им из книг, о «варварском» периоде в истории народов, почему-то не побудили его развивать тему жизни своих героев того времени, когда их согревали, как сказано мимоходом в «Гимне Бояну», только «звериные меха». Наоборот, в патриотическом воодушевлении он последовательно раскрывает тему славы, победоносных походов славян. Это вряд ли можно признать случайным – фальсификатор по-своему интерпретировал научные споры XVIII– начала XIX в. об уровне общественного и культурного развития славян. Своим изделием он явно преследовал

цель пополнить доказательствами ту точку зрения, согласно которой славяне оказались едва ли не преемниками Древнего Рима, опережая по своему развитию все остальные народы Европы. В этом смысле Сулакадзев действовал по логике Д. Макферсона и В. Ганки, хотя, разумеется, и не столь умело.

Тем не менее «Гимн Бояну» первоначально произвел сильное впечатление на современников-непрофессионалов. Об этом можно судить и по переводу Державина, по тому, что подделка как вполне достоверный исторический источник использована в биографии Бояна, опубликованной в 1821 г. в «Сыне Отечества». «В сем гимне, – писал литератор Н. И. Греч, – довольно подробно сам Боян о себе рассказывает, что он потомок Славенов, что родился, воспитан и начал воспевать у Зимеголов, что отец его был Бус, воспитатель младого Волхва, что отец его отца был Злогор, древних повестей дольный певец, что сам Боян служил в войнах и неоднократно тонул в воде».³²

Впрочем, как мы могли убедиться выше, в научных кругах к «Гимну Бояна» сразу же сложилось недоверчивое и даже откровенно скептическое отношение, поддерживавшееся тем, что владелец так и не осмелился опубликовать полностью свою «драгоценность». Окончательный приговор этой подделке был произнесен Болховитиновым. Касаясь изобретения славянской письменности и отметив, что некоторые из западных ученых хотели оспорить первенство Кирилла и Мефодия в изобретении славянского алфавита, относя его возникновение даже к IV в., Болховитинов далее продолжал: «Некоторые и у нас хвалились также находкою якобы древних славено-русских рунических писем разного рода, коими написан Боянов гимн и несколько провещаний новгородских языческих жрецов, будто бы пятого века. Руны сии очень похожи на испорченные славянские буквы, и потому некоторые заключали, якобы славяне еще до христианства издревле имели кем-нибудь составленную особую свою рунную азбуку и что Константин и Мефодий уже из рун сих с прибавлением некоторых букв из греческого и иных азбук составили нашу славянскую!.. Такими славено-русскими рунами напечатана первая строфа мнимого Боянова гимна и один оракул жреца... Но и сие открытие никого не уверило».³³

Читатель, однако, ошибется, если подумает, что разоблачение фальсификации «Гимна Бояну» смутило Сулакадзева. Отнюдь нет, оно лишь подвигло его на более продуманные и осторожные действия, а главное – на поиск иных форм и видов подачи и изготовления подделок исторических источников. Более того, постепенно он перешел на поточную фабрикацию подделок.

Одна из них всплыла лишь спустя много десятилетий после ее изготовления. В 1823 г. винницкий архиепископ Иоанн Теодорович во время объезда своей епархии в «глухом углу Подолии» приобрел пергаменную лицевую рукопись на 113 листах. Рукопись поразила архиепископа своей древностью: в ней имелись даты 999 г. и 1000 г. от Рождества Христова. Ее поля, свободные места были сплошь заполнены многочисленными приписками известных и ранее неизвестных исторических деятелей Руси X–XVII вв. В их числе фигурировали первый новгородский епископ («Иоаким от Корсуни»), первый российский митрополит Леон, патриарх Никон, в библиотеке которого в 1652 г. находилась рукопись, некие Оас, Урса, Гук, Володмай, чернец Наленда-«псковит» и т. д. Но, пожалуй, наиболее замечательны в обнаруженной рукописи две приписки. В первой говорилось, что настоящим молитвенником новгородский посадник Добрыня благословил великого князя Владимира («Благословлю Володимярю. Добрыня въ с[вя]темь Хрещении Василию»). Вторая приписка представляла собой дарственную запись Владимира, согласно которой он возвращал молитвенник Добрыне для поминания его грешной души.³⁴

Приписки свидетельствовали об обнаружении самой древней из известных до этого русских рукописей, восходящей к великокняжеской библиотеке, а затем бережно сохранявшейся православным духовенством вплоть до патриарха Никона, после которого она попала к некоему Михаилу Чечетке.

Иоанн Теодорович не стал делать секрета из своей находки. Она вызвала огромный

интерес среди украинской интеллигенции. Спустя два года «молитвеннику» великого князя Владимира, как он стал с тех пор называться, был посвящен специальный доклад И. И. Огиенко на заседании научного товарищества имени Т. Г. Шевченко во Львове, на основе которого автор затем опубликовал специальную статью.³⁵

Доклад и статья Огиенко вносили существенные поправки в слухи о сенсационном открытии. Знакомство с рукописью показало, что она включала действительно молитвенник, однако была новгородского происхождения и создана не ранее XIV в. Констатируя эти бесспорные обстоятельства, Огиенко тем не менее отнюдь не дезавуировал ее значения. Оставляя в стороне палеографический анализ наиболее важного в рукописи – приписок, он решительно заявил, что «молитвенник» представляет собой северорусскую копию подлинной рукописи 999 г. украинского происхождения, которая зафиксировала и все имевшиеся в оригинале X в. приписки.

Однако и столь хитроумная интерпретация, призванная хоть как-то поддержать значимость «молитвенника» как древнего памятника украинской письменности, не смогла спасти его от уничтожающего разоблачения. В 1928 г. разбору статьи Огиенко посвятил свою работу М. Н. Сперанский. Проведя детальный палеографический анализ приписок, Сперанский легко и убедительно показал, что и речи не может идти об их сколько-нибудь значительной исторической ценности. Напомнив, что рукопись «молитвенника» была известна еще в 1841 г. как происходящая из собрания Сулакадзева,³⁶ Сперанский логично связал фальсификацию ее приписок с этим лицом. Перед нами, писал Сперанский, «подлинная рукопись новгородского происхождения XIV в., но с поддельными приписками, сделанными позднее, притом по письму, подражающему с палеографической точки зрения неудачно письму древнему, – обычная манера Сулакадзева...».³⁷

Ко времени развенчания фальшивки Сперанский имел все основания при атрибуции ее автора ссылаться на «обычную манеру Сулакадзева» в подделках письменных источников. И из литературы, и самому Сперанскому уже были хорошо известны несколько подобных изделий Сулакадзева, в которых подлинные рукописи «удревнялись» фальшивыми приписками.

Судьба таких рукописей оказалась во многом аналогичной судьбе «молитвенника» великого князя Владимира. Еще в 1881 г. князь П. П. Вяземский сослался в своей работе о монастырях на Ладожском и Кубенском озерах на пергаменный «вселетник» новгородского митрополита XI в. Илариона как на вполне достоверный источник. В нем под 1050 г. говорилось: «Се лето принесоша съ Валаама Новуградъ Великий преподобныхъ Сергия и Германа у трети разъ».³⁸

Сперанский разыскал эту рукопись, представляющую собой церковный устав в списке XV в. Здесь, как и в «молитвеннике», на свободных местах киноварью более темного цвета, чем в подлинной рукописи, Сулакадзевым все в той же безыскусной манере письма «под древность» (примитивным уставом) сделан ряд приписок. Первая из них сообщала, что рукопись написана иноком Ларионом в память пребывания в Печерском монастыре в 1050 г. Вторая приписка повествовала, со ссылкой на «древнее письмо», о путешествии апостола Андрея Первозванного в Киев, Смоленск, Новгород, Грузино, на Валаам.

Сперанский обнаружил еще две части этой рукописи, разделенной Сулакадзевым. В них также имелись фальсифицированные приписки. В одной части сообщалось, как можно понять из крайне туманного текста, о поминании в 1050 г. княгини Ирины Ярославны и «окрещенных костою» Ярополка и Олега. Вторая часть той же рукописи содержала запись о ее написании игуменом (очевидно, церкви Святого Михаила) Сильвестром при киевском князе Владимире Всеволодовиче с устава митрополита Илариона, написанного Ранко Ухичем.³⁹

В руках Сперанского побывало и еще несколько подлинных рукописей с приписками Сулакадзева, содержащими вымышленные факты прошлого. Одна из них представляла пергаменную рукопись XIII–XIV вв., в которой Сулакадзев сделал две

приписки: 1367 г. «Зуты посадницы» и 1116 г. «Жарослава». Последний молился за ладожского посадника Павла и просил Бога помочь закончить строительство церкви Богородицы и печи в монастыре на острове Валаам не по образцу, имевшемуся на «Ярославле дворе», а «банною», как в Варяжске устроил игумен Антоний «попечерному».⁴⁰ Вторая – бумажная рукопись конца XVII в. – содержала приписку, где заверялось, что рукопись еще в XII в. принадлежала князю Игорю.⁴¹ В третьей рукописи (на бумаге начала XVIII в.) в пространной записи, сделанной Сулакадзевым, говорилось, что написана она в 1280 г. инокиней, бывшей женой князя Ярослава Ярославича, в знак поминания его души. Здесь же сообщалось, что в этот год скончался митрополит всероссийский Кирилл, были «громи мнози», упоминались дети Ярослава – Святослав, Михаил и Ярослав.⁴² В четвертой рукописи – Хронографе в списке XVI в. – Сулакадзев фальсифицировал запись о ее создании в 1424 г.⁴³

Не обошел своим вниманием Сулакадзев и другие рукописи. Так, сборник XVIII в., содержащий материалы по экономическим вопросам, он назвал «Сокровище известных тайн и экономии земской и о должности пахотного человека», что в целом соответствовало содержанию, но не утерпел и отнес время его создания к 1600 г.⁴⁴ Аналогичным образом Сулакадзев поступил и еще с одной рукописью XVIII в.⁴⁵ Наконец, церковный устав в списке XIII–XIV вв. фальсификатор удревил припиской на последнем листе – записью о его принадлежности великой (?) княгине Анне Ярославне, супруге французского короля Генриха I.⁴⁶

Подлинных рукописей, фальсифицированных приписками Сулакадзева, сохранилось много, только их перечисление заняло бы не одну страницу. Но и приведенные нами примеры красноречиво говорят о мотивах, которыми руководствовался фальсификатор. В первую очередь – это стремление «состарить» рукописи, польстить самому себе как коллекционеру и продемонстрировать такие «раритеты», которые могли вызвать изумление и восхищение современников. Однако целый ряд фальсифицированных приписок содержат не только даты, но и любопытнейшие по своей значимости и уникальности исторические факты. Для чего же они были нужны петербургскому коллекционеру?

Заметим, что «деятельность» Сулакадзева надо рассматривать в общем контексте исторических поисков, которые вели ученые начала XIX в., причем по проблемам, носившим дискуссионный характер, будь то знаменитая журнальная полемика о «банном строении» или споры о существовании так называемого Реймского Евангелия Анны Ярославны. Как человек начитанный, Сулакадзев своими фальсификациями пытался вмешаться в такие споры и даже поставить в них точку «новыми» историческими данными.

Но дело не ограничивалось только этим. Сулакадзев выступил еще и на поприще «историописательства», создания исторических сочинений, в которых «раритеты» его собрания занимали важнейшее место.

В своем дневнике за 1825 г. Сулакадзев оставил любопытные заметки: «Мои мысли об истории России и о прочем». Пусть не погневадается читатель на обширную выписку из этих «мыслей» – они по-своему любопытны и характеризуют круг увлечений и планы фальсификатора: «Сколько мне в жизни моей не случилось читать рукописей на пергамене и бумаге, шелковильной и хлопчатой и тряпичной разных веков и после об оных рецензии, критики, своды о них извлечений, но за всеми разысканиями в оных нахожу малое число тех мест, на кои бы можно было определительно положиться, а особливо в тех предметах, кои меня интересовали, но, как видеть можно, многое пропало или не открыто еще, чему есть и примеры, ибо всякий историк открыл многое. Татищев сказал нам многие рукописи, Щербатов сообщил извлечения из римских библиотек выписки Альбертранди и прочих. Карамзин отыскал многие важные источники, Общество древностей печатает также многое любопытное и открывает оное в рисунках. Архив Коллегии иностранных дел, печатая грамоты и договоры на основании богатого дателя своего граф[а] Н. П. Румянцева, издал в лист ч[асти] I, II, III и сообщил

любопытные акты многие. Издатель журнала П. П. Свиньин многое сообщил драгоценное. Северный архив А. Ф. (вместо Ф. В. – В. К.) Булгарина по возможности открывает полезное для истории, Вестник Европы также иногда помещает до истории касающееся, а равно и частные издатели многое открыли, а особенно преосвященный Евгений [Болховитинов].

Я извлекаю из всех источников о монетах русских, о оружиях, платьях (т. е. одежде), кушаньях (т. е. пище), названиях смесей оных при столах княжих и царских, увеселениях до христианства и по христианстве, суевериях, обрядах, жертвоприношении, поминовении тризненных, коммерции во всех ее видах в России, путешествиях во всех веках, а особливо до XIII века. Песни древние Кирши Данилова я считаю все новыми XVII века, ибо в них весь стиль и действия не древние, даже имена являют смесь выдуманного с мнимыми названиями, схожими на старинные. У меня собраны многие прибавочные имена славянские, мужские и женские, и к оным нравственные или приуроченные, в сходство физиогномии, телосложения. И лицеизображения и даже уродливости, так давали имена, чему многие есть примеры в истории и летописях».⁴⁷

«Мысли» красноречиво характеризуют личность Сулакадзева. Перед нами, с одной стороны, человек, который, несомненно, хорошо осведомлен в делах современной ему исторической науки. С другой стороны, поражают апломб, самоуверенность его суждений и оценок. Особенно замечательно критическое рассуждение Сулакадзева о достоверности песен Сборника Кирши Данилова, по поводу которых в научной литературе его времени разгорались споры. Заслуживает внимания и свидетельство о творческих планах Сулакадзева. Оказывается, перед собой он поставил задачу создания свода известий о древнерусском быте, торговле, обрядах и т. д. В свете этого становятся понятными те многочисленные библиографические заметки, приписки, поправки фальсификатора, которыми испещрены принадлежавшие ему рукописи.

Сохранилось и несколько его исторических упражнений. Это уже упоминавшееся сочинение «О воздушном летании в России», а также «Хождения или путешествия россиян в разные страны света» (с упоминанием путешествий Бояна в I в. и Люмира в X в. и со ссылками на собственные подделки: «Боян. Повесть I века, ходил повсюду. Песнь его. На пергамене свитком. У Сулакадзева в библиотеке. 1823»; «Люмир. Певец X века в Вышеграде. О нем в песне Забоя и Славоя...»),⁴⁸ «История изобретения пороха и оружия для оного», «О древней иконописи и живописи в России».⁴⁹

Красноречивым образчиком подобных произведений Сулакадзева стал и «Опыт древней и новой летописи Валаамского монастыря».⁵⁰ Основу этого сочинения составил труд иеромонаха Мисаила «Историограф Валаамского монастыря, или Разыскание о его древности и показание настоящего его положения», имевшийся в коллекции Сулакадзева и послуживший источником некоторых его фальсификаций.⁵¹ В «Опыте» наряду со ссылками на подлинные источники широко цитируются уже упоминавшиеся «Гимн Бояну», в котором обещается воспеть Невское (Ладожское) озеро, «вселетник» митрополита Илариона с рассказом о перенесении в 1050 г. с Валаама в Новгород мощей преподобных Сергия и Германа и путешествии Андрея Первозванного на Валаам. В «Опыте» Сулакадзев впервые привел и выписки из «древославянских проречений на пергамене V века», где говорилось, что Андрей Первозванный «от Иерусалима прошел Голяд, косог, Роден, скеф и скиф и славян смежными лугами».

Иначе говоря, в работе Сулакадзева по истории Валаамского монастыря его прежние фальсификации стали играть уже роль не просто «раритетов», а исторических источников – важных «свидетельств» давней истории духовной обители Севера. Более того, автор «Опыта» использовал еще одну свою фальсификацию. Здесь он впервые сослался на принадлежащую ему рукопись «Оповеди». В ней, по его словам, рассказывается о возникновении Валаамского монастыря в X в. и о крещении тогда же преподобным Сергием некоего лица «во имя Куанта». Сулакадзев привел из «Оповеди» и рассказ о путешествии на Валаам Андрея Первозванного, который поставил здесь крест и «мужа камня содела».

«Оповеди», как и ряду других фальсификаций Сулакадзева, была суждена долгая жизнь, хотя у многих едва ли не сразу она вызвала и сомнения. Например, игумен Валаамского монастыря Дамаскин в 1850 г. писал Востокову: «Титулярный советник Александр Иванович Сулакадзев, трудившийся много лет над составлением истории Валаама, приводит в рукописи, хранящейся в нашем монастыре, следующее заимствованное им из рукописной „Оповеди“:

Ондреи отерслима пребрере голиди
к соуги родени скефи скифи
и словени и рели соумнежни.
Бреде на емленее паки скофи
словенсти влики адлгу вланде.
Боури хринславе окроужи нево
и наваламо измъичли сюду и
союду иже и први хрсти пстави
камении моужа камени содела.

...Сколь вероятно это сказание и находится ли оно в печатном издании?».⁵²

Ответ Востокова был категорическим: «Что касается приведенной вами в письме вашем выписки из сочинения Сулакадзева, то она не заслуживает никакого вероятия... эта так называемая им „Оповедь“ есть такого же рода собственное его сочинение, исполненное небывалых слов, непонятных словосокращений, бессмыслицы, чтоб казалось древнее».⁵³

После рассказанного читатель уже не удивится, узнав, что «Оповедь» не исчезла как важное «свидетельство» древности Валаамского монастыря. В 1841 г. ее данные вошли в «Материалы для статистики Российской империи», в 1852 г. в книге «Остров Валаам и тамошний монастырь» она преподнесена как зафиксировавшая достоверное «местное предание» о существовании на острове уже в X в. иноческой обители, основанной преподобным Сергием, греком по происхождению, от которого принял крещение Герман, в язычестве называвшийся Мунгом.⁵⁴ В четырех первых изданиях «Описания Валаамского монастыря», начиная с 1864 г. и вплоть до 1904 г., когда вышло пятое издание, «Оповедь» использовалась как подлинный исторический источник. А не так давно ее опять попытались ввести в круг исторических свидетельств: «Журнал Московской Патриархии» со ссылкой на нее упомянул о пребывании в Карелии Андрея Первозванного,⁵⁵ советский историк В. Б. Вилинбахов сослался на это сочинение как подтверждающее путешествие Андрея Первозванного на Валаам.

«Опыт» Сулакадзева, написанный им, очевидно, накануне прибытия в Валаамскую обитель в 1819 г. Александра I, пришелся по сердцу церковнослужителям, особенно Валаамского монастыря. Во-первых, в нем «документально» подтверждалась легенда о приходе на Русь Андрея Первозванного. Вокруг легенды бушевали страсти, причем ее опровержение рассматривалось подчас, говоря словами известного публициста и общественного деятеля начала XIX в. В. Н. Каразина, как «легкомысленные усмешки кощунов над религией». Во-вторых, сочинение Сулакадзева подтверждало древность Валаамского монастыря, его знатность и богатство в прошлом. С помощью фальсифицированных источников Сулакадзев доказывал в своем труде, что Валаам издревле был заселен не карелами и финнами, а славянами, создавшими здесь государство двенадцати князей по типу новгородского, имевшее связи даже с римским императором Каракаллой. «Опыт» имел вполне определенную идейную направленность. Он оказался несвободным и от примитивного угодничества. Об этом свидетельствует тот факт, что в выдуманном маршруте путешествия Андрея Первозванного Сулакадзев упомянул о местечке Дроузино, трактуя его как «Грузино».

В селе Грузино находилось имение графа А. А. Аракчеева. Легендарное известие Степенной книги о путешествии Андрея Первозванного с упоминанием «Друзина» (оно было приведено еще в 1784 г. в книге Манкиева) с именем всеильного временщика попытался соединить не только Сулакадзев, но и Каразин. В 1816 г. он в письме к Аракчееву сообщал об этом «великой важности» известии, полагая, что оно дает «селу

сему преимущество пред всеми селами и городами Российской империи». «Не говорю, – заключал Каразин, – чтобы оный (анекдот, как назвал автор письма известие Степенной книги. – В. К.) был для нас в нынешнее время столько же достоверен, как, например, события при Петре Великом и при Екатерине Второй, – историческая истина не бывает математическою. Довольно, что он весьма вероятен, что он не противоречит ни разуму, ни истории... что его нельзя проходить молчанием или отвергать, яко очевидное изобретение».⁵⁶ Как видим, лгья Аракчееву, Каразин все же счел необходимым как-то оговориться относительно достоверности этих данных. Сулакадзеву даже таких оговорок не требовалось – он смело использовал недостоверное известие Степенной книги в «Оповеди», превратив его в древнее сообщение.

«Аппетит приходит во время еды» – эта поговорка точно характеризует не только масштабы, но и характер подделок Сулакадзева: «аппетит» будоражил его фантазию, подталкивая на новые фальсификации, подчас чрезвычайно оригинальные. В последние годы жизни Сулакадзев уже не мог удовлетвориться составлением отдельных подделок – его едва ли не болезненная страсть требовала большего размаха. Так, в его воображении постепенно созревает замысел подделки целого корпуса источников – их коллекций.

Этот путь был подсказан Сулакадзеву самим развитием исторической науки. Именно в период расцвета его «творчества» в России появляются справочные пособия по рукописным и книжным собраниям. В 1825 г. издается и первое печатное описание частной коллекции рукописей, принадлежавших графу Ф. А. Толстому, а в последующие годы – продолжение этого описания.⁵⁷ Подготовленное известными археографами и библиографами того времени К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым, оно было составлено по всем требованиям науки – здесь указывались важнейшие палеографические признаки рукописей и книг, время их создания, названия произведений и т. д.

Описание библиотеки Толстого, ряд других ценнейших печатных описаний стали для фальсификатора незаменимыми источниками всевозможных сведений.

Под их воздействием у Сулакадзева созрел замысел создания каталога или реестра, в котором можно было бы назвать рукописные и печатные редкости, неизвестные ни собирателям, ни ученым. Так возникло его сочинение под названием «Книгорек, то есть каталог древним книгам как письменным, так и печатным, из числа коих по суеверию многие были прокляты на соборах, а иные в копиях сожжены, хотя бы оные одной истории касались; большая часть оных писаны на пергаменте, иные на кожах, на буковых досках, берестяных листах, на холсте толстом, напитанном составом, и другие».⁵⁸

Таким образом, «Книгорек» обещал перечень потрясающих по древности и уникальности содержания произведений, написанных на пергаменте, холсте, бересте и буковых досках (мы знаем, как позднее трансформировались эти самые «буковые доски» в одну из подделок другого лица, принадлежащего другому времени). Фантастическая ценность таких памятников подчеркивалась и разделами «Книгорека»: «Книги непризнаваемые, коих ни читать, ни держать в домах не дозволено», «Книги, называемые еретические», «Книги отреченные» и т. д.

«Книгорек» упоминал ряд реально существовавших, но не известных в оригиналах или списках произведений отечественной и славянской письменности. Ученые мечтали разыскать их. О них Сулакадзев узнал из Стоглава, «Истории» Карамзина, книги Калайдовича «Иоанн, экзарх Болгарский» (1824 г.), впервые включившей сочинения С. Медведева «Оглавление книг, кто их сложил» и «О книгах истинных и ложных».⁵⁹ Кстати, именно последние и подтолкнули Сулакадзева на использование этой жанровой разновидности в своих подделках. Но фантазия фальсификатора оставила позади «Оглавление книг, кто их сложил» и «О книгах истинных и ложных».

При знакомстве с «Книгореком» читатель неизбежно должен был быть повергнут в состояние даже не столько восторга, сколько нервного потрясения. Здесь назывались: «1) Синадик, или Синодик, на доске вырезанной, был в Нове городе в Софийском соборе, всех посадников и вклады их, предревней;

- 2) Даниил, игумен черниговский, книга Страница 1105 года;
- 3) Криница 9 века, Чердыня, Олеха вишерца, о переселениях старожилых людей и первой вере;
- 4) Жидовин, рукопись одиннадцатого века киевлянина Радивоя о жидах-самарянах и других, кто от кого произошел;
- 5) Патриарси. Вся вырезана на буквых досках числом 45 и довольно мелко: Ягипа Гана смерда в Ладогe IX века о переселенцах варяжских и жрецах и писменах, в Моравию увезено;
- 6) Адам. Заклучает: жития святых Новгородс[ких] замученных] от идолопоклонник[ов]: холмоградских XIII века в Сюзюиомках, сочине[ние] Деревской пятины купца Дымки;
- 7) Ексох. Рукопись VIII века о видениях и чудесах, есть с нее и копия у расколь[ников] волховских;
- 8) Исаино видение, рукоп[ись] 14 века, Плотинского конца тысячника Янкаря Оленича, множество чудес, видений Древнего и Нового Завета;
- 9) Лоб Адамль, X века, рукоп[ись] смерда Вездздилища, о холмах новгородских, тризнах Злогора, Коляде вандаловой и округе Буриовой и Владимира, на коже белой;
- 10) Молнияник, 7 века Яна Окулы, о чудных сновидениях и наветы о доброй жизни;
- 11) Месяц окружится, псковита Лиха;
- 12) Коледник V века дунайца Яновца, писанный в Киеве о поклонениях Тройским горам, о гаданиях в пещерах и Днепровских порогах русалами и кикимрами;
- 13) Волховник... рукопись VI века колота Путисила, жившего в Русе граде, в пещере;
- 14) Путник IV века;
- 15) Поточник VIII века, Солщеслава;
- 16) О Китоврасе, басни и кощуны... на буквых досках вырезано и связаны кольцами железными числом 143 доски, 5 века на славенском...». ⁶⁰

Мы привели лишь малую часть уникамов «Книгорека». Сочинив столь необычный документ, Сулакадзев, кажется, и сам поверил в его подлинность. Он включил в эту фальшивку и ряд своих более ранних изделий, а потом напротив этих «произведений» с гордостью отметил, что они есть в его собрании.

И все же «Книгорек» мы вправе рассматривать как промежуточный этап в «деятельности» Сулакадзева. Ее итогом стал «Каталог книг российских и частью иностранных, печатных и письменных, библиотеки Александра Сулакадзева». Он составлен, по всей видимости, в последние годы жизни фальсификатора и был рассчитан на то, чтобы привлечь внимание к его библиотеке с целью ее продажи, то есть преследовал чисто коммерческий интерес.

Существовало не менее двух редакций этого каталога. Список первой (пространной) редакции, ныне утраченный, содержал перечень свыше 1438 книг и рукописей. ⁶¹ Второй список, являющийся сокращенным вариантом первого, упоминал 290 рукописей и непосредственно перечислял 62. ⁶²

«Каталог» знаменовал «новый шаг» в освоении автором методик фальсификации источников. Он составлен с учетом многих принципов, разработанных учеными в первые десятилетия XIX в. при подготовке справочных пособий. «Драгоценности» библиотеки распределены в нем по двум разделам: «На пергамене книги и свитки» («Рукописи на пергамене») и «Рукописи в книгах на бумаге». Каждая рукопись имеет в нем свой порядковый номер, выделенное заглавие, указывается количество ее листов, материал, на котором она написана, сообщается об имеющихся приписках, даются библиографические и иные сведения о входящих в нее сочинениях и т. д. Показательно и внимание Сулакадзева к палеографическим признакам рукописей. Об одной рукописи он сообщает, что «паргамент тонкий и, как атлас, гладкий, какой с 10-го века редко попадает»; о другой пишет, что в ней «буквы в паргамент врезало»; в третьей отмечает – «паргамент и почерк дают мысль точно XI века»; в четвертой – «паргамент старый, и видно много лет

была эта рукопись в употреблении»; в пятой – «письмо старинное без всяких правил и без расстановок»; в шестой – «в ней самый слог древнеславянский, церковный, всякого палеографа и археолога удовлетворить может» и т. д.⁶³ В «Каталоге» фигурирует даже рукопись из числа тех, «которые были кидаемы в огонь в 642 году по повелению калифа Омара, из Александрийской библиотеки», и далее, не удержав свою фантазию, Сулакадзев отмечает, что на ней сохранились «признаки сжигания сверху».

«Каталог» содержит перечень как действительно имевшихся в коллекции подлинных рукописей и произведений, в том числе с приписками Сулакадзева, так и полностью сфабрикованных им. Среди них – «Сборостар», «Родопись», «Ковчег русской правды», «Идолovid», уже известные нам «Гимн Бояну», «Перуна и Велеса вещания», «Молитвенник великого князя Владимира», «Вселетник» 1050 г., «Уставник», «Причник», «Канон» 1280 г. и др.

«Каталогу» не было суждено сыграть той роли, на которую рассчитывал автор. Стремившийся поспевать за развитием научных исторических знаний, Сулакадзев все-таки к концу жизни отстал от них безнадежно. В начале 30-х гг. было уже невозможно столь примитивно дурачить не только специалистов – знатоков рукописной литературы, но и сколько-нибудь образованного читателя, знакомого хотя бы с «Историей государства Российского» Карамзина. «Каталог» так и остался памятником примитивной изобретательности его автора.

Сулакадзев, как мог убедиться читатель, – один из главных «героев» нашей книги. Именно поэтому интересно проследить за мотивами и приемами изготовления его подделок. Из сказанного выше видно, что фальсификатор страстно желал видеть в коллекции «раритеты». Под последними он прежде всего подразумевал древние рукописи, а также источники со свидетельствами об их принадлежности историческим лицам. Сулакадзев также выдумывал события, лица, факты, стремясь с их помощью разрешить дискутировавшиеся в науке вопросы, а то и откровенно польстить кому-либо, будь то церковнослужители Валаама, Державин или Аракчеев. Можно спорить относительно того, что преобладало в его мотивах: честолюбие, меркантильные интересы или болезненное убеждение в своих возможностях с помощью фальсификаций установить историческую истину. Скорее же всего «творчеством» Сулакадзева руководили все эти, а может быть, и иные, неизвестные нам соображения. Нельзя не признать зато целого ряда оригинальных моментов в его приемах фабрикации подделок. «Книгореком» и «Каталогом» он как бы связал серию своих фальсификаций в единое целое, от чего должно было создаться впечатление их большей достоверности. Безусловно, от подделки к подделке Сулакадзев совершенствовал отдельные элементы техники своего производства с учетом реальных достижений науки. Его первая большая подделка – «Гимн Бояну» – в качестве первоочередного признака древности содержала бессмысленное слогонагромождение. То же самое можно сказать и относительно других фальсификаций, например «Оповеди». Иначе говоря, какое-то время Сулакадзев не придавал решающего значения палеографическим приметам, отдавая предпочтение «непонятности» текста, что открывало больше возможностей для его вольной и фантастической интерпретации.

Но время шло, и действительные открытия в русской и славянской письменной старине, успехи исторической науки заставляли фальсификатора быть осторожнее. Евгений Болховитинов, например, дал блестящий палеографический анализ подлинного памятника – грамоты князя Мстислава новгородскому Юрьеву монастырю, создав, по существу, целый трактат – пособие по палеографии.⁶⁴ Палеографические снимки почерков рукописей, филиграней стали неотъемлемой частью научных публикаций Румянцевского кружка. В 1823 г. появляется первое отечественное пособие по филигранологии – труд вологодского купца Ивана Лаптева «Опыт в старинной русской дипломатике», вскоре издается ряд аналогичных пособий.

И Сулакадзев становится более изобретательным. Он все шире начинает прибегать к фальсифицированным припискам на недатированных рукописях, надеясь, что с

помощью научных приемов анализа его «художества» не скоро обнаружатся. Он настолько уверовал в это, что без стеснения относит рукопись, например, XVIII в., написанную скорописью, к XII в., когда скорописи просто не существовало. Сами приписки Сулакадзев старается стилизовать под почерк подлинной рукописи, хотя делает это, как правило, в высшей степени неискусно. В этой связи необходимо упомянуть еще один его труд: «Буквозор самых древних, средних и последних времен... азбуки и письма».⁶⁵ В данном случае нельзя не отдать должного Сулакадзеву. В то время, когда ученые приступили к целенаправленному и систематическому сбору и публикации палеографического материала, он также решил не «отстать» от науки. Его замысел был не лишен остроумия: поняв, что неискусные подделки под древний почерк грозят возможным разоблачением, фальсификатор решил поставить изготовление своих фабрикаций на «научную» основу. В «Буквозоре» старательно срисованы наиболее характерные начертания букв разных времен и систем алфавита. По сути дела, им была составлена своего рода палеографическая таблица реальных графем. С ее учетом Сулакадзев старался подражать почеркам разного времени и даже изобретал никогда не существовавшие системы письма, в том числе и «рунического».

О том, что фальсификатор в конце концов осознал важное значение палеографических примет и других данных в удостоверении «подлинности» изделий, красноречиво говорит, например, то, как постепенно им усложнялась характеристика «Гимна Бояну». В описании, представленном Державину, фигурировал пергаментный свиток, исписанный красными чернилами «руническими» и греческими буквами. В «Книгореке» к произведению дается уже подробная аннотация и вводятся новые палеографические признаки: «Боянова песнь в стихах, выложенная им, на Словеновы ходы, на казни, на дары, на грады, на волхвовы обаяния и страхи, на Злогора, умлы и тризны, на баргаменте разном, малыми листами, сшитыми струною. Предревнее сочин[ение] от 1-го века, или 2-го века».⁶⁶ В «Каталоге» «Гимн Бояну» расцвечен новыми подробностями и признаками достоверности: «Боянова песнь Славену – буквы греческие и рунические. Время написания не видно, смысл же показывает лица около 1 века по Р. Х. или позднейших времен Одина. Отрывки оной с переводом были напечатаны Г. Р. Державиным под заглавием: „Чтение в Беседе Любителей Русского Слова“, 1812 г., в книге 6-й, стр. 5 и 6. В „Записках“ же императрицы Екатерины II на стр. 10 изд. 1801 г. изъяснено: „Славяне задолго до Рождества Христова письмо имели“, а по сказаниям Несторовым и иным видно, что они древние истории письменные имели. Равномерно в сочинении Зизания 1596 г. (в Вильне) – „Сказание, како состави св. Кирилл азбуку по языку словенску“ на стр. 29 значится: „Прежде убо славяне суще погани (язычники) чертами читаху и гадаху“. Драгоценный сей свиток любопытен и тем, что в нем изъясняются древние лица, объясняющие русскую историю, упоминаются места и проч.».⁶⁷ Как видим, теперь Сулакадзев снабдил описание «Гимна Бояну» уже целым «ученым трактатом», в котором для удостоверения подлинности фальшивки фигурируют такие авторы, как Зизаний, Екатерина II и Державин.

На этом можно было бы и завершить наш рассказ о Сулакадзеве, воздав ему должное за страсть к коллекционированию, осудив за фальсификации и подивившись странной, если не болезненной, увлеченности его этими делами. И все же рассказ будет неполным, если не остановиться на феномене, который можно назвать «синдромом Сулакадзева». Давняя народная мудрость гласит: «Единожды солгав, кто тебе поверит». Увы, в случае с Сулакадзевым эта мудрость подтверждается по меньшей мере трижды – именно столько нам известно случаев, когда Сулакадзеву легко и бездоказательно приписывали подделки, возможно и польстившие бы его честолюбию, но... принадлежавшие другим авторам.

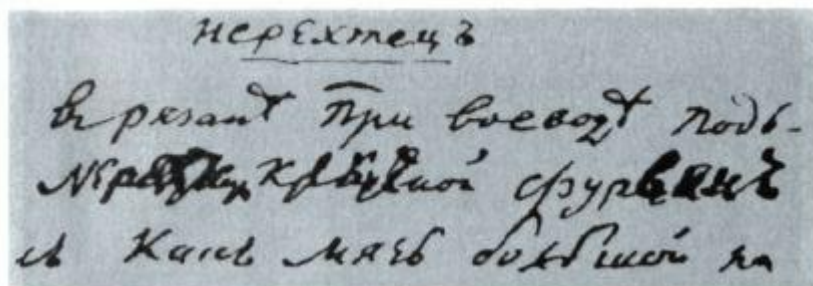
Среди многочисленных увлечений Сулакадзева особое место занимал интерес к воздухоплаванию и его истории. Фрагменты дневника фальсификатора, дошедшие до нас, наполнены выписками из газет и журналов начала XIX в. о воздушных полетах в разных странах и в разные времена. Видимо, в какой-то момент Сулакадзев решил

систематизировать накопленные им факты, создать если не специальный труд, то своеобразный справочник о всех известных ему полетах. Так возникла рукопись «О воздушном летании в России с 906 лета по Р. Х.», присоединенная им к другому аналогичному по характеру сведений и форме труду – «Хождения или путешествия россиян в разные страны света».⁶⁸

К реализации своего замысла Сулакадзев подошел со свойственным ему размахом. К «воздушным летаниям» он отнес даже данные фольклорных записей Сборника Кирши Данилова, например о полете Змея Тугариновича. Старательно штудировав публикации древнерусских источников, он выписывал из них все, что хотя бы в малейшей степени имело отношение к полетам – будь то сказание, легендарные сюжеты или реальные факты, имевшие место в прошлом. В рукописи есть данные о попытках воздушных полетов в России в XVIII в., извлеченные Сулакадзевым из дел рязанской воеводской канцелярии, а также ссылки на записки его деда Боголепова.

Аккуратно написанная, с минимальным числом поправок, рукопись Сулакадзева производит впечатление вполне добросовестного свода таких свидетельств. Благодаря наличию ссылок на использованные при ее подготовке материалы можно легко проверить каждый приводимый Сулакадзевым факт о воздушных полетах в России. Исключение составляют лишь дела Рязанской воеводской канцелярии и ныне неизвестные записки Боголепова. Приведем несколько образцов таких записей Сулакадзева. «992 года Тугарин Змеевич вышиною 3-х сажен, умел палить огнем. У Сафат реки замочило Тугарину крылья бумажные (?!). Падает Тугарин со поднебеси. – Древние российские стихотворения, 1804 г.»; «1724 года в селе Пехлеце Рязанской провинции: приказчик Перемышлева фабрики Островков вздумал летать по воздуху. Сделал крылья из бычачьих пузырей, но не полетел.. Из записок Боголепова»; «1745 года из Москвы шел какой-то Карачевец и делал змеи бумажные на шестинах, и прикрепил к петле. Под него сделал седалку и поднялся, но его стало кружить, и он упал, ушиб ногу и более не поднимался. Из записок Боголепова».⁶⁹

Эту работу Сулакадзева обнаружил в библиотеке известного коллекционера Березина-Ширяева историк воздухоплавания А. А. Родных. В 1901 г. он приобрел ее у наследников Березина-Ширяева и затем опубликовал в журнале «Россия».⁷⁰ Публикация не привлекла особого внимания. Зато спустя девять лет, когда все тем же Родных труд Сулакадзева был опубликован вторично, теперь уже фототипически,⁷¹ он получил более широкий резонанс: в том же году фотокопии отдельных страниц рукописи были выставлены в Мюнхенском музее истории науки и техники. В опубликованной рукописи сенсационным оказалось известие о том, что «1731 года в Рязане при воеводе подьячей нерехтец Крякутной фурвин сделал как мяч большой, надул дымом поганым и вонючим, от него зделал петлю, сел в нее, и нечистая сила подняла его выше березы, и после ударила его о колокольню, но он уцепился за веревку, чем звонят, и остался тако жив, его выгнали из города, он ушел в Москву и хотели закопать живого в землю или сжечь. Из записок Боголепова». Особый интерес к этой записи вполне понятен: речь шла о первой отечественной попытке устройства воздушного шара и полете на нем, попытке, опередившей более чем на пятьдесят лет аналогичные опыты братьев Монгольфье. Именно так сулакадзевское известие и было интерпретировано в предисловии Родных, подчеркнувшего, что Россия имела славные страницы в истории воздухоплавания, опережала в этом деле другие страны, но к началу XX в. оказалась в числе отстающих из-за препятствий, чинимых энтузиастам воздушных полетов.

Тетрадь Сулакадзева «О воздушном летании в России» стала использоваться как вполне авторитетное первое справочное пособие по истории отечественного воздухоплавания. Долгое время не вызывало никаких сомнений и приведенное здесь известие о полете Крякутного. Его имя вошло в одно из изданий Большой Советской Энциклопедии; в пору борьбы с «космополитизмом» он стал национальным героем, утвердившим отечественный приоритет в воздухоплавании. 225-летнему юбилею «полета» Крякутного была посвящена специальная почтовая марка, в Нерехте у памятника подъячому принимали в пионеры. В работе историка русской науки и техники Б. Н. Воробьева сообщение тетради Сулакадзева уже дополнялось новыми драматическими подробностями атеистической направленности. «Необходимо, – писал он, – разыскать... документ из истории русского воздухоплавания, хранившийся до 1935–1936 гг. в одной из церквей города Пронска (Рязанской области). В этой церкви хранилась особенная книга, относящаяся к XVIII в. По ней в известные дни провозглашалась „анафема“ (проклятие) согрешившим чем-либо против религии. В данной книге в числе подлежащих анафеме значился и подъячий Крякутной, совершивший „греховную“ попытку летать».⁷²

В сферу научного изучения тетрадь Сулакадзева с записью о Крякутном вновь попала в начале 50-х гг. нашего (т. е. XX. – *Ред.*) века, когда она поступила в Рукописный отдел Библиотеки Академии наук СССР. Тетрадь оказалась как нельзя кстати в связи с развернутой тогда работой над фундаментальным изданием сборника документов «Воздухоплавание и авиация в России до 1917 г.». При непосредственном знакомстве с рукописью составители сборника и сотрудники Библиотеки Академии наук обнаружили исправление в записи о Крякутном. Результаты фотоанализа показали, что первоначально здесь вместо «нерехтец» читалось «немец», вместо «Крякутной» – «кршеной» (то есть крещеный), вместо «фурвин» – по всей видимости, фамилия крещеного немца – «Фурцель». Итак, первоначальная запись, оказывается, имела совсем иной смысл: некий крещеный немец, по имени Фурцель, поднялся в Рязани на воздушном шаре, наполненном дымом.

Марка, выпущенная в СССР в честь «полета» подъячего «Крякутного»

Прочитанная заново подлинная запись, конечно, наносила болезненный удар по патриотизму составителей сборника «Воздухоплавание и авиация в России до 1917 г.». Приходилось выбирать: или в интересах науки прямо сказать, что не существовало подъячего Крякутного, или, как в свое время Родных, умолчать об имеющихся в рукописи исправлениях. Составители нашли иной и прямо-таки достойный выход: в примечании к публикации записи о Крякутном они невинно заметили, что в «записи за 1731 г., рассказывающей о подъеме рязанского воздухоплавателя (все так – и Фурцель, и Крякутной могут быть названы «рязанским воздухоплавателем». – В. К.), имеются некоторые исправления (и это так. – В. К.), затрудняющие прочтение части текста, относящейся к лицу, совершившему подъем (а это уже, мягко говоря, натяжка, граничащая с недобросовестностью. – В. К.)».⁷³

Но уже спустя два года после выхода названного сборника появилась статья сотрудника Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, в которой все было поставлено на свое место.⁷⁴ Правда, легендарный Крякутной и после этого регулярно всплывал на свет божий в качестве реального исторического лица (например, в романе В. Пикуля), хотя эпизод с рукописью Сулакадзева стал классическим примером фальсификаций в лекциях и пособиях по палеографии.

И все же на этом история с рукописью «О воздушном летании в России» не заканчивается. В. Ф. Покровская, автор статьи о результатах фотоанализа, вполне определенно заявила, что исправления в рукописи были сделаны самим Сулакадзевым. Однако такой вывод не подтвержден палеографическим анализом. В данном случае сработал «синдром Сулакадзева».

Не может быть использован в качестве довода и аргумент о мотивах подделки. Главная цель очевидна: автор стремился доказать приоритет россиянина в полетах на воздушном шаре. Однако в равной мере этим могли руководствоваться и Сулакадзев, и позднейшие владельцы его рукописи, например Родных.

В предисловии мы упомянули о «Влесовой книге», или «Дощечках Изенбека». Примечательно, что автор первой статьи в нашей стране, разоблачившей эту фальшивку, – Л. П. Жуковская – заявила о ее принадлежности перу Сулакадзева.⁷⁵ В той или иной степени этой точки зрения придерживались долгое время и другие ученые, пока не стало ясно, что «Влесова книга» – изделие ее комментатора и издателя Ю. П. Миролубова. И в этом случае сыграл свою роль «синдром Сулакадзева». Пожалуй, единственное, что связывает «Дощечки Изенбека» с Сулакадзевым, – это фальсифицированная запись в «Книгореке» о «буковых досках», которая и могла послужить толчком для подделки Миролубова.

Наконец, третий раз «синдром Сулакадзева» заявил о себе в статье историка Н. Н. Воронина о подделанном «Сказании о Руси и о вещем Олеге». Этой подделке посвящена специальная глава нашей книги, поэтому здесь мы лишь скажем, что Воронин, определяя авторство «Сказания», уверенно, но без каких-либо оснований связал его с именем Сулакадзева.⁷⁶ Таким оказался своеобразный авторитет этого фальсификатора, и сегодня невольно довлеющий над исследователями. Случается, что и с помощью подлогов можно оставить о себе память в истории. Кому что нравится – скажем мы в заключение.

1 Наиболее полную библиографию работ о нем см.: *Ревзин Л. Я.* Бессмертный Сулакадзев // Рус. лит. 1979. № 3.

2 *Козлов В. П.* Новые материалы о рукописях, присланных в конце XVIII в. в Синод // *Археограф. ежегодник за 1979 г.* М., 1981. С. 87.

3 ОР РГБ. ф. 96. Д. 14. Л. 35.

4 Впрочем, эти штампы можно рассматривать и как очередную, трудно объяснимую мистификацию А. И. Сулакадзева – указание на год его рождения, а не на принадлежность книг и рукописей отцу.

5 ОР РГБ. Ф. 96. Д. 27. Л. 18; Д. 87. Л. 177.

6 СПбИИ. Колл. 238. Оп. 2. Д. 149/1.

7 *Протасов А. П.* Из записей и воспоминаний протоиерея Г. П. Смирнова-Платонова // Рус. архив. 1897.

- 8 Д[митрий] Я[зыков]. Оригинальный русский антиквар // Рус. вестн. 1898. Т. 256. С. 327.
- 9 Там же. С. 238.
- 10 Цит. по: Корабли мысли: Зарубежные писатели о книге, чтении, библиотеках: Рассказы, памфлеты, эссе. М., 1980. С. 69–70.
- 11 Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке... // Сб. ст., чит. в Отд-нии рус. яз. и словесности АН. СПб., 1873. Т. 5. Вып. 2. С. 391–392.
- 12 *Пытин А. Н.* Подделки рукописей и народных песен // Памятники древней письменности. СПб., 1898. Т. СХХVII. С. 6–7.
- 13 *Полонская И. М.* Книги из библиотеки и с автографами Ф. В. Каржавина в собрании Отдела редких книг // Труды ГБЛ им. В. И. Ленина. М., 1978. Т. 14. С. 13–164.
- 14 *Козлов В. П.* Новые материалы о рукописях, присланных в конце XVIII в. в Синод. С. 87–88.
- 15 Описание рукописей князя Павла Петровича Вяземского. СПб., 1902. С. 33.
- 16 *Сперанский М. Н.* Русские подделки рукописей в начале XIX в. (Бардин и Сулакадзев) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. V. С. 63.
- 17 Там же. Примеч. 2.
- 18 ОР БАН. 24. 5. 38, оборот верхней крышки переплета.
- 19 *Барсуков Н.* Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 237–238.
- 20 Подробнее см.: *Козлов В. П.* О рукописях П. Я. Актова // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1982. Л., 1984. С. 124–127.
- 21 *Березин-Ширяев Я.* Николай Павлович Дуров // Библиограф. 1887. № 1. С. 7.
- 22 Там же. С. 5–6.
- 23 См., например: Известие об аудиенции кн. Антиоха Кантемира при французском дворе в 1738 г. // Отечеств. зап. 1826. № 7. Ч. 28. С. 202–203.
- 24 СПб.ИИ. Коля. 238. Оп. 1. Карт. 149. Д. 2а. Л. 13.
- 25 *Державин Г. Р.* Рассуждение о лирической поэзии // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1872. Т. 7. С. 585–587.
- 26 РГБ. Ф. 211. Карт. 3623. Д. 3.
- 27 Цит. по: *Пытин А. Н.* Подделки рукописей и народных песен. С. 2.
- 28 Там же. С. 3.
- 29 Там же. С. 4.
- 30 Там же.
- 31 *Лотман Ю. М.* «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII–начала XIX в.: Слово о полку Игореве – памятник XII века. М; Л., 1962. С. 403.
- 32 О песнопевце Игореве // Сын Отечества. 1821. Ч. LXXII. С. 34–37. Статья без подписи.
- 33 *Болховитинов Е.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина. 2-е изд. СПб., 1827. С. 58–59.
- 34 *Сперанский М. Н.* Русские подделки рукописей в начале XIX в. С. 91–92.
- 35 *Огиенко И. И.* Молитвенник князя Володимера Великого 999 року // Стара Україна. Львів, 1925. Кн. V.
- 36 Отечественные записки. 1841. № 5.
- 37 *Сперанский М. Н.* К истории русских рукописных подделок // Доклады АН СССР: Сер. В. Л., 1928. № 9. С. 183.
- 37 *Вяземский П. П.* Монастыри на Ладожском и Кубенском озере: Памятники древней письменности. СПб., 1881. Кн. 1. С. 19.
- 39 *Сперанский М. Н.* К истории русских рукописных подделок. С. 183–190.
- 40 *Он же.* Русские подделки рукописей в начале XIX в. С. 93.
- 41 Там же.
- 42 Там же. С. 94–95.
- 43 Там же.
- 44 Там же. С. 99.
- 45 Там же.
- 46 Там же. С. 100.
- 47 ЛОИИ. Колл. 238. Оп. 1. Карт. 149. Д. 2а. Л. 74–75 об.
- 48 БАН. Собр. текущих поступлений. № 637. Л. 1–5.
- 49 Там же. 24.5.38. С. 119; ЛОИИ. Колл. 238. Оп. 2. Карт. 149. Д. 2. Л. 1–8.

- 50 В настоящее время местонахождение рукописи этого труда Сулакадзева неизвестно. В 1889 г. она еще хранилась в Валаамском монастыре. – См.: *Шляпкин И.* Рукописи Валаамского монастыря // Библиограф. 1889. № 10–11. С. 199.
- 51 ОРРГБ. Ф. 96. Л. 17.
- 52 Переписка А. Х. Востокова. С. 390.
- 53 Там же. С. 391–392.
- 54 Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1841. Ч. 2. С. 59; Остров Валаам и тамошний монастырь. СПб., 1852. С. 11.
- 55 Журнал Московской Патриархии. 1974. № 12.
- 56 Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина, собранные и отредактированные проф. Д. И. Багалеем. Харьков, 1910. С. 553–556.
- 57 *Калайдович К. Ф., Строев П. М.* Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке... графа Федора Андреевича Толстого. М., 1825.
- 58 *Пытин А. Н.* Подделки рукописей и народных песен. С. 8.
- 59 В его «Летописце» за 1818 г. содержится запись: «Книги запрещены собором 1551: Адам, Енох; Сифова молитва. Адамль завет; Варфоломеевы вопросы о Соломоне; Китовраси; Еунатиевы муки; ...мартолой, Остролог, Остропомиа, Чаровник, Громник, Молнияник; ...Коледник, Метание, Мысленик; Сносудец; Волховник; Звездочетец, Путник, Рафли, Шестокрыл, Воронограй, Зодей, Алио-пах, Аристотелевы врата, Злоструй; Глубина; Криница, Жидовин, Лоб Адамль». Здесь же – отсылки на Стоглав, Карамзина и Калайдовича. – ОР РГБ. М. 2638. Л. 25.
- 60 *Пытин А. Н.* Подделки рукописей и народных песен. С. 10–13.
- 61 *Макаренко М.* Молитвенник великого князя Володимера и Сулакадзев // Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности АН СССР. Л., 1928. Т. CI. № 3. С. 486; *Сперанский М. Н.* Русские подделки рукописей в начале XIX в. С. 90–98.
- 62 РГБ. Ф. 310. Д. 871. Опубликовано: *Сперанский М. Н.* Русские подделки рукописей в начале XIX в. С. 90–98.
- 63 Там же. С. 91–94.
- 64 *Евгений Болховитинов.* Примечания на грамоту великого князя Мстислава... // Вестн. Европы. 1818. № 15–16. С. 201–255.
- 65 ОР РГБ. Ф. 96. Д. 54. См. также: Библиографические заметки и указатель новых книг // Рус. филолог. вестн. 1884. № 4. С. 337–338.
- 66 *Пытин А. Н.* Подделки рукописей и народных песен. С. 12.
- 67 *Сперанский М. Н.* Русские подделки рукописей в начале XIX в. С. 90–91.
- 68 ОР БАН. № 637.
- 69 *Воробьев Б. К.* Рукопись А. И. Сулакадзева «О воздушном летании в России» как источник историографии по воздухоплаванию // Труды по истории техники. М., 1952. Вып. 1. С. 122–127.
- 70 Россия. 1901. №889.
- 71 *Родных А.* Старинные опыты воздухоплавания в России//Вестн. воздухоплавания. 1913. № 3. С. 11.
- 72 *Воробьев Б. Н.* Рукопись А. И. Сулакадзева. С. 127.
- 73 Воздухоплавание и авиация в России до 1917 г.; Сб. документов и материалов. М, 1956. С. 13.
- 74 *Покровская В. Ф.* Еще об одной рукописи А. И. Сулакадзева. (К вопросу о поправках в рукописных текстах) // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. XIV. С. 634–636.
- 75 *Жуковская Л. П.* Поддельная докириллическая рукопись. (К вопросу о методе определения подделок) // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 114. См. наст. изд., с. 37.
- 76 *Воронин Н. Н.* «Сказание о Руси и о вечем Олзе» в рукописях А. Я. Артынова. (К истории литературных подделок начала XIX в.) // Археограф. ежегодник за 1974 г. М. 1975. С. 183.

Библиографическая справка

- Творогов О. В.* К спорам о «Велесовой книге». – Статья написана для настоящего издания.
- Жуковская Л. П.* Поддельная докириллическая рукопись. (К вопросу о методе определения подделок). – Статья впервые опубликована: «Вопросы языкознания». 1960. № 2. С. 142–144.
- Буганов В. И., Жуковская Л. П., академик Рыбаков Б. А.* Мнимая «древнейшая летопись». – Статья впервые опубликована: «Вопросы истории». 1977. № 6. С. 202–205.

- Творогов О. В.* Что же такое «Влесова книга»? – Статья впервые опубликована: «Русская литература». 1988. № 2. С. 77–102.
- Творогов О. В.* Язык «Влесовой книги». – Фрагмент статьи: *Творогов О. В.* Влесова книга // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1990. Т. 43. С. 170–254. Фрагмент на с. 227–232 этого издания.
- Алексеев А. А.* Опять о «Велесовой книге». – Статья впервые опубликована: «Русская литература». 1995. № 2. С. 250–254.
- Данилевский И. Н.* Попытки «улучшить» прошлое: «Влесова книга» и псевдоистории. – Фрагмент книги: Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1999. С. 314–326, 387–388.
- Алексеев А. А.* Книга Велеса: анализ и диагноз. – Статья впервые опубликована: «Русская литература». 2002. № 4. С. 199–207.
- Козлов В. П.* «Дощечки Изенбека», или Умершая «Жар-птица». – Глава 7 книги: Козлов В. П. Обманутая, но торжествующая Клио: Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М., 2001. С. 87–105, 215–217.
- Соболев Н. А.* Деструктивность фальсификатов древнерусской книжности. – Статья впервые опубликована: Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2002. № 2(8). С. 87–90. Для настоящего издания статья дополнена и переработана.

Приложение

- Козлов В. П.* Хлестаков отечественной «археологии», или три жизни А. И. Сулакадзева. – Глава 11 книги: Козлов В. П. Тайны фальсификации: Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. М., 1996. Изд. второе. С. 155–185, 265–267.